

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 29–30 апреля 2019 г.)**

Выпуск 15

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 93/99 + 327(082)

ББК 63 + 66

В74

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, зав. каф. В.П. Румянцев, д-р ист. наук, проф. Е.В. Хахалкина, д-р ист. наук, зав. каф. Д.Н. Шевелев, д-р ист. наук, проф. В.В. Шевцов, канд. ист. наук, доц. Г.Н. Алишина, канд. ист. наук, доц. О.В. Богданова, канд. ист. наук, доц. Д.С. Коньков, канд. ист. наук, доц. С.Н. Мирошников, канд. ист. наук В.В. Расколец, канд. ист. наук, доц. С.А. Шевченко, канд. ист. наук, доц. С.М. Юн, канд. ист. наук, доц. Н.А. Глушенко, ст. преп. И.П. Глызин, преп. К.П. Андреев, ст. преп. Н.В. Захарова, науч. сотр. МАЭС НИ ТГУ Е.В. Барсуков, ассистент С.Д. Джанызакова, магистрант К.И. Попова

**В74 Вопросы истории, археологии, политических наук
и регионоведения** : сборник материалов XV Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 29–30 апреля 2019 г.). – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – Вып. 15. – 326 с.

ISBN 978-5-94621-826-9

Представлены материалы XV Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, прошедшей на факультете исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета 29–30 апреля 2019 г. Исследуются малоизученные и актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории, методологии истории, теории и практики современных международных отношений, археологии и краеведения, социальной антропологии и документоведения.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов и всех интересующихся проблемами исторических и политических наук.

УДК 93/99 + 327(082)

ББК 63 + 66

ISBN 978-5-94621-826-9

© Авторы статей, 2019

© Томский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Блохина И.П., Мельниченко А.С. Советские и российские историки о причинах потерь архивных документов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	9
Войтикова В.А. Политические концепты в речи М.С. Горбачева на XXVII съезде КПСС как средство в определении общественных проблем	13
Вячистый Д.Д. Томское губернское жандармское управление в контексте Революции 1905–1907 гг.	15
Захаров А.А. Возможности уклонения от фабрично-заводского законодательства Российской империи в освещении первого набора фабричных инспекторов (1882–1886)	19
Иванюк Ю.Д. Сибирь и сибиряки в русско-японской войне 1904–1905 гг.	23
Кирьянов В.П. Оптические артиллерийские прицелы в сухопутных войсках СССР и Германии в 1941–1945 гг. как фактор эффективности ведения боевых действий	27
Макаров И.В. «Большая игра» в 1880–1890-х гг. в отражении газеты «Туркестанские ведомости»	31
Михайлицина Е.А. Сибирские исследования в англоязычной научной периодике	35
Мукасейев К.Е. Репрезентации празднования Международного женского дня на страницах газеты «Советская сибирь» 1920–1930-х гг.	39
Соловьева А.А. Феномен экопоселений в современной России	43
Соловьева А.С. Отражение партизанского движения Отечественной войны 1812 г. в источниках личного происхождения	47
Соснерж К.А. Административное устройство народов Сибири в первой четверти XIX в. в отечественной историографии	51
Третьяков В.А. Кризис советской экономики в публикациях и читательских письмах газеты «Комсомольская правда» (январь–март 1990 г.)	56
Шишкин Д.В. Партийный состав Военно-социалистического союза в Томске	39

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРСЫ, ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. НОВЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ И ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ

Амосова А.С. Формирование модели женской греховности в дискурсивном поле карolingских историков	62
---	----

Барткова Н.В., Пентегова О.Ю. Трансформация восприятия женской субъектности на примере персонажа Барбареллы	66
Быханова А.А. «Потому что дьявол-философ» – идейный контекст в «Парижском хозяине»	70
Грекова И.Д. Образ будущего в произведении В. Итина «Страна Гонгúри» (1922) как составная часть новой политической идентичности	74
Демьянов К.В. Трансформация исторической памяти на примере топонимики Новосибирска и Омска (1987–1991 гг.): сравнительный анализ	78
Ильина А.В. Квартирный вопрос и способы его разрешения в годы Революции и Гражданской войны в Иркутске	82
Кастаракова Ю.В. Первые поселения на месте города Мыски	87
Кутурова А.Д. Трансформация образа Японии в советских учебниках истории как показатель идеологической ориентированности школьного образования	90
Михайлова А.М. Понятие «свобода» в «Речи о достоинстве человека» Пжовани Пико делла Мирандола в современной историографии	94
Мунько А.В. «Места памяти»: опыт переложения теории П. Нора на монгольское общество середины XIII века	98
Хворова Д.А. «Записки» Ибн-Фадлана в свете научных исследований прошлого и настоящего	102
Шишкин К.О. Образ становления российской государственности (1462–1613) в образовательной политике СССР и России	107
Шматов М.Ю. Образы прошлого в мобилизационной политике СССР: конструирование и восприятие в 1930-е гг.	110
Юрина А.М. Эсхатология в «картинке»: вопросы изучения старообрядческого печатного издания «Малый Соборник»	114

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОГНОЗЫ

Огнерубова Ю.А. Правовое регулирование электронной торговли: в новый мир по старым правилам	120
Соколовская Р.О. К вопросу о репрезентации образа врача в дискурсе сериала	124
Тиунова Я.В. Женщины в IT: томский кейс	128
Тихонова А.В. Смартфон в современной жизни: зависимость или необходимость	132

Черепанова С.А., Поправко И.Г. Доверие vs Контроль: представления о будущем в связи с развитием технологий (по материалам пилотного исследования в г. Томске)	136
--	-----

Чуклай А.И. К-pop cover dance и сетевое поколение: влияние и формы реализации на сцене и в жизни	140
---	-----

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гайль А.А. Особенности заключения браков среди русского населения Тымского прихода (Каргасокский район Томской области) по данным метрических книг	146
---	-----

Дзюба В.С. Нарымский край первой половины XVIII века по сведениям Д.Г. Мессершмидта	150
--	-----

Зограф А.А. Использование двустворчатых моллюсков в эпоху неолита и энеолита на территории Верхнего Приобья	154
--	-----

Ларочкин А.А. Демографическая ситуация в Центральной Барабе в эпоху ранней бронзы	158
--	-----

Плотникова Е.В. Отражение периода Гражданской войны на жизни банковских служащих г. Иркутска в 1918–1920 гг.: на примере Банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой и Иркутского отделения Московского народного банка	162
--	-----

Саблин М.Н. Этапы обретения «Я». Самодийцы и обские угры	166
---	-----

Савко И.А. Кластерный анализ декора сосудов федоровской культуры Верхнего Аляя	170
---	-----

Стручкова М.В. Атрибутика тувинского шамана (по полевым материалам)	176
--	-----

Тухель А.А. Топонимика тюрков и русских Притомья: этнические процессы на рубеже XIX–XX веков	180
---	-----

Чичурко Я.В. Серп и молот против креста и бубна: по материалам газеты ЯНАО «Красный Север» (1933–1991 гг.)	184
---	-----

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ КАК ДРАЙВЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Денисов С.Е. Периодическая печать как документ эпохи: история движения студенческих строительных отрядов вузов Томска на страницах газеты «Красное знамя»	188
--	-----

Киселева О.Р. Документальные источники становления и развития подводного спорта в Томске в 60-х гг. XX в. (по материалам спортивного клуба аквалангистов Томского государственного университета)	191
---	-----

Пономарёв Н.В. Воспоминания Н.Ф. Тюменцева о Великой Отечественной войне (1941–1945) как исторический источник	194
---	-----

Сенють В.Г. Образ преподавателя университета глазами студентов ТГУ	198
---	-----

Штополь Е.А. Проблемы партийной организации Томского университета на рубеже 1920–1930-х гг.	203
---	-----

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ / ЛОКАЛИЗАЦИЯ. УНИВЕРСАЛИЗМ / ЛОКАЛЬНОСТЬ

Айткешов Н.М. Казахстан – Россия: торговые связи	207
---	-----

Базуева Ю.Г. Энергетическая безопасность Армении в контексте евразийской интеграции	210
--	-----

Вахью И Гэдэ Багус Крисна. Роль методов кибервойны как средства противоборства в современной прокси-войне	214
--	-----

Галиева Э.Р. Факторы развития отрасли электротранспорта в Китае	218
--	-----

Ганжа Д.В. Проблема атомной энергетики Тайваня: история и современное состояние	222
--	-----

Дуангкео Випхакхон. Отношения России и стран АСЕАН в сфере инвестиций	226
--	-----

Кадралиева А.Т. Проекты развития малого и среднего бизнеса в Кыргызстане, финансируемые международными организациями	229
---	-----

Мировидов А.А. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся в ЕАЭС	232
---	-----

Приймак К.А. Проблемы торговли между КНР и странами ЕАЭС	234
---	-----

Пхуттхавонг Латсадапхон. Торговые отношения России со странами АСЕАН	237
---	-----

Таалайбек кызы Жанара. Проблема транзитных перевозок китайских товаров через Кыргызстан	239
--	-----

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключихин И.О. Миграционные процессы и коэффициент интеллекта	242
---	-----

Кружилин С.Д. Факторы, влияющие на эмиграционные интенции студентов ТГУ	245
--	-----

Кузьмина А.А. Дебаты о содержании понятия «европейская идентичность» в отечественной и зарубежной историографии	248
--	-----

Полторанина Е.А. Роль миграционного фактора в итогах голосования по проекту Евроконституции во Франции в 2005 г.	253
Попова К.И. Из Африки в Европу: путь в никуда	256
Хасанов Р.Р. Дискуссия об австрийском панславизме в российской прессе в начале 1880-х гг.	260
Чупин М.Ю. Справочные книги Переселенческого управления как пространство формирования идентичности переселенцев	264

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ: РЕАЛИИ И МИФЫ PAX AMERICANA

Александров С.Н. Ядерное разоружение Казахстана как интерес США (1990-е гг.)	269
Буклова Т.В. Межрасовые отношения в армии США во время Вьетнамской войны 1964–1975 гг. на начальном этапе войны 1965–1967 гг.	273
Вагнер М.А. Трансформация образа Линкольна в прессе штата Теннесси: от президентских выборов 1860 года к началу Гражданской войны в США 1861–1865 гг.	277
Палей Д.А. Развитие института законодательных действий Национальной стрелковой ассоциации с 1975 по 1999 г.	281
Рогасева И.Е. История эпидемий в первых колониальных поселениях Новой Англии XVII в. в фокусе современной американской экологической историографии	285
Третьяков В.А. Стратегия Коммунистической партии США на президентских выборах 1928 года	289

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР, ЭТНОСОВ И РЕЛИГИЙ

Ахмаджанов Д.Д. Исламофобия в современном мире	293
Большанина Д.В. Социальный характер израильского здравоохранения	295
Бутина А.А. Саудовский город Неом: проблемы и перспективы развития	298
Дунаев В.А. Отражение истории западно-семитских племен и народов в Ветхом Завете	302
Кокарева И.А. Комментарии Пинхаса Полонского и Дмитрия Щедровицкого к текстам Книги Бытия: отношения Исава и Иакова как взаимосвязь цивилизаций	305
Колотовкина А.С. Роль международных организаций в урегулировании вопросов прав женщин в современном Иране	308

Петракова А.С. Особенности национального воспитания: образовательные практики российских евреев как фактор конструирования идентичности	312
--	-----

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Blokhina I.P., Melnichenko A.S. The Soviet and Russian historians about the reasons of losses of archival documents in days of the Great Patriotic War (1941–1945)	316
---	-----

Dorkina A.V. Post-Soviet vs. New East: the inland other for the “West”	319
---	-----

Ivanova V.V., Beloglazova E.O. Document management as part of social communication	322
---	-----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

И.П. Блохина, А.С. Мельниченко

СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ О ПРИЧИНАХ ПОТЕРЬ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Н.И. Наумова

В статье рассматриваются основные причины гибели документов в годы Великой Отечественной войны. На основании мнений советских и российских историков, занимавшихся данной проблематикой, сделан вывод о том, что в советское время основная вина возлагалась на действия оккупантов, однако с периода распада СССР ученые стали выделять иные причины, такие как неверные решения властей в отношении функционирования системы архивов, непродуманная эвакуация, плохие условия хранения архивных документов.

Ключевые слова: архивы, эвакуация, Великая Отечественная война.

Современные историки-архивисты сходятся во мнении, что начало войны было ознаменовано не только большими людским и материальным потерями, но и потерями архивных документов. Только на начальном этапе было утрачено огромное количество бесценных документов, которые находились в прифронтовой полосе. В настоящее время в научном сообществе остается дискуссионным вопрос о том, что же послужило причиной гибели архивов и уникальных документов в годы войны, не смотря на широко развернувшуюся эвакуацию научных центров.

Советские исследователи в качестве главной причины массовой потери документов называли действия оккупантов. Один из сторонников данной позиции историк-архивист В.В. Максаков сделал вывод о том, что немецкая армия на оккупированных территориях европейских стран и СССР непременно стремились захватить архивы, вывезти их в Германию, либо уничтожить. В результате вражеского нашествия почти полностью были истреблены фонды государственных архивов Сталинградской, Воронежской, Черниговской областей [1. С. 385–392]. В.В. Максаков неоднократно подчеркивал, что немцы придавали большую значимость документам Советского Союза, особенно тем, которые несли историческую

ценность: карты, книги Киевского, Волынского, Подольского воеводства, бумаги Киевской губернской канцелярии и других фондов. Из Центрального государственного архива Эстонской ССР было направлено в Германию около 200 тыс. ед. хр. [1. С. 385–392]. Всего из СССР было вывезено около 24 вагонов, 6 ящиков, 47 связок, 130 150 ед. хр. фотодокументов, 2 723 200 ед. хр. [2. С. 59]. Таким образом, в советской историографии в качестве главной причины называлась именно деятельность армии противников.

В 1990-е гг., под влиянием изменений в общественно-политической жизни страны и новых веяний в науке, появляются работы историков-архивистов, содержащие иной взгляд на данную проблему. Т.И. Хорхордина обратила внимание на процесс передачи архивов в ведение органам НКВД. По её словам, НКВД стремился полностью подчинить архивы и не дать им развиваться в рамках союзно-республиканской Академии наук [3. С. 243–244]. Архив стал органом контроля: архивисты выполняли «оперативно-чекистские» цели. Сотрудники архивов были вынуждены заниматься выявлением сведений о контрреволюционных элементах и составлением списков-справочников [4. С. 28–29]. В это время необходимость в сохранности архивов ушла на второй план. Одной из главных задач архивистов стало строжайшее сохранение государственных секретов [5. С. 50]. Под руководством НКВД была частично выведена из строя архивная система. Архивы были постепенно интегрированы в командно-административную, ведомственную систему управления обществом, а затем полностью поглощены тоталитарным режимом [3. С. 180].

Действия НКВД порождали еще одну проблему. Со сменой руководства в Главном архивном управлении (далее ГАУ) произошла «чистка» кадров, в результате которой с должностей снимались беспартийные сотрудники. Их места заняли партийцы, большинство которых не имело высшего образования. Архивы лишились высококвалифицированных специалистов, которые могли провести грамотную эвакуацию. Как указывал начальник отдела кадров ГАУ А.К. Щербаков, из 445 начальников архивных отделов, отделений, НКВД республик, УНКВД (управление Народного комиссариата внутренних дел) краёв и областей, а также директоров госархивов только 90 человек имели высшее образование [3. С. 250]. Также в архивах ощущалась острая нехватка штатных сотрудников. Так, например, в Сталинградском облгосархиве значилось 34 сотрудника, но фактически работало 10 человек [4. С. 31]. Из-за нехватки кадров в годы войны должным образом не осуществлялась работа с архивами, вследствие чего было утеряно большое количество документов при эвакуации.

Из-за передачи архивов в ведение НКВД не были предприняты меры по подготовке документов в случае чрезвычайной ситуации. Накануне войны выходили публикации историков-архивистов (И. Назин, Н. Семин и др.) о необходимости продумывания эвакуации архивов с опорой на опыт Первой мировой войны, но власти не уделили этому должного внимания. Вследствие чего во время экстренной эвакуации все действия осуществлялись в спешке, а документы находились в хаотичном состоянии [6. С. 1]. Из-за большого объема работы архивисты физически не успевали подготовить все архивные фонды к транспортировке. Е.В. Булюлина отмечала, что многие начальники райотделений НКВД и руководители учреждений не принимали необходимых мер к эвакуации и обеспечению сохранности районных архивов [4. С. 30]. Из-за постоянной угрозы немецкого наступления, нехватки транспорта и работников, замедленных действий власти (только 5 июля 1941 г. было принято постановление «Об эвакуации архивов») документы не были эвакуированы в полной мере. По данным О.Н. Копыловой из Центрального государственного архива было эвакуировано около 70% документов, однако из прифронтовой части не было вывезено и 7% [7. С. 83]. Представленные данные указывают, что эвакуирована была лишь только малая часть архивов.

17 ноября 1941 г. И.В. Сталиным был подписан указ № 428 «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск» [8]. Так вместе с населенными пунктами уничтожались и архивы. Эта ситуация продолжалась в 1941–1942 гг. и имела место на всей европейской территории СССР. Таким образом, значительная часть архивных документов, которую не успели эвакуировать, была уничтожена.

В это же время НКВД проводило «чистку» архивов для выявления документов, утративших научно-историческую ценность. Так, Т.И. Хорхордина отмечала, что на 5 апреля 1942 г. в 70 наркоматах и центральных учреждениях к началу войны хранилось 8 243 353 ед. хранения, а к уничтожению было отобрано 4 461 397 ед. хранения, то есть примерно половина [3. С. 269]. Историки сходятся во мнении, что именно из-за этих процессов погибла большая часть документов.

Даже если документы удавалось эвакуировать, появлялась проблема их дальнейшего хранения. Здания, куда свозились документы, не были подготовлены к их размещению. Иногда документы не довозили до места назначения. В августе 1941 г. вместо эвакуации архивов в Уфу 1 500 мешков были свалены в деревенской конюшне в 50 км от места назначения. Осенью часть материалов была продана, а остальное сгнило под открытым небом [3. С. 270]. Большой вред архивам наносили и гры-

зуны. Попытки решить данную проблему ни к чему не привели. Также документы подвергались расхищению. В Красноармейском районе часть архива оказалась брошенной на произвол судьбы и подверглась почти полному уничтожению и разворовыванию, хотя немцев в этих районах не было [4. С. 31]. Таким образом, отсутствие четкого плана эвакуации, непоследовательность действий руководства стали одним из главных факторов гибели многих архивных документов.

Таким образом, можно сделать вывод, что существовали различные причины потери документов. Ряд исследователей видели главную причину массовой гибели архивов именно в действии оккупантов. Но факты свидетельствуют, что политика советской власти тоже нанесла значительный урон архивам. Не был заранее определен план эвакуации и хранения документов в чрезвычайной ситуации, проведение репрессивной «чистки» кадров и халатное уничтожение документов – все это привело к невосполнимым потерям.

Изучение темы дает представление о месте и значении архива в государственной системе, политике государства и его деятельности, умении подготовиться к чрезвычайным ситуациям, в том числе в современных условиях, учитывая прошлые ошибки.

Литература

1. *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1969.
2. *Савин А.В.* Хранить нельзя уничтожить. Формирование и организация государственного архивного фонда РСФСР – СССР. 1918–1950-е годы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000.
3. *Хорхордина Т.И.* История и архивы. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1994.
4. *Булюлина Е.В.* Сталинградские архивы 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. 2006. № 3. С. 28–32.
5. *Вовкотруб О.В., Фионова Л.Р.* Архивоведение: учебное пособие. Пенза: Пензенский гос. унт. 2005.
6. *Боброва В.С.* Сибирь как база для эвакуации архивных документов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3. С. 58–66.
7. *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
8. *О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск [Электронный ресурс]: приказ от 17 ноября 1941 г. № 428.* // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_Ставки_ВГК_от_17.11.1941_№_428 (дата обращения: 21.04.2019).

В.А. Войткова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В РЕЧИ М.С. ГОРБАЧЕВА НА XXVII СЪЕЗДЕ КПСС КАК СРЕДСТВО В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

В статье предпринята попытка выделения и анализа основных концептов политического доклада М.С. Горбачева на XXVII съезде КПСС, посвященного формулировке проблем и задач развития советского общества, внутренним и внешним вызовам ему. Для осуществления текстовой аналитики применена программа «Voyant tools», посредством которой возможно определить частоту определенных слов в большом тексте, а также его контексты (слова стоящие слева и справа от определяемого слова).

Ключевые слова: перестройка, идеология, текстовая аналитика.

Период перестройки – один из дискуссионных в отечественной истории. Различно оцениваются не только преобразования, проведенные М.С. Горбачевым, но и личность самого реформатора. 25 февраля 1986 г. генеральный секретарь ЦК КПСС обратился к делегатам XXVII съезда с программным политическим докладом [1].

Поскольку речь М.С. Горбачева представляет собой весьма объемный документ (более 140 страниц в формате «Word»), то с помощью компьютерной программы «Voyant tools» (букв «Видящие инструменты»), созданной в 2003 г. Стефан Синклером и Джефффри Роквеллом [2], был проведен анализ ключевых используемых политиком в докладе терминов и их контекста. Посредством программы возможно быстро и точно определить частоту заданных автором слов в большом по объему тексте, а также левый и правый контексты, то есть слова, рядом с которым данное слово находится. Программа избавляет от ручной рутинной работы (некоторые политические концепты используются более 30 раз) и предоставляет уже упорядоченную информацию для анализа.

В тексте речи было выделено 12 политических концептов, такие как: «мир», «гласность», «партия», «демократизация», «социализм», «кризис», «борьба», «мирное сосуществование», «перестройка», «гонка вооружений», «свобода», «ускорение».

Концепт «партия» является самым употребляемым (77 упоминаний), чаще всего он присутствует в контексте необходимости партийной перестройки и обновлении партийных ценностей. При этом руководитель страны возлагал большие надежды на партию в реализации начавшихся

экономических реформ. Контекстно-тематический анализ речи показывает, что перед партией обозначались серьезные внутренние проблемы – изменение управления предприятиями, модернизация устаревшего оборудования, рост товарного дефицита (концепт ускорение). Этими причинами и вызывалась к жизни идея перестройки.

Актуальными проблемами, фигурирующими в каждом концепте, являются бюрократизм и консерватизм, как негативные свойства партийно-государственного аппарата. Для их преодоления необходимо усилить партийную работу (такой путь решения хотя бы один раз встречается в каждом из концептов), улучшить процесс подбора кадров, предоставить большую возможность для проявления инициативы.

В связи с планируемыми изменениями сохранялся общий курс на строительство социализма – концепт «социализм, социалистический» употребляется 59 раз. В «совершенствование социализма» (устойчивое словосочетание) главная роль отводилась развитию «социалистической демократии».

Из внешних вызовов основным была угроза ядерной войны и противоречия между социализмом и империализмом. Последний термин был присущ предшествующему советскому дискурсу при характеристике отношений между двумя противостоящими военно-политическими блоками. Вина в этом противостоянии возлагалась на страны противоположного блока. Именно «руководящие круги империалистов не хотят трезво оценить ситуацию», развязанная ими гонка вооружений привела к политике конфронтации и росту возможности ядерного конфликта.

Одним из путей решения данной проблемы было сокращение ядерного вооружения и продолжение политики мирного сосуществования. Значительное внимание в речи уделялось социалистическому блоку, внутри которого были разногласия между коммунистами и социал-демократами. Партия констатирует необходимость сотрудничества между братскими партиями. Особо подчеркивалась в этом отношении роль Китая. Новым вызовом стала проблема международного терроризма, благодатной почвой для которого, по мнению М.С. Горбачева, становятся международные кризисы и конфликты.

Таким образом, в речи больше употребляется концептов, связанных с внутренними проблемами, чем с внешними вызовами, поскольку главной задачей перестройки была задача решения возрастающих экономических проблем, а также партийная перестройка.

«Критика сверху» предназначалась именно для партийных работников как основы советской системы партийно-государственного управления. Позже критика власти, будет поддержана журналистским сообще-

ством и станет повсеместным явлением в позднесоветской периодической печати.

Литература

1. Горбачев М.С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/doklad_xxvi.txt (дата обращения: 12.05.2019).

2. *Voyant tools*. [Электронный ресурс]. URL: <https://voyant-tools.org/> (дата обращения: 12.05.2019).

Д.Д. Вячислый

ТОМСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

В статье предпринята попытка определить влияние революционных событий 1905–1907 гг. на развитие жандармского управления Томской губернии. Выявлена динамика революционных волнений в Томске и губернии. Автором установлено, что особое влияние на обстановку в городе оказал Томский черносотенный погром. Проанализированы ключевые меры по наведению порядка на подведомственной управлению территории. Сделан вывод о том, что структуре удалось ситуативно воспользоваться возникшим модернизационным потенциалом для совершенствования своей деятельности.

Ключевые слова: Томск, жандармы, Департамент полиции, Революция 1905–1907 гг.

Революция 1905–1907 гг. продемонстрировала возникший впервые запрос общества в коренном переустройстве Российской империи, ее формы правления и основных институтов. Структуры же, которые должны были обеспечить безопасность и стабильность режима, оказались не готовы столкнуться в открытом бою с революционной стихией. Вся тяжесть борьбы с нею легла на плечи губернских жандармских управлений и охранных отделений.

В контексте данной проблемы актуально изучение опыта Томского губернского жандармского управления. Управлению приходилось иметь дело со специфическим контингентом противников режима, поскольку Томская губерния, с одной стороны – одно из мест ссылки политически

неблагонадежных граждан, с другой – место с первым университетом за Уралом. Свой отпечаток накладывало и расстояние до столицы. Все это делало работу управления уникальной в своем роде.

Целью исследования является выявление изменений в процессе развития губернского жандармского управления Томской губернии под влиянием революционных выступлений 1905–1907 гг.

Накануне революционных выступлений в ходе реформ С.В. Зубатова были решены тактические проблемы – обновлены техники розыска, создан Летучий отряд филеров, действовавший по всей стране, открыты новые подразделения. Однако глобальные проблемы так и не были преодолены. Малая численность кадрового состава и неразветвленная система отделений по-прежнему продолжали сводить на нет положительные моменты от зубатовских преобразований.

Говоря о динамике революционных волнений, стоит отметить, что в Томске они начались лишь осенью 1904 г. (хотя отдельные случаи отмечались и ранее), тогда как в европейской части страны эсеровский террор начался еще весной 1903 г. Постепенно для города обычными явлениями стали сходки, публичное чтение прокламаций и воззваний, пение революционных песен, носивших впрочем, пока мирный характер [1. Л. 3].

Ситуация изменилась в январе 1905 г. События Кровавого воскресения в столице дали импульс антиправительственному движению по всей стране. Затронуло это и Томск – спустя несколько дней был организован митинг под руководством местной ячейки РСДРП [2]. Именно при его разгоне погибла первая жертва революции 1905 г. за Уралом – печатник Иосиф Кононов.

Одной из характерных черт политического сыска губернии того времени являлась способность с использованием ресурсов общей полиции разгонять митинги и обеспечивать сохранность видимого порядка на улицах. Но подобные меры устраняли лишь симптомы революционного движения, а не их причину. Без использования сил общей полиции работа управления была фактически парализована.

Летом 1905 г. ситуация в городе стала взрывоопасной, к волнениям кроме студентов присоединились и рядовые граждане. Это обусловило, с одной стороны, появление забастовок, стачек, митингов. Так, в июле началась забастовка всех служб управления томской железной дороги [1. Л. 44]. С другой стороны, резко увеличился уровень криминала в городе – например, расправа толпы над управляющим пивной Михайловским [1. Л. 42].

На этом фоне управление столкнулось с рядом проблем. Острее всего нужны были материальные средства. Это была не только особенность

Томского губернского жандармского управления – отовсюду в Петербург шли телеграммы с просьбой увеличить бюджет. Департамент полиции же наоборот придерживался позиции строжайшей экономии [1. Л. 29].

Другим проблемным моментом был малый кадровый состав – несколько раз в центр отправлялись просьбы прикомандировать дополнительных офицеров [1. Л. 4, 10]. Однако и эти просьбы остались без ответа – в центре, где буквально велась охота на полицейских сотрудников, каждый человек был на вес золота.

Еще одной проблемой было взаимодействие не только внутри структур политической полиции, но и ее отношения с полицией общей. Полноценного сотрудничества между подразделениями налажено не было, более того, позднее между ними началась конкуренция за благосклонность высокого начальства [3. С. 390]. Только разгул революционной стихии к 1906 г. вынудил сотрудников обеих полиций начать действовать совместно.

В томском обществе из-за всемерного роста террористической активности леворадикальных организаций произошел поворот к правым идеям. 17 октября 1905 г. Николаем II был подписан Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Как только эта информация дошла до Томска, городская дума потребовала от губернатора прекратить финансирование полиции и создать гражданскую милицию. Полиция, что общая, что политическая, и до этого находившаяся в незавидном положении из-за вспышек революционного насилия, предпочла самоустраниться.

Но не был учтен один фактор – 20 октября была очередная годовщина вступления Николая II на престол. Этот праздник особенно актуализировался в сознании населения в эпоху повсеместного распространения левых идей, из-за чего патриотические и монархические настроения выигрывали с новой силой. Поэтому начавшийся молебен во здравие правящей фамилии очень быстро превратился в избиение заподозренных в революционных идеях граждан, закончившийся сожжением здания управления Сибирской железной дороги с находившимися там людьми. Порядок был восстановлен только с помощью армейских частей [4. С. 76]. Полицейские части, полностью деморализованные манифестом, в этом не участвовали. Новому полицмейстеру города – А.П. Явцеву, пришлось целиком посвятить себя возврату разграбленного имущества [5. С. 95–96].

Правительство только после октябрьских событий 1905 г. взяло курс на модернизацию и усиление губернских отделений политической полиции. В частности, был наконец-то повышен минимальный оклад жандармских управлений – со 100 до 200 рублей [1. Л. 74], как следствие, у местных отделений наконец-то появились свободные средства.

В целях оптимизации розыскной работы Департаментом полиции на места были разосланы специальные циркуляры во все губернии, содержавшие список лиц, необходимых к розыску, а также список параметров, на которые необходимо было ориентироваться [6. Л. 5–8]. Тогда же на места поступило предписание завести или расширить уже имеющуюся агентуру в железнодорожной среде, поскольку забастовка на железной дороге вполне могла парализовать жизнь целой губернии [7. С. 73–74].

Благодаря предпринятым мерам, в розыскной работе перелом намечился летом 1906 г. Таким примером может послужить задержание 88 человек на сходке Томской ячейки социал-демократической партии [8. Л. 1, 3]. Тогда же была разгромлена Мариинская ячейка эсеров, было задержано 6 человек [9. Л. 18–28]. Вскоре и в Ново-Николаевске были арестованы члены ячейки РСДРП [10. Л. 6].

Активно использовался для наведения порядка и административный ресурс. Новый губернатор К.С. Нолькен применял возможность высылки «антиправительственных элементов» из города и губернии. Военное положение давало ему возможность использовать и практику военно-полевого суда, внедренных П.А. Столыпиным [11. С. 112–113].

В итоге, революционные волнения в городе пошли на убыль. Тем не менее, даже под давлением революции, застарелые проблемы политического сыска решены не были. По-прежнему висела мертвым грузом кадровая проблема, сложившийся было ситуативный союз между общей и политической полицией снова распался, как только затихли революционные выступления. В разы выросло количество бумажной работы, на которую в итоге и уходили все силы.

Таким образом, по окончании Революции 1905–1907 гг. все достаточно быстро вернулось на круги своя, поскольку все вышеописанные меры носили временный и ситуативный характер. Возможный потенциал для реформирования был упущен, оставив структуры неэффективными и малодейственными в свете грядущих событий, положивших конец существованию Российской империи.

Литература

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 411. Оп. 1. Д. 122.
2. Томск в контексте мировой истории [Электронный ресурс]. // РИАТОМСК. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20170501/tomsk-v-kontekste-mirovoj-istorii-1900-1909/>, свободный (дата обращения: 28.02.2019).
3. *Линдер И., Чуркин С.* Спецслужбы России за 1000 лет. М.: РИПОЛ классик, 2008.
4. *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010.

5. *Ларьков Н.С., Чернова В.И.* Полицейстеры, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

6. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 169.

7. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов, 1880–1917 / [Ассоц. исслед. рос. о-ва (АИРО-XXI), Акад. федер. службы безопасности России]; составитель Е.И. Щербакова; [под ред. Г.А. Бордюгова]. М.: АИРО-XXI, 2006.

8. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 162.

9. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 161.

10. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 160.

11. *Ларьков Н.С., Чернова В.И.* 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск: Крас. знамя, 2002.

А.А. Захаров

ВОЗМОЖНОСТИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОСВЕЩЕНИИ ПЕРВОГО НАБОРА ФАБРИЧНЫХ ИНСПЕКТОРОВ (1882–1886)

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент П.П. Румянцев

В статье произведён анализ фабрично-заводского законодательства 1882–1886 гг. Были выявлены неточности формулировок законодательных норм, которые предоставляли возможности для обхода законов. Для соответствия норм правоприменительной практике использовались отчётные документы фабричной инспекции. В результате исследования были описаны некоторые «слабые места» первых фабричных законов и показаны существовавшие правонарушения, связанные с неточностями этих законов.

Ключевые слова: фабрично-заводское законодательство Российской Империи, обход закона, фабриканты, фабричные инспектора, рабочие.

Фабрично-заводское законодательство имеет большую историографическую базу. Дореволюционные авторы такие, как В.П. Литвинов-Фалинский [1], М.И. Туган-Барановский [2] и Р.А. Тютрюмов [3] писали о нормативной характеристике данных законов, их особенностях, важности для промышленности и т.д. Их труды затрагивали общие черты развития заводского быта Центрального промышленного района, но уделяли больше внимания возможностям обхода законодательства, чем работы

дальнейших исследователей. В советскую эпоху законодательство не было предметом массового изучения. Авторы ориентировались на проблеме рабочего движения. Однако труды о законодательстве И.И. Шельмагина [4], Л.Е. Шепелева [5], Ю.И. Кирьянова и М.С. Волина [6], имеют важное научное значение, поскольку переосмысливали труды авторов дореволюционной эпохи с применением иных подходов и новых статистических материалов. Современная российская историография, среди которой большую значимость имеют работы А.Ю. Володина [7], С.Р. Глазунова [8] и Л.В. Куприяновой [9], направлена на изучение местных особенностей осуществления законов, которые позволяют приходить к новым выводам.

Первые фабричные законы были направлены в основном на ограничение труда малолетних детей, подростков и женщин, но уже они содержали в себе значительные неточности формулировок. Отдел 1 закона 1 июня 1882 г. затрагивал деятельность заводов, фабрик и мануфактур, но не имел чёткого определения сущности этих видов промышленного предприятия и их различий [10]. При неразграниченности этих понятий, невозможно было осуществлять полноценный надзор за исполнением права, так как возникала путаница. Так, помимо мануфактур, на которых действовали нормы новых законов, были «ремесленные» мануфактуры, где полностью отсутствовал машинный труд.

Статья 2 Устава о промышленности 1893 г. выделяла два критерия, отличающих фабрики, заводы и мануфактуры от ремёсел – больший вид заведения и использование машин, которых у ремесленников не было, если не считать ручных машин или механизмов [11]. В понимании современного человека совершенно ясно, что такое машина, но в заводском законодательстве и в Уставе о промышленности определение этого понятия также отсутствовало. Такой критерий, как больший вид заведения, позволял субъективно понимать разницу между промышленными заведениями.

Закон 1882 г. ограничивал работу различных возрастных групп малолетних, но в этой норме не было установлено, на основании какого документа будет происходить определение возраста детей. Этот факт затруднял исполнение закона как со стороны заведующего предприятием (владелец или управляющий), так и со стороны инспекции. Закон также создавал орган надзора за исполнением новых норм – фабричную инспекцию. Однако не было провозглашено какого-либо наказания за нарушение пунктов этого закона. Таким образом, любые противозаконные действия могли оставаться безнаказанными.

В отделе 5 закона 1882 г. прописывалось право по соглашению с Министерством финансов и Министерством внутренних дел допускать к

работе «в случае надобности» малолетних 10–12 лет, разрешать ночные работы не больше четырёх часов в сутки детей 12–15 лет, если по роду производства это было необходимо и не вредило здоровью. Помимо того, что этим отделом суть всего закона ставилась под сомнение, он также мог давать производственные преимущества перед конкурентами.

Законом 5 июня 1884 г. была определена система наказаний за нарушение норм о труде малолетних [12]. Однако наказания по большинству нарушений были не обременительными для многих заведующих, поскольку, в большинстве случаев судебным порядком налагался штраф не более 100 рублей. Хотя по уложению о наказаниях 1885 г. (статья 1359 и 1359¹) предусматривался штраф от 100 до 300 рублей за самовольное понижение заработной платы рабочим, принудительную выдачу платы товарами, хлебом или другими предметами, а также выдачу платы в виде купонов [13].

По пункту 2 отдела 1 закона 12 июня 1884 г. попечение об учреждении школ для малолетних и забота об их образовании перекладывалась с фабрикантов на инспекцию [14]. Следующим пунктом данной статьи провозглашалось право владельцев предприятий открывать при фабриках школы. Однако данное право теряло свой смысл, по причине того, что содержание школы влекло за собой лишние денежные и временные расходы, а отсутствие обязанности заботы об образовании со стороны заводчиков приводило к тому, что они не использовали своё право на открытие школ.

Из-за неразграниченности таких понятий, как «фабрика», «мануфактура» и «ремесленное заведение» было возможно фиктивное оформление фабрики как ремесленного заведения с выводом её из-под контроля инспекции. Так, на ткацкой фабрике Шмидта в Московском фабричном округе работало около ста рабочих. После переоформления заведение числилось, как ремесленное, где использовали детский труд до 16 часов в сутки [15]. На Московской фабрике хирургических инструментов Швабе инспектором И.И. Янжулом были замечены нарушения правил о работе малолетних. После предупреждений о нарушениях, фабрика по документам стала ремесленным заведением [16].

Фабричными инспекторами на предприятиях Московского фабричного округа были зафиксированы значительные нарушения в определении причин выписывания штрафов и их размеров. Инспектора вместе с дореволюционными исследователями говорили о произволе, который был в сфере штрафов на фабриках и заводах.

В реальности того времени инспектора столкнулись с отсутствием составления на предприятиях отчётных книг и точных списков рабочих,

подотчётным уменьшением численности рабочих, предоставлением инспекции ложной информации, запрещением малолетним посещать школы, слабой распространённостью метрических свидетельств, выдачей метрик неоднородными учреждениями и по различной форме, неточностью паспортных данных. Слабые места законодательства позволили фабрикантам трактовать нормы права в свою пользу, что негативно влияло на положение рабочих. Правовой опыт, который предшествовал появлению этого законодательства, оказывал сильное влияние на фабричный быт. Отсутствие результативного контроля в штрафовании до 1886 г. привело к всеобщему использованию этой практики и обнищанию рабочих. Малое распространение отчётных документов и лишь периодическое обновление информации в них не позволило инспекции должным образом следить за исполнением законов о малолетних [17].

Литература

1. *Литвинов-Фалинский В.П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1904. 344 с.
2. *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: историческое развитие русской фабрики в XIX в. М.: Московский рабочий, 1922. 426 с.
3. *Тютрюмов Р.А.* Фабричное законодательство в России. М.: Польза, 1908. 117 с.
4. *Шельмагин И.И.* Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века). М.: Юрид. изд-во, 1947. 188 с.
5. *Шелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1981. 274 с.
6. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / отв. ред. Ю.И. Кирьянов. М.: Наука, 1989. 751 с.
7. *Володин А.Ю.* Труды и дни фабричного инспектора в России // Экономическая история. Обзорение. 2007. Вып. 13. № 39. С. 9–33.
8. *Глазунов С.Р.* Роль фабричной инспекции в реализации трудового законодательства России в конце XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 15. С. 121–128.
9. *Куприянова Л.В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2000.
10. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах (1 июня 1882 г.) // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб.: Государственная типография, 1886. Т. 2. № 391
11. Свод законов Российской империи Т. 11, ч. 2: Устав о промышленности фабрично-заводской, ремесленной и устав пробирный 1893 г. // Россия. Законы и постановления. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1899. 2-е изд. 433 с.

12. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, мануфактурах и в ремесленных заведениях (5 июня 1884 г.) // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 4, № 2286.

13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

14. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета. О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и фабричной инспекции (12 июня 1884 г.) // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 4. № 2316.

15. *Янжул И.И.* Фабричный быт Московской губернии. Отчёт за 1882–1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. 277 с.

16. *Янжул И.И.* Отчёт за 1885 год фабричного инспектора Московского округа. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1886. 119 с.

17. *Михайловский Я.Т.* О деятельности фабричной инспекции. Отчёт за 1885 г. Главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1886. 217 с.

Ю.Д. Иванюк

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг.

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

Статья посвящена участию сибиряков в русско-японской войне 1904–1905 гг. – процессу мобилизации в сибирских губерниях, социальному составу призывников, участию уроженцев Сибири в военных действиях, их отношению к войне и вкладу в нее.

Ключевые слова: Сибирь, русско-японская война.

Русско-японская война – это первая большая война, в которой приняла участие Сибирь, ей отводилась не только роль непосредственного тыла и мобилиационного ресурса, но и форпоста Российской империи на Дальнем Востоке [1. С. 43–44]. Первая и Вторая мировые войны стали неотъемлемой частью исторической памяти, их события и герои присутствуют на страницах научных работ и литературных произведений, в исторических фильмах и научно-популярных программах на телевидении. Русско-японская война оказалась, в этом отношении, в значительной степени, забытой.

В имиджевом противоборстве двух стран общественное мнение нейтральных стран формировалась западной прессой в пользу Японии. Так, например, на одной из немецких карикатур Г. Брандта Россию изображал «гороподобный мужик» с глупым выражением лица, натягивающий сапоги, в то время как его кусает маленькая отважная собачка, под которой понималась Япония. Подвергнувшийся такой атаке русский солдат восклицал: «Наглый враг. Неслыханное дело! Эта шавка такса не хочет подождать, пока я надену сапоги!» [2. С. 115].

В России, несмотря на серьезные социальные противоречия, в начале военных действий преобладали «ура-патриотические» настроения. Сибиряки и дальневосточники, как и другие жители империи, негодовали на коварство врага, уповали на справедливое возмездие и надеялись на быстрый и победоносный исход войны [3. С. 15]. Так, в газете «Сибирская жизнь» неоднократно отмечались выражения верноподданных чувств сибиряков по случаю событий на Дальнем Востоке. В Иркутске, после известия о начале войны с Японией, «как и в других крупных городах империи, самопроизвольно возникали невиданные уличные патриотические манифестации и молебствия [4. С. 261]. Красноярская частная газета «Енисей», не имея собственного корреспондента на театре военных действий, использовала вести из Маньчжурии от своих земляков, где описывались будни и подвиги сибирских уроженцев. Один из авторов, которые описывали русско-японскую войну 1904–1905 гг. писал: «Не могу не отметить вообще особенно высокого духа в войсках, составленных из сибиряков. Заслужили себе чрезвычайно почетную репутацию на Дальнем Востоке. Недаром их называют “Сибирской гвардией”» [4. С. 278].

Власти, со своей стороны, стремились усилить патриотические настроения, прославляя в печати Россию как великую державу, обладающую сильнейшей армией солдат-героев, и приуменьшая военный потенциал Японии, распространяя об японских солдатах различные небывлицы. В действительности японская армия и флот быстро доказали свои высокие боевые качества и боевой дух, что стало находить отражение и в российских газетах.

Русско-японская война объединила между собой новобранцев сибирских губерний различных сословий, национальностей, вероисповедания, семейного положения и уровня образования. Православные составляли свыше 90% всех новобранцев региона. В.И. Баяндин по этому поводу пишет о том, что некоторые представители таких национальностей как евреи, татары, поляки, корейцы, приняв православие до поступления на военную службу, в отчетных документах указывались как православные. Во второй половине XIX – начале XX в. женатые новобранцы составляли

30–50% от общего числа (наличие детей в семье по закону не являлось основанием для освобождения от военной службы) [5. С. 29].

Доля грамотных новобранцев на 1904 г. составляла 29,6%. Если учитывать тот факт, что на 1874 г. приходилось лишь 11,9% образованных, то можно сделать вывод о возрастании численности грамотных новобранцев. Грамотными же считались те, кто умел, и читать и писать, или только читать [5. С. 29].

Наибольшую часть новобранцев составляли крестьяне – 88,6%, доля мещан – 6,3%. Дворяне, почетные граждане и купцы составляли соответственно 0,2%, 0,4% и 0,1%, категория «прочие» включает 4,5%. Небольшую долю почетных граждан можно связать с тем, что ранее они были освобождены от военной службы. Купцы же имели возможность приобрести зачетные квитанции [5. С. 30].

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. исключительную роль сыграла еще не вполне достроенная Транссибирская магистраль, поскольку ее использование способствовало перевозке подкреплений, а также снабжению русских войск. «По Транссибирской магистрали в Маньчжурию через Иркутск проследовали соединения из 11 военных округов и из области войска Донского» [4. С. 284]. С целью охраны Транссибирской железнодорожной магистрали в Томске разворачивались дружины государственного ополчения, часть из которых также была отправлена на Дальний Восток. В русско-японскую войну по Транссибу перевезли 2 млн. военных с оружием, провиантом и остальным необходимым для победы российской державы.

Особо отличались во время войны казаки войска, в том числе и Сибирский казачий полк. Мужество и воинская доблесть казаков были отмечены не только в русской, но и в зарубежной прессе. На многочисленных лубочных картинках изображались наиболее удачные операции «летучих разведов» в тылу японской армии. Например, на одной из них о действиях казаков на р. Ялу говорилось: «им удалось “с раннего утра до сумерек” сдерживать напор вчетверо превосходивших сил противника» [6. С. 70].

Из войск, находящихся в Сибири и на Дальнем Востоке, в военных действиях приняли участие все регулярные войска, «а 12 пехотных резервных Сибирских батальонов были развернуты в пехотные Сибирские полки и отправлены на фронт» [7. С. 112]. Из состоявших на воинском учете 98 тыс. нижних чинов запаса были призваны более 92 тыс., остальные имели льготы как переселенцы, прожившие в Сибири менее 2 лет, либо как специалисты, которые освобождались от военной службы: железнодорожники, служащие почтово-телеграфного ведомства и т.д. Всего

по Сибири было призвано 189 тыс. человек [6. С. 112]. Командующий генерал-адъютант Куропаткин 5 февраля 1906 г. дал высокую оценку воинам-сибирякам в сражениях Русско-японской войны, особо отметив сибирских казаков в боях под Ляояном и Муданьцзянем.

О существенном вкладе сибиряков во время русско-японской войны свидетельствует и тот факт, что «и до, и после Русско-японской войны молодые офицеры стремились попасть в Сибирь. Сначала потому, что на Дальнем Востоке пахло порохом, затем из-за того, что сибирские полки, прославившиеся в недавно законченной войне, были покрыты ореолом военной славы, и попасть в них было лестно» [4. С. 279].

Таким образом, во время русско-японской войны сибиряки продемонстрировали высокие боевые качества и готовность встать на защиту интересов российского государства. Мобилизация в сибирских губерниях прошла успешно, в том числе, благодаря уже действующей Транссибирской магистрали, которая послужила основной транспортной артерией при перевозке личного состава, боеприпасов, провианта.

Литература

1. *Шевцов В.В.* «Пасынок сибирской печати»: неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» 1900–1919 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2013. Вып. 2 (12). С. 40–53.
2. *Ульянова М.В.* Общественное мнение Запада о русско-японской войне 1904–1905 годов (на примере карикатур) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (52). С. 114–120.
3. *Воробьева Э.А.* Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 20 с.
4. *Дамешек Л.М.* Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра. Иркутск: Отгиск, 2017. 544 с.
5. *Баяндин В.И.* Состав Сибирских новобранцев во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 1. С. 24–30.
6. *Фетисова Л.Е.* Русско-японская война 1904–1905 гг. в песенном фольклоре Дальнего Востока России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (46). С. 68–70.
7. *Чернов К.А.* Военный гарнизон г. Томска в 1904–1905 гг. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2007. С. 112–117.

В.П. Кирьянов

**ОПТИЧЕСКИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПРИЦЕЛЫ
В СУХОПУТНЫХ ВОЙСКАХ СССР И ГЕРМАНИИ
В 1941–1945 гг. КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ
ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.П. Зиновьев

Предпринята попытка оценить роль и влияние модернизации оптических приборов для вооруженных сил на ход боевых действий в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено анализу оснащения артиллерийских орудий и оптических прицельных приспособлений войск РККА и Вермахта. Автором выдвинута гипотеза о том, что оптические прицельные приспособления, применяемые в РККА, не уступали в своем качестве, технологической оснащенности и удобстве в эксплуатации немецким, а по некоторым показателям превосходили последние.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, артиллерия, оптические прицелы.

Изучение истории Великой Отечественной войны до настоящего времени остается одним из приоритетных направлений в научном сообществе. Многие сюжеты до сих пор порождают острые дискуссии среди историков. Одной из дискуссионных проблем, наиболее подверженной «мифологизации», является проблема определения факторов, предопределивших проблемы и поражения советской армии на первом этапе Великой Отечественной войны. Одним из важнейших показателей, способных оказать влияние на исход боевых действий, было превосходство вооружения. Как правило, большинство сравнений военной техники обеих сторон ограничиваются лишь показателями калибров орудий, миллиметров брони, скорострельности и других технических характеристик. Без внимания исследователей остался анализ прицельных приспособлений в повышении эффективности сухопутных орудий и артиллерийских систем СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны.

В течении длительного времени необоснованно аксиомой считалось утверждение о превосходстве немецкой оптики, в частности артиллерийской, над советской. Так, какими же преимуществами обладали советские артиллерийские орудия, по сравнению с немецкими?

Для достижения боевых задач артиллерийские орудия должны были иметь необходимое оборудование для обнаружения, определения и наведения на врага. Таким оборудованием выступают оптические приборы, которые в свою очередь делятся на:

1. Наблюдательные приборы, комплексы, панорамы, дающие широкое поле зрения для обзора местности и приборы обнаружения цели экипажами самоходных артиллерийских установок (САУ) и танков.

2. Оптические и инфракрасные прицелы, имеющие большое увеличение, но малый угол поля зрения для точного наведения на цель. Ко второй группе могут быть отнесены приводы наведения и стабилизаторы.

В ряде противотанковых самоходно-артиллерийских установок (ПТ САУ), согласно своим техническим особенностям, обнаружение и зачастую наведение на цель выполнялись одним человеком – командиром. К таким можно отнести советские: СУ-76, СУ-85, СУ-100, СУ-152 и ИСУ-152 и немецкие: StuG III, StuG IV, Ferdinand и Jagdpanther [1. С. 1].

Данная компоновка показала свою неэффективность на практике и большинство конструкторов, посчитав такую схему неоптимальной, разделили боевой функционал на несколько членов экипажа. После чего задачей командиров боевых машин стало обнаружение противника и дача целеуказаний наводчику, использующего приборы из первой группы. Поражение же, путем наведения орудия на цель, ложилось на плечи другого члена экипажа, который пользовался приборами из второй категории.

Этот принцип работы получил название «охотник-стрелок» и был успешно реализован на советской технике. В настоящей работе речь пойдет лишь о части всех оптических приборов, так как с модернизацией систем наведения и прицеливания количество приборов менялось, поэтому будут приведены лишь типовые модификации.

Все артиллерийские установки и техника, которая применялась на первом этапе войны в 1941–1942 гг., была произведена в мирное время, квалифицированной рабочей силой при наличии всех необходимых ресурсов и компонентов. С 1942 г. советская армия была оснащена противотанковой самоходной артиллерийской установкой 76. Данный вид орудия был укомплектован командирской панорамой ПТ-К, а также 4 перископическими наблюдательными приборами по периметру башни. Для наводчика было прицельное оборудование, которое включало штатный панорамный прицел орудия ЗИС–3. Советская дивизионная пушка ЗИС-3 была оснащена панорамным прицелом (орудия, направляемые в противотанковую артиллерию – прицелами прямой наводки ПП1-2 или ОП2-1).

С 1943 г. было налажено производство самоходной артиллерийской установки СУ-152. Для наблюдения за полем боя командиром использовались перископ ПТК-4, обеспечивающий круговой обзор, и пять призматических зеркальных смотровых приборов, установленных на крыше рубки и крышках левого и кормового люков. Отверстия под смотровые приборы в крыше рубки и крышках люков имели броневое прикрытие. Теле-

скопические прицелы СТ-10 или КТ-5 использовались при стрельбе прямой наводкой, а панорама Герца – при стрельбе с закрытых огневых позиций. Для стрельбы ночью, шкалы прицела, панорамы, а также прицельная и орудийная стрелки, оснащались специальной подсветкой [2. С. 2].

Среди немецких самоходных артиллерийских установок можно выделить Stug III и Jagdpanther. Stug III был оснащен перископическими прицелами Sfl ZF 1a и RbIF 36. В данном орудии был ликвидирован прибор наблюдения механика-водителя, амбразуру под который в рубках первых машин серии G просто заваривали. Позже конструкторы отказались и от прибора наблюдения механика-водителя, который размещался в левом борту САУ. В процессе серийного производства в конструкцию Jagdpanther вносились незначительные изменения. В частности, менялись окантовка пушечной амбразуры, количество перископов и соответственно смотровых щелей у механика-водителя. Бинокулярный прицел заменили на монокулярный. В распоряжении наводчика имелся перископический прицел Sfl ZF1a.

1943 г. ознаменовался тяжелым положением для всего Советского Союза. Огромные людские потери на фронтах и захват противником обширных территорий страны не мог не сказаться на объемах и качестве выпускаемой продукции. В конструкцию советских артиллерийских установок вносились изменения направленные, главным образом, на упрощение и удешевление их конструкции. На заводах у станков стояли уже не квалифицированные рабочие, а зачастую женщины и дети [3. С. 3].

Экипажи САУ также набирались из людей, не имеющих достаточной подготовки в этом деле. Естественно, это наложило отпечаток на комплектацию и облик советской артиллерии военной поры. На заводах отказались от оптических прицелов для пулеметов, заменив их диоптрическими. Явный регресс, но в то время иного выхода не было. Немецкая промышленность, хотя и страдала от бомбардировок, но все еще могла вполне комфортно, не неся серьезные ресурсные потери, качественно выпускать военную технику.

Последний год войны характеризовался большим насыщением САУ как в армии фашистской Германии, так и в СССР, и союзников по антигитлеровской коалиции. Причем, если Германия делала ставку главным образом на истребительно-противотанковые САУ, то в СССР основным типом выпускаемых машин самоходной артиллерии по-прежнему оставались легкие САУ поддержки, превратившиеся в универсальные боевые машины. Несмотря на опыт войны, использование САУ, главным образом – легких и средних в качестве танков поддержки пехоты продолжалось, но уже не было таким всеобъемлющим [4. С. 4].

Период можно охарактеризовать как исключительно сложный для промышленности Германии. Тем не менее, в этот период появляются такие мощные конструкции, как тяжелый танк «Королевский тигр», самоходное орудие «Ягдтигр», средний танк Pz.Kpfw V «Пантера» и самоходное орудие «Ягдпантера», созданного на его базе. В отличие от Германии, маховик советской мощи, в том числе и промышленной, продолжал раскручиваться. Был создан новый тяжелый танк ИС-2, и на основе его была построена ИСУ-152 «Зверобой». САУ была вооружена исключительно мощной 152-миллиметровой нарезной пушкой, которая легко пробивала лобовую броню любого немецкого танка на всех дистанциях танкового боя того времени. ИСУ, СУ-152 были специализированными противотанковыми установками [5. С. 5].

Для увеличения дальности эффективного огня мощной пушки для ИСУ-152 был разработан новый шарнирный, телескопический, монокулярный прицел ТШ-17, который обладал 4-кратным увеличением. В 1945 г. был создан сверхмощный тяжелый танк ИС-3 и на его базе Объект 704, которые на долгие годы определили путь развития советского танкостроения и производства артиллерийских орудий.

В ходе анализа сравнительных тактико-технических характеристик прицелов и приборов наблюдения отечественной и немецкой артиллерии мы приходим к выводу, что отечественная артиллерийская техника ничуть не уступала немецким аналогам. Мы видим, что советские образцы изначально, до начала войны, обладали лучшей оптикой в сравнении с немецкими орудиями. На большинстве немецких танков были визирные щели, а на советских машинах стояли перископические приборы. Было бы неверно утверждать, что оснащение артиллерии РККА превосходило немецкие аналоги во всем. Отечественные ПТСАУ лидировали в устройствах стабилизации, обзорно-прицельных систем и одними из первых начали использовать электроспуск орудия. Немецкие ПТ были первыми в системах ночного видения, совершенства приводов наведения и устройствах продувки ствола после выстрела [6. С. 6]. Тем не менее, на отечественных танках технически была реализована самая современная на то время компоновочная и функциональная схема обзорно-прицельных приборов, которая позволила войскам РККА одолеть нацистов и одержать нелегкую победу в Великой Отечественной войне.

Литература

1. *Советская военная энциклопедия*: [в 8 т.]. М.: Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1976–1980.
2. *Военный энциклопедический словарь*. М.: Военное издательство МО СССР, 1975.

3. *Бабаджян А.Х.* Танки и танковые войска. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970.

4. *Свирин М.Н.* Самоходки Сталина. История советской САУ 1919–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

5. *Латухин А.Н.* Современная артиллерия. М.: Военное издательство МО СССР, 1970.

6. *Карпенко А.В.* Отечественные самоходные артиллерийские и зенитные установки. СПб.: Невский бастион, 1996.

И.В. Макаров

«БОЛЬШАЯ ИГРА» В 1880–1890-х гг. В ОТРАЖЕНИИ ГАЗЕТЫ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

Статья посвящена проблеме освещения политических и экономических аспектов «Большой игры» в 80–90-х гг. XIX в. в газете «Туркестанские ведомости», издававшейся с 1870 г. в том регионе, где и происходили наиболее существенные события противостояния России и Великобритании: демаркация границы с Персией и Афганистаном в 1884–1885 гг., бой при Кушке (дело при Ак-тепе, дело при Таш-кепри) 18 (30) марта 1885 г. и его последствия, экспедиция Б. Л. Громбчевского 1888 г., памирские экспедиции М. Е. Ионов 1891–1894 гг.

Ключевые слова: «Туркестанские ведомости», «Большая игра», Средняя Азия.

«Туркестанские ведомости» известны как первое периодическое издание в Средней Азии, первый номер которого вышел в печать 28 апреля 1870 г.

Печатное слово необходимо было прежде всего властям генерал-губернаторства для проведения и распространения своей политики на местах, для распространения грамотности и просвещения, необходимость которых диктовалась экономическим и политическим развитием региона. Стоит отметить, что газета имела одно важное отличие от других губернских и областных периодических изданий – «Туркестанские ведомости» находились под руководством военных, которые подчинялись приказам туркестанского генерал-губернатора. Газета имела небольшой тираж – к концу XIX века он был немногим более тысячи экземпляров.

Собственных корреспондентов за границей «Туркестанские ведомости» также не имели, но, кроме перепечатки известий из столичных и

зарубежных газет, пользовались часто сведениями, поступавшими в штаб Туркестанского военного округа от русских военных атташе в Европе и Азии [1. С. 182].

В 80–90-х гг. XIX в. главными редакторами «Туркестанских ведомостей» были штабс-капитан Н.Н. Маев (до 1892 г.) и А.П. Романович (в 1892–1899 гг.) Сначала газета была еженедельной; с января 1893 г. «Туркестанские ведомости» начали выходить по 2 раза в неделю, по воскресеньям и четвергам [2. 1894. № 1. 5 янв. С. 6].

Первым широко освещаемым событием в «Туркестанских ведомостях», имеющим значение скорее для иллюстрации внутренних отношений России и среднеазиатских государств, становится поездка посольства Бухарского эмирата во главе с наследником на коронацию Александра III в 1883 г. Газета очень подробно сообщала о движении посольства в Петербург, о действиях его в столице и возвращении. После телеграмм и статей на эту тему зачастую писались заметки, в которых читателю доносились мысли о том, что Хива и Бухара являются добрыми друзьями (или верными слугами) русского государя (или Белого царя).

Сообщения специального корреспондента одной из английских газет, состоявшего при англо-афганской пограничной комиссии, давали возможность рассмотреть, как проходил процесс демаркации русско-афганской границы в конце 1884 г., по итогам которой в 1887 г. была определена западная часть русско-афганской границы. Донесения представляли собой подробное описание быта и хода работы комиссии при посещении ей Маручака, Бала-Мургаба, Пенжде, Аушара, Аукамари, Мангана и других мест, рядом с которыми надлежало провести границу [2. 1885. № 11. 19 мар. С. 43; № 12. 26 мар. С. 47; № 13. 2 апр. С. 51]. Также интересно рассмотреть, каким образом английскими офицерами и членами комиссии (в частности её главой генералом Питером Ламсденом) было воспринято дело при Ак-тепе, также известное, как бой при Кушке.

В «Туркестанских ведомостях» его причинам и последствиям в отношениях между Лондоном и Петербургом уделялось очень большое внимание. При освещении данного события «Туркестанские ведомости» цитировали и зарубежную прессу – преимущественно английскую, а также германскую и французскую. Если точка зрения русской печати на вопрос о виновнике столкновения была ясной (таковыми определённо представлялись афганцы), то в Великобритании, согласно переводам и перепечаткам, существовали две противоположных по отношению друг к другу – как в печати, так и в парламенте.

Согласно первой, которой придерживались оппозиционные газеты, атака генерала А.В. Комарова на позиции афганских войск была пред-

принята им в одностороннем порядке, без предупреждения или провокаций со стороны афганцев, что требует симметричного ответа от Великобритании. Согласно второй, разделяемой преимущественно проправительственными газетами, атака была спровоцирована самими афганцами и была полностью обоснована, поэтому в данной ситуации англичане не обязаны защищать интересы афганского эмира. В пользу А.В. Комарова говорило и то, что, рассеяв части афганцев, он не стал продвигаться к оазису Пенжде и Герату, чего опасались англичане, а вернулся на свои позиции.

Каким образом представлялись события на Кушке в «Туркестанских ведомостях»:

«Генерал Комаров доносит, что вследствие вызывающих и явно враждебных действий афганцев, он был вынужден 18-го марта атаковать укрепленные их позиции по обеим берегам р. Кушки. Афганский отряд, силою в 4000 человек, при 8 орудиях, разбит и рассеян, потеряв до 500 человек убитыми, всю артиллерию, два знамени и весь лагерь с обозом и запасами <...> по окончании боя генерал Комаров перешёл обратно за реку Кушку и возвратился на свои позиции...».

Тон же английских газет был несколько иным: «Saint James Gazette» говорит: «Англия должна отнестись к этому делу серьёзно, иначе её чести и благоденствию угрожала бы опасность». Globe настаивает, чтобы Англия сдержала данное афганцам слово и отстояла бы их территорию. Pall Mall Gazette отсоветывает поспешные решения, которые сделали бы войну неизбежной. Газета готова присоединиться к партии войны, если будет доказано, что русские атаковали афганцев, не будучи к тому вызваны» [2. 1885. № 13. 2 апр. С. 52].

Настроения в Берлине и Париже: «Берлин: здешние газеты предполагают, что дело на Кушке не приведёт к усилению разногласия между Россией и Англией. Говорят, что Англия преднамеренно преувеличивает значение события, потому что понижение русских бумаг – её сильнейшее оружие. В виду этого, берлинские газеты советуют публике не доверять английским сообщениям»; «Париж: победа русских произвела здесь благоприятное впечатление. Говорят, что Турция отклонила предложение Англии о союзе против России, заявила, что желает остаться нейтральною» [2. 1885. № 14. 9 апр. С. 55]

Первый развёрнутый доклад появился только спустя месяц за авторством Шорохова, командира 17 линейного батальона, и в целом подтверждал то, о чём сообщал А.В. Комаров [2. 1885. № 16. 23 апр. С. 64]. Ситуацию усложняла запутанность и противоречивость донесений из Средней Азии – британское правительство в течение месяца получило от раз-

ных лиц, ответственных за взаимоотношения с Афганистаном и Россией в регионе, четыре рапорта, и все они противоречили друг другу [2. 1885. № 16. 21 апр. Приложение].

Соглашение, достигнутое в итоге, во многом утвердило границу так, как на том настаивала русская сторона, и также трактовалось оппозиционной и проправительственной печатью различно. Если оппозиционные газеты восприняли это соглашение как унижение Англии, то проправительственные – как залог мира. [2. 1885. № 17. 30 апр. С. 68].

Вскоре после того, как прошёл наиболее острый период, связанный с боем при Кушке и едва не вызвавший дипломатический кризис в отношениях Лондона и Петербурга, афганский вопрос на некоторое время оказался заслонён Болгарским кризисом. Об Афганистане продолжали писать некоторые провинциальные газеты (например, газета «Кавказ» [2. 1885. № 23. 11 июня. С. 90–91]), но столичная печать уже ушла от этой темы.

Однако внимание «Туркестанских ведомостей» всё же оставалось в большей степени прикованным к Герату и границе с Афганистаном, где всё ещё продолжалось разграничение [2. 1885. № 36. 10 сент. С. 143]. Герат назывался ключом к Индии (поскольку все завоеватели, не считая англичан, приходили в Индию с севера, через Герат) и в то же время ключом к Средней Азии.

В одной из статей приводится, в частности, следующее: «В 1839 году нейтральная полоса, лежавшая между Персией, Индией и русскими среднеазиатскими владениями, обратила на себя серьёзное внимание англичан и весьма заинтересовала Англию в среднеазиатских делах. В том же году Англия снарядила в Афганистан экспедицию, стоившую ей 15 миллионов фунтов стерлингов и 20 000 солдат. Экспедиция эта была очень неудачна; поводом к снаряжению экспедиции послужило вспыхнувшее внутреннее восстание, побудившее хана Шуджу искать спасения в бегстве. Англия видела в этом русскую интригу и с тех пор старалась противодействовать русскому движению в Среднюю Азию» [2. 1885. № 50. 17 дек. С. 197]. Можно отметить, что данное событие, особенно с учётом реакции Англии на него, подаётся газетой и воспринимается в качестве одного из тех (если не как основное), что способствовали началу «Большой игры» в Средней Азии.

В конце 1880 – начале 1890-х гг. Россия, Великобритания и Китай начинают раздел Памира, где на тот момент находилось множество полувисимых и независимых мелких государств – Шугнан, Рошан, Хунза и т.д. Великобритания полагала разделить Памир при участии Китая и Афганистана, не допустив к этому Российскую империю. Со стороны Рос-

сии попытки закрепления на Памире отразились в экспедиции Б.Л. Громбчевского в 1888 г. и экспедициях М.Е. Ионов в 1891–1894 гг. Экспедиции эти освещались в газете, как правило, очень подробно, но уже после их завершения, а не во время, что было, вероятно, связано с государственными интересами.

Окончательно границы на Памире были определены англо-русским соглашением 27 февраля 1895 г. О соглашении газета по неясным причинам умалчивает, не только не давая ему оценки, но и ничего не говоря о нём.

Литература

1. Рыженков М.Р. Газета «Туркестанские ведомости»: 1870–1917 гг. // Вопросы истории. 1986. № 10. С. 178–183.
2. *Туркестанские ведомости*. 1881–1899 гг.

Е.А. Михайлицина

СИБИРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

В статье рассматриваются сюжеты и проблемы Сибири и Дальнего Востока, исследуемые зарубежными учеными в XXI веке в англоязычном научном журнале «Сибирика». Автор приводит результаты контент-анализа ключевых слов статей журнала, определяет круг вопросов, занимающих зарубежных исследователей, делает выводы о причинах интереса ученых к сибирской проблематике.

Ключевые слова: Сибирь, зарубежная историография, коренные народы Севера.

В XX веке зарубежная и советская историография Сибири развивались самостоятельно и даже независимо друг от друга. Советские историки разрабатывали свои концепции, подходы в исследовании Сибири, не имея возможности ознакомиться с опытом и достижениями в этой же области своих зарубежных коллег. Однако к концу XX века у российских исследователей появилась возможность изучить опыт западных ученых, благодаря доступу к англоязычной научной периодике. Попытки провести историографический анализ на современном этапе развития науки не случайны. Многие авторы сходятся во мнении, что прежние, предпринятые еще в советские годы, попытки провести анализ западной историо-

графии Сибири едва ли можно считать адекватными современному состоянию науки, поскольку ученые испытывали значительное социальное и идеологическое давление. Изучение теорий и концепций, популярных за рубежом, безусловно, важно, поскольку помогает взглянуть на существующие проблемы под другим углом, выявить новые факторы и приблизиться к их пониманию.

Среди периодических изданий, издаваемых за рубежом и освещающих проблематику Сибири, наиболее специализированным изданием на английском языке является журнал «Сибирика». Выходивший с конца 80-х гг. XX в., первоначально, как сборник тезисов семинаров BUSSS (British Universities Siberian Studies Seminar), журнал «Сибирика» затем стал ведущим изданием, освещающим сибирские исследования, вошедшим в авторитетные международные базы цитирования. Обращение к архиву журнала с 2002 по 2018 гг. показало, что данное издание является мультидисциплинарным, охватывая различные предметные области: история, политика, международные отношения, экономика, география, социология, этнография и антропология, лингвистика и литература.

Распределение всех статей журнала на несколько основных групп по направлению исследования, а также контент-анализ ключевых слов и частоты их употребления в тексте позволили наметить круг вопросов, которые привлекают наибольшее внимание зарубежных исследователей. В ходе анализа 193 статьи были распределены по трем основным направлениям: лингвистика, антропология и история, при этом статьи по лингвистике составляют – 8% всех статей, по антропологии – 37%, по истории – 55%. Наибольший интерес для исследователей первой группы представляют лингвистические особенности фольклора коренных народов, этимология различных понятий культуры и религии этих народов. Антропологи освещают самые разные аспекты жизни коренных народов Сибири и Дальнего Востока: религиозные, социальные, административные, политические. Однако самая широкая тематика у статей из раздела История: освещение различных исторических событий, статьи-биографии, интерпретация политических событий прошлого.

Анализ ключевых слов и частоты их употребления в тексте показали, что в первой группе (лингвистика) такие понятия, как «двуязычие», «грамотность», «языки коренных народов Севера», «исчезающие языки», «языковая политика», встречаются наиболее часто. Это позволяет сделать вывод о несомненном интересе зарубежных исследователей к положению коренных народов Севера в России, проводимой государством политике в области сохранения культурного и языкового многообразия, соблюдению прав малочисленных народов.

Примером данной группы является статья «Лингвистическая экспедиция на Камчатку: документирование корякского языка. Декабрь 2012–август 2013», за авторством Александра Д. Кинга. Этот проект называется «Корякская этнопоэтика: истории от пастухов и приморских жителей». Он финансировался за счет гранта Проекта документирования языков, находящихся под угрозой исчезновения (ELDP). Общая цель проекта – документировать разговорный корякский язык, особенно устные рассказы, в первую очередь носителями менее изученных диалектов. В записях автора содержится значительное количество этнографической информации [1. С. 81].

Для второй группы (Антропология) наиболее частыми являются следующие понятия: «идентичность», «шаманизм», «народные промыслы», «демографическая политика», «кочевничество», «этническая самоидентификация», «социальная иерархия», «коренные народы Севера». Все эти понятия свидетельствуют об озабоченности зарубежных ученых вопросами сохранения самобытности, традиционных способов хозяйствования, религиозных верований коренных народов.

Примером данного направления является статья Лудека Броза «Сущность, поведение и история: «Алтаец» в двадцать первом веке». С начала 1990-х годов в Республике Алтай продолжается спор об археологическом наследии. В этой статье рассматривается один из его аспектов – несоответствие между местным пониманием археологических памятников, принадлежащих прямым предкам современных алтайцев, и экспертное мнение многих историков, археологов и физических антропологов, которые не видят никакой связи между ними [2. С. 44].

Третья группа (История) наиболее обширная и включает как понятия, связанные с историей Сибири («ссылка\ссылная система», «колонизация», «областничество», «фронтир»), так и понятия, связанные с другими предметными областями («географический детерминизм», «окружающая среда», «политика в сфере труда», «источники энергии», «права на землю\права коренных народов»). Здесь важно отметить, что русскоязычное «пришрое» население Сибири и Дальнего Востока в меньшей степени интересует западных исследователей, основное внимание уделяется коренным народам Севера, которые считаются ими истинными «хозяевами» данного региона.

Например, в своей статье «О свободе и утрате людских ресурсов: угроза самому существованию оленеводства в северо-восточном Сахалине, Дальний Восток, в условиях транснациональной нефтедобычи» Эмма Уилсон заявляет, что хотя транснациональные проекты по добыче нефти и газа на Сахалине дают надежду региону на экономическое воз-

рождение, они также представляют собой экологическую угрозу для условий жизни местных жителей, пользующихся природными ресурсами, в том числе, для немногочисленных сахалинских оленеводов. Для последних, за прошедшее столетие индустриальное развитие, в частности, прибрежная добыча нефти и газа, связано с разрушением экологии, потерей пастбищ, семейного и родового единства, культуры и языка. Стратегии выживания оленеводов во многом основаны на определенной свободе от властей и официальных законов. В своей работе Эмма Уилсон исследует стратегии выживания оленеводов, их быт и хозяйство, а также способы взаимодействия с «чужаками» – к которым она относит госслужащих, представителей неправительственных организаций и нефтяных компаний. По наблюдениям автора статьи, реализация проектов по прибрежной добыче нефти и газа могут привести к еще большей потере пастбищ и загрязнению водоемов, при этом выгоды от данных проектов могут даже не затронуть наиболее отдаленные районы Сахалина. Однако эти же проекты усилили интерес международного сообщества к судьбе коренного населения Сахалина. В процессе переговоров с нефтяными компаниями оленеводам удастся высказать свои опасения по поводу нефтяных проектов, а программы, спонсируемые нефтедобывающими компаниями, могут предоставить возможности для возрождения оленеводства и для укрепления национальной идентичности. В статье рассматриваются противоречия между экономической независимостью и безопасностью, между демократическим правом участвовать в процессах экономического планирования и желанием свободы от государственного регулирования, представителей властей и постороннего вмешательства. [3. С. 21].

Анализ множества статей позволяет сделать вывод о несомненном интересе западных исследователей к уровню осознания коренными народами Севера своей идентичности, своей гражданской общности, к развитости их социальных институтов, к степени вовлеченности в процессы отстаивания и реализации своих прав на территорию, на которой они ведут «традиционный» образ жизни. Причины такого интереса могут быть разными: исследовательскими, экономическими, политическими.

Основным посылом авторов статей, рассматривающих условия жизни коренных народов (а таких большинство), является призыв к объединению разобщенных местных сообществ при полной поддержке неправительственных организаций и других членов мирового сообщества для совместных усилий в борьбе за свои демократические свободы, гарантирующие им право голоса при планировании проектов по добыче нефти и газа в регионах их традиционного проживания и хозяйствования. Но

прежде всего, коренные жители данных регионов, по мнению исследователей, должны осознать свою ответственность за перемены, отбросив свое представление о свободе как стратегии невмешательства или, иначе говоря, свободы от ответственности.

Именно таким видится положение «истинных хозяев» Сибири и Дальнего Востока, и это положение диктует соответствующие решения проблем региона. На что бы ни было направлено внимание ученых – исчезающие языки северных народов, определение народами своей идентичности и происхождения, утрата традиционных способов хозяйствования, ухудшение экологии – все сводится к выводу о необходимости повышения уровня самосознания, осведомленности о своих правах и осознанию личной ответственности за свое будущее коренными северными народами.

Литература

1. King A.D. Linguistic expedition to Kamchatka documenting the Koryak language, December 2012 – August 2013 // *Sibirica*. 2014. Vol. 13, № 3. pp. 79–92.

2. Broz L. Substance, conduct, and history: ‘Altaian-ness’ in the twenty-first century // *Sibirica*. 2009. Vol. 8, № 2. pp. 43–70.

3. Wilson E. Freedom and loss in a human landscape: multinational oil exploitation and the survival of reindeer herding in north-eastern Sakhalin, the Russian Far East // *Sibirica*. 2003. Vol. 3, № 1. pp. 21–47.

К.Е. Мукасеев

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДНЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ» 1920–1930-х гг.

Науч. рук. – д-р. ист. наук, профессор Н.Н. Родигина

В статье рассмотрен вопрос о репрезентациях Международного женского дня на страницах газеты «Советская Сибирь» в 1920–1930-х гг. Прослежена динамика празднования в период НЭПа, коллективизации и индустриализации. Выявлены варианты репрезентации Международного женского дня на страницах региональной газеты, а также те социальные роли, которые приписывались «новой» советской женщине.

Ключевые слова: «Советская Сибирь», 8 марта, идеология, образ женщины.

С приходом большевиков к власти в России тема борьбы женщин за свои права приобретает новое идеологическое звучание и актуализируется в си-

стеме советских праздников при помощи «красного дня» календаря. Широко известно, что материалы СМИ, в том числе региональные, являлись рупором официальной идеологии, формирующей массовое сознание.

Также, важно отметить, что период 1920–1930-х гг. характеризуется формированием новой советской системы праздников, которая, с одной стороны, подразумевала разрыв с имперским праздничным календарем, с другой – адаптацию ряда праздников к новым идеологическим задачам. Немецкий исследователь Матё Рольф характеризует празднества, как определённые политические практики, с присущей символикой, регламентом направленные на пропаганду идеологических аспектов власти большевиков [1. С. 7].

Несмотря на то, что советские праздники неоднократно привлекали внимание исследователей, до настоящего момента отсутствуют специальные работы, посвященные изучению праздника в отражении сибирской прессы.

Цель настоящей работы состоит в выявлении компонентов репрезентации празднования дня 8 марта на страницах газеты «Советская Сибирь» на начальном этапе истории советского государства. Источниковую базу исследования составили номера «Советской Сибири» за 8 марта в 1920–1930-е гг. Методология исследования базируется на сравнительно-историческом и историко-генетическом методах.

Накануне окончания Гражданской войны газета обращается к женщинам с призывами о борьбе с врагами советской власти. Например, в 1922 г. выходит статья под заголовком «Привет женщине-товарищу в борьбе». В ней авторы воспевают женщин, которые наряду с мужчинами, выступают против господства капитала, буржуазной общественной морали, так называемых, «эксплуататоров» и прочих врагов новой власти [2. С. 3]. В статье «Именинница» воспевается рождение «новой женщины... родившейся от Труда и Капитала... Имя ей – Пролетарка» [3. С. 3].

В 1924 г. газета выходит под заголовком, приветствующим женщин всего мира: «Через все границы и кордоны, заставленные штыками, через тысячевёрстные пространства, на рудники, заводы, плантации мы шлём вам, работницы всего мира, наш пламенный привет!» [4. С. 1].

На протяжении всего периода 1920–1930-х гг. можно встретить статьи, в которых противопоставляются угнетение женщин на капиталистическом Западе и широкие возможности, которые открываются перед женщиной в СССР: «В международный день мы не забываем и своих зарубежных сестёр, которые живут ещё под игом капитала, которые, борясь с эксплуататорами, свои взоры обращают сюда, к стране советов, где нет угнетения, где куётся счастье всех трудящихся» [5. С. 1]. Такие мате-

риалы являются попыткой доказать читателям преимущества коммунистической идеологии в сравнении с враждебным капитализмом.

С 1926 г. появляются фотографии женщин на съездах и производстве, портретные снимки. Подчёркивается причастность девушек к «традиционно мужским профессиям», что проявляется даже в названиях статей за 1929 г. («Женщины-строители», «Женщины-бойцы», «Не бабы и не рязанские»), повествующих об успехах женщин в армии, хозяйстве, исполкомах, советах и на производстве.

Начало коллективизации газета встречает под лозунгами: «Работницы и крестьянки, под руководством коммунистической партии развёртывайте наступление на кулака и нэпмана, стройте социализм» [6. С. 1]. «Только крупное социалистическое хозяйство окончательно раскрепостит женщину!» [7. С. 1]. Коллективизация и активное вовлечение женщин в общественное производство презентовались как самые действенные меры борьбы с эксплуатацией женского труда.

Реже авторами газет публикуются материалы, посвящённые образам матери и ребёнка. В частности, в выпуске за 1933 г. приводится плакат немецкой коммунистической партии с женщиной, держащей на руках ребёнка, на котором написано: «Только в Советском союзе мать и дитя имеют защиту». Под плакатом аннотация: «В Германии – катастрофическая смертность детей, страдания и нищета матерей. На снимке плакат германской компартии, изображающий советскую работницу с ребёнком» [8. С. 2].

Далее опубликованы хвалебные заметки о материнстве и детстве от зарубежных авторов, например от Уолтера Дюранти, журналиста «Нью-Йорк Таймс», получившего Пулитцеровскую премию за статьи, посвящённые успехам индустриализации, известного, прежде всего, созданием положительного образа советской системы за рубежом: «В Европе и Америке наступление холодов приносит с собой детям лишения и страдания, а здесь, в СССР зима приносит детям весёлый лыжный и конькобежный спорт» [9. С. 2].

Процесс освоения женщинами мужских профессий активно прослеживается в период индустриализации и первых пятилеток. На страницах газеты закладывается образ женщины, работающей во всех сферах общественного производства: от колхозов до промышленных предприятий (заводы, шахты и т.д.). В выпуске за 1934 г. рассказывается об успехах женщин в качестве машинистов паровозов, организаторов сельсоветов, бригадиров и на прочих должностях [10. С. 2].

С 1935 г. в праздничных выпусках газеты регулярно появляются изображения И. В. Сталина. Формирование культа личности вождя про-

слеживается и в выпуске газеты за 1937 г., в котором помещена его фотография на трибуне во время приветствия делегации жён инженерно-технических работников легкой промышленности [11. С. 1]. В 1939 г. помещены изображения женщин, приветствующих В.И. Ленина и И.В. Сталина [12. С. 1].

Праздничные выпуски газеты «Советская Сибирь», посвященные международному женскому дню, позволяют выявить социальные роли, которыми наделялась «новая» женщина: 1) борец с пережитками «старого» мира и врагами советской власти; 2) активный участник коллективизации и индустриализации; 3) труженица, способная к освоению «мужских» профессий; 4) реже женщина позиционировалась в традиционной роли матери, имеющую всевозможную поддержку со стороны страны советов, как воспитательницы будущих граждан СССР. Сам праздник представлялся значимым событием, носил существенную идеологическую окраску и использовался авторами газеты в качестве попытки манипулирования массовым сознанием.

Литература

1. *Советские массовые праздники* / М. Рольф. М.: РОССПЭН, 2009.
2. *Бой Ф. Привет женщине товарищу в борьбе* // Советская Сибирь. 1922. 8 мар.
3. *Именинница* // Советская Сибирь. 1922. 8 мар.
4. *Через все границы...* [перед. статья] // Советская Сибирь. 1924. 8 мар.
5. *День работниц и крестьянок* [перед. статья] // Советская Сибирь. 1926. 7 мар.
6. *Работницы и крестьянки...* [перед. статья] // Советская Сибирь. 1929. 8 мар.
7. *Только крупное социалистическое хозяйство...* [перед. статья] // Советская Сибирь. 1930. 8 мар.
8. *Только в Советском союзе...* // Советская Сибирь. 1933. 8 мар.
9. *Признание буржуазной газеты* // Советская Сибирь. 1933. 8 мар.
10. *Иванов С. Шефы паровозов, стрелок, барачников* // Советская Сибирь. 1934. 8 мар.
11. [перед. статья] // Советская Сибирь. 1937. 8 мар.
12. [перед. статья] // Советская Сибирь. 1939. 8 мар.

ФЕНОМЕН ЭКОПОСЕЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

Статья посвящена истории возникновения и формирования такого нового феномена социальной жизни современной России как экологические поселения. Рассмотрены причины их образования, социальный состав, основные принципы повседневной жизни и быта. Работа основана на немногочисленных исследовательских публикациях, уставах экопоселений, их делопроизводственной документации, материалах авторских интервью с инсайдерами экопоселенческого движения.

Ключевые слова: экопоселение, родовое поместье, современное российское общество.

Экопоселения представляют собой новое явление современной истории, которое начало формироваться с конца 1990-х годов и развивается по сей день. Экопоселение – это объединение инициативной группы людей, которое проживает на одной территории (как правило, в сельской местности); ведет совместный хозяйственный и повседневный быт; придерживается единой системы ценностей, на основе принципов экологической осознанности и устойчивого развития, при котором потребности человека, семьи и общества удовлетворяются без ущерба для будущих поколений.

Среди отечественных исследователей данную проблематику освещали А.В. Шубин, И.В. Задорин, Д.В. Мальцева, А.П. Хомякова, а также И.П. Кулясов и А.А. Кулясова – непосредственные участники экопоселенческого движения и жители экопоселения. Авторы затрагивали аспекты экологической модернизации, анализировали быт и обозревали основные проблемы, с которыми сталкиваются экопоселения. Одно из самых масштабных исследований по данной теме провела исследовательская группа «Циркон» – независимая частная исследовательская компания. В 2012 г. группой был подготовлен аналитический отчет «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения». Однако, есть ряд сложностей в изучении таких сообществ: во-первых, по данной проблеме относительно немного исследовательской литературы (преимущественно об экопоселениях в европейской части России); во-вторых, поселения зачастую представляют собой закрытые сообщества, не готовые поделиться своим образом жизни с аутсайдером. В то же время данная проблема представляет исследовательский интерес, поскольку имеет большое количество последователей по

всему миру и в России (и в ее сибирских регионах). Экологические поселения на территории нашей страны находятся в стадии становления, что делает возможным их изучение в режиме реального времени. Количество экопоселений и их жителей в России ежегодно растет, как и интерес к данной проблеме, о чем свидетельствует аналитика поисковых ресурсов.

Методология исследования основана на применении общенаучных и специально-исторических методов. Метод систематизации применяется при описании системы внутреннего устройства экодеревень и экопоселений России, ее подсистем и функций. В работе использован метод глубинного интервью, историко-сравнительный анализ с применением строгих и нестрогих аналогий в ходе сравнения современного экопоселения и традиционной русской общины, а также сравнение в рамках одной культурно-исторической общности, которое используется при сравнении экопоселений, расположенных на территории России.

Источниковая база – нотариально заверенные официальные и неофициальные уставы экопоселений, их делопроизводственная документация (протоколы Общих собраний), картографические источники, глубинные интервью с лидерами и участниками действующими и бывшими) экопоселенческого движения.

Исследователи выделяют два этапа в истории экопоселений в России [1. С. 168]. На первом этапе экологические поселения представляли собой сообщества, которые вели совместное хозяйство, основывались на принципах взаимопонимания, одной из основных целей перед собой ставили сокращение потребления. Экопоселенческое движение зарождалось в переходное время, когда в стране был социально-экономический и политический кризис ввиду, а также происходила трансформации экономической системы. Возросла доступность иностранной литературы и прессы, из которой возможно было узнать об идее экологической осознанности, а также об устойчивом образе жизни. Развитие информационных технологий благоприятствовало быстрому увеличению количества и качества информации по данной теме.

Экопоселенческое движение в России носило характер внутренней миграции – отказ от участия в жизни государства: политической, общественной и духовной, обособление себя от государства ввиду несогласия с его идеологией или по иным причинам [2]. Сейчас внутренняя миграция скорее вызвана не политическими мотивами, а желанием противостоять цивилизации, современному обществу потребления. Западные экопоселения, как правило, стремятся к использованию энергосберегающих ресурсов и альтернативных источников энергии, в то время как в российских экологических поселениях поначалу не было соответствующей инфраструктуры.

Второй этап истории экологических поселений начался в 2000-е годы. Их популярность возросла за счет выхода серии книг В.Н. Мегре, в которых автор высказывал идею единения человека и природы. Основным отличием экопоселений второго этапа от первого является эзотерическая составляющая, а также идея о России будущего, в которой каждая семья будет жить в родовом поместье. Кроме того, вторая волна экопоселенческого движения характеризуется массовостью, в отличие от первого. В 2000-е гг. появилось большое количество родовых поместий, которые относили себя к экологическим поселениям. Именно на втором этапе экологические поселения активно стали использовать веб-ресурсы и «продвигать» себя в сети. Экологические поселения устраивают дни открытых дверей, выездные лекции и семинары, а также активно представлены в социальных сетях. Возникли не только сайты отдельных экопоселений, но и их объединений: экопоселений России, стран СНГ, Европы. Самым масштабным проектом стала организация Global Ecovillage Network (GEN) – Глобальная сеть экопоселений, созданная в 1991 г. Интернет пространство позволяет поселенцам обмениваться позитивным и негативным опытом, что кратно ускоряет их развитие.

Возраст поселенцев зависит от того на каком этапе находится само поселение, но в основном варьируется от 25 до 35 лет. Большую роль при переезде для многих играет нереализованный творческий потенциал, который, по мнению переезжающих, не представляется возможным реализовать в городской среде. Среди жителей экопоселений можно встретить большое количество предпринимателей. Последователи экопоселенческого движения обладают такими особенностями характера как авантюризм и готовность идти на риск, поскольку результат переезда в экологическое поселение, а особенно создание нового на необжитой ранее земле, не известен заранее и его сложно спрогнозировать. Помимо предпринимателей, встречаются также представители как творческих, так и технических профессий, например, программисты [3. С. 5]. Подавляющая часть жителей имеют высшее образование. Особенностью феномена является то, что экологические поселения создают горожане, причем среди последователей движения чаще встречаются жители крупных городов или региональных центров [4. С. 130]. Большинство жителей не имели ранее никакого представления о ведении хозяйства и жизни на природе до переезда. Переезд на природу требует финансовых вложений, особенно на первых этапах. Люди, переезжающие из города на природу, финансово состоявшиеся и обеспеченные. Также для поселенцев важны семейные ценности, распространены многодетные семьи.

Экопоселения устроены как небольшое общество. Обычно в нем проживает от 10–15 до 100 семей. В экологических поселениях есть фор-

мальный или неформальный лидер, который организывает общественную деятельность, занимается решением хозяйственных и организационных вопросов. В нем есть свои правила, оформленные в устав экопоселения, в котором прописаны обязанности и права жителей, правила жизни в поселении. Наиболее развитые и крупные экологические поселения имеют свои уставы. Они могут быть нотариально заверены с целью регистрации себя как юридического лица (некоммерческие партнерства, потребительские дачные кооперативы, дачные некоммерческие партнерства и др.), так и неофициальные, принятые на общем собрании путем голосования. По структуре уставы схожи между собой – в них прописана цель, которую преследует поселение; обозначен главный совещательный орган управления и его полномочия; даны правила, обязательные для жителей экологического поселения; определен порядок вступления новых членов; описаны сферы ответственности партнерства или кооператива; обозначены источники пополнения бюджета (чаще всего это обязательные ежегодные или вступительные членские взносы); приведены санкции, предусмотренные за невыполнение обязанностей участников экопоселения. Все важные вопросы внутренней жизни обсуждаются и решаются на общем собрании посредством голосования.

Итак, экопоселение есть новая форма социальности, возникающая в результате ухода жителей города за его пределы и имеющие следующие самоназвания – «родовые поместья», «эко-деревни», «соседские поселения». В качестве причин возникновения экопоселений возможно выделить: уход от политической и экономической нестабильности, духовное развитие и самопознание, выбор благоприятной экологии, размеренный сельский ритм жизни, избегание городских соблазнов и пороков, воспитание детей в рамках собственной мировоззренческой системы. Экопоселения не представляют собой однородного типа поселений, они различаются по размерам, мировоззрению жителей, внутреннему укладу и другим параметрам. Экопоселения по отношению к внешней среде демонстрируют уважительное отношение к природе с помощью использования экологических способов ведения хозяйства и ресурсосберегающих технологий. Экологические поселения декларируют автономное существование, стремятся к самообеспечению и безотходному производству, дистанцируются от соседних населенных пунктов. Движение находится в стадии формирования и развития.

Литература

1. Кулясов И.П. Идеи экологической этики в практике устойчивых сельских поселений // О-Мега форум: III международный полярный год. СПб.: РГТМУ. 2008.

2. *Исследовательская группа Циркон*. Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. М., 2012.

3. *Хомякова А.П.* Экопоселения в России: проблемы и перспективы развития // Модернизация экономики и общества: материалы XIV Международной научной конференции. Москва, 2–5 апреля 2013 г. М., 2013. С. 5–12.

4. *Позаненко А.А.* Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. 2016. № 25 (1). С. 129–153.

А.С. Соловьева

ОТРАЖЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

В статье представлен краткий обзор отражения партизанского движения Отечественной войны 1812 г. в источниках личного происхождения. Информация из различных текстов сопоставляется с целью установления сходств и различий в описании партизанского движения, а также для формирования общего образа участника партизанского движения в глазах современников того времени.

Ключевые слова: война 1812 года, народная и отечественная война, партизанское движение, патриотизм.

«Малая война» или партизанское движение, как вид военного искусства, имеет давнюю историю, но в России возникло только в ходе Отечественной войны 1812 года, причем с нехарактерной для XIX в. особенностью – при дееспособной регулярной армии. Изучение данного феномена и его влияния на ход войны, началось сразу же после ее окончания и продолжается до настоящего времени. Однако эта тема долгое время была значительно «политизирована»: в дореволюционное время аксиомой «единения всех сословий вокруг престола», в советский период – идеей основополагающей роли народных масс в историческом процессе.

Современные работы неоднозначны и исходят из противоположных взглядов: от поддержки и развития прежних суждений до их критики и отрицания не только факта существования «крестьянских партизанских отрядов», но и участия русского народа в войне. Таким образом, в настоящее время отсутствует единое представление о том, была ли «народная война» дубиной, сокрушившей армию непобедимого до 1812 года Наполеона, и что следует понимать под термином «партизанское движение» в 1812 г.

Представляется, что обращение к источникам личного происхождения (при чем, с обеих сторон) позволит внести некоторую ясность в представления о характере партизанского движения. При этом, учитывая многочисленные источники, многие из которых были опубликованы лишь в связи со 180 и 200-летем войны 1812 года, в рамках настоящей дискуссии к рассмотрению предложены, прежде всего, сборники мемуаров солдат и офицеров русской армии, изданные в 1990-х годах под редакцией А.Г. Тарковского [1–3], а также рассказы очевидцев – крестьян и простых горожан, о войне, собранные Т. Толычевой [4]. Для сравнения из ранее изданных источников проанализируем дневники Д.В. Давыдова [5, 6], записки И.Т. Раджицкого [7], Арман де Коленкура [8] и Фридрих-Вильгельмы Лоссберга [9].

При рассмотрении данных источников обнаруживается схожее представление различных авторов о том, что понятие «партизан» означает участника специально организованного армейского отряда, а вовсе не крестьянина, включившегося в вооруженную борьбу с врагом. Так, например, генерал Д.Н. Дурново пишет: «Многие русские партизаны расстреливают коммуникации неприятеля, в том числе славный Фигнер, доблестный Савелин, храбрый Давыдов» [1. С. 53]. Аналог данному высказыванию встречаем у командира батальона М.М. Петрова: «...а партизаны граф Орлов-Денисов, Кудашев, Д. Давыдов, Сеславин, Фигнер, Ефремов и другие терзали как кому где попало, в одиночку и сообщаясь...» [2. С. 115] и у подпоручика Г.П. Мешетича: «Неприятель впал в некое уныние и бездействии, чем пользовались русские партизаны и разъезды казаки, посылаемые отряды легких войск везде их поражали, брали в плен...» [2. С. 54].

Сподвижник Наполеона Арман де Коленкур в своих дневниковых записях не говорит конкретно о действиях партизанских отрядов, однако считает, что «казаки – несомненно лучшие в мире легкие войска для сторожевого охранения армии, для разведок и партизанских вылазок...», но упоминает и крестьян, наносивших ощутимый урон армии завоевателей: «Мелкие нападения со стороны казаков и вооруженных крестьян вынудили герцога Тревизского стянуть к центру свой маленький корпус, чтобы не подвергать его риску...» [8].

Подтверждение данных слов найдем и в записках Лоссберга: «Горе одиночным людям и слабым партиям нашей армии, которые недостаточно сильны для отпора соединенных партий казаков и крестьян, преобразованных в ополчение!» [9].

Инициатива крестьян, активно освещаемая в советской историографии, в анализируемых источниках отражается под другим углом. Так,

известный партизан Денис Давыдов в своем дневнике отразил следующее: «Роздал крестьянам взятые у неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих» [5].

Подтверждение данных слов увидим и у генерал-майора И.Т. Раджицкого, который рассказывает о другом известном армейском партизане: «С помощью крестьян, которых Фигнер собирал, вооружал и через которых узнавал о силе и положении неприятелей, увеличивая беспрестанно свою партию прибылыми удалцами...» [7].

В мемуарах военного топографа Карла Теннера упоминается герой войны Ермолай Васильевич Четвертаков, занимавшийся обучением крестьян фронтовой службе, за что они «избрали его, в знак благодарности, своим командиром» [3. С. 57].

Из «Воспоминаний о 1812 года в среде простонародья» встречается информация о крестьянах, которые открыто не сопротивлялись, но прятали свое имущество, именно прятали, а не уничтожали, понимая всю его ценность и необходимость. Так, например, в рассказе Марии Никольской отмечено: «Целые сутки гремела пальба. Крестьяне собрали свое добро и зарыли его в землю, а самим спастись было некуда. Другие в леса уходили в леса...» [4. С. 36].

Что же касается «беспощадного мужицкого бунта», то у Теннера находим: «...рассказывали мне здешние крестьяне множество кровавых и варварских своих подвигов, из числа коих я сообщу следующий... Обезоружив кирасиров, они заперли их в баню, отдельно стоявшую, и потом сожгли ее. Только одному удалось выскочить из огня, — прибавил крестьянин, рассказывавший мне это происшествие, — но мы бросили его опять в пламя» [3. С. 58].

Однако из дневника Давыдова следует, что крестьян учили, как необходимо поступать с врагами: «Примите их, — говорил я им, — дружелюбно, поднесите с поклонами... уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу избы или на улице поставленное, и совершите то, что бог повелел совершать с врагами христовой церкви и вашей родины. Истребив их, закопайте тела в хлев, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте» [5].

Вместе с тем, в обсуждаемых источниках можем встретить упоминание о жестокости и самих армейских партизан, наиболее ярко показанных на примере Фигнера, жестокости которого содрогнулись бы «его лучших офицеров, вначале к нему приверженных» [5]. Примеры жестокости встречались и у Давыдова.

Таким образом, жестокость в войне 1812 года была характерна и для высшего офицерского состава, получившего свободу действий. Но не

стоит забывать также, что в войсках «Великой армии» Наполеона встречаются не менее жестокие поступки.

Подведем итоги. В результате исследования было выявлено, что современники тех событий, с партизанами отождествляли, прежде всего, специально организованные армейские партизанские «предприятия». Крестьян соотносили с этими отрядами, если только они входили в отряды военных партизан.

Крестьянские отряды позиционируются просто как вооруженные крестьяне, крестьяне или жители, командование которыми они сами при возможности пытались передать офицерам или опытным солдатам армии и обучиться у них тактике действий.

Согласно определению «партизанской войны» Давыдова широта действия крестьянских отрядов не позволяет их идентифицировать в партизанские отряды, учитывая, что под партизанской борьбой подразумеваются ширококомасштабные действия, которые «пересекают все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами...» [6].

Данное определение сохраняет свою актуальность и при изучении событий более позднего времени, поскольку и до настоящего времени нет четкой разницы между собственно партизанской войной и вооруженным сопротивлением гражданского населения завоевателям.

Тем не менее, борьба крестьян с завоевателями – это исторический факт, подтверждающий ее народный характер. Крестьяне действительно воевали с неприятелем, хоть и на небольшой территории, помогая армейским партизанам или служа в их отрядах. Крестьяне, может и не были партизанами, по мнениям современников, но помогали осуществлять партизанские действия.

Отметим, что часто современные исследователи, отражая «беспощадный мужицкий бунт» в 1812 году, забывают упомянуть аналогичные действия военных партизан и тот факт, что наставления о формах борьбы, крестьяне также часто получали от военных партизан.

В заключение вспомним слова Гете о том, что «гораздо легче найти ошибку, нежели истину. Ошибка лежит на поверхности и ее замечаешь сразу, а истина скрыта в глубине и не всякий может отыскать ее...». Тогда возможно поискать ее и в других источниках личного происхождения о войне 1812 года.

Литература

1. *1812 год*: Военные дневники: сборник / общ. ред. и сост. А.Г. Тартаковский. М.: Советская Россия, 1990. 459 с.

2. *1812 год*: Воспоминания воинов русской армии: сборник / общ. ред. и сост. А. Г. Тартаковский. М.: Мысль, 1991. 477 с.
3. *1812 год* в воспоминаниях современников: сборник / общ. ред. и сост. А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1995. 202 с.
4. *Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой (Е. В. Новосильцовой). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 2-е изд. 115 с.
5. *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/1812/library/Davidov1/#part3>, свободный (дата обращения: 17.02.2019).
6. *Давыдов Д. В.* О партизанской войне. [Электронный ресурс]. URL: <http://poesias.ru/proza/denis-davydov/davidov1003.shtml>, свободный (дата обращения: 06.05.2019).
7. *Радужицкий И. Т.* Походные записки артиллериста. С 1812 по 1816 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/lib/radozhitskiy00.htm>, свободный (дата обращения: 17.02.2019).
8. *Коленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/caulaincourt/03.html>, свободный (дата обращения: 17.02.2019).
9. *Лоссберг Ф. В.* Письма вестфальского штаб-офицера [Электронный ресурс]. URL: <http://adjudant.ru/captive/netten.htm>, свободный (дата обращения: 17.02.2019).

К. А. Соснерж

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО НАРОДОВ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой Л. М. Дамешек

В статье рассматриваются оценки и мнения отечественных авторов дореволюционного, советского и современного периодов по вопросу административного устройства народов Сибири в первой четверти XIX в.

Ключевые слова: историография Сибири, административные реформы в Сибири.

Россия со времени своего возникновения была многонациональной страной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с такими финно-угорскими народами как чудь, карелы, меря, весь. С присоединением каждой новой территории на Востоке, начинался процесс ее управленческого освоения, предшество-

вавший экономическому. Важно отметить, что изначально инкорпорация новых территорий осуществлялась преимущественно административными методами. Именно поэтому представляется важным изучение методов властного освоения Сибири и последующей инкорпорации коренного населения в общероссийское имперское пространство.

Дореволюционный период отечественной историографии, освещающий вопросы административного устройства народов Сибири, представлен в работах авторов различных идейных течений. Переселенческая политика самодержавия способствовала увеличению интереса к изучению региона, в том числе и среди авторов официального направления. Особый интерес представляет трехтомный труд Ю.А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири» 1854 г. Весь третий том обозрения посвящен структурированному описанию административного управления Сибири [1. С. 5–55]. В целом, труд Ю.А. Гагемейстера возможно охарактеризовать как обзорно-описательный нарратив. В подобном ключе создавались труды и других авторов официального направления. К изучению структуры административного управления коренного населения обратился А.Ф. Раев. Автор отмечал общее устройство инородной управы с волостным правлением государственных крестьян [2. С. 1–40].

Один из представителей дворянской историографии М.А. Корф рассмотрел административные преобразования лишь в качестве результата деятельности М.М. Сперанского на определенном жизненном этапе [3. С. 228–237]. Само двухтомное сочинение в 60–70-е гг. спровоцировало целую полемику вокруг имени реформатора и его деятельности в Сибири.

Буржуазные реформы 60-х гг. хотя и не коснулись Сибири в полной мере, однако актуализировали переоценку сибирских преобразований. Ответом на такой запрос времени в 1872 г. явился двухтомный труд В.И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822». В отличие от Корфа, Вагин в своем труде сделал акцент не на личности Сперанского, а на самих преобразованиях 1822 г., поставив вопрос о необходимости новых реформ. Стоит отметить, что В.И. Вагин, являясь практиком-администратором, проследил дальнейшую судьбу «Учреждения» Сперанского и смог увидеть некоторые слабые стороны административных преобразований 1822 г., которые он связывал, прежде всего, с невозможностью обойтись в организации местного управления только силами бюрократии [4. С. 326–332].

Большой комментарий к труду Вагина был сделан представителем демократического направления в историографии Сибири А.П. Щаповым. Он в своей статье дал дополнительные сведения о существовавшей до ревизии Сперанского борьбе между купеческой и чиновничьей партиями,

отметив, что в работе Вагина этот вопрос был поднят, но не раскрыт полностью [5. С. 644].

Дальнейшее изучение темы продолжилось в рамках областнической концепции истории Сибири. Одним из первых откликнулся на труд Вагина Н.М. Ядринцев, который определил «Устав об управлении инородцев» как «доброжелательный по духу», однако отметил, что с распределением инородцев на разряды (оседлые, кочевые, бродячие. — К.С.) и с переводом некоторых из них на оседлость, материальное положение коренных жителей приходило в крайний упадок [6. С. 106–110].

Взгляды Ядринцева оказали влияние на С.М. Прутченко. В своем труде «Сибирские окраины...» автор сделал попытку историко-правового анализа административной политики Российского государства в отношении Сибири, отметив необходимость учитывать особенности окраин при организации их управления [7. С. 279].

Таким образом, в оценках результатов деятельности Сперанского в дореволюционной историографии находит место обоснованная критика, связанная с противоречиями сибирских преобразований [8. С. 194–195].

В первой четверти XX в. С.В. Бахрушин в своих трудах впервые указал на непоследовательность проведения положений «Устава об управлении инородцев», отметив при этом ряд противоречий, связанных как с самим Уставом, так и с общими условиями сибирской жизни XIX в. На ряду с этим, исследователь выделил прогрессивные элементы Устава, такие как стремление к сохранению самобытности народов Сибири, а также стремление к ограничению деятельности русских предпринимателей в регионе [9. С. 88–89]. Мнение Бахрушина в этом вопросе было поддержано А.И. Мурзиной в середине XX в.

В советские годы акцент в исследованиях был сделан на социально-экономическую составляющую истории народов Сибири. В этот период была выделена проблема проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальный быт коренных народов.

В 1950-х гг. проблема административного устройства Сибири рассматривалась в работах Л.И. Светличной. В отличие от утверждения Бахрушина, о стремлении Устава к сохранению самобытности народов Сибири, Светличная указала, что мероприятия Устава были направлены на ослабление родового устройства, а также на приравнивание коренного населения к русскому. Прогрессивные элементы Устава, о которых говорили Бахрушин и Мурзина, по мнению Светличной, были слабо выражены, что и привело к негативным последствиям административной реформы [10. С. 24].

В конце 1960-х гг. вышла пятитомная «История Сибири», которая представляла собой итог развития советского сибиреведения. В отече-

ственной научной литературе впервые реформы 1822 г. были освещены на фоне всей жизни сибирской окраины [11].

Таким образом, в советской историографии акцент был сделан на исследовании аграрной политики Российской империи, экономическом развитии Сибири. Без должного освещения в советской науке оказались вопросы политики самодержавия по отношению к кочевым народам Сибири, деятельности органов самоуправления и их отношения с вышестоящими органами власти, проведения волостной реформы, землеустройства кочевых народов конца XIX – начала XX в.

Новый этап в отечественной историографии характеризуется переосмыслением стереотипов, сложившихся в советский период. Вводятся в оборот новые документальные источники, начинаются научные изыскания в области окраинной и национальной политики Российской империи.

На данном этапе, среди работ, посвященных административному управлению в отношении Сибири следует выделить работы Л.М. Дамешка, в которых автор приходит к выводу, что в административной практике Российской империи по отношению к коренному населению в пореформенный период, можно наблюдать эволюцию от политики невмешательства, проводившейся до 20-х гг. XIX столетия, к управлению по крестьянскому образцу [12. С. 279–280].

Также следует отметить исследования в отношении административной конфигурации Сибири А.В. Ремнева, в работах которого особое административное устройство Азиатской России в XIX в. рассматривалось как «переходная форма» от военно-административного надзора за традиционными институтами власти к замене их общероссийской бюрократической системой государственных учреждений [13. С. 52–66].

Большой вклад в исследование административного устройства коренного населения Сибири внесла Б.Ц. Жалсанова, опубликовав огромное количество документов, освещающих деятельность органов местного самоуправления на примере отдельных регионов [14].

Таким образом, в условиях постоянного реформирования деятельности государственной власти, которые отражаются и на деятельности органов местного управления, важно учитывать, как положительный, так и отрицательный опыт регионального управления. Такой подход позволит предвидеть и избежать возможных негативных последствий различных преобразований.

Литература

1. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Т. III. СПб.: Тип. П-отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854.

2. *Раев А. Ф.* Буряты // Вестн. геогр. общества. 1858. Т. 24.
3. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. II, (ч. 4). СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861.
4. *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822: в 2 т. Т. II. СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1872.
5. *Щапов А. П.* Сибирское общество до Сперанского: Соб. соч. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова, 1908. Т. 3.
6. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб.: Изд-во И. М. Сибирякова, 1882.
7. *Прутченко С. М.* Сибирские окраины: областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1899.
8. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. и др.* Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.
9. *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции до 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1–2.
10. *Светличная Л. И.* Преобразовательные планы и административная деятельность М. М. Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1952.
11. *История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России.* Л.: Наука, 1968.
12. *Дамешек Л. М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.): монография. Иркутск: Оттиск, 2018.
13. *Ремнев А. В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М.: Москов. обществ. науч. фонд, 1997.
14. *Дамешек Л. М.* История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.

В.А. Третьяков

КРИЗИС СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПУБЛИКАЦИЯХ И ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЬМАХ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» (ЯНВАРЬ–МАРТ 1990 г.)

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов

На основе публикаций в газете «Комсомольская Правда» делается попытка реконструкции общественного мнения периода перестройки об экономическом кризисе, его особенностях и динамике.

Ключевые слова: перестройка, экономический кризис, газета «Комсомольская Правда».

Общественная дискуссия вокруг перестройки и возможностей проведения в ней полноценной экономической реформы не утихает с момента распада Советского Союза и до настоящего времени. Каково же было общественное мнение во время самой Перестройки в контексте экономического кризиса? Согласно идеологам и государственным деятелям эпохи Перестройки экономическое положение государства влияет на сознание и жизнь общества [1]. Особенности этого влияния возможно охарактеризовать обратившись к периодической печати, а именно к одной из популярнейших до настоящего времени газет – «Комсомольской Правде». Именно периодическая печать, с одной стороны, выражает общественное мнение, но, с другой стороны, и формирует его.

С 1 января 1990 г. «Комсомольская Правда» была зарегистрирована в Госкомитете СССР по печати как «Всесоюзная ежедневная газета» и перестала получать государственные дотации, как печатный орган ЦК ВЛКСМ. Таким образом, возрастала не только информационная связь издания с широкой читательской аудиторией, но и ее экономическая зависимость от нее. Поскольку востребованность и тираж издания теперь определяли его бюджет – количество подписчиков и розничных покупателей, поступления от рекламодателей. «Комсомолка» в этом отношении вполне вписалась в рыночные отношения, войдя в книгу рекордов Гиннеса по тиражу одного выпуска в 1990 году – 21 миллион 900 тысяч экземпляров [2].

Среднее количество публикаций в одном номере было равно 20, от 2 до 4 из них было посвящено экономическому кризису полностью или частично. Всего лишь в двух выпусках из периода январь–март тема экономики не затрагивалась вообще. Таким образом, можно утверждать, что от 10 до 20% материалов газеты было посвящено экономическому кризису.

су, но в рамках выбранного временного отрезка сколько бы то ни было значительных изменений в динамике данной темы не наблюдалось.

По итогам контент-анализа публикации были классифицированы по следующим темам: 29% – обсуждение экономической реформы, 25% – дефицит, 22% – бедность, 15% – несостоятельность плановой экономики, 9% – забастовки. Хотя первые 3 темы имеют схожие черты, основное внимание было сосредоточено на обсуждении экономической реформы, возможных путей выхода из кризиса. В контексте этой темы, например, на Всесоюзном совещании представителей рабочих, крестьян и инженерно-технических работников было предложено ввести возможность аренды земельных участков в колхозах [3]. Рабочие требовали предоставления большей самостоятельности в управлении предприятиями, но каких-либо радикальных требований по изменениям в советской экономике не звучало.

Дефицит был выделен в отдельную категорию, хотя и связан с темой бедности. Согласно материалам газеты, дефицит наблюдался на повседневные бытовые товары: продукты питания, одежда и прочее, а также на товары престижного потребления: например, автомобили, ювелирные украшения [4]. Судить же о бедности, в первую очередь, следует по экономической статистике и лишь, во вторую очередь, по общественному мнению. Тем не менее, на страницах газеты бедность части советских граждан выражалась, кроме дефицита, в жилищных и рабочих условиях, в невысоких зарплатах и неполноценности городской инфраструктуры.

Несостоятельность плановой экономики в большинстве случаев показывалась на контрасте с развитием капиталистических стран; требования упразднения плановой экономики не было, высказывались лишь за реформу существующего строя, а именно за предоставление значительной самостоятельности части промышленных предприятий и крестьянских хозяйств [5]. Примечательной же чертой забастовочного движения было отсутствие экономических требований в рамках увеличения зарплат или улучшения рабочих условий, бастующие требовали предоставления хозяйственной независимости для своих предприятий [6].

Следующая классификация материалов представляет собой сферы общественной жизни, которые затрагивались экономическим кризисом или экономическим строем вообще: социальная – 33%, политическая – 31%, гражданская – 25%, правовая – 11%. Социальная сфера включает в себя условия жизни советских граждан, политическая сфера возникает из-за того, что для выполнения каких-либо экономических требования необходимы политические изменения. Гражданская сфера подразумевает под собой общественную позицию части советских людей, которая в

большинстве случаев не имела ничего общего с главенствующей идеологией в СССР – марксизмом-ленинизмом [7]. Правовая сфера это, главным образом, материалы из рубрики «Уголок коммерсанта», где можно было прочитать советы для предпринимателей и заметки самих предпринимателей.

Последняя классификация материалов была на основании авторской принадлежности публикаций: 72% – редакция газеты, 16% – рядовые граждане, 12% – ученые, государственные служащие. Данные свидетельствуют о том, что почти треть всех публикаций, касающихся экономического кризиса, вышли не из под пера журналистов редакции. Про преодоление экономического кризиса и экономическую реформу говорил генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев в своем новогоднем обращении 1 января, после вступления в должность президента СССР и в ряде других случаев [8]. Все это подтверждает действительную насущность и остроту экономического кризиса для советского общества, ведь значительная часть материалов была прислана непосредственно самим обществом.

Таким образом, можно утверждать, что кризисные явления в советской экономике затронули значительную часть населения СССР. На страницах газеты и в жизни советские граждане активно выражали недовольство условиями своей жизни, выражающимися в самых разных вещах. Кроме того, отдельные граждане предлагали возможные пути преодоления кризиса в локальных или всесоюзных масштабах.

Литература

1. На пороге года больших надежд // Комсомольская Правда. 1990. 1 янв. С. 1.
2. «Комсомольская Правда»: история и нынешний день газеты [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20100524/236957896.html> свободный (дата обращения: 15.05.2019).
3. Степанова Е. Не съезд, а все же... // Комсомольская Правда. 1990. 18 янв. С. 1.
4. Войтюк А. Что нам пишут о частной собственности // Комсомольская Правда. 1990. 1 фев. С. 2.
5. Новиков А. Не СЭВом единым? // Комсомольская Правда. 1990. 27 янв. С. 3.
6. Косяк В. Что на шахте угольной? // Комсомольская Правда. 1990. 3 янв. С. 1.
7. Встреча М.С. Горбачева с творческой интеллигенцией // Комсомольская Правда 1990. 13 янв. С. 1.
8. Промедление – недопустимо // Комсомольская Правда. 1990. 15 фев. С. 1.

Д.В. Шишкин

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ ВОЕННО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ТОМСКЕ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Н.С. Ларьков

В статье раскрывается один из аспектов изучения Военно-социалистического союза – его партийный состав. Приводятся данные количественного анализа соотношения представителей партий в организации. На их основании автор делает предположения о возможности влияния той или иной политической идеологии на солдат. Дается характеристика роли руководящего комитета в агитационной работе, а также значение работы гражданских лиц.

Ключевые слова: революция 1917 г., Военно-социалистический союз, Томск, агитация.

Военно-социалистический союз был образован в ноябре 1916 г. политсильными Нарымского края, которых царское правительство мобилизовало в армию. Он был создан для проведения антивоенной и антиправительственной агитации в Сибирских запасных частях и действовал до марта 1917 г. Союз оказал большое влияние на солдат, в первую очередь в Томске и Новониколаевске, куда были отправлены мобилизованные. Общая численность солдат в этих городах достигала 115 тыс. человек.

Советские историки, касаясь в своих публикациях состава этой организации, обычно упоминали деятелей, приверженных большевизму и, как правило, имевших безупречную партийную репутацию [1. С. 108–109; 2. С. 135–142; 3. С. 200–212]. По этой причине многие аспекты истории союза, связанные с деятельностью представителей других партий, а также репрессированных впоследствии большевиков, оставались не изученными. Современные российские историки продолжают пользоваться достижениями советской историографии при характеристике союза, однако не пытаются исследовать его более подробно [4. С. 82–83; 5. С. 112–116; 6. С. 5–7].

Установление соотношения представителей различных партий в союзе поможет определить вероятный масштаб влияния того или иного революционного течения на настроения солдат и, как следствие, на их политические предпочтения.

Источниками настоящей работы стали главным образом воспоминания членов союза, в частности – воспоминания Алексея Беленца [7. Л. 16], в которых обнаружен список членов союза с указанием года вступления в партию, а также воспоминания Алексея Богданова [8. Л. 1–3], связанного с союзом, который также дает список его членов.

На основании данных о составе дореволюционной нарымской ссылки можно составить представление о контингенте солдат-новобранцев из числа политссыльных. По данным Э.Ш. Хазиахметова, из 2667 административно-ссыльных в Томской губернии в войска было зачислено около 260 человек [9. С. 155]. Опрос, проводившийся политссыльными Нарымского края в 1916 г., свидетельствует о преобладании социал-демократов, среди которых наибольший удельный вес составляли латыши и русские [10. С. 136].

По нашим подсчетам, в Томске среди ссыльных-новобранцев 46% являлись членами РСДРП. На втором месте – Социал-демократы Латышского края (далее – СДЛК). Они составляли 36%. Помимо этого, в работе союза приняли участие мобилизованные эсеры (15%) и бундовцы (3%). В некоторых источниках упоминается об участии анархистов в работе союза, но эти свидетельства не подтверждаются. Здесь и далее приводятся данные на конец января 1917 г., так как окончательный состав союза сформировался только в это время.

Помимо мобилизованных в работе союза участвовали также представители от местных революционных групп. Установить их точное число не представляется возможным, поскольку, в отличие от военных членов союза, не сохранилось списков гражданских лиц, принимавших участие в его работе. На данный момент удалось установить причастность 17 человек. Среди них было двенадцать большевиков, три эсера, один меньшевик и двое, чью политическую ориентацию установить не удалось. Помимо этого, хотелось бы отметить, что в работе союза принимали участие и женщины. Главным образом это были жены политссыльных, прибывшие в Томск со своими мужьями [11. Л. 12].

Большевики преобладали в руководящем бюро, контролировали печатание прокламаций и связи с другими гарнизонами. Несмотря на это, возможности устной пропаганды собственных политических идей были ограничены размерами солдатских частей, в которых находились мобилизованные представители партий, в том числе и большевики. Связь между частями гарнизона могла осуществляться лишь через гражданских лиц, доставлявших агитационный материал, и офицеров, которые имели возможность свободно перемещаться в казармах. Таких среди политссыльных было всего трое [12. Л. 9–11].

К руководству организацией были причастны не только большевики, но и члены других партий, о чем можно судить по успешной деятельности провокатора Цветкова из эсеров. К его «заслугам» можно отнести арест Нахановича, организатора типографии, который должен был отправиться в Ачинск и установить контакт с местными социалистами [13. С. 6].

Таким образом, на данном этапе исследований установлено преобладание в составе союза социал-демократов. Это отразилось на составе образовавшегося после Февральской революции Совета солдатских депутатов в Томске [14. С. 23]. При этом несмотря на большую долю большевиков среди эсдеков (33%), их количества явно недостаточно для того, чтобы назвать организацию «большевистской» (большевики составляют 27% от общего числа членов).

Преобладание в руководстве союза большевиков увеличивало их влияние в организации, однако оно едва ли увеличивало возможности для пропаганды большевистских идей. Не удалось установить фракционную принадлежность большей части эсдеков (54% от числа социал-демократов), так как осталось мало свидетельств об их деятельности. Этот факт еще раз доказывает, что история союза представляет большой потенциал для дальнейших исследований.

Литература

1. Капушков С.В. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914 г. – март 1917 г.). Москва: Воениздат, 1957.
2. Дажина И. В канун краха царизма // Сибирские огни. 1967. № 5. С. 135–142.
3. Чугунов М.И. Антивоенные листовки в Томске в канун Февральской буржуазно-демократической революции. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX в. – 1918 г.: сб. статей и документов. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1976.
4. Макаручук С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.) Состояние социал-демократических и внепартийных организаций. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994.
5. Исачкин С.П. Идеиные позиции политических структур ссыльных Нарыма. // Инновационная экономика и общество. 2017. № 1. С. 112–116.
6. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году: экскурсионный маршрут. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.
7. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 4204. Оп. 2. Д. 3.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 27.
9. Хазиахметов Э.Ш. Большевики в Нарымской ссылке: [очерк]. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967.
10. Смирнов И. Воспоминания о Нарымской ссылке. // Каторга и ссылка. 1927. № 5. С. 128–151.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 3. Д. 57.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 764.
13. Смирнов И. Накануне революции. // Былое Сибири. 1923. № 2. С. 1–20.
14. Баталов А.Н. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1978.

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРСЫ, ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. НОВЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ И ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ

А.С. Амосова

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ЖЕНСКОЙ ГРЕХОВНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПОЛЕ КАРОЛИНГСКИХ ИСТОРИКОВ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Д.С. Коньков

В статье анализируются гендерные дискурсивные практики франкских историков, связанные с оценкой казусов, затрагивающих женских сексуальный опыт. Ставится вопрос о наличии их динамики на рубеже меровингской и каролингской эпох. На основании анализа источников автором выдвигается тезис о формировании «модели женской греховности» в гендерном дискурсе Каролингов. Для рассмотрения предлагается гипотеза о взаимосвязи данных трансформаций с распространением во франкском обществе христианства.

Ключевые слова: Каролинги, Меровинги, дискурс, сексуальность, гендер.

На рубеже Меровингской и Каролингской эпох сфера гендерных отношений франкского общества претерпевала определенные изменения [1. С. 179–183]. Эти трансформации, будучи связанными с рядом различных факторов, нашли своё отражение в дискурсивных практиках, используемых в это время каролингскими историками при оценке связанных с женской сексуальностью казусов.

Обозначаемая в данной работе особость рассматриваемых дискурсивных практик в сравнении с практикуемым в предшествующий – Меровингский – период позволяет поставить проблему специфики восприятия и оценки женского сексуального опыта в источниках каролингского происхождения.

Для наиболее точного понимания фокуса исследования стоит сразу же отметить один из полученных в его ходе результатов – гендерные дискурсивные практики, обращенные к вопросу женской сексуальности, при переходе от Меровингского к Каролингскому периоду трансформировались следующим образом: при оценке подобного рода казусов каролинг-

ские историки были склонны оперировать фактом женской виновности и признавать при этом естественность мужского сексуального желания, что в корне отличается от предшествующей традиции, где вина, как правило, возлагалась на мужчину, а женщина часто представляла в качестве оплота целомудренности.

Подход к решению обозначенной ранее проблемы и получение данного вывода были осуществлены посредством обращения к выборке источников, традиционно считаемых одними из наиболее репрезентативных в рамках франкской истории рассматриваемых периодов: к «Истории франков» Григория Турского и «Хронике Фредегара» как к характерным образчикам меровингской исторической традиции; к «*Vita Hludowici imperatoris*» Анонима (Астронома) и «*Gesta Hludowici imperatoris*» Тегана как к показательным историческим работам каролингского периода. При этом стоит отметить, что если использование первых двух обусловлено их ведущей ролью при изучении меровингской истории в целом, то оставшиеся выделяются ввиду своей подчеркнутой иллюстративности применительно к предмету исследования, что в нашем случае необходимо для наиболее емкой передачи предлагаемого концепта.

С опорой на указанные источники можно привести ряд дискурсивных практик, интерпретация которых позволяет делать заявленные выводы. Стоит начать с достаточно известного в рамках каролингской истории казуса – удаления Людовиком Благочестивым своих сестер от двора в монастыри. Аноним, упоминая эту ситуацию, делает акцент на том, что «сестры под отчим кровом творят дела, которые бросают тень на весь отцовский дом» [2. С. 52]. А после этого употребляет относительно них следующую конструкцию: «...aliquos stupri immanitate et superbiae fastu geos» [3. С. 348] – «(следили за) некими погрязшими в разврате и спеси оскорбителями (королевского величия)». Противоположными по своей коннотации являются два других эпизода, описанных уже в «Хронике Фредегара»: во-первых, предложение Базины, собственноручно ушедшей к Хильдерику жены короля тюрингов, воздержаться «этой (первой брачной) ночью от соития» [4. С. 152], во-вторых, эпизод с оскорбленной королевой лангобардов Гундебергой, давшей пощечину в ответ на предложение «разделить ложе» [4. С. 213]. Сравнивая данные примеры, необходимо брать во внимание то, что отстранение сестер Людовиком, вероятно, было связано не столько с провозглашаемой им политикой чистки двора от «скверны», сколько с политическим влиянием, концентрирующимся в их руках на момент его восшествия на престол. Например, еще Алкуин намекал на то, что дочери Карла в 790-х гг. могли занять стороны своих братьев во время их соперничества, тем самым укрепив их полити-

ческие позиции [5. С. 57]. Кроме того, как отмечает Джанет Нельсон, их функции при дворе Карла уместно сравнивать функциями византийских свнухов [5. С. 59]. Учитывая это, уместно говорить о том, что подобного рода полемика использовалась Анонимом с целью дискредитации сестер, обосновывающей уже произошедшее удаление их от двора. Это, в свою очередь, дает почву заключению о том, что если в случае с меровингскими эпизодами образ женщины, имеющей политическую силу, подчеркивался ее целомудрием, то в рассмотренном казусе сексуальность выступает в роли рычага властного дискурса, что также подтверждается характерным рассматриваемому времени фактом корреляции между нахождением на верхах властной структуры и моральным обликом находящегося [6. С. 121].

Уже отмеченный эпизод с Гундебергой [4. С. 213], которая в итоге подвергается клевете со стороны получившего от нее отказ человека, можно рассматривать в сравнении с описанным Теганом оклеветанием Юдифи Баварской – в первом случае автор «Хроники» ссылается на то, что королева виновата, прежде всего, в политическом заговоре, нежели в измене сексуального характера Ариоальду, во втором – сексуальная связь Юдифи с Бернардом Италийским используется с целью дискредитации королевы, при этом линия обвинения основывается на том, что Юдифь подверглась насилию, причем автор использует конструкцию «*violatam esse*» [6. С. 23], что буквально переводится как «была изнасилована». Похожую критику Юдифи, однако выдвинутую уже Пасхазием Радбертом и Агобардом Лионским, также отмечает Сюзанна Фоне-Вамплъ [1. С. 180–181]. Немаловажно, что данные дискурсивные практики используются при Каролингах преимущественно в отношении властных особ¹, что делает их гендерным аспектом властного дискурса.

То же можно сказать и об обратном механизме, обозначенном в основном выводе как признание естественности мужского сексуального желания. Мы можем наблюдать, как Григорий Турский пишет, что жен-

¹ К вопросу о в той или иной степени власть имущих женщинах, следует указать, что как Григорий Турский, так и автор «Хроники» используют в отношении женщин в целом понятие *meretrix*, переводимое как «блудница» или «проститутка». Однако в отношении знатной женщины, принадлежащей к королевской семье, в «Истории франков» оно используется лишь единожды – в случае дочери Теодориха, короля Италии, которая сбежала с простолюдином и отравила мать, при этом немаловажным тут является то, что Григорий Турский отмечает, что они, герои данного казуса, были на тот момент арианами. Нечто схожее наблюдается и в «Хронике Фредегара», где блудницей опять именуется знатная женщина, заимевшая связь с простолюдином. То есть критике подвергается не «порочность» данных женщин, а факт вступления ими в неравные с точки зрения социального статуса отношения. Остальные случаи использования данного понятия носят скорее нарицательный или поучительных характер – например, пришедший в виде «блудницы» к епископу «бес».

щина, сменившая мирскую одежду, «притворно» ведшая жизнь, посвященную господу, понесла во чреве и родила, при этом он считает естественным то, что « всю вину возложили на епископа» [7. С. 27]. В том же ключе можно рассматривать употребление им понятия *stuprosus* (развратный, бесчестный) в отношении Хильдерика, короля франков, начавшего «развращать их дочерей» [7. С. 41]. Противоположно этому по своей сути упоминаемое Астрономом «соединение» Людовика Благочестивого, одолеваемого «природным пылом», с Ирменгардой, «будущей королевой», дабы его «не охватил недуг похоти» [2. С. 43].

Исходя из проведенного анализа, можно судить о преломлении взгляда каролингских авторов на степень виновности женщины при оценке инцидентов, связанных с актами сексуального характера, выразившимся в формировании отличающейся по отношению к меровингскому периоду «модели женской греховности». Данное явление, как и общая динамика в сфере гендерных отношений франкского общества, предположительно может быть связано с окончательным закреплением христианством своих позиций, что объясняется фактом вовлеченности меровингских женщин в процесс его распространения, требующей от них как от посредниц положительного социального образа. Деактуализация данной практики, сопровождаемая переходом «первенства по благочестию» христианнейшим каролингским императорам, нейтрализует необходимость проявления лояльности в отношении женской сексуальности, чему, помимо прочего, способствуют приобретающие популярность августиновские воззрения по данному вопросу¹.

Условно обозначенная нами «модель женской греховности», прослеживаемая в текстах эпохи Каролингов, представляет из себя лишь один из аспектов каролингских гендерных дискурсивных практик, активно включающихся в свою очередь во властный дискурс эпохи. Таким образом, проблема, рассмотренная в статье, освещена далеко не полностью и требует дальнейшего комплексного изучения, подразумевающего привлечение максимально широкого круга источников, а также проработку выдвинутой гипотезы о взаимосвязи дискурсивной динамики с христианизацией.

Литература

1. История женщин на Западе. Т. II: Молчание Средних веков. СПб.: Алетей, 2009.

¹ Общий рост интереса к работам Августина в данный период связан с предпринимаемой Карлом Великим попыткой духовной консолидации, идеологическая доктрина которой базировалась, в том числе, на его трудах [6. С. 123].

2. Аноним. Жизнь императора Людовика // Историки эпохи Каролингов. М., 2000.
3. *Astronomus. Vita Hludowici imperatoris* // Monumenta germaniae historica. Hannover, 1995.
4. Хроника Фредегара. СПб., М., 2015.
5. Nelson J. L. Women at the Court of Charlemagne: A Case of Monstrous Regiment? // Medieval Queenship. New York, 1998.
6. Теган. Деяния императора Людовика. СПб., 2003.
7. Григорий Турский. История франков. М., 1987.

Н.В. Барткова, О.Ю. Пентегова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПЕРСОНАЖА БАРБАРЕЛЛЫ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Д.С. Коньков

В статье рассмотрена трансформация образа главной героини комикса «Барбарелла» и основные изменения в понимании сильного женского персонажа по сравнению с оригинальным комиксом, появившимся в 1960-х гг.

Ключевые слова: феминизм, сексуальность, телесность, комиксы.

В современной массовой культуре наблюдаются две тенденции – увеличение количества так называемых «сильных женских персонажей» и игра на ностальгии, вылившаяся во всевозможные перезапуски франшиз и ремейки. Одним из таких перезапущенных персонажей стала Барбарелла. Она появилась как главная героиня одноименного комикса, выпущенного французским журналом «VMagazine» в 1962 году, позже в 1968 году комикс был экранизирован. Барбарелла была первой sci-fi героиней комиксов. Данный комикс считается первым эротическим и рассчитанным на взрослую аудиторию комиксом в Европе. Откровенное эксплуатирование сексуальности персонажа и связанные с этим скандалы привели к невероятной популярности героини. В 2017 году она была перезапущена издательством Dynamite. Авторы декларировали воспроизведение оригинального персонажа. Но, учитывая изменчивость культурной памяти, становится очевидно, что образ Барбареллы претерпел значительные изменения при сохранении смысла – знака сексуально освобожденной женщины. Таким образом, главная проблема данной работы – *как в образе Барбареллы отражалась трансформация видения женской сексуальности и субъектности женского персонажа?*

Оригинальная Барбарелла появилась в 1962 г. на страницах журнала «VMagazine». В 1964 г. комикс был издан в виде сборника имоментально распространялся по странам Западной Европы и США. На волне популярности комика в 1968 г. был снят фильм Роже Вадима «Барбарелла», который, несомненно, имел еще больший охват аудитории, чем комикс. Популярность персонажа обеспечило понимание авторами остросоциальных тем, характерных и для Европы, и для США: антивоенные движения, протесты феминисток второй волны, сексуальная революция, молодежные и студенческие движения. В целом существовал запрос на существование в культуре свободных сексуально персонажей.

Сексуальность того времени оставалась в рамках традиционной дихотомии греховное/нравственное, нормальное/девиантное, а Барбарелла была задумана, как протест. Жан-Клод Форест, автор оригинального комикса, задумывал «Барбареллу», как манифест свободной сексуальности и пацифизма. По факту, героиня использует свою сексуальность для решения практически всех испытаний, с которыми она сталкивается. Барбарелла выступает с субъектных позиций, инициатором и свободно распоряжается своей сексуальностью.

За эти годы «Барбарелла» стала классикой Sci-fi. В сознании любителей комиксов за героиней закрепился статус «иконы феминизма». Но если посмотреть на нее с точки зрения современной феминистской теории, персонаж критикуется за объективацию и андроцентризм. Американское издательство Dynamite перезапустило персонажа в 2017 году с намерением воспроизвести оригинального персонажа. По словам автора нового комикса Майка Кэри, основной целью перезапуска было презентовать читателям культового персонажа комиксов, с которым новое молодое поколение знакомо не так хорошо, как предыдущее поколение, выросшее на пике популярности sci-fi в 1980-е.

Визуальный образ Барбареллы не претерпел изменений: гиперфеминная длинноволосая блондинка в обтягивающем красном комбинезоне. На протяжении всей своей истории она соответствует концепту привлекательной девушки с определенными поведенческими паттернами.

Для наглядности мы выделили основные характеристики Барбареллы и сравнили их в таблице (рис. 1). Как мы видим, на визуальном образе сходства заканчиваются.

	Оригинальный комикс	Фильм «Барбарелла», 1968 реж. Вадим Рже	Перезапуск 2017 г. изд. Duplemate
Сексуальная ориентация	Гетеросексуальная	Гетеросексуальная	Пансексуальная
Sexually liberated woman (образ сексуально освобожденной женщины)	Проявляется в отсутствии ограничений в количестве партнеров и мотивации этих отношений.	Проявляется в отсутствии ограничений в количестве партнеров и мотивации этих отношений.	Сексуальность героини рассматривается вне контекста по отношению к мужчинам.
Женская дружба	Тема не раскрыта.	Нет.	Важный, периодически повторяющийся мотив.
Характерологические особенности	Социализация через мужчин, в мужских сообществах.	Социализация через мужчин, в мужских сообществах.	Проактивный независимый персонаж.
Сексуальность	Под сексуальностью подразумевается непосредственно поведение в сексе.	Под сексуальностью подразумевается непосредственно поведение в сексе.	- тема сексуального согласия; - право на телесную автономию; - право выбора партнеров.
Политический подтекст	Отсутствие конфронтации с правительственной системой, пацифизм.	Отсутствие конфронтации с правительственной системой, пацифизм.	- борьба с тоталитарными режимами; - проблема терроризма и его предотвращения.

Рис. 1. Основные характеристики героини

Как следует из таблицы, новая Барбарелла значительно более политизирована, и значительно более субъективизирована. Если основные характеристики оригинального комикса и фильма практически идентичны, то новая героиня отличается в большей или меньшей степени по всем пунктам. Комикс изд. Dynimate охватывает многие актуальные темы современного феминистского дискурса, такие как женская дружба, сексуальное согласие и сексуальная идентичность. Политический подтекст становится более очевидным и прямым, что также является особенностью современной популярной культуры.

Таким образом, у нас есть культовый персонаж, который существует в памяти людей, как некий символ сексуальной свободы, и желание возродить этот персонаж.

Очевидно сравнение Барбареллы с другой «иконой феминизма» того же временного периода – Чудо-женщиной. У этих персонажей достаточно много сходств – они обе декларируют привнесение на землю мира и любви. Важнейшее различие персонажей – старая «Барбарелла» максимально деполитизирована, что проявляется как в отсутствии у оригинальной Барбареллы каких-либо конфронтаций с государственными режимами, так и в отсутствии у нее конкретной национальности. В то же время комикс о Чудо-женщине напрямую провозглашает США «последним оплотом демократии» и подобные тезисы. Вероятно, это различие обусловлено страной создания персонажей – феминизм второй волны в США куда больше опирался на политические требования, в то время как французские феминистки большое влияние уделяли социальной сфере.

В каждый конкретный отрезок времени Барбарелла воплощала актуальную повестку дня. Перезапуск Барбареллы не мог не оказаться под влиянием актуального поп-культурного дискурса, который, в свою очередь, находится под влиянием современных гендерных исследований. Современный феминистический дискурс больше направлен на восстановление субъектности женщин во всех аспектах жизни – телесной и сексуальной автономии, свободы социальной жизни и психологической независимости.

В результате данного исследования было сделано несколько выводов. Во-первых, Барбарелла – это строго контекстная героиня, отражающая современные исторические реалии. Во-вторых, она воплощает в себе актуальную социальную повестку, в первую очередь феминистскую. В-третьих, Барбарелла закрепились в культурной памяти как «икона феминизма». Она считалась такой в 1960-х гг. и остается таковой и сейчас. Однако этот статус несет в себе совершенно разные характеристики, в особенности представление женщины как активного субъекта, самостоятельно

распоряжающегося своей сексуальностью. Таким образом, можно говорить о том, что Барбарелла в сознании фанатов существует не как самостоятельный персонаж, а как концепт, описывающийся как «сексуально освобожденная женщина».

Литература

1. *Kukkonen K.* Comics, Communities and Context Knowledge // *Popular Cultural Memory*. 2008. Vol. 29, № 2. P. 261–273.

2. *Lofficier J-M, Lofficier R.* Cruising The Galaxy With Barberella. URL: <http://www.hollywoodcomics.com/forestint.html> (дата обращения: 15.05.2019).

3. *Hayton C.J.* Evolving Sub-Texts in the Visual Exploitation of the Female Form: Good Girl and Bad Girl Comic Art Pre- and Post-Second Wave Feminism // *ImageTextT*. 2014. Vol. 7, № 4. URL: http://imagetext.english.ufl.edu/archives/v7_4/hayton/ (дата обращения: 15.05.2019).

А.А. Быханова

«ПОТОМУ ЧТО ДЬЯВОЛ-ФИЛОСОФ» – ИДЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ В «ПАРИЖСКОМ ХОЗЯИНЕ»

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Н.А. Сайнаков

В статье исследуется идейный контекст «Парижского хозяина». Ставится проблема реконструкции личности автора на основе анализа идейного контекста источника. Прослеживается влияние классических работ теологов на позицию создателя источника. Выявляются идеи гуманистической направленности. Выделяются авторские идейные конструкции. На основе анализа идейного контекста делается вывод о личности автора и тенденциях французской городской среды.

Ключевые слова: Парижский хозяин, католицизм, Ренессанс.

«Парижский хозяин» – источник дидактического характера, созданный на исходе XIV века во Франции, впервые отредактированный и опубликованный в печатной форме бароном Жеромом Пишоном в 1846 году [1. С. 3]. Авторство источника доподлинно не установлено, нам известно лишь то, что рассказчик сам говорит о себе – он зажиточный буржуа в годах, недавно женившийся на молодой женщине, по чьей просьбе и был составлен документ-путеводитель по брачно-семейным отношениям [1. С. 10].

Проблема исследования заключается в реконструкции личности автора через идейный контекст источника. Упор делается на то, что автор

транслирует косвенно, как само собой разумеющееся, так как прямое цитирование с большой долей вероятности могло быть стандартом, необходимым для достижения положительной репутации работы в определённых кругах или же её допустимости. Стоит упомянуть, что данная форма реконструкции не претендует на полноценность, а является лишь одним из способов приоткрыть завесу тайны личности автора.

Так как «Парижский хозяин» имеет достаточно большой объём, в исследовании рассматриваются статьи, посвящённые религиозной рефлексии автора. Выбор именно этих статей обусловлен фактором того, что религиозная этика средневекового человека является самым явственным индикатором ментальных метаморфоз общества. Основной пласт информации мы получаем из статьи 1.3 «Месса, исповедь, грехи и добродетели» [1. С. 14].

Реконструировать портрет автора как человека, действительно существовавшего в исторической реальности городской французской среды конца XIV – начала XV в. позволяет историко-психологический анализ идейного контекста источника Путём микроисторического подхода становится возможным судить об общественных тенденциях и мнениях, бытовавших в среде так называемого третьего сословия, через призму личности создателя источника.

Идейный контекст Парижского хозяина раскрывается, прежде всего, классическими идеями учителей церкви и деятелей теологии. К примеру, идея Пьера Абеляра о намерении поступка, которую «рыцарь диалектики» изложил в своём труде «Этика или познай самого себя». По Абеляру, не столь важен факт и направленность действия, сколько намерение человека его совершающего [2. С. 17]. В «Парижском хозяине» данная идея представлена следующим образом: *«Знайте, что в этих дарах Божьей благодати мужчина или женщина искушаются дьяволом тремя способами... третий – когда творение совершает такие правильные действия с намерением быть похвальным»* [1. С. 34]. Исходя из представленной цитаты, позиция автора такова – добродетель, совершённая с намерением получить похвалу, является грехом, то есть намерение определяет поступок.

Другим подобным примером является идея превосходства духовных институтов над государственными, принадлежащая одному из первых учителей церкви Августину Аврелию [3]. Создатель «Парижского хозяина» презентует концепцию Августина следующим образом – он пишет, что молить и слушать нужно того господина, «кто обладает суверенной и абсолютной властью, а не того, кто имеет власть только в пределах определённого земного масштаба», при этом называя католическое духовенство наместниками Бога на земле [1].

Одним из главных предметов средневекового религиозного дискурса являлся вопрос о душе. Создатель «Парижского хозяина» также не обходит эту тему стороной – по своим воззрениям он склонен к позиции уже упомянутого Августина Блаженного и другого, не менее значимого деятеля теологии, Фомы Аквинского [4; 5. С. 29]. В рассуждениях автора о происхождении души можно выделить две основные направленности – креационизм и идею о первичности. Идея креационизма выражена в авторском представлении о происхождении души и о моменте появления её в теле: *«Вот 4 мысли, побуждающие смирение присоединиться к вам, препятствуя гордыне войти... во-вторых, ваше состояние мрачного лишения без души, пока Бог Своей благодатью не пробудил её в вас»* [1. С. 19]. Первичность души, по мнению автора, обусловлена причастностью Бога к её пробуждению в каждом отдельном человеке. Так как Бог сам по себе является первоисточником всего, душа, как его непосредственное творение, должна быть доминантна над телом: *«Мы молим Бога о милости и о том, чтобы он дал нам мир между телом и душой - чтобы тело было послушно душе»* [1. С. 13].

Помимо классических идей, поддерживаемых католической церковью, в тексте источника встречаются мотивы, по своему смыслу близкие к постулатам ренессансного гуманизма. На мысль о том, что автор «Парижского хозяина» был сведущ в тенденциях, появившихся после начала Итальянского Ренессанса, наталкивает тот факт, что основную часть в статье автор выделяет под описание и разъяснение природы грехов и благодетелей. Заинтересованность данной темой, предположительно, можно объяснить влиянием недавно созданной по отношению к рассматриваемому источнику «Божественной комедией» Данте Алигьери. О том, что автор, так или иначе, знаком с данным произведением, можно судить исходя из его восхищённых отзывов о другом деятеле проторенессанса - Франческо Петрарке [1. С. 83]. Список благодетелей же был заимствован в том же порядке из «Психосомахии» древнеримского деятеля Аврелия Пруденца Клемента, что опять же в духе возрожденческой традиции возвращения к античным мотивам.

Одной из таких нетипичных для авторской среды идей является тезис о том, что посредник между Богом и человеком не всегда необходим: *«И грешник хорошо знает, что Господь наш так сострадателен и милостив, что за малейшую молитву – если бы она была от сокрушенного и кающегося сердца – Он простил бы все, даже если бы суд над грешником уже был вынесен и грешник приговорен к смерти»* [1. С. 18].

Следующий пример – восприятие тела. В христианской ментальности тело воспринималось как оплот греха и человеческой слабости. Автор же

«Парижского хозяина» пишет: *«Все хорошее в природе происходит от тела: красота, достоинства, прекрасная речь, ум и память. Дары Фортуны – это богатство, высокое положение, честь и процветание. Дары благодати – это добродетель и благотворные дела»* [1. С. 23]. Также благодаря этой цитате можно увидеть то, что у автора присутствует представление о соотношении свободной воли с понятием фортуны.

Интересен характер суждения автора по вопросу материальных благ человека. Авторская позиция, выраженная в том, что «человек, который совершает во имя Бога достойные подвиги, заслуживает жить в достатке», не случайна – создатель источника позиционирует себя не только как благонравного христианина, но и как достаточно состоятельного горожанина [1. С. 21].

В тексте источника помимо идей, на формирование которых, так или иначе, повлияли работы выдающихся деятелей теологии, схоластики и проторенессанса, встречаются особенные аналогии, которые в представленной подаче не встречаются в документах, дошедших до нашего времени.

Автор довольно часто обращается к следующей аналогии – тело это замок для души, а душа это дочь Бога. Пять органов чувств, по мнению автора, это пять дверей и окон, через которые дьявол может проникнуть в «замок» [1. С. 42]. Похожим образом автор описывает положение людей к друг другу и Богу, утверждая что «все мы – конечности Бога, а он – тело» [1. С. 36].

Наиболее примечательно то, как автор передаёт образ дьявола. Дьявол «Парижского хозяина» не только философ, но психолог, который «знает состояние, характер и темперамент человека, и к какому пороку он более склонен по природе или привычке» [1. С. 23]. Интерес вызывает тот факт, что рассуждая о природе дьявола, автор обращается к понятию «темперамент» и раскрывает его: *«Он подпитывает холерика гневом и раздорами, сангвиника развратом и распутством, флегматика обжорством и ленью, меланхолика завистью и печалью»* [1. С. 23]. Неизвестно, был ли автор знаком с теорией Гиппократ и Галена, или же иными более поздними переосмыслениями работ античных деятелей.

Таким образом, на основании всего вышесказанного логично предположить, что создатель источника, по всей видимости, обладал достаточным уровнем образования для того, чтобы не только репрезентировать идеи авторитетных личностей, но и вести рассуждения по различным религиозным вопросам самостоятельно. Идейный контекст источника, мысли, заложенные автором в текст, наталкивают на мысль о том, был ли на самом деле создатель «Парижского хозяина» хоть и зажиточным, но

всё же буржуа? Но если допускать правдивость слов автора, можно предположить, что в Париже конца XIV века, среди хорошо образованных горожан, уже бытовали идеи возрожденческого характера, почти за век до начала Французского Ренессанса.

Литература

1. Gina L. Greco, Christine M. Rose. The Good Wife's Guide: Le Ménages de Paris, A Medieval Household Book. Ithaca: Cornell UP, 2009
2. *Абеляр П.* Этика, или познай самого себя / Перевод С.С. Неретиной. М., 1995.
3. *Августин А.* О граде Божьем [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozem/, свободный (дата обращения: 28.03.2019).
4. *Августин А.* О бессмертии души [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-bessmertii-dushi/, свободный, (дата обращения: 28.03.2019).
5. *Аквинский Ф.* Учение о душе / Перевод К. Бандуровского, М. Гёйде. СПб.: Азбука-классика, 2004.
6. *Лавриненко В.* Философия. Раздел второй [Электронный ресурс]. URL: https://gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/lavr/04.php, свободный, (дата обращения: 28.03.2019).

И.Д. Грекова

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. ИТИНА «СТРАНА ГОНГУРИ» (1922) КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой Д.Н. Шевелев

В статье рассматривается образ будущего на примере фантастического романа Вивиана Азарьевича Итина «Страна Гонгури». Раскрываются особенности данного пропагандируемого образа и его роль в создании новой политической идентичности. Необходимость последней возникла в результате изменения конъюнктуры после Революции и Гражданской войны в России. Автор статьи также выявляет потенциальные причины воздействия пропаганды на аудиторию, соотнося реалии 1917–1922 гг. и описанное В.А. Итиным будущее.

Ключевые слова: Гражданская война, Советская Россия, пропаганда, образ, художественная литература.

В начале 1920-х гг. в молодой Советской России появляется целый ряд произведений утопического жанра, среди которых одной из первых издана «Страна Гонгури». Произведения подобного рода помогают новой политической власти создавать и поддерживать образ нового будущего, занимающий одно из центральных мест в процессе построения новой идентичности молодой республики. Такой образ поддерживался новой властью и давал надежду на его воплощение в жизнь в самое ближайшее время. Прежде чем мы попытаемся разобраться, что же включало в себя изображение будущего, необходимо дать определение понятию «*политическая идентичность*». Это представления индивидов о собственном политическом «Я», возникшие на основе сопоставления с некоторыми «Другими» акторами политического процесса, одним из аспектов которого является электоральное поведение [1. С. 29]. Теперь перейдем к практической части статьи.

Обитатели утопического мира характеризуются как достаточно предсказуемые люди:

«Я вернулся в Танабези. И тогда я снова понял, что мне скучно... от математически правильных коридоров с рядами аудиторий по сторонам, от цилиндров колонн, от параллельных линий, от безжалостно знакомых поступков людей» [2].

Можно предположить, что прогнозируемость их поведения связана с желанием сделать персонажей максимально доступными и близкими для самых широких слоев населения. Логика жителей Гонгури прозрачна, поэтому предполагалось, что читатель без труда сможет отождествить себя с тем или иным героем, для того чтобы вдохновиться его деятельностью.

Сюжет книги разворачивается в 1920 году после революции, что очевидно является отсылкой ко времени работы над произведением от рождения Христова и указывает на параллельность сюжетов. Автор повествует о том, как за это время поменялись люди, преобразовывая мир вслед за собой. Обитатели утопического мира – это деятели, свободное общество, которое контрастирует с шумными, серыми и безликими массами прошлого [3]. Но вместе с тем, они имеют нечто общее. В обоих случаях людям не чуждо равенство в условиях единого коллектива трудящихся. Речь идет прежде всего о сельских жителях и рабочей прослойке из числа бывших селян, составляющих основную массу населения. Общинный менталитет русского человека вполне соотносится с описанным В.И. Итиным социумом.

Люди прошлого фигурируют в произведении как отдельное поселение, представлены в виде архаичных:

«Вот предо мной человек, одетый в шкуру барана. В одной руке человек несёт, размахивая, несколько убитых зверьков, другой тянет детёныша... Люди жили вместе с животными, как животные» [2];

воинственных:

«Я оценил высокое качество огнестрельного оружия и военных машин, применявшихся во враждебных армиях, каких никогда не было у нас... То была скорее не война, а коллективно задуманное самоубийство»;

оберегающих свою собственность людей:

«Из красных ящиков вылезали люди и тащили громадные сундуки и узлы, сгибаясь под их тяжестью. «Частная собственность», – сообразил я».

Эта картина утрированной реальности нацелена оттолкнуть читателя. Напротив, привлекательным выглядит изменение социальных связей, задающих обществу новые параметры. Подобно тому, как в процессе реальной революции взаимоотношения людей резко преобразовывались (изменение социальной мобильности, взаимодействие полов, членов семьи и т.д.), в утопических произведениях новые социальные связи структурировали общество будущего. Здесь ярко выражается ассоциативная составляющая. Так, мы видим, что в обществе будущего отдельный индивид не мыслит себя без социума, который, в свою очередь, представляет собой сообщество индивидов, объединенных ассоциативной связью. Произошла трансформация вертикальных отношений подчиненности в горизонтальные отношения партнерства и взаимодействия. И на это хотелось бы обратить внимание. В данном обществе нет управления. Каждый его член выполняет свою функцию в общем производстве и делает это как само собой разумеющееся. Таким образом, производство органично вплетается в социальную жизнь, став еще более неотделимой от нее. Все это напрямую влияет на новую формирующуюся советскую идентичность [3].

Любопытно, что, несмотря на отрицание новой идеологией «пережитков прошлого», такое отношение к социальным связям сильно напоминает разработки славянофилов и православных теологов задолго до революции. Одной из их основных идей являлась помощь членам общины и некоторый коллективизм. Эти установки в новом контексте выражаются самыми разными способами: коллективное пользование, всеобщее благополучие, принцип общинной организации общества, идеалы гармонии и братства [3].

В будущем, которое видел герой романа В. Итина, достигнуто согласованное сочетание природного и научного, что для нас парадоксально:

«Среди садов, на много миль друг от друга, поднимались громадные литые здания из блестящих разноцветных материалов, выстроенные художниками и потому всегда отличные друг от друга. Эти дворцы строились так, чтобы казаться гармоническим целым с природой. Я хочу сказать, что они должны были излучать горение художественной мысли, чтобы слиться с горизонтом равнин, гор и садов...» [2].

Межпланетное сообщение стало обычным, деньги потеряли свой смысл и ценность, их заменила полезная энергия: денежная единица приравнена к «силовой единице радия»:

«Мир – энергия, Митч, она безгранична. Мы здесь нищие миллиардеры, мучаемся от ее недостатка, но она всюду. И нужно немного разума, немного коллективного разума, чтобы подчинить ее организующей силе сознания».

В этой связи, важнейшим орудием нового общества можно назвать коллективный разум, потому что именно с помощью него биосфера стала ноосферой, органично объединив изначально противоположные категории: естественное и искусственное [4].

В производстве транслируются установки, нацеленные на то, чтобы дать надежду на решение самых насущных проблем: жилищной, продовольственной, войны, товарной обеспеченности. Рисуются города с множеством многоэтажных красивых домов, не похожих друг на друга, высокотехнологичной инфраструктурой, надземным транспортом, изобилием фруктов и синтезированного мяса, молока, яиц и других продуктов изначально животного происхождения. Последнее говорит нам о полной урбанизации и отсутствии крестьянства, вероятно, по причине исчерпывающей продуктовой обеспеченности. «Всем и все» – иллюстрирует приснившийся главному герою мир будущего. Именно эта иллюзия и помогла пришедшим к власти большевикам насаждать свою идеологию и формировать «новых людей», став основой народной поддержки большевиков.

Подводя итог, следует отметить, что идеи, транслируемые в данном произведении, в основе своей направлены на объединение общества. При этом парадоксально, что единство граничит с индивидуализмом:

«Мы, привыкшие к одиночеству людей высокого социального строя, легли вместе, как маленькое стадо дикарей, у дымящегося костра» [2].

Обитатели утопичного мира – это отдельные составные части некой системы, внутри которой каждый чувствует себя комфортно. Абстрактный механизм работает лишь тогда, когда происходит разумеющееся, естественное и осознанное движение каждого компонента. В этом движении генерируется все, что необходимо для жизни отдельного участника данной системы, что сильно контрастирует с реальностью, в которой находятся первые читатели «Страны Гонгури».

Большевики своей пропагандистской деятельностью задевали чувство справедливости у народа, таким образом, убеждая, что именно под их руководством утопия сможет воплотиться в жизнь.

Литература

1. Айвазян Г.А. Политическая идентичность – аналитический инструмент политологии // Социум и власть. 2010. Вып. 3(27).
2. Итин В.А. Страна Гонгури. [Электронный ресурс]. URL: http://epizod-sspace.airbase.ru/bibl/fant/itin/itin_strana_gonguri.pdf (дата обращения: 10.02.2019).
3. Сенцов А.Э., Трунтягин А.А., Жданова Е.Д. Образ будущего как компонент новой политической идентичности в контексте революционной утопии // Великая русская революция в контексте геополитики и политической персоналистики: сб. статей. Сочи: Сочинский институт РУДН, 2017.
4. Хинкиладзе Е.В. О своеобразии повествовательной утопии 1920-х гг. // Вестник ХНПУ. 2014. Вып. 3 (79).

К.В. Демьянов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМИКИ НОВОСИБИРСКА И ОМСКА (1987–1991 гг.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.Г. Рыженко

В статье рассматривается проблема трансформации исторической памяти в период «перестройки» на примере сравнительного анализа топонимики крупнейших городов Западной Сибири – Новосибирска и Омска. На основе анализа публикаций в местной периодической печати делается вывод об общих тенденциях и локальных особенностях процесса трансформации памяти в рассматриваемых городах.

Ключевые слова: историческая память, топонимика, Омск, Новосибирск.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. канонический образ толкования истории в советском обществе, а также связанные с ним практики его воплощения, начал размываться. С изменением политики партии и провозглашением курса на «перестройку» получают развитие новые общественные процессы. С 1987 г. в советской действительности начинает воплощаться принцип «гласности», что повлекло за собой ши-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329

рокое обсуждение различных вопросов общественной жизни в прессе и публицистике.

Одним из таких вопросов является проблема переименования городских улиц. В.П. Андреев отмечал, что периоды трансформации топонимической системы совпадают с моментами общественно-политических потрясений [1. С. 9]. В период «перестройки» намечается тенденция пересмотра советской традиции именования, что было вызвано, в том числе, и политическими процессами. Пример сравнения крупнейших городов Сибири Омска и Новосибирска, позволит увидеть, как протекали общие тенденции трансформации топонимики в стране при наличии локальной специфики, присущей каждому городу в отдельности.

В период «перестройки» одной из основных общественных площадок для обсуждения подобных вопросов становится периодическая печать. Горожане пишут письма в газету, в которых выдвигают свои предложения по переименованию улиц, высказывают свое мнение.

Газета «Вечерний Новосибирск» начала выпускаться в 1957 г. как печатный орган горкома КПСС и городского совета [2. С. 146]. К 1980-м гг. это ежедневное издание превратилось в главную городскую общественную площадку. В «Вечерке» публиковались и обсуждались все важнейшие новости из жизни города. В период «перестройки» характерно усиление диалога с читателем, превалирование аналитических материалов на актуальные темы, повышенное внимание к мельчайшим изменениям в обществе [3. С. 104].

Схожая ситуация сложилась и в Омске. В общественном мнении города также разворачивалось обсуждение вопросов, касающихся темы сохранения историко-культурного наследия, возвращения исторических названий улиц. Функцию общественной площадки в Омске выполняли сразу две газеты: «Вечерний Омск», газета горкома/горсовета и «Омская правда», принадлежащая областным структурам. Осуществлен фронтальный просмотр газет «Вечерний Омск» и «Омская правда» за аналогичный период. Однако количество выявленных заметок и писем в редакцию по теме оказалось незначительным.

Вместо активности рядовых горожан инициаторами обсуждения вопроса о возвращении исторических названий были специалисты – ученые и краеведы. Также, в отличие от Новосибирска, заметное участие принимали общественные организации [4. С. 121].

Одним из наиболее активных инициаторов возвращения исторических названий улицам города в Омске был писатель-краевед Иван Федорович Петров. С 1989 г. он активно начал сотрудничать с городской газетой «Вечерний Омск». За год до этого опубликовал целую серию статей в

«Омской правде» по данному вопросу. Инициатива реального воплощения не получила. Тем временем, в городе Тара Омской области по решению горисполкома в 1989 г. было переименовано более 20 улиц.

В Новосибирске же инициативу проявляли рядовые граждане, отправляя письма в газету. К примеру, в 1987 г. на страницах «Вечернего Новосибирска» развернулось широкое обсуждение вопроса о необходимости переименований улиц города. Эту дискуссию спровоцировало письмо в редакцию газеты некоего инженера О. Путилова [5].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. отмечается резкое повышение интереса к теме Великой Отечественной войны. В Новосибирске на местной почве это ярко проявилось в новом витке конструирования официальной памяти вокруг фигуры маршала А.И. Покрышкина [6. С. 69]. Наряду с широким празднованием юбилея Покрышкина [7], началось формирование музея его имени [8], мемориализация коснулась и топонимики.

В 1989 г. жители Новосибирска активно обсуждали наименование строящихся новых станций метрополитена, которые носили утвержденные названия «Гагаринская» и «Площадь Калинина» [9]. В письме в редакцию от 27 февраля пенсионер Берилло пишет о том, что зачем называть станцию в честь Гагарина, когда «есть свой Покрышкин?» [10].

В Омске же тема Великой Отечественной войны в рамках городской топонимики развития не получила. Представители омских культурно-просветительских организаций выступали с различными инициативами, которые были связаны с темой Войны. Однако названия омских улиц они не затронули.

В обоих городах имели место сходные по типу явления. В январе 1989 г. было издано постановление ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием памяти А.А. Жданова» [11]. В Новосибирске это встретило бурный отклик горожан. В газету начали идти письма с требованием переименовать строящуюся станцию метрополитена, улицу Жданова [12].

С предложениями переименования омских улиц выступало местное отделение ВООПИК [13]. Решением Омского горисполкома «О возвращении исторических топонимов в названии улиц центральной части г. Омска» от 27 марта 1990 г. улица Жданова была переименована в улицу Игоря Москаленко [14. С. 180], в честь погибшего воина-интернационалиста в Афганистане.

Как и в случае с Новосибирском, переименование улицы Жданова было осуществлено во многом благодаря инициативе снизу. Но в Омске ситуация была не такой однозначной. Студент Омского государственного университета А. Бурляев в 1989 г. провел опрос среди жителей улицы

Жданова на тему возможного переименования [15]. В заметке говорится о том, что большинство вообще равнодушно относится к переименованиям, рассматривая это как игру для «верхов». Студент А. Бурляев привел слова поэта Евгения Евтушенко: «Мы трагически не можем вернуться в прошлое, чтобы предупредить его о будущих бедствиях, но мы можем и обязаны предупредить это в будущем...».

К слову, сам Евтушенко в том же 1989 г. приезжал в Омск и высказался на счет переименования омских улиц [16]. Выразив свое восхищение омскими музеями, Евтушенко остался недоволен отсутствием в Омске дома-музея Леонида Мартынова. Попутно поэт предложил переименовать улицу с «безликим формальным названием» Красных Зорь в улицу Мартынова. Жительница Омска Н. Анохина в ответ написала письмо, в котором предлагает оставить «красивое название» Красных зорь, а имя Мартынова присвоить другой улице. Время показало, что позиция омички Анохиной победила позицию известного поэта Евтушенко: в 1995 г. в Омске появился Бульвар Мартынова, выделенный из части улицы Чокана Валиханова [14. С. 69].

В Новосибирске же реальных переименований городских улиц в рассматриваемый период не произошло (кроме улицы Жданова), несмотря на более бурное обсуждение. Отличителен и тот факт, что в Новосибирске, помимо инициатив «снизу», наблюдалось и обратное движение. В 1990 г. редакция газеты «Вечерний Новосибирск» сама призвала читателей к выбору названий для строящихся станций метрополитена [17].

Пример перестроенного Новосибирска демонстрирует наличие двух тенденций, развивающихся в советском обществе. С одной стороны присутствует явная попытка декоммунизации, отказ от советской идеологии. С другой – заметна противоположная тенденция, суть которой сводится к отчаянному стремлению сохранения старых ценностей и отказом от радикальных преобразований.

Можно выделить несколько отличий этой ситуации с возвращением исторических топонимов в Омске. Во-первых, главными инициаторами переименований улиц, в отличие от Новосибирска, выступали не простые граждане, а краеведы и общественные организации. Во-вторых, в Омске были возвращены исторические названия некоторым улицам в центре города. Краеведческие организации имели больше возможностей для оказания давления на городскую администрацию, были сплоченными и добивались своего на протяжении нескольких лет. Иными словами, широкое обсуждение проблем именования городских улиц, возвращения исторических названий в Новосибирске не имели практического воплощения. В отличие от Омска, где более умеренное обсуждение, по сути, в

узком кругу специалистов, повлекло за собой реальные результаты и возвращение исторических названий.

Литература

1. *Андреев В.П.* Российская топонимия XX века и политика: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Томск, 2005.
2. Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003.
3. *Пушкарева И.А.* Стилистика региональной прессы: учеб. пособие. Новокузнецк, 2018.
4. *Наумов С.С.* Интеллигенция сибирского города и культурно-просветительные организации в 1985–1991 годах (На примере деятельности Советского фонда культуры) // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 109–122.
5. Вечерний Новосибирск. 1987. 25 мая.
6. *Рыженко В.Г.* Александр Покрышкин – «Парень из нашего города»: локальные варианты сохранения памяти о героях Великой Отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 3. С. 62–69.
7. Вечерний Новосибирск. 1988. 5 марта.
8. Вечерний Новосибирск. 1988. 27 января.
9. Вечерний Новосибирск. 1989. 3 июля.
10. Вечерний Новосибирск. 1989. 27 февраля.
11. Известия. 1989. 18 января.
12. Вечерний Новосибирск. 1989. 17 февраля.
13. Вечерний Омск. 1989. 4 февраля.
14. Улицы города Омска: Справочник. Омск, 2008.
15. Вечерний Омск. 1989. 1 апреля.
16. Вечерний Омск. 1989. 17 января.
17. Вечерний Новосибирск. 1990. 14 февраля.

А.В. Ильина

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС И СПОСОБЫ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИРКУТСКЕ

Науч. рук. – докт. ист. наук, профессор В.П. Шахеров

В статье рассказывается о способах решения квартирного вопроса в Иркутске в годы Гражданской войны, рассматриваются основные причины его возникновения и способы решения, а также отражение на повседневной жизни горожан и беженцев. Автор исследует как иркутяне и беженцы переживали тяготы Революции и Гражданской войны и как они и городские власти реагировали на все более ужесточающиеся условия быта.

Ключевые слова: Иркутск, Революция 1917 г., Гражданская война, повседневность.

История повседневности – это один из новых подходов в исторических исследованиях, она занимается исследованием обыденных проблем повседневной жизни людей. Первые исследования истории повседневности в нашей стране появились в конце 1980-х гг., однако повседневность Сибири в годы Гражданской войны, за исключением работ Д.Н. Шевелева [1] и отдельных исследований, посвященных настроениям различных слоев общества, практически не раскрыта.

Квартирный вопрос во все времена является одним из самых острых для людей, так как потребность в жилище – это одна из базовых потребностей человека. Он обостряется во время природных или политических катаклизмов. Первая мировая война, Революции 1917 г. и Гражданская война породили множество проблем, обостривших его.

В годы Революции и Гражданской войны вопрос пытались решить разными способами, эти методы по-разному отражались на повседневной жизни населения Иркутска, которая находила отражение на страницах периодической печати города. Множество газет выпускались в Иркутске в годы Гражданской войны, вот некоторые из них: «Сибирь», «Дело», «Наше дело», «Иркутская жизнь», «Единение», «Новая Сибирь» и другие. В газетах публиковали не только официальные данные, но и письма читателей, в которых те описывали бытовые условия нуждающихся в жилье и пытались сделать посильный интеллектуальный вклад в разрешение квартирного вопроса: например, предлагали повторить опыт Харбина в разрешении квартирного вопроса [2. С. 3].

После Революции квартирный вопрос обострился еще больше, чем в годы Первой Мировой войны. Он стал задевать не только беженцев и малообеспеченную часть города, но и семьи со средними доходами. Летом 1917 г. в Иркутске «многие дачники оставили за собой городские квартиры из опасения не найти их осенью. Некоторые совсем не поехали на дачу, потому что платить за летнее время аренду за городскую квартиру им не по силам. А случаев добровольного соглашения с домовладельцами о повышении платы еще больше» [2. С. 3].

Власти реагировали на обострение квартирного вопроса принятием постановлений, которые, в основном, регулировали цены и прописывали механизмы примирения сторон. 5 августа 1917 г. Временное правительство издало постановление «О регулировании цен на квартиры и другие помещения». Помимо регулирования цен, им было предусмотрено учреждение жилищных примирительных камер [3. С. 10]. Временное Сибирское правительство 7 марта 1919 г. издало «Временные правила об установлении предельных цен на жилые помещения», в которых городские власти вместе с домовладельцами и квартиронанимателями должны были

создать квартирные комиссии, которые бы и определили нормальную квартирную и комнатную плату, которую впоследствии должна была утвердить городская дума [4. С. 1].

Население Иркутска отреагировало на обострение квартирного вопроса путем самоорганизации. Почти сразу после Революции в мае 1917 г. был учрежден Союз квартиро- и комматонанимателей, который занимался отстаиванием их прав в суде. Одновременно был учрежден Союз домовладельцев, отстаивавший интересы последних. Тактика у них была различная: если союз квартиронанимателей отстаивал интересы своих членов в суде, то Союз домовладельцев пытался провести своих членов в городскую думу и таким образом влиять на жилищную политику города.

Однако горожане решали квартирный вопрос не только с помощью Союзов. Помимо этого, они обращались в городскую управу для обследования жилых сдаваемых помещений в целях обязательного ремонта для домовладельцев, которые могли произвольно повышать плату, несмотря на отсутствие улучшения бытовых условий. В сентябре 1917 г. технико-строительное отделение предложило включить обследование квартир в реестр услуг техников, которые могли бы исполнять эти обязанности в свободное от основной работы время [5. С. 3]. Через неделю газета «Единение» писала: «Насколько своевременно разрешено городскою управою муниципальному штату техники производить обследование за плату жилых сдаваемых помещений в целях обязательного ремонта для домовладельцев, произвольно повышающих квартирную плату чуть ли не ежемесячно, а в компенсации для нее ничего не дающих, можно судить по тому, что в бюро по обследованию за одну лишь неделю подано свыше 50 заявлений от квартиро- и комматонанимателей» [6. С. 3]. Также для разрешения таких конфликтов 1 ноября 1917 г. были открыты жилищные примирительные камеры, в которых помимо представителей от домохозяев и представителей от квартиронанимателей присутствовал член городской управы, причем право решающего голоса принадлежало ему, так как у представителей конфликтующих сторон было поровну участников.

В Иркутске также опасались, что в связи с открытием Университета существенно удорожают комнаты и студентам будет не под силу оплачивать жилье. В газете «Иркутская жизнь» отмечалось, что «когда будет открыт в Иркутске Университет, спрос на квартиры еще увеличится: они будут нужны и для профессорского персонала, и, главное, для студентов. Последние, конечно, не будут иметь возможность платить 40–60 рублей в месяц за комнату в городе и волей-неволей пойдут на окраины. При этом они будут непроизводительно терять время на ходьбу из отдаленных ча-

стей города и в университет, да кроме того им придется столько же непозволительно проводить время, стоя в продовольственных хвостах» [7. С. 3].

Однако не только дороговизна квартир, но и их состояние были большой проблемой для населения. Горожанин А. Константинович писал: «Переполнение Иркутска пришлым элементом привело к полному отсутствию квартир и комнат. Вновь прибывающие едва-едва находят помещение, где можно кое как приютиться. Сибирь не знала прежде, что такое петроградские «углы», теперь же по нескольку человек в одной каморке ютятся сплошь и рядом многие интеллигентные семьи. Они поставлены в необходимость по две-три вместе занимать одну комнату, которая в большинстве случаев тесна, низка, холодна, антигигиенична и отделена дощатыми перегородками от прочих таких же комнат с углами, занятых самым разнообразным элементом» [8. С. 3].

Иркутяне и беженцы страдали не только от качества квартир, но и от того, что их нечем было топить. Журналисты писали, что невозможно жить в холодных квартирах. «Суровая нынешняя зима с морозами свыше 30 градусов, полное расстройство казенных дровяных заготовок и транспорта привели к чрезвычайному вздорожанию дров, цена на которые на базарах дошла до 150 руб. сажень; положение, особенно малообеспеченного населения, вынужденного жить в плохо удерживающих тепло квартирах ужасно. Результатом является усиление заболеваний, утрата работоспособности, нельзя продуктивно работать, если у вас на квартире, например, 2 градуса, слава богу тепла, а не холода» [9. С. 2].

Расквартирование войск с началом Гражданской войны еще больше усугубило жилищную проблему. Городская управа призывала войска к экономному расходованию помещений: «Многие воинские учреждения, не считаясь с недостатком свободных помещений, стараются занять как можно более обширные помещения. По мнению управы, в указанных помещения можно разместить вдвое большее количество людей. Вследствие вышеизложенного управа обращается с просьбой войти в соглашение с союзническим командованием о соблюдении строжайшей экономии в размерах занимаемых ими помещений, и кроме того просить японское и чехословацкое командование оставить в своем пользовании из занимаемых ими помещений только действительно необходимые, а могущие оказаться излишними передать городу для размещения в них нуждающихся» [10. С. 3].

Несмотря на то, что в 1919 году из Иркутска началась массовая иммиграция за границу – в основном в Харбин – с запада прибывало огромное

количество беженцев. Газета «Наша деревня» в августе 1919 г. писала, что в Иркутске ожидаются беженцы из Перми численностью до 10 000 человек [11. С. 4.] Иркутск становился своеобразной перевалочной базой: на место покинувших город эмигрантов тут же прибывало множество беженцев с запада России.

Государственная власть постепенно передавала в руки городского самоуправления все больше полномочий для решения квартирного вопроса, так как оно было избрано на основе всеобщего избирательного права и являлось выразителем воли всего населения [12. С. 3]. Иркутская городская дума использовала все доступные механизмы для его решения, создавала институты, предусмотренные законодательством: примирительную камеру, комиссию по уплотнению квартир, и непредусмотренные законодательством: бюро по обследованию квартир. Однако население Иркутска также осознало, что может самостоятельно решать квартирный вопрос и использовало все доступные ему рычаги – оно самоорганизовывалось в союзы, кооперировалось для доставки топлива и таким образом помогало решать квартирный вопрос в городе.

Литература

1. *Шевелев Д.Н.* Сибирский город под властью антибольшевистских правительств: повседневная жизнь и политическая пропаганда // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 90–94.
2. *Иркутская жизнь.* № 131. 9 июня 1917 г.
3. *Постановление* Временного правительства 5 августа 1917 г. «Об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения». Томск, 1917.
4. *Правительственный вестник.* № 109. 5 апреля 1919 г.
5. *Единение.* № 80. 7 сентября 1917 г.
6. *Единение.* № 86. 16 сентября 1917 г.
7. *Иркутская жизнь.* № 252. 5 ноября 1917 г.
8. *Дело.* № 27. 7 сентября 1918 г.
9. *Наше дело.* № 35. 30 января 1919 г.
10. *Наше дело.* № 11. 8 декабря 1918 г.
11. *Наша деревня.* № 30. 16 августа 1919 г.
12. *Новая заря.* № 78. 11 апреля 1919 г.

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА МЕСТЕ ГОРОДА МЫСКИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.П. Зиновьев

В статье на примере истории Мысков демонстрируются различия научного и научно-популярного подходов к изучению истории. Работа сфокусирована на дискуссии о дате образования города. Особое внимание уделяется реконструкции истории города на основании данных из официальных документов.

Ключевые слова: Мыски, история, первые поселения.

В школах, музеях, средствах массовой информации история представлена в виде легенд, сказаний, описаний военных действий, биографий видных исторических деятелей. Причем, не всегда достоверно: зачастую события, подвиги людей, масштаб трагедий преувеличиваются и не всегда соответствуют действительности. Это пример истории как социально-ориентированного знания, целью которого является воспитание чувства патриотизма у граждан. Научное же знание анализирует факты, официальные документы, подвергает критике легенды и сказания. Целью такого знания является стремление к выявлению объективной истины. На примере истории образования города Мыски Кемеровской области, попробуем сравнить научный и научно-популярный подходы к изучению истории города.

Цель исследования – на примере города Мыски продемонстрировать различия научного и научно-популярного подхода к изучению истории.

Данная цель предполагает, что в процессе исследования будут решены следующие задачи:

1. Выявить общее и особенное в материалах краеведческих работ С.А. Голишева и В.Д. Сибикина.
2. Проследить информацию об образовании города в местной газете «Путь к Победе».
3. Сравнить данные, полученные из официальных документов, работ краеведов и из газеты.
4. Реконструировать историю образования первых поселений на месте Мысков.

В основу исследования положен принцип историзма. Кроме того был применен ряд общеисторических (сравнительно-исторический анализ, системный подход) и специально-исторических (контент-анализ, количественный анализ) методов.

В материалах краеведческих работ по истории города В.Д. Сибикина [1. С. 12–13] и С.А. Голишева [2. С. 46–47] приводится легенда основания города. Согласно ей, основание Мысков связано с сильнейшим наводнением 1772 г. По этой легенде, конь Алчока, основателя Мысков, почуял беду, бросился с правого берега в воду и переплыл реку, спеша к людям. Шорцы, потрясенные таким стихийным бедствием, покинули свое прежнее место обитания – Старое стойбище, и расселились в других местах, образовав новые улусы – Тетензу, Паратаг (ныне Бородино), Акколь и Усть-Мрас на правом берегу. И только Алчок, который не пошел за своим народом, поселился на возвышенном холме, поросшем осинником. Это место находилось на левом берегу небольшой реки Кийзак, имело форму мыса, выдающегося своим тупым концом в сторону поймы Мрассу. Этот холм был очень удобным, так как находился довольно высоко, тем самым спасал от новых стихийных наводнений. Что примечательно, так это то, что рельеф этой местности сохранился до сих пор, сейчас там находятся здания администрации, полиции и жилые дома. Видя выгодное положение Алчковского мыса, к Алчоку стали подселяться и другие шорцы, а сам он стал паштыком, зажиточным человеком, 12 лет правил соплеменниками и за отличную службу был награжден золотой медалью. Вскоре Алчковой мыс появился на русской географической карте, а местное население назвало этот холм Томазак, соединив два слова Томь и апсак, то есть место, заросшее осинником.

Однако полностью достоверной эту информацию назвать нельзя. Возможно, наводнение действительно послужило толчком для образования постоянного поселения, но официального подтверждения, когда случилось это стихийное бедствие, нет, как и нет свидетельства того, что оно было. Личность Алчека тоже вызывает много вопросов: действительно ли он является основателем города, существовал ли он вообще и откуда взялись сведения об этом человеке.

Самое раннее упоминание о Мысках, которое удалось найти, датируется 1734 годом. В путевых описаниях Г.Ф. Миллера [3. С. 17–36] упоминается о Кузнецких татарах, которые не имели постоянного поселения и кочевали от одного места жительства к другому, в зависимости от условий жизни. Оно находится в местности, где в Томь впадает Мраса, в нем 27 жителей, платящих ясак.

Следующее упоминание о Мысках, датируется 1826 годом [4. С. 505]. Скорее всего, к этому времени в месте слияния Мрассу и Томи не произошло существенных изменений. Таким образом, об оседлом поселении в середине XVIII века еще нельзя говорить. В краеведческих работах Сибикина и Голишева тоже упоминается 1826 год, однако там говорится о

том, что улус был внесен в реестры царской канцелярии, что, скорее всего, является явным преувеличением.

Следующее упоминание об улусе относится к 1859 году [5. С. 99]. В этом документе улус назван Алчевским (Мыски), что может подтверждать теорию о том, что Алчок – реальная историческая личность. Также в источнике упоминается о православной часовне, наличие которой свидетельствует о том, что к этому времени уже наверняка сформировалось постоянное поселение. Однако это все еще инородческая волость, что говорит о том, что население уже обладало некоей оседлостью, но кочевало от одного места поселения к другому в зависимости от времени года.

Еще одно упоминание о Мысках датируется 1893 годом [6. С. 329]. Мысковский улус входит в Богораковскую инородческую кочевую волость, также упоминается деревянная часовня. Само наличие часовни указывает на то, что среди населения было распространено православие, а это значит, что контакты с русскими поселенцами стали наиболее тесными, и местное население стало ассимилироваться.

По данным 1911 года [7. С. 564] улус Мыски не упоминается вообще, однако в Богораковской кочевой инородческой волости упомянуты три улуса – Усть-Мрасский, Тепеньзенский и Акольский, в настоящее время эти названия носят территории, входящие в состав города. Также нет упоминаний о часовне. Это не значит, что улус перестал существовать, возможно, составители этого документа допустили ошибку при его составлении, ошибки также имеются и в предыдущих документах, но, несмотря на это, эти сведения являются довольно достоверными.

В 1929 году [4. С. 505] появилась уже церковь, школа, а также здание администрации, что говорит о сформировавшемся постоянном, оседлом поселении.

Литература

1. *Сибикин В.Д.* Мыски. Кемерово: Кн. изд., 1986. 135 с.
2. *Голишев С.А.* Мыски: История. Судьбы. Современность. Новокузнецк: Полиграфкомбинат, 2006. 284 с.
3. *Миллер Г.Ф.* Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
4. Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск: [б. и.], 1929. Т. 2. 952 с.
5. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутренних дел, 1868. 148 с.
6. Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск: Типография Губернского Правления, 1893. 381 с.
7. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск: Типография Губернского статистического комитета, 1911. 577 с.

А.Д. Кутурова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Д.Н. Куликова

В статье рассматриваются проблема идеологической ориентированности подачи исторического материала в советских школьных учебниках истории на примере трансформации образа Японии. Рассмотрена также зависимость информации, подаваемой в учебниках, от внешнеполитических отношений и позиции власти.

Ключевые слова: преподавание истории, учебники, Япония, СССР.

Одна из функций школьных уроков истории – идеологическое воспитание. Уроки истории закладывают первичное, идеологически верное понимание политической обстановки. Школьная история – один из основных механизмов формирования определенной идеологии и общественного мнения. Как известно, на восприятие особенно сильно влияют оценочные категории, поэтому восприятие истории зависит от формы поступающей информации и социально-культурного контекста, в котором она подается.

Историческая наука имеет прямой выход в социальную практику в школьных учебниках истории, которые формируют мировоззрение учащихся. Учебники и учебные пособия остаются главными средствами трансляции знаний, поэтому от качества и содержания учебников закономерно зависит качество и «содержание» образования.

Принципиально новые позиции в преподавании были заложены в 1934 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая «О преподавании гражданской истории в школе», где осуждалась скупая методика и предписывалось ее изменить, подготовить новые учебники. Тогда же *«эмоциональность в подаче исторического материала была названа, по сути, главным методом достижения общественно-политической цели патриотического воспитания в необходимом власти контексте»* [1].

Зарубежным странам внимания в учебниках уделялось мало. С 1965 г., после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР система школьного курса истории изменилась. Появились первые недовольства по поводу влияния политических настроений на образ зарубежных стран в сознании советских граждан и общей идеологической ориентированности школьного курса. В периодическом издании «Военно-

исторический журнал» отмечалось: «Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года продолжает курс партии на неуклонный идейно-нравственный рост строителей нового общества» [2. С. 6].

На протяжении периода с 1940 по 1969 гг. Япония упоминается нечасто. Регулярно появляться в школьных учебниках истории Япония начинает только с 1950 г., и большая часть упоминаний несет негативную окраску. Япония идентифицируется как неприятель, упоминания о ней сопровождаются очевидными отрицательными маркерами («военное поражение гитлеровской Германии и фашистской Японии» [3. С. 72]). Появляется разделение на определенные категории: «неприятель, оппонент», который неправ в своих взглядах, и его действия неверны, – и «наши, советские», которые проявляют только отвагу и демонстрируют свою находчивость.

Присутствует обвинительный тон: «Япония решила воспользоваться неподготовленностью России к войне и нанести ей внезапный удар» [4. С. 26]. Утверждение противоречит С. Ольденбургу, который заявляет, что конфликт был давно ожидаем. Однако это были не столько попытки показать Японию в дурном свете, сколько шаги к цели дискредитировать царскую Россию. На протяжении всего раздела о русско-японской войне, командующие царской России характеризуются как нерешительные и мало активные, и вывод по теме звучит однозначно: проигрыш в войне был именно «проигрышем царизма» («Война с Японией была окончательно проиграна царизмом» [4. С. 36]).

В начале 1950-х годов все упоминания носят нейтрально-негативный характер. После 1953 г. положение начинает меняться. Без контекстуальной необходимости о Японии все еще не говорится, но упоминания постепенно приобретают нейтральный справочный характер, идеологический фокус больше смещается в сторону США. Особенно остро стало ощущаться, что Соединенные Штаты быстро превратились из главного союзника в предыдущей войне в наиболее вероятного противника будущей войны. К тому же, Япония никогда не была для советской власти первостепенной угрозой, идеологию против которой необходимо активно возвращать.

После нормализации советско-японских отношений вследствие подписания Советско-японской декларации 1956 года, все внимание идеологического ориентирования школьного учебника истории концентрируется на США. А. Ефимов говорит: «*В курсе IX класса вопросам национального суверенитета должно быть уделено внимание при изучении агрессивной внешней политики США в конце XIX и начале XX в.*» [5. С. 166].

Про Японию начинают говорить чаще, в том числе, про русско-японскую войну. Используются другие термины, и все чаще речь идет не только про «империалистических захватчиков», но про интервентов.

В первую половину XX в. подача исторического материала контролировалась цензорами и намеренно сопровождалась эмоционально-оценочными маркерами. Начиная с 1960-х гг., система начала деформироваться, контроль со стороны власти ослабевал. Япония стала упоминаться чаще.

Существенную роль сыграли упроченные экономические связи между странами. В середине 1960-х гг., несмотря на расхождения в территориальном вопросе, японские отношения с Советским Союзом заметно улучшились, и уже в 1970-х гг. экономическое сотрудничество быстро развивалось, хотя политические разногласия до сих пор были частыми. В начале 1970-х эта динамика еще не нашла своего отражения в школьных учебниках истории, и упоминания Японии по-прежнему носят справочный характер, появляются редко.

Однако экономическое сближение, частые визиты высокого уровня и развитие советской японистики неизбежно должны были повлечь за собой изменение в контролируемой сфере образования, и со второй половины 1970-х гг. Япония освещается в школьных учебниках истории подробно и за пределами оценочных категорий. В это время в отношении Японии все чаще появляются нейтральные контекстуальные определения («Ярый враг Советского Союза, Чемберлен делал главную ставку на “умиротворение” фашистской Германии в Европе и милитаристской Японии на Дальнем Востоке и направление их агрессии против СССР» [6. С. 73]).

К концу 1970-х гг. за Японией окончательно закрепились ниша в школьных учебниках истории, и помимо обязательных неизбежных тем, про Японию стали говорить в рамках всего АТР.

Экономическое сотрудничество между Советским Союзом и Японией было прервано в 1980 г. На фоне возросшего напряжения в советско-японских отношениях упоминание Японии в школьных учебниках несколько сократилось и стало порой сопровождаться очевидно неодобрительной эмоциональной окраской («[...] японская военщина 29 июля 1938 г. предприняла вооруженное нападение на советскую территорию» [7. С. 14], «[...] когда японский империализм готовил разбойничье нападение на Монгольскую Народную Республику» [8. С. 356]).

Таким образом, видно, что развитие отношений между СССР и Японией было решающим фактором для изменения образа Японии в школьных учебниках истории на данном этапе. Хотя впоследствии политическое напряжение не могло сказаться существенным образом на изобра-

жении Японии в учебниках истории, именно оно стало в 1970-х гг. главным толчком к учащению появления Японии на страницах учебников. Со второй половины 70-х гг. образование начало быстро развиваться, и власть уже не могла так жестко, как прежде, его контролировать.

Насаждение новых взглядов на исторические события и их восприятие идет, в первую очередь, через школьные учебники, основной элемент идеологического конструирования молодого сознания. Устойчивая и популярная форма подачи истории в школьном курсе, основанная преимущественно на идее о том, что передача истории о национальном прошлом с позитивной эмоциональной окраской прививает учащимся чувство лояльности государству и социальной солидарности с согражданами.

В 1930-е гг. упрочение режима требовало дальнейшего усиления влияния государственной идеологии. Концепция исторического образования, изложенная в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б), предполагала трактовку учебного материала в соответствии с марксистско-ленинской методологией; этот подход к освещению прошлого в несколько модифицированной форме сохранялся на протяжении всех лет существования СССР и не допускал отклонений. Еще в 1960-е гг. идеологически ориентированная система подвергалась критике со стороны современников и остро нуждалась в изменении. Но отказ от этой системы в пользу либеральной альтернативы вызвал бы неприятие со стороны советской власти, и о нем не могла быть и речи. Такой подход существенно влиял на контент, излагавшийся в учебниках истории, подстраивая его под необходимые власти категории. Разумеется, это касается и Японии.

Литература

1. *Сомов В.А.* История как учебный предмет в советской системе школьного воспитания во второй половине 1930-х гг.
2. *Шурыгин А.* КПСС о путях повышения качества и эффективности идеологической работы // Военно-исторический журнал. 1980. № 9.
3. *Лейбенгруб П.С.* За глубокое знание отечественной истории. М.: Учпедгиз, 1951.
4. *Панкратова А.М.* История СССР (1894–1951): учебник для 10 класса. М.: Учпедгиз, 1952.
5. Вопросы преподавания истории и Конституции СССР в школе (сборник статей). М.: Педагогика, 1955.
6. *Кузьмичёв П.М., Левин Г.Р., Орлов В.А., Фураев В.К.* Новейшая история. 1917–1939, зарубежные страны. Учебник для 9 класса. М.: Просвещение, 1977.
7. *Берхин И.Б., Ким М.П., Потёмкин П.И.* История СССР (1938–1978 гг.) для 10 класса. М.: Просвещение, 1980.
8. *Берхин И.Б., Федосов И.А.* История СССР учебник для 9 класса. М.: Просвещение, 1982.

А.М. Михайлова

**ПОНЯТИЕ «СВОБОДА» В «РЕЧИ О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА»
ДЖОВАННИ PIKO ДЕЛЛА МИРАНДОЛА
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Д.С. Коньков

В статье исследуются различные понимание понятия «свобода» на примере «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандола в рамках одной культурно-исторической общности современных исследователей. Автор, используя основные принципы историзма, пытается обратиться к самому постоянно изменяющемуся и развивающемуся историческому познанию, и на основе этого объяснить причины различий во взглядах исследователей. Автор обозначает основные проблемы, связанные изучением данного источника, объясняя к чему они ведут.

Ключевые слова: Джованни Пико делла Мирандола, свобода, Речь о достоинстве человека.

Для истории, как и для философии Джованни Пико делла Мирандола прежде всего интересен как автор «Речи о достоинстве человека», которая была написана в качестве предисловия к его основному труду – «900 тезисов по философии, кабалистике и теологии». Поскольку в ней он разработал учение о свободе человека, которое называют кульминацией гуманистической мысли и гимном человеку и его разуму. В связи с актуализацией понятия свобода в современном социуме, наблюдается повышение интереса к его труду, что выражается в появлении в последнее десятилетие публикаций, в которых русскоязычные авторы упоминают данный труд. Однако при единогласной оценке, сама «кульминация» в изложении ученых совсем не одинакова, что выражается в вариативности интерпретации этого понятия. Анализ специфики данных интерпретаций позволит четко обозначить существующие позиции, на основе которых можно сделать вывод о существующих тенденциях в изучении средневековых источников философского содержания.

На основании результатов данного исследования удалось выделить две основные тенденции в объяснении понятия «свобода» среди ученых. Первая из них представляет собой метафизическое понимание свободы, которое формулируется такими авторами как Е.В. Аралова, С.А. Воронин, О.К. Румянцев, и Е.С. Карпина. Такую тенденцию можно объяснить

с помощью анализа содержания всех упоминаний «Речи о достоинстве человека» в их работах и ответов на вопросы «как» и «зачем» привлекается данный источник. Необходимо сразу отметить, что так или иначе первая категория исследователей привлекала «Речь» в рамках философского исследования по интересующей их тематике, что в целом и определило направление их интерпретации. Также наблюдается тенденция в преимущественности оценки, выраженной еще Л.М. Брагиной в 1965 г., что проявляется в схожем выборе фрагментов источника для анализа, и схожих выводов соответственно.

Аралова Елена Викторовна в своей статье предпринимает попытку дать общее представление о Ренессансе как о культуре, раскрывая ее основные характеристики. Однако прежде всего она концентрирует свое внимание на развитии философской мысли. На протяжении всего труда автор красной нитью протягивает популярную идею о том, что фактически все видные философы того периода так или иначе транслировали новое понимание человека и его места в мире, как божьего творения. Отмечая тенденции развития антропоцентризма, Аралова среди плеяды гуманистов, выделяет и Мирандолу с его речью, в которой доказывается, что человек – это четвертый мир, который представляет собой максимальный синтез всех областей бытия, не свойственный никакому из остальных трех миров. По ее мнению, в этом произведении Пико формулирует важнейшую для всего учения Возрождения о человеке мысль: человек творит себя сам [1. С. 50].

Следующий автор привлекает данный источник по другой причине, однако все же в рамках философско-этического учения. В своей статье С.А. Воронин пытается найти различия в развитии обществ запада и востока. В ходе данного поиска, он выдвигает идею, что Реформация – это инверсия исторического развития, которая характерна лишь для западных стран, которая и является той самой чертой исторического развития, которая сделала Европу такой, какой мы ее знаем. Объявляя Возрождение началом реформации, автор соответственно делает акцент на религиозном вопросе, обращаясь в том числе и к труду Миранолы. Основной квинтэссенцией произведения он видит, в утверждении, что Бог не определил человеку место в космической иерархии, а дал ему возможность сформировать себя самому как «свободному и славному мастеру». Природа человека выступает в качестве «самостоявшейся» [2. С. 24].

О.К. Румянцев пишет о том, что история – это этапы освоения человеком трех конституирующих его способностей – разума, добра и красоты, – исходно присущих человеку. Он представляет весь исторический процесс как процесс «антропогенеза», или – становления человека субъ-

ектом своей истории. Рассматривая прежде всего развитие человеческой мысли, речь гуманиста он интерпретирует как раскрытие действительной природы человеческого существа. Итак, именно потому человек и может быть свободен, что, в отличие от всех остальных живых существ, он не определен относительно мироздания, открыт миру, границу с которым должен синтезировать сам [3. С. 7].

В статье Е.С. Карпиной рассматривается развитие категории «человек» в истории философии. Мирандола в данном труде возникает в связи с попыткой автора объяснить переход к антропоцентрическому мировоззрению Возрождения от античного внимания к природно-космической жизни, и тем более от Средневековья, Бога и связанной с ним идеей спасения [4. С. 8–9].

Вторая точка зрения базируется на понимании свободы и как общественно-социального явления и представлена такими исследователями как А.П. Бондарев, В.П. Труфанова, В.В. Попов .

А.П. Бондарев упоминает Мирандолу в качестве создателя идеи свободы, где дух облагораживает тело, но уже он, рассматривая две стороны гуманизма (светского и религиозного), отмечает, что труд написан в рамках процесса секуляризации, который подчиняет себе все познавательные стороны жизни, поэтому можно предположить, что этот автор расценивает «свободу» Мирандолы как намек на социальную свободу [5. С. 25].

В статье В.П. Труфановой анализируется значение проблемы свободы в условиях глобализации в современном мире, по ее мнению, основной посыл Речи Пико заключается в важности обладания человеком свободой воли, которая дает ему способность изменять и трансформировать мир вокруг себя, то есть заниматься творчеством. Таким образом статус человека в социуме зависит не от бога, а от личной воли конкретного индивида, которая может как вознести его до уровня звезд, так и опустить до низменного уровня [6. С. 5]. Подобная интерпретация объясняется тематикой исследования, а соответственно и целенаправленным поиском параллелей между идеями Возрождения, и современностью, то есть с пониманием «свободы», как прежде всего понятия, касающегося нашей общественной жизни.

Единственным автором, кто действительно видит серьезный социальный аспект в речи мирандолы, является В.В. Попов Он доказывает, что в мировоззрении Джованни Пико сочетаются противоположные ценностные ориентации: аристократическая и демократическая, согласно которой свобода человека в определении своего места в структуре иерархического мироздания призвана обосновать свободу индивида в определении

своего места в обществе. Социальная иерархия при этом выступает в качестве условия возможности такого рода свободы [7. С. 129]. Рассмотрение этого вопроса с такой точки зрения может быть связано с тем, что автор подробно занимается исследованием речи, а его труды посвящены исключительно вопросу интерпретации данного источника. Автор хоть и не отрицает, что прежде всего речь идет об этическом учении, все же видит в этом социальные предпосылки самого автора, в виде его личного отношения к месту, где он проживал (Флоренция), к режиму власти, который там был установлен, или в частности его отношение к платоновской академии.

Таким образом подобный обзор не только дает нам возможность составить небольшую историографию по данной теме, но и поднимает ряд вопросов проблемного характера, такие как неизученность и неопределенность всего комплекса трудов Джованни Пико Делла Мирандола, неопределенность самой личности автора, а соответственно однообразие оценок деятельности гуманиста. Так же из выше сказанного вытекает еще одна проблема – отсутствие связи между речью и тезисами, что в свою очередь ведет к потере идеи о прежде всего интеллектуальной свободе, которая бы подводила к главному замыслу Мирандолы – создание синкретического учения.

Нам представляется, что понятие «свобода» может являться звеном, связывающим две эпохи – гуманизм и современность, а его различные интерпретации могут послужить отражением сущности этой связи. Две точки зрения, о которых говорилось выше, демонстрируют нам преобладание в изучении не качественно нового знания, а прагматичного использования источников, при котором авторы подгоняют удобную и готовую интерпретацию под свои тезисы, не пытаясь рассмотреть источник целостно. Таким образом происходит «вымывание» источника, а на его место встает готовое объяснение.

Литература

1. *Аралова Е.В.* «Духовность и Гуманизм Эпохи Возрождения» // Идеи и смыслы. 2015.
2. *Воронин С.А.* «Экстаз гордыни человеческой. Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм» // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2014.
3. *Румянцев О.К.* «Механизм преемственности: начало истории культуры всегда «Еще только» возникает» // Аналитика культурологии. 2011.
4. *Карпина Е.С.* Динамика концепта «человек» в истории философии // Studia Humanitatis. 2015.

5. *Бондарев А.П.* К истории гуманизма: Взгляд из XXI века // Вестн. московского государственного лингвистического ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014.

6. *Труфанова В.П., Крюкова Л.В.* Проблемы свободы в современном мире // Студенческая наука XXI века. 2015.

7. *Воронин С.А.* «Экстаз гордыни человеческой. Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм» // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2014.

А.В. Мунько

«МЕСТА ПАМЯТИ»: ОПЫТ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ П. НОРА НА МОНГОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент О.В. Хазанов

В статье рассматривается теория «мест памяти» Пьера Нора и её переложение на средневековый монгольский материал середины XIII века. Раскрываются основные критерии выделения «мест памяти», а также основополагающие причины появления рефлексии относительно исторического процесса. На основе «Сокровенного сказания монголов» анализируется гора Бурхан-Халдун как кейс «места памяти» в традиционном обществе, в тексте источника выделяются ключевые характеристики, подтверждающие данный тезис. Обозначается динамика развития «мест памяти» в монгольском обществе, раскрывается трансформация «мест памяти», а также взаимосвязь с политическими событиями Монгольской империи правления Угэдэя.

Ключевые слова: «места памяти», Бурхан-Халдун, «Сокровенное сказание монголов», Чингисхан, Угэдэй.

Memory studies являются перспективным направлением в современной исторической науке. В рамках существующих тенденций развития исследований исторической памяти особое место занимает теория Пьера Нора, живой интерес к которой можно проследить как в зарубежной, так и отечественной историографии [1]. Исследователь определял «места памяти» как крайнюю форму, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нём [2]. При анализе монгольского общества XIII века в данной работе понятие «мест памяти» будет использоваться в наиболее узком смысле – как географическое место, выражающее единство материального и сакрального смыслов, ставшее со временем элементом наследия национальной памяти общества [3].

Целью исследования является верификация концепции «мест памяти» на конкретном эмпирическом материале монгольского общества середины XIII в, так и подтверждение эвристического потенциала данных концептуальных положений.

Прежде чем непосредственно переходить к анализу трансформации «мест памяти» следует отметить, что Пьер Нора обращал внимание на причины появления в обществе «мест памяти», посвящённых тех или иным событиям. Так, появление «мест памяти» Нора относил к периоду некоторого «полураспада» памяти об определённых событиях. Он писал, что «осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти <...>. Чувство непрерывности находит убежище в местах памяти» [4. С. 19]. Также он выделял три критерия «мест памяти», которые неизменно должны присутствовать при характеристике объекта: материальный, символический и сакральный.

Активная завоевательная деятельность Чингисхана, политика его преемника – хана Угэдэя, реформы Елюй Чу-цая, во многом изменили привычный монгольский мир [5]. Расширение территорий, смещение традиционных мест обитания на другие территории, изменение социального статуса не могли не изменить внутреннее сознание монгольского общества [6. С. 80]. А значит, должно отразиться на «местах памяти» монгольского общества. Тем самым, было создано ощущение разрыва в восприятии истории, которое нашло отражение в тексте «Сокровенного сказания монголов». Стоит обратить внимание на гору Бурхан-Халдун, находившуюся в центре монгольского мира, и рассмотреть её в качестве «мест памяти» для данного общества.

Для начала необходимо отметить частоту употреблений данного понятия в данных источниках. В «Сокровенном сказании монголов» насчитывается 49 упоминаний данной горы в тексте. Однако в более позднем источнике монгольской летописи «Алтан Тобчи», упоминание горы Бурхан-Халдун относится к напутственной речи Чингисхана, к его воспоминанию об эпизоде, когда он скрывался на Бурхан-Халдуне от плена меркитов. Автор источника акцентировал внимание в этом моменте на то, что именно Вечное Небо легитимизовало власть Темучина над разрозненными монгольскими племенами [7. С. 187–188].

При характеристике горы Бурхан-Халдун как «место памяти» монгольского общества необходим синтез как общеисторических теорий, таких как концепция Пьера Нора, так и конкретных теорий монголоведов, раскрывавших особенности мировосприятия монгольского исторического сознания. В данном случае следует отдельно обозначить семантику названия данной горы, которое является индикатором сакральности

функций в традиционном обществе. Особую значимость горы в традиционных средневековых обществах отмечала Т.Д. Скрынникова [8. С. 162]. Так, исследовательница охарактеризовала гору, как наиболее распространённый вариант мировой оси, в работе она подчёркивала созвучность слов, обозначающих трон и гору, что репрезентировало образ гор в мифологическом сознании традиционного общества [9. С. 163].

Особое сакральное значение показывает и то, что упоминание данной горы тесно связано с первопредками монгольских родов Бортэ Чино и Гоа-Марал. Уже в первом предложении в источнике упоминается данная гора в связи с описанием легендарных первопредков монголов [8. С. 6]. Дальнейшая тенденция также локализует события последующих мифологических героев, Дува-Сохор и др., в контексте кочевья у горы Бурхан-Халдун. Достаточно показательна речь Чингисхана, обращённая к Небу, когда он прятался от меркитского плена: «Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя <...> Будем же каждое утро поклоняться и ежедневно возносить молитвы» [8. С. 29–30].

Функциональный критерий «мест памяти» также обозначен в тексте источника. Так, по склонам горы Бурхан-Халдун осуществлялось кочевье, а также происходила охота, что входило в повседневные практики кочевья монгольских племён, которые обеспечивали стабильное развитие монгольского общества [8. С. 7]. Немаловажную роль гора играла во время военных действий, поскольку большинство упоминаний данной горы приходится на описание военных действий. Таким образом, можно сказать, что Бурхан-Халдун являлся значимым географическим объектом в плане ведения военных действий, а также объединительным фактором монгольских племён.

Подводя итог проведённой работе, можно утверждать, что гора Бурхан-Халдун является примером «места памяти» в монгольском средневековом обществе середины XIII века. Данный географический объект соответствует трём критериям, выделенным Пьером Нора. Материальный уровень «места памяти» может быть определён в рамках выделения особого значения горы Бурхан-Халдун, а также непосредственного символического обозначения в географическом ландшафте. Символический смысл данного географического объекта проявляется в том, что в монгольской памяти эта гора связывается с появлением первопредков, а также деятельностью легендарных предков, таких как Дува Сохор и др. Стоит отметить, что сакральной функцией данного места являлась связь с Небом и непосредственное обращение к Небу. Функциональная сторона проявляется, прежде всего, как место сборов для военных походов и как место начала военных набегов и походов на другие среднеазиатские пле-

мена. В связи с чем, вполне релевантно, обозначить гору Бурхан-Халдун «местом памяти» монгольского общества.

Однако, с расширением Монгольской империи, а также ряда заграничных военных походов количество упоминаний данной горы в более поздних источниках заметно снижается. Безусловно, данный момент можно объяснить тем, что повествование начинает разворачиваться в других пространствах. Стоит отметить, что пропадает и особое внимание к данной горе, в связи с чем, можно говорить о разрыве памяти, так как привычные «места паями» в новой геополитической обстановке утратили своё значение [9]. В таких случаях вместо бывших «мест памяти» в обществе должны сформироваться новые «места памяти». Но, в связи с тем, что процесс формирования отображения прошлого в коллективной памяти через определённые формы выражения (помещение воспоминания в миф, легенду или «место памяти») достаточно медленный, то на примере монгольского общества 1240 г. можно говорить о кризисе «мест памяти». Так, одни «места памяти» были утеряны в связи с изменившейся геополитической обстановкой, другие же не успели сформироваться за короткий временной период.

Подводя итог, необходимо отметить, прежде всего, возможность переложения концепции «мест памяти» к монгольскому обществу середины XIII века. На примере локального кейса горы Бурхан-Халдун вполне релевантно проследить проявление основных характеристик «мест памяти» традиционного общества. Однако при переложении общен исторических концепций необходим синтез с частными теориями, раскрывающими особенности исторического сознания изучаемого общества. Также на основании проведённого анализа можно выявить динамику отражения «мест памяти» в монгольских летописных источниках и её корреляцию с политическими событиями Монгольской империи.

Литература

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
2. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 2, № 2-3 (40-41). URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 11.05.2019).
3. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 11.05.2019).
4. *Tai, Hue-Tam Ho* (June 2001). Remembered Realms: Pierre Nora and French National Memory. URL: <https://historycooperative.org/journal/remembered-realms-pierre-nora-and-french-national-memory/> (дата обращения: 11.05.2019).

5. Митин В.В. Особенности политической борьбы в Монгольской империи в XIII в // *Метаморфозы истории*. 2017. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskoy-borby-v-mongolskoy-imperii-v-xiii-v> (дата обращения: 11.05.2019).

6. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана СПб.: Евразия, 2013. 377 с.

7. Шастина Н.П. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М.: Наука. 1973. 440 с.

8. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.

9. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // *Социология власти*. 2003. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-osnovnye-tendentsii-ee-izucheniya> (дата обращения: 11.05.2019).

Д.А. Хворова

«ЗАПИСКИ» ИБН-ФАДЛАНА В СВЕТЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.Е. Дутчак

В статье рассматриваются научные дискуссии о степени достоверности «Записок» Ибн-Фадлана, проходившие в российской науке в конце XIX – первой половины XX вв. На основе анализа аргументов дореволюционных и советских историков выделяется круг вопросов, не утративших актуальности по сей день. Для верификации информации источника автором предлагается привлечение археологических данных, полученных исследователями при изучении комплекса эпохи викингов «Гнёздово». Результатом является авторский опыт реконструкции внешнего облика «ладунки», упоминаемой в сочинении арабского дипломата и путешественника.

Ключевые слова: Ибн-Фадлан, русы, археологический комплекс «Гнёздово».

Особый интерес для современной науки представляет путевой отчёт секретаря посольства аббасидского халифата Ахмада Ибн-Фадлана, посетившего в 921–922 гг. Волжскую Булгарию. Во время путешествия он встретил группу купцов-русов и стал свидетелем погребения одного из них. В своём отчёте он дал подробное описание их внешнего облика, верований, образа жизни и погребальной обрядности. Его «Записки» или «Рисале» – один из немногих источников, который содержит важные сведения по этому периоду и, в частности, истории догосударственный Руси [1].

Вместе с тем противоречивость и неоднозначность самого текста Ибн-Фадлана привели к тому, что в исторической науке сложились диаметрально противоположные точки зрения. Основой для их формирования стал «Географический словарь» арабского писателя и компилятора XIII века Якута, где впервые сообщалось об Ибн-Фадлане и его путешествии.

Одним из первых к тексту Якута обратился русский востоковед-арабист В.Р. Розен в докладе «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» (1902 г.) [2]. Он считал необоснованными некоторые его выводы, аргументируя это временным разрывом между посещением Древнего Хорезма Ибн-Фадланом и Якутом. Сделав это на три столетия позже, Якут заявлял об имеющихся у Ибн-Фадлана неточностях или же прямо обвинял его во лжи. Наиболее красноречиво В.Р. Розен показывал это на примере следующего отрывка: «И замерзла река Джайхун (Аму-Дарья) от начала до конца ея». Эти сведения были интерпретированы Якутом так, будто бы река замерзла на всю глубину, но исследователь объяснил, что этого не может быть, и Ибн-Фадлан имел в виду лишь поверхность реки Джайхун. Вместе с тем и после выхода работы В.Р. Розена, многие фрагменты текста Якута по-прежнему оставались непонятыми. Решить эту проблему не представлялось возможным, поскольку в конце XIX в. исследователи не располагали необходимым корпусом источников. В частности, только в 1899 г. на археологическом съезде в Киеве исследователями был поднят вопрос об издании в оригиналах и переводах сочинений арабских писателей, имеющих отношение к истории славян.

Резкой критике сведений Ибн-Фадлана в своё время подверг археолог А.А. Спицын в статье «О степени достоверности Записки Ибн-Фадлана» (1899 г.). На тот момент оригинальный текст «Записок» был всё ещё неизвестен, и археолог делал свои выводы, основываясь на некоторых археологических данных и «Географическом словаре» Якута. Высокую степень доверия к тексту XIII века А.А. Спицын аргументировал тем, что его автор цитировал «Записки» Ибн-Фадлана дословно, тем самым снимая с себя ответственность за те сведения, которые не мог проверить. А.А. Спицын полагал, что Ибн-Фадлан вовсе не был на Волге и писал понаслышке, основываясь на устных преданиях или рассказах очевидцев, поэтому в его сочинении масса несообразностей, искажений, умолчаний, иными словами, в нём вообще «нет ничего, что не возбуждало бы сомнений» [3]. Однако такой подход к тексту вряд ли можно считать оправданным, поскольку исследователем не были учтены изменения, произошедшие к моменту написания Якутом «Географического словаря».

С критикой выводов А.А. Спицына выступил дореволюционный историк-востоковед В.Г. Тизенгаузен. В своей статье «В защиту Ибн-

Фадлана» (1900 г.) он назвал мнение А.А. Спицына некомпетентным. В ответ на его сомнения в существовании упоминаемой Ибн-Фадланом стране Вису, находившейся «будто бы» на расстоянии трёх месяцев пути от булгар, В.Г. Тизенгаузен не только указал на то, что об этом народе говорили и другие арабские авторы, но и привёл перечень исследований, подтверждающих эту информацию [4]. Например, им были упомянуты работы Х.Д. Френа [5] и Ф.Ф. Вестберга [6].

Оценивая спустя 40 лет итоги этой полемики, русский и советский арабист И.Ю. Крачковский в статье «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» (1939 г.) писал, что важным её результатом стал пересмотр отношения отечественных исследователей к труду Ибн-Фадлана [7. С. 17]. Безусловно, важнейшее значение для разрешения этого спора имела находка в 1923 г. в Иране так называемой Мешхедской рукописи, в составе которой был обнаружен более полный текст «Записок» Ибн-Фадлана. После получения в 1935 г. от правительства Ирана его фотокопии, востоковеды А.П. Ковалевский и И.Ю. Крачковский подготовили к 1938 году русский перевод, предисловие и комментарий, состоящий из 1237 примечаний [1]. После ареста коллеги А.П. Ковалевский продолжил исследование самостоятельно, и в 1950 году вышла его статья «О степени достоверности Ибн-Фадлана», в которой он очертил круг актуальных и по сей день вопросов [8]. В их числе – восстановление первоначального значения используемых Ибн-Фадланом терминов, поиск сходств и различий между его взглядами и представлениями народов Волжской Булгарии, визуализация описанных им вещей.

Продemonстрируем важность последнего на примере полемики исследователей о предметах, которые были задействованы в ритуале погребения. Согласно тексту Ибн-Фадлана вблизи сжигаемой с телом знатного руса ладьи были расставлены «божки» – «нечто вроде людей и больших из дерева» [1]. Этот факт вызывал недоумение у исследователей: «божки» должны были сгореть в процессе погребения, что противоречило бы верованиям русов-язычников. Однако А.П. Ковалевский заметил, что в тексте Ибн-Фадлана нигде не сказано, что эти фигуры ничто иное как идолы богов, и выдвинул предположение – они могли олицетворять врагов, убитых этим русом. В этом случае их «участие» в ритуале становится вполне логичным, ведь им и полагалось сгореть вместе с умершим, чтобы на том свете стать его рабами.

Объяснение этого и многих других сюжетов, отраженных в сочинении арабского дипломата, остается делом будущего. Вместе с тем открытия археологов последних десятилетий могут служить основой для ответа на некоторые вопросы, поставленные дореволюционными и советскими

исследователями «Записок» Ибн-Фадлана. В перспективе комплексное исследование текстов и археологических артефактов должно включать в себя следующие этапы: 1) изучение исторического контекста создания «Записок» и результатов критического анализа его разными поколениями историков; 2) сопоставление геоэтнических свидетельств Ибн-Фадлана с составленной современными исследователями этнической картой этого региона в древности; 3) определение процента скандинавских элементов в соотношении со славянскими внутри вещевого комплекса погребений; 4) соотнесение сведений Ибн-Фадлана с новейшими археологическими данными.

Проиллюстрировать возможности такого подхода можно на материалах раскопок археологического комплекса «Гнёздово», расположенного на пути из «варяг-в-греки» (современная Смоленская область). Этот комплекс был крупным торговым поселением викингов (русов), тесно взаимодействовавших в IX–X вв. с местным славянским населением. Археологические данные свидетельствуют о наличии в местных погребениях элементов как славянской, так и скандинавской культур, поэтому материалы современных исследований можно использовать для верификации текста арабского автора.

Рис. 1.
Хворова Диана. «Жена руса»

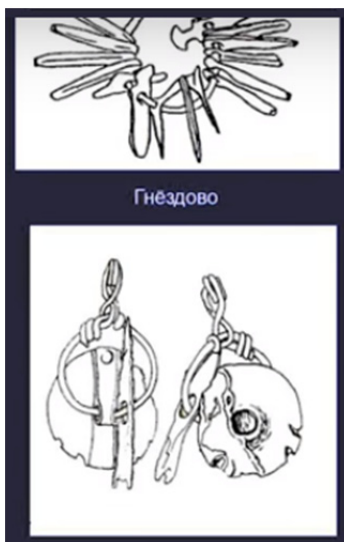

Рис. 2.
Скандинавские амулеты
из археологических комплексов
эпохи викингов

Например, они позволяют визуализировать один из предметов, описанный в «Записках» Ибн-Фадлана – так называемые «ладунки», которые жёны русов носили на груди. Первым вопрос о её внешнем виде поставил А.П. Ковалевский. Он отметил, что текст допускает различные варианты представления этого предмета – «кольцо», «коробочка» и «нож»: «А что касается каждой женщины из их числа, то на (каждой) груди ее прикреплена коробочка или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева, в соответствии (с денежными) средствами ее мужа и с их количеством. У каждой коробочки — обод, у которого нож, также прикрепленный на груди» [8]. Соотнесение этой информации с недавними находками в археологическом комплексе «Гнёздово», позволяет сделать предположение, что он выглядел так.

Таким образом, «Записки» Ибн-Фадлана являются важным источником для реконструкции истории догосударственной Руси. Благодаря непредвзятым свидетельствам стороннего наблюдателя, современные исследователи имеют возможность проверить гипотезу П.А. Толочко о торговых операциях русов как факторе формирования государственности на территории Восточно-Европейской равнины [9]. В то же время «Записки» Ибн-Фадлана могут служить основой для популяризации научного знания, путём визуализации некоторых его сюжетов. Такой подход позволит донести компетентное научное знание до широкой аудитории и, возможно, вдохновить на дальнейшее исследование новое поколение.

Литература

1. Книга Ахмеда ибн-Фадлана, посла халифа аль-Муктадира к царю сакалиба // Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комм. А.П. Ковалевского; Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939.
2. Розен В.Р. Ибн-Фадлан и его комментаторы // Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общества. 1902. Т. 15. С. 39–73.
3. Спицын А.А. О степени достоверности «Записки» Ибн Фадлана // Записки Русского археологического общества. 1899. Т. 11, вып. 1–2. С. 162.
4. Тизенгаузен В.Г. В защиту Ибн-Фадлана // Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общества. 1900. Т. 13. С. 24–32.
5. Frahn C.M. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte uber die Russen alterer Zeit. Frankfurt am Main : Inst. for the History of Arab. Islamic Science. 1994.
6. Вестберг Ф.Ф. Ибн-Фадлан Вису // Изв. Акад. наук. 1899. Т. 11, № 3. С. 221–223.
7. Крачковский И.Ю. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и ком. под ред. акад. И.Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1939.
8. Ковалевский А.П. О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. 1953. Т. 35. С. 265–293.
9. Толочко А.П. Очерки начальной Руси. СПб., 2015.

К.О. Шишкин

ОБРАЗ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1462–1613) В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР И РОССИИ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Д.С. Коньков

В статье исследуются расхождения в трактовке событий в школьной советской и современной литературе на примере периода 1462–1613 гг. Изучение осуществлено в рамках концепций формирования национальной идентичности системой образования и влияния государственной политики через сферу образования. На основе анализа текстов учебников выявляются ключевые моменты, по которым отличаются учебные издания разных лет. Автор выдвигает гипотезу об изменениях государственной политике по ряду вопросов в отечественной истории.

Ключевые слова: система образования, государственная политика, СССР, Россия.

После распада СССР некогда единый народ оказался разделенным границами между 15 независимыми республиками, главной целью руководства которых являлось государственное строительство. В этой связи поменялись и идеологические цели. В первую очередь они направлены на скорейшее формирование нового национального самосознания, которое во многом зависит от образования – основного института, в котором отражены социальные и культурные конструкты нации [1. С. 204]. Изменения в системе образования, нацеленные на осуществление данной задачи, характерны для всего постсоветского пространства [2. С. 55].

В связи с этим возникает проблема неоднородного понимания отечественной истории различными группами в рамках одного общества. Целью исследования является выявление изменений в отечественной образовательной политике. Рассмотрение вопроса произведено на промежутке времени с 1462 г. по 1613 г. Значимость данного периода определяется процессом формирования базовых структур российской государственности, которые проявляют себя даже в настоящее время [3. С. 238]. Кроме того, события, произошедшие в данный период, согласно концепции нового учебного-методологического комплекса по отечественной истории, до сих пор остаются спорными вопросами.

Методологической базой исследования являются концепции формирования национальной идентичности системой образования и государственной политики образования, которые получили распространение как в среде западных, так и отечественных исследователей. Методы, исполь-

зованные при изучении вопроса: сравнительно-исторический метод и контент-анализ (количественный и качественный анализы).

С опорой на теоритический материал в рамках исследования была осуществлена работа со следующими источниками: «История СССР» учебное пособие для 7 класса, 1971 г.; «История России» для 6 класса ч. 2 2016 г. и «История России» для 7 класса ч. 1 и 2 2016 г. издательства «Просвещение». Выбор данных учебников обусловлен, в первом случае на основании Утверждения Министерством просвещения СССР, во втором – Рекомендации Министерством образования и науки РФ (приказ от 8 июня 2015 г. № 576), а также большим тиражом по сравнению с другими учебными пособиями.

В рамках данных теорий можно выделить следующие темы, по которым изменилась государственная точка зрения. В первую очередь это попытка вписывания отечественной истории в рамки общемировой. В учебных изданиях «История России» имеются отдельные параграфы, в которых освещаются ключевые моменты мировой истории. В них осуществляется сравнение схожих процессов и явлений, которые можно обнаружить как на территории Российского государства, так и в других зарубежных странах; объясняются различия и особенности развития России. Причинами появления подобных пунктов в учебнике можно назвать изменения, произошедшие в авторском составе. В изданиях после 2015 г. общим редактором учебников является А.В. Торкунов, российский дипломат, ректор МГИМО МИД РФ. Основная тематика его работ: зарубежная история, международные отношения и дипломатическая служба. Таким образом на основании данных фактов можно выдвинуть гипотезу, что подобные перемены связаны с личностью редактора учебных пособий.

Произошла переработка и материала, освещающего историю развития церковной организации и вероучения, а также о влиянии РПЦ на развитие российской государственности. Марксизм-ленинизм – официальная идеология СССР. «Религия есть опиум народа» – утверждал К. Маркс. Поскольку одной из главных задач советского образования являлось «...формирование у учащихся марксистско-ленинского мировоззрения...» [4. С. 12], то исходя из этой установки и происходит передача истории церкви. В частности, «История СССР» за 7 класс дает негативное описание данного религиозного института, который предстает как корпорация, эксплуатировавшая крестьян («Они захватывали крестьянские земли и превращали окрестное население в своих крепостных», «Крестьяне на протяжении многих поколений боролись против монастырей...» [5. С. 105]).

Напротив, в 90-е гг. и в настоящее время осуществляется сближение между государством и РПЦ [6]. В учебниках 2016 г. имеется тенденция к созданию положительного образа церкви («На протяжении всего XV в. наблюдался рост авторитета и влияния Русской православной церкви среди различных слоёв населения. В условиях непрерывных войн и конфликтов люди стремились увидеть образец для подражания в служении подвижников» [7. С. 99]). Значительно увеличился объем материала, который посвящен данной теме. В старом издании вопросу посвящен 1 пункт размером меньше 1 страницы, в то время как в современных пособиях в совокупности 10 страниц по данному периоду.

Значительно отличается оценка личности и деятельности Бориса Годунова. В частности, советское издание дает отрицательную оценку правления данного исторического персонажа [5. С. 130], описывая его царствование как период усиления крепостнического гнета. Авторы «Истории России» отказываются от столь односторонней оценки данного царя. «Он был хорошо образован, владел несколькими иностранными языками, имел прекрасную библиотеку. Новый царь обладал звучным голосом и даром красноречия, был приветлив в обращении, имел величественные манеры», – подобным образом описывается Б. Годунов в новом издании.

Изменение трактовки восстания Ивана Болотникова. В первом случае делается акцент на народном характере восстания, целью которого ставилось уничтожение крепостного права и феодального гнета. Ликвидация восстания осуществлялась жестоко («Палачей не хватало» [5. С. 134]). В современном учебнике также отрицается столь однозначная трактовка данного события. К Болотникову примыкали не только крестьяне, но также и дворяне, стрельцы, казаки, а подавление выступления было не столь жестоким [9. С. 14].

Таким образом результатом исследования является выявление изменений в государственной политике СССР и современной России, которые отображены на страницах школьной учебной литературы. В рамках советской системы образования, опиравшейся на марксизм-ленинизм, существуют прогрессивные и реакционные силы. Здесь представителем первой категории является И. Болотников, который изображается как положительный персонаж, выступавший на стороне «простого народа» [5. С. 132]. В то же самое время институт церкви и личность Б. Годунова относятся ко второй из ранее названных категорий. Их описание осуществляется с негативной стороны посредством создания образа эксплуататоров крестьян. Современная тенденция направлена в сторону более разностороннего рассмотрения личности, явлений и процессов, что также отображено на примере этих двух исторических персонажей, образы ко-

торых получили соответствующие дополнения. Подробнее освещается церковная история, что связано с изменениями отношений между институтом церкви и государством. Последнее, стремясь осуществлять сотрудничество с церковью, стремится показать её с положительной стороны как институт, который является исконным для российского общества и который внес значительный вклад в отечественную историю.

Литература

1. *James H.W. (Re)Constructing Memory: School Textbooks and the Imagination of the Nation.* Rotterdam: Sense Publishers, 2014. 355 p.
2. *Nation-Building, Identity and Citizenship Education. Cross-cultural Perspectives / J Zajda [и др.].* Berlin: Springer, 2009. 203 p.
3. *Кром М.М.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
4. Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании: закон СССР от 19.07.1973 г. № 4536-VIII [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 29 с.
5. *Нечкина М.В., Лейбенгруб Н.С.* История СССР: учеб. пособие для 7 класса. М.: Просвещение, 1971 256 с.
6. *Куреной В.А.* Власть и Церковь: мотивы и перспективы сближения [Электронный ресурс] // Архив номеров журнала «Отечественные записки» 2001–2014 годов: [сайт]. [2001]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2001/1/vlast-i-cerkov-motiv-i-perspektivy-sblizheniya> (дата обращения: 15.05.2019).
7. История России. 6 класс: учеб. для общобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 2 / Н.М. Арсентьев [и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. 127 с.
8. История России. 7 класс: учеб. для общобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / Н.М. Арсентьев [и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. 128 с.
9. История России. 7 класс: учеб. для общобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 2 / Н.М. Арсентьев [и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. 128 с.

М.Ю. Шматов

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ СССР: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ В 1930-е гг.

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор С.А. Красильников

В статье осуществляется анализ конструирования образов исторического прошлого в идеологической политике СССР 1930-х гг., а также в массовом сознании советских граждан – жителей Западной Сибири. По материалам официального законодательства и делопроизводства, многочислен-

ным визуальным, публицистическим и художественным источникам изучается характер и степень взаимного влияния официального нарратива о прошлом и коллективного восприятия исторических событий рядовыми советскими гражданами. Предпринята попытка определения роли и места исторических нарративов в политической социализации граждан СССР и в формировании их индивидуальной и коллективной идентичности.

Ключевые слова: образы прошлого, мобилизация, нарратив, восприятие.

Социокультурные трансформации в СССР 1930-х гг. сопровождалась формированием новых дискурсов в символическом пространстве советских граждан. Официально этот процесс именовался построением социалистического, бесклассового, т.е. принципиально нового общества [1. С. 6–8]. Началось изменение массовой картины мира, огромную роль в котором сыграла партийно-государственная политика.

В связи со специфическим характером коммунистического дискурса, ориентировавшего целевую аудиторию на моделирование образов будущего, а также на противопоставление реальности прошлому [2. С. 30] возникает проблема роли и специфики образов прошлого в официальной советской картине мира и в мировоззрении советского социума. Цель исследования - изучение на примере Западной Сибири взаимовлияния государственной идеологической политики в создании конструкторов прошлого с их массовым восприятием.

Методологической базой исследования на макроуровне выступает концепция современного государства – проводника массовой идеологии для формирования идентичности, идеолого-политического и культурного-мировоззренческого «вращения масс» [3. С. 7–10] в виде сверхдинамичной социальной мобилизации. На мезоуровне используется концепция национально-государственного строительства и идеологического манёвра при социальной напряжённости и конфликтности. Микроуровень представлен теорией восприятия мероприятий, транслируемых извне [4. С. 24].

С опорой на теоретический фундамент в рамках исследования осуществлена работа с корпусом источников, представленных тремя группами: 1. Публицистические, информационные и законодательные источники, отражающие официальную позицию. 2. Делопроизводственные (отчётные, директивные и статистические) документы, создающие картину процедуры и результатов трансляции официального дискурса и его восприятия. 3. Художественно-изобразительные и вещественные источники, служащие средствами сопровождения мероприятий. В научный оборот вводятся как материалы центрального происхождения и общесоюзного охвата, так и источники, созданные в Западной Сибири и отра-

жающие особенности реализации изучаемой политики памяти в этой части СССР.

Результаты проведённого исследования позволили установить особенности и динамику процесса формирования и реализации идеологической политики, выявить её результаты, противоречия, а также ряд форм восприятия официальных мероприятий и реакции на них среди представителей целевой аудитории. В частности, установлен противоречивый и непоследовательный характер конструирования образов прошлого в 1930-е гг. с ощутимой тенденцией (особенно с 1934 г.) к его актуализации и институализации в формате подготовки учебных, научных и публицистических изданий по проблематике истории [5]. Кроме того, массово, зачастую в мобилизационном формате для самой широкой целевой аудитории создавались официальные нарративы об исторических персонах – политических, военных и творческих деятелях различных эпох: дореволюционной, революционной и советской, с XIII в. (Александр Невский) до 1930-х гг. (идеологический «пантеон» советских вождей) [2. С. 104–126]. Стоит отметить, что процесс создания таких нарративов чётко увязывался с текущей политической ситуацией и запросами акторов пропаганды, т.е. партийно-государственного руководства СССР. Сами официальные нарративы транслировались массово, с привлечением широких ресурсов партийных органов, советских учреждений и общественных организаций, стремительным и во многом стихийным образом формируя политико-мировоззренческую идентичность советских граждан [3. С. 132]. Одобренный официально нарратив носил характер канона для всего дискурса власти, и сформированные большевиками образы и фигуры прошлого обретали «агиографический» характер – в сущности, в массовом сознании начинал функционировать не реалистичный, а инструментальный, полезный для текущего момента и абсолютно идеализированный образ того или иного деятеля прошлого.

Несмотря на ведущую роль официальных партийно-государственных институций, расположенных как в Москве, так и на краевом/областном уровне, в формировании картины мира [6. Л. 2–4], значимое место занимали неофициальные каналы коммуникации: слухи, фольклорные и неофициальные представления, проявлявшиеся как во время мобилизационных мероприятий (обсуждение государственных документов, собрания, митинги), так и в повседневной жизни. При этом, официальный и неофициальные дискурсы могли как взаимно влиять друг на друга, так и вступать в противоречия, порождая дискуссионные и конфликтные ситуации, что находило отражение в протоколах массовых мероприятий и в отчётных спецсводках многочисленных функционеров ВКП(б), ВЛКСМ, советских и охранительных органов [7. Л. 17–22].

Значительную роль в конструировании исторических нарративов играл фактор индивидуального и группового отношения к фигурам и событиям прошлого. Характер массовых политических кампаний, связанных как с памяtnыми датами (годовщина смерти А.С. Пушкина, 1937 г.) [8], так и с общеполитическими процессами (изучение «Краткого курса истории ВКП(б)», 1938 г.) [9. Л. 1–3], обусловил массовое участие граждан в формировании и трансляции собственных исторических нарративов. Однако сохраняет дискуссионность вопрос соотношения между усвоением и отторжением гражданами официального дискурса: с одной стороны, граждане позитивно воспринимали ряд общенациональных (от Александра Невского и Петра Великого до К.Е. Ворошилова и В.И. Чапаева) и локальных (красные партизаны Алтая в годы Гражданской войны) героических образов [7. Л. 9], с другой же – нередко официальное делопроизводство фиксировало непонимание и неприятие ряда нарративов, особенно связанных с героизацией монархов или зарубежных деятелей [9. Л. 15], что, безусловно, явилось следствием трансляции подчёркнуто негативных нарративов о дореволюционном прошлом в предшествующие годы советской власти.

Итак, в 1930-е гг. руководство СССР в идеологической политике осуществило масштабное формирование образов национально-государственного прошлого. Важной чертой этого процесса было обращение к «низовым запросам на историю», что существенно влияло на этот, достаточно новый для власти аспект идеологической политики. В то же время, партийно-государственное руководство сохранило и усилило монополию на конструирование официальных – общеобязательных – образов прошлого.

Литература

1. *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. М., 1936.
2. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпрорвещение и террор в СССР, 1927–1941 гг. М., 2017.
3. *Хоффман Д.* Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018.
4. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000.
5. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая.
6. План официальных мероприятий к 20-летию освобождения Сибири от войск А.В. Колчака // Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 106.
7. ГАОНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33.
8. Поэт великого народа // Советская Сибирь. 1937. 10 февраля.
9. ГАОНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 5.

А.М. Юрина

ЭСХАТОЛОГИЯ В «КАРТИНКЕ»: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ «МАЛЫЙ СОБОРНИК»

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.Е. Дутчак

В статье исследуется старообрядческое печатное издание «Малый Соборник» (посл. треть XIX в.), рассматриваются вопросы происхождения книги, предназначения составляющих её текстов и атрибуции изображений. В работе охарактеризован визуальный ряд книги, техника исполнения изображений и их предполагаемые источники. Установлено, что изображения, включенные читателем в «Малый Соборник», восходят к миниатюрам древнерусского и старообрядческого «Апокалипсисов». Наглядные образы Страшного суда способствовали популяризации этих сюжетов среди верующих читателей. Визуальный ряд «Малого Соборника» показывает, что изображения эсхатологической тематики являются самостоятельным источником, выражающим старообрядческое миропонимание.

Ключевые слова: старообрядцы, эсхатология, визуальный источник, «Малый Соборник».

В Научной библиотеке Томского государственного университета хранится книжное кириллическое собрание «Скитская библиотека» [1]. Данная коллекция была передана университету томско-чулымской общиной староверов-странников. «Скитская библиотека» включает в себя около 250 рукописей, старопечатных книг и изданий старообрядческих типографий (временной диапазон книжных памятников – конец XV – начало XXI вв.). В составе этого собрания находится печатный экземпляр «Малого Соборника» [2], содержание и иллюстративный ряд которого вызывают ряд вопросов.

Первый из них касается времени и места выхода книги. Выходные данные на л. 205 говорят, что «Малый Соборник» был издан в Почаевском Свято-Успенском монастыре (западная часть Украины). Год выхода книги не указан, однако маркировочные знаки бумаги – штемпели фабрик В. Говарда (год применения – 1874) и Г. Козловой (1860, 1874 гг.) позволяют датировать ее последней третью XIX века [3. С. 102, № 45; С. 104, № 92] – временем, когда типография в Почаеве уже более 60 лет не печатала книги для старообрядцев [4. С. 8; 5. С. 48–50]. Упоминания о Почаевской типографии примечательны ещё и тем, что не всегда изданные здесь книги имели верные указания на дату выхода, а название типографии могло использоваться для придания авторитета книжной

продукции, изготовленной в небольших и малоизвестных старообрядческих типографиях [6. С. 346].

Второй вопрос связан с происхождением и предназначением текста «Малого Соборника». Например, уральские археографы И.В. Починская, П.И. Мангилёв и Н.В. Ануфриева установили, что входившие в него сочинения христианских авторов читались *«во время богослужения в храме по воскресным и праздничным дням в период пения Триоди постной и Триоди цветной (от недели о мытаре и фарисее до недели всех святых)»* [7. С. 218]. По церковному календарю этот период включает в себя подготовительные недели перед Великим постом, великопостные недели, Пасху и восемь недель после неё. Важность этого временного отрезка для христианской культуры привела к тому, что в старообрядческой традиции бывало два типа книги с названием «Соборник». Информация о первом типе – «Большом Соборнике» – содержится в справочнике по изданиям Почаевской лавры [8. № 121, 131] и каталоге старообрядческих изданий А.В. Вознесенского соответственно [4. № 316, 297]. Судя по выходным данным, эта книга, напечатанная в 1782 г. в Почаеве [9], являлась переизданием «Соборника из 71 слова», вышедшего летом 1647 г. на Московском печатном дворе. В её состав входят поучительные «Слова» почитаемых богословов на тот цикл, который указан И.В. Починской, П.И. Мангилёвым и Н.В. Ануфриевой.

Исследуемая нами книга относится ко второму типу «Соборников», так называемому «Малому Соборнику», включившему в себя тексты с наиболее выраженной апокалипсической тематикой: «Слово в неделю мясопустную Кирилла архиепископа Александрийского о исходе души от тела и о втором пришествии Христове», «В неделю мясопустную, преподобного отца нашего Палладия мниха. Слово о втором пришествии Христове, и о страшном суде, и о будущей муке, и о умилении души», «Слово Ефрема Сирина об антихристе» и др. Все они посвящены не только духовному совершенствованию во время и после поста, но и последним дням земной истории, поэтому вероятность распространенности данной книги среди эсхатологически настроенных староверов очень высока.

Наконец, последний вопрос касается визуального ряда «Малого Соборника» – символики и атрибуции девятнадцати изображений, которые вклеивали, подшивали и рисовали на полях книги скитники-читатели XX века. Эти изображения различны по тематике (рисунки русских патриархов дореформенного периода, фрагменты иконы Страшного суда и никонианского священника в образе двурогого зверя) и по технике исполнения (типографская печать и рисунки «от руки»).

Так, на лл. II об., III, IV об., V, VI (в ходе археографического описания вклеенные и вшитые листы пронумерованы римскими цифрами) разме-

щены рукописные изображения патриархов дораскольного периода от Иова до Иосифа (1589– 1652) (рис. 1). Такой выбор является неслучайным и обусловлен тем, что Иов был первым московским патриархом, а Иосиф – последним истинным, с точки зрения староверов, патриархом. Патриаршество его преемника – Никона – старообрядческими идеологами уже оценивалось как разрушительное для русского православия. Судя по технике рисунков, выполненных простым карандашом и черными чернилами, они были сделаны в начале XX века.

Рис. 1

На лл. VII–XI об. находится восемь наклеенных цветных изображений эсхатологической тематики, отпечатанных типографским способом, два из которых приведены ниже (рис. 2). Анализ их сюжетов показал, что они представляют собой фрагменты иконы Страшного суда, по-видимому, взятой из церковного календаря, изданного в начале XX века в какой-то старообрядческой типографии.

В некоторых местах вклейки собраны из нескольких фрагментов. Именно таким образом составлена «картинка», представляющая Иисуса Христа на престоле и дополненная изображением креста с пририсованной фломастером дополнительной перекладиной (л. VIII). Ещё одним примером является изготовленная типографским способом иллюстрация

на л. X об., где утраченные фигуры грешников читатель-скитник восстановил самостоятельно, используя простой карандаш и цветные краски.

Рис. 2

Примечательным является изображение трапезы святых на л. XI об., нарисованное цветными красками. Особо подчеркнем, что в сюжетную линию иконы Страшного суда данный фрагмент не входит, поэтому это дополнение можно полностью считать творчеством читателя. Полагаем, что место размещения выбрано неслучайно: рисунок трапезы святых в книге следует за изображением Иерусалима Вышнего, или Царства Небесного. Такое расположение показывает смысловую связь визуальных образов книги: читателю-иллюстратору важно показать не только рай как место обитания праведников, но и связать эту информацию с темой награды за христианские добродетели. Однако для подтверждения этого предположения и более точной атрибуции сюжетов необходимо детальное изучение иконографии Страшного суда.

Одним из элементов визуального ряда «Малого Соборника» являются авторские рисунки и пометы на полях книги, например, показывающие никонианского священника в образе двурогого зверя на л. 131 (рис. 3).

Разнообразие сюжетов «Малого Соборника» ставит задачу реконструкции на их основе эсхатологических представлений старообрядцев.

В свою очередь, это предполагает подбор методического инструментария, с помощью которого возможно «прочтение» имеющихся визуальных данных. Современная исследовательская литература предоставляет широкий спектр подходов для решения поставленных задач [10]. Интерпретация явных и скрытых смыслов визуального ряда возможна посредством обращения к герменевтическому анализу, который поможет установить связь между эсхатологическими представлениями скитников, условиями жизни таежной общины и ее кругом чтения.

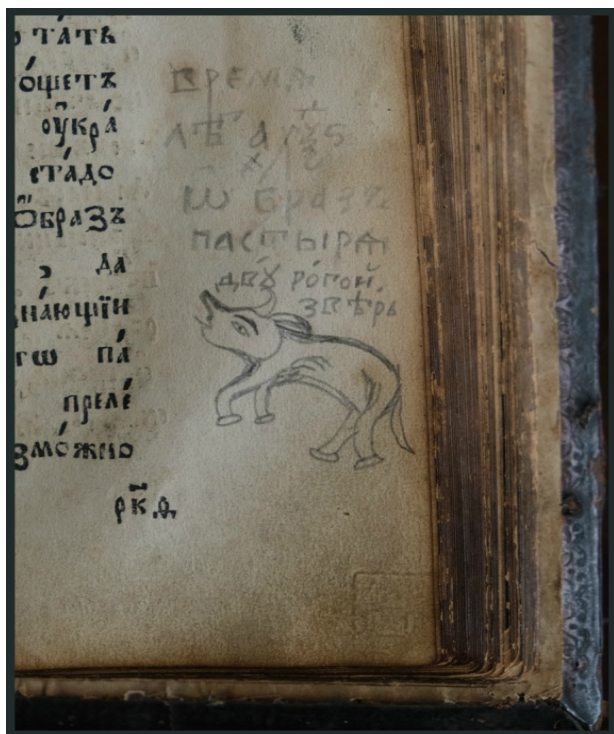

Рис. 3

Полагаем, что изображения, включенные читателем в «Малый Соборник», восходят к миниатюрам древнерусского и старообрядческого «Апокалипсисов». Наглядные образы Страшного суда способствовали популяризации этих сюжетов среди верующих читателей. Исследование эсхатологии в «картинках» дает возможность реконструкции представле-

ний скитника о «конце времён», праведниках и грешниках, позволяет установить связи догматического богословия и «народных» представлений старообрядцев, не имеющих специального духовного образования. Изучение визуального ряда эсхатологического характера содействует пониманию того, в какой степени использовавшиеся художественные средства помогали выразить эти представления.

Литература

1. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Колосова Г.И., Сербина Г.Н. Оцифровка как «ящик Пандоры»: исследовательские перспективы online презентации старообрядческих книжных коллекций // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 38–43.
2. НБ ТГУ ОРКП. В-27247. Малый Соборник. Б. м. : б. и., 1860–1870-х гг. 209 л.
3. Клепиков С.А. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.
4. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX века : каталог / А.В. Вознесенский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
5. Починская И.В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994.
6. Ковальчук Г.И., Заболотная Н.В. «Почаевский проект»: деятельность Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского по исследованию почаевских старопечатных книг // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития. 2007. Вып. 5. С. 341–355.
7. Починская И.В., Мангилев П.И., Ануфриева Н.В. Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение: учеб. пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010.
8. Издания Свято-Успенской Почаевской Лавры. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rasl.ru/e_resours/Lavra_pochaev/ukaz/rall.html, свободный (дата обращения: 20.05.2019).
9. Соборник. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.sobornik.ru/text/sobornik/sobornik.htm>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).
10. Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16–26.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОГНОЗЫ

Ю.А. Огнерубова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: В НОВЫЙ МИР ПО СТАРЫМ ПРАВИЛАМ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Г.Н. Алишина

В статье рассматриваются особенности правового регулирования электронной торговли на примере интернет-магазина (модель В2С) в России. Изучая ключевые аспекты, касающиеся оформления отношений купли-продажи в Интернете, защиты прав покупателей и защиты персональных данных, а также связанных с ними противоречий, автор анализирует правомерность ведения электронной торговли в отечественных правовых реалиях.

Ключевые слова: электронная торговля, интернет-магазин, правовое регулирование.

В информационный век, в условиях широкого распространения Интернета многие виды деятельности обретают вторую жизнь в виртуальной среде, получая новые возможности и преимущества. По такому же пути пошла и традиционная торговля, переместившись в виртуальный мир. Электронная форма торговли в последние годы развивается стремительными темпами. Стремительно растет мировой рынок розничной электронной торговли между предприятиями и потребителями (так называемая модель В2С) – один из важнейших сегментов электронной коммерции. Модель В2С представляет собой электронные продажи, ориентированные на индивидуальные потребности, и может быть проиллюстрирована на примере интернет-магазина. Большой выбор, более выгодные цены, круглосуточный доступ, быстрый поиск по категориям товаров и не только – все это привлекает покупателей.

На данный момент количество вовлеченных в сферу онлайн-торговли покупателей в России составляет около 50 млн человек [1]. Россия входит в мировой топ-10 по объемам и темпам роста рынка электронной торговли. Отечественный товарооборот в этой области превышает триллион рублей в год. По прогнозам аналитиков, российский рынок электронной торговли будет увеличиваться, а продажи и доля пользователей – расти.

Однако не многие пользователи интернет-магазинов задумываются о правовых аспектах, когда совершают свои покупки. И напрасно, поскольку нормативно-правовая база, призванная быть надежным фундаментом и регулятором любой сферы деятельности, в случае с электронной торговлей не является таковой, и все ее участники оказываются в уязвимом положении. Ведь торговля в условиях отсутствия магазина как физического места, а также возможности поддержать товар в руках и задать вопросы продавцу определенно должна вызывать недоверие и особенную осторожность.

Первое, на что следует обратить внимание, – это то, что специализированный закон «Об электронной торговле» более 18 лет находится в состоянии проекта, или, другими словами, как закон не существует. Из-за этого электронная торговля попадает под действие десятка различных правовых актов, многие из которых к электронной торговле имеют лишь косвенное отношение. Поэтому правовая база этого вида деятельности весьма громоздка и запутанна.

Сфера торговли и различные сделки (в том числе отношения купли-продажи) попадают в сферу регулирования такого обширного документа как Гражданский кодекс Российской Федерации. Он допускает заключение сделок путем электронного обмена данными. Однако такая распространенная форма заключения сделок в сети как соглашение, заключаемое с помощью щелчка компьютерной мыши по кнопке «Я согласен», законодательно в нем не закреплена [2]. Правомерен ли такой способ оформления сделки – не до конца понятно. Возможно, этот вопрос не является острым за счет широкой практики использования таких соглашений, но, как правило, до тех пор, пока не возникает спорная ситуация, разрешить которую представляется довольно сложно.

Закон «О защите прав потребителей» содержит понятие дистанционной торговли, под которой понимает заключение договора купли-продажи на основании знакомства только с описанием товара. Однако понимание интернет-торговли как дистанционного способа продаж не совсем корректно, ведь у нее есть своя специфика, которая в данном законе полностью не отражена.

По закону при продаже товаров дистанционным способом продавец должен предоставить необходимую информацию о товаре и ознакомить покупателя с основными потребительскими свойствами товара. Но, как известно, в действительности товар, который получает покупатель, часто может отличаться от заявленного в описании. В этом случае покупатель может вернуть товар, сохранив его внешний вид, бирки и чек. Покупатель вообще наделен правом отказаться от товара в любое момент до его получения, а уже после получения – в течение 7 дней. Порядок и сроки

процедуры возврата описаны в законе, поэтому если покупка совершена в надежном магазине, который дорожит своей репутацией, проблемы с возвратом минимальны. Стоит отметить, что процедура возврата больше ориентирована на традиционные покупки и в случае с электронной торговлей требует конкретизации.

По-другому дело обстоит в том случае, если покупатель имел неосторожность связаться с непорядочным магазином или мошенниками, — здесь шансы вернуть деньги, найти и привлечь продавца к ответственности практически равны нулю. Хотя покупатели зачастую попадают в такую ситуацию по своей неосмотрительности. Перед совершением покупки нужно тщательно изучить сайт интернет-магазина. Минимум информации, требования о 100% предоплате, большие скидки, чересчур привлекательные цены, только положительные отзывы или вовсе их отсутствие — все это должно настораживать. В большинстве случаев фальшивый интернет-магазин можно выявить на стадии знакомства с сайтом или по его адресу. Адрес безопасного ресурса начинается с протокола «https». Если адрес интернет-магазина начинается с «http», лучше воздержаться от покупок в нем. Нужно отметить, что ситуации с обманом в интернет-магазинах, к сожалению, очень распространены и проблематичны в урегулировании.

Еще сложнее обстоит дело с покупками в зарубежных интернет-магазинах, в которых работает законодательство других стран и не всегда в пользу покупателя из-за рубежа. К слову, по статистике, 36% онлайн-покупок россияне совершают в зарубежных интернет-магазинах, из них 90% — в китайских [3].

Но в любом случае права покупателей защищаются серьезнее, чем права продавцов. А ведь последние также подвергаются рискам. Например, в случаях, когда товар, отправленный почтой, покупатель так и не забирает, когда покупатель пытается вернуть деньги за товар, испорченный намеренно, или бывший в использовании. Законодательно защита прав продавца как другой стороны сделки купли-продажи прописаны слабее.

При регистрации в интернет-магазине мы сообщаем некоторую личную информацию, так называемые персональные данные, которые регулируются законом «О персональных данных» и стали в последнее время объектом посягательства со стороны мошенников. Персональные данные — это не тот объект, который можно вернуть владельцу без ущерба для него. Если к таким данным получили доступ третьи лица, то субъект данных подвергается широкому кругу угроз: от назойливого маркетинга до потери денежных средств.

Интернет-магазины явно уязвимы перед хакерскими атаками. Так кому и куда мы предоставляем нашу личную информацию? Как эти данные

защищаются сайтом магазина? Это больше технический аспект, за который ответственны те, кто работает с персональными данными. Кстати, значительная часть утечек данных происходит из-за халатного отношения компаний к их сохранности. По словам специалистов, в 2017 году в мире произошла утечка более 7 млрд записей с персональной и платежной информацией. Однозначно, это проблема мирового значения.

В связи с этим Закон «О персональных данных» РФ предписывает как российским, так и иностранным компаниям осуществлять хранение персональных данных россиян на территории России. Это, в свою очередь, влечет за собой увеличение издержек не только российских, но и иностранных компаний, но едва ли решит проблему с сохранностью персональных данных, поскольку при желании российские пользователи смогут и дальше совершать покупки в зарубежных магазинах, в которых действуют свои правила.

Согласие субъекта на обработку персональных данных, а также на получение рекламной рассылки, которая часто сопутствует процессу регистрации в интернет-магазине – обязательны. Однако юристы считают, что единственно верным доказательством того, что человек согласен получать ту или иную информацию, служит его физическая или электронная подпись. Но не ясно, как должно реализовываться это требование.

Самим пользователям также не стоит забывать о защите своих данных в слабо регулируемом онлайн-пространстве. Так, рекомендуется использовать разные пароли для разных сайтов, завести отдельные банковскую карту и почтовый ящик для покупок онлайн.

В сфере регулирования интернет-торговли накопилось множество противоречий и нерешенных вопросов. Да, существующие правовые нормы позволяют функционировать этому виду деятельности, но, по мнению исследователей, не могут регулировать ее адекватно. Многочисленные правовые пробелы только способствуют появлению спорных ситуаций, и попросту затормаживают развитие этого перспективного вида деятельности. Электронная торговля нуждается в комплексном регулировании: потребуются адаптация уже существующих законов и издание ряда новых. Очевидно, что правотворчество не будет успевать реагировать на стремительные изменения в цифровой среде, но систематизация основных проблем правового регулирования электронной торговли и их разрешение – необходимый шаг, который должен стать перспективой ближайшего будущего.

Литература

1. Рынок электронной торговли в России оценили в 1,2 трлн рублей [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2019/03/13/Rinok_elektronnoj_torgovl, свободный (дата обращения: 12.05.2019).

2. Руденко Е.Ю., Усенко А.С. Понятие и правовое регулирование электронной торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-i-pravovoe-regulirovanie-elektronnoy-torgovli>, свободный (дата обращения: 12.05.2019).

3. Деготькова И. Способы обмана в интернет-магазинах [Электронный ресурс]. URL: <https://subscribe.ru/digest/economics/school/n209899171.html>, свободный (дата обращения: 12.05.2019).

Р.О. Соколовская

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ВРАЧА В ДИСКУРСЕ СЕРИАЛА

Науч. рук. – канд. филос. наук, доцент С.С. Березовская

В статье исследуется специфика врачебной деятельности на материале популярных медицинских сериалов. Используя дескриптивный и компаративный методы, автор рассматривает некоторые значимые репрезентации врача в массовой культуре; сравнивает их по ряду критериев – стиль диагностики, корпоративные отношения, личностные качества.

Ключевые слова: телесериал, экранный образ, врач, пациент, «Доктор Хаус», «Интерны».

На сегодняшний день сериалы являются весьма востребованным продуктом массовой культуры. Они переживают «золотую эру» за счет укрепления позиций кабельных каналов (НВО, например) и мультимедийных компаний (Netflix и ряд других). Меняется и сам формат сериала – сегодня он имеет сложный, нелинейный сюжет с непредсказуемым финалом. Наиболее успешные сериалы зачастую имеют внушительный бюджет и высокие рейтинги. Показательно, что, если раньше просмотр сериалов порицался в обществе, то на настоящий момент можно утверждать, что сериалы смотрят абсолютно все, выбирая для себя подходящие по тематике. В то же время доступность сериалов, их тотальное распространение в эпоху цифровых технологий справедливо расценивать как серьезный вызов. Не следует забывать о том, что вся история медиа – это история «парализации» человечества – изначально книгой, в дальнейшем фильмом и, наконец, сериалом. Многосерийные фильмы удерживают внимание человека, «парализуют» его на некоторое время (в среднем от 2 до 10 сезонов), в связи с чем, возникают такие проблемы, как аддикция, эскапизм и т.п. Помимо всего прочего, сериал является

проводником определенных идей, знаний, ценностей. В этом смысле медицинские сериалы не являются исключением.

Возникнув в США в 50–60-е гг. XX в., многосерийные медицинские драмы не только занимают доминирующие позиции на национальном телевидении, но и органично встраиваются в сетки теле вещания других стран, с успехом адаптируются под другого (неамериканского) зрителя, тем самым определяя логику развития мировой телеиндустрии. В ряде случаев популярность американских сериалов на медицинскую тематику приводит к «умножению сущностей» (система франчайзинга). В результате «свои» медицинские сериалы появляются в России и ряде европейских стран. Наряду с ликвидацией безграмотности в вопросах здоровья, медицинские сериалы диктуют сценарии взаимоотношений врача и пациента, формируют стереотипы врачебного поведения. В этой связи, проблема опознания и анализа экранного образа врача, транслируемого через телесериалы, представляется достаточно важной.

В культовых сериалах «Доктор Хаус» и «Интерны» засвидетельствован образ доктора, который успешно выполняет свою трудовую функцию, причем и Грегори Хаус, и Андрей Быков зачастую пренебрегают наставлениями и командами начальства в ходе обсуждения тяжелых случаев, но в конечном итоге подобное поведение приводит к успешному разрешению врачебной проблемы. Эгоцентризм и самодовольство в этом плане лишь подтверждают их гениальность в медицине. Специфика терапии экранных врачей Хауса и Быкова схожа: лечение пациента обычно сопровождается саркастическими комментариями, что, в свою очередь, не препятствует постановке диагноза и его ликвидации. Грегори Хаус предпочитает действовать самостоятельно, снисходительно обсуждая решение с интернами. За каждым интересным случаем (за другие он не берется) следует непредвиденное развитие болезни и успех в результате. Такой результат достигается путем дифференциации («третий лишний»). Доктор Хаус «пишет список симптомов, обнаруженных у больного. Затем перечисляет возможные причины. Методом исключения Хаус и его команда сужают список до наиболее вероятной причины, а потом применяют лечение, которое наилучшим образом воздействует на нее» [1. С. 281].

В свою очередь Андрей Быков из российского сериала «Интерны» не уступает Хаусу: мастерски подшучивая над регулярными ошибками своих еще неопытных интернов, он демонстрирует обширные познания в области медицины. Быков «ставит диагнозы заочно или бросая единственный взгляд на пациента. И никогда не ошибается. И учит мудрости» [2. С. 40].

Профессионализм Андрея Быкова и Грегори Хауса в сериале маркируется статусом наставника-преподавателя. При этом методика обучения обоих воплощает принцип «унижай и властвуй». У Быкова это проявляется в громком крике на интернов, в адрес которых используются некорректные высказывания, одобренные медицинскими терминами: «А вот и биомасса в белых халатах!.. Включайте свой ленивый одинокий нейрон, дабы воспринять необходимую информацию» и др. Быков совершает главную ошибку наставника – он ущемляет амбиции и желания интерна заниматься научно-исследовательской деятельностью. Так, в 37 серии 1 сезона Быков не разрешает интерну Левину поехать на международную медицинскую конференцию, объясняя это тем, что «от них проку как от антацита при инфаркте». Доктор Быков скептичен и в вопросе места женщины в медицине. Так, при первом же знакомстве с интерном Варварой Черноус, он категоричен в своих высказываниях: «Женщина-врач? Не работаемся. Смените пол!».

На фоне интернов из одноименного российского телесериала молодое поколение врачей из «Доктора Хауса» выглядит более надежным и ответственным, однако и им не удастся заслужить расположение своего наставника. В отдельных случаях врач-наставник, будь то Хаус или Быков, вынужден исправлять врачебные ошибки младших коллег. Тем не менее, ученики Андрея Быкова и Грегори Хауса по ходу действия сериала становятся самостоятельными специалистами, способными оказывать квалифицированную медицинскую помощь.

Следует отметить, что высокомерное и презрительное отношение главного героя медицинского сериала распространяется не только на подвластных ему интернов, но и на коллег, которые иерархически равны ему. Эгоцентризм американского врача зачастую мешает ему слушать и слышать профессиональное мнение консилиума. Хаус обращается к своим коллегам – Эрику Форману, Роберту Чейзу и Эллисон Моррисон – только по рабочим вопросам. Иное отношение проявляет Хаус к онкологу Джеймсу Уилсону, с которым он поддерживает приятельские отношения, что, впрочем, не мешает ему подставить Уилсона, обидеть его, обмануть. В целом, природа Хауса не позволяет охарактеризовать его как хорошего друга.

В российском сериале «Интерны» другом-советником главного героя выступает заведующий отделением венерологии Иван Натанович Купитман. Вследствие их дружеских отношений, Быков на работе часто занимается отнюдь не рабочими вопросами – он проводит время за разговорами со своим лучшим другом. На такое поведение снисходительно закрывает глаза главный врач больницы, Анастасия Константиновна Кисегач, которая

уважает Быкова как высококвалифицированного специалиста и испытывает к нему нежное чувство как к избраннику. В свою очередь, несмотря на своенравный характер, Быков разделяет чувства Кисегач. Что же касается Хауса, то и за его нарочитой грубостью можно разглядеть влюбленность в главного врача больницы Принстон-Плейнсборо – Лизу Кадди.

Не менее ярко экранный образ врача раскрывается в аспекте его отношений с пациентами, но, если доктор Хаус принимается только за интересные в профессиональном плане случаи, то Быков лечит всех без исключения. Что касается самих больных, то они нередко жалуются на грубость героев. Грегори Хаус – убежденный мизантроп, чья «язвительная и грубая честность граничит с жестокостью» [1. С. 82]. В отличие от Хауса, за цинизмом и грубостью Быкова кроется довольно ранимый человек. Так весьма показателен случай, когда Быков, переживая утрату пациента, нарекает в честь того фикус.

Говоря о характерах главных героев, можно отметить явное сходство их интересов – оба героя увлекаются мотоциклами (Андрей Евгеньевич покупает Honda CBR, как у Хауса, и, так же как и он, попадает в аварию), оба играют в компьютерные игры и т.д. Можно также назвать своеобразным увлечением постоянное подтрунивание над интернами. Эти и другие параллели не случайны, учитывая, что российский сериал «Интерны» (2010 г.) выходит шестью годами позже американского «Доктора Хауса». Возможно, сценаристы «Интернов» намеренно добивались сходства, наделив Быкова отрицательным обаянием. Неслучайно в первом сезоне «Интернов» Быков, подвернув ногу, передвигается с тростью. Думается, что сам по себе изъян (хромоновость или дислалия) способствует индивидуализации персонажей, подчеркивает принципиальную инаковость и в то же время намекает на их «сверхчеловеческие» возможности (скандинавский Один был темен на один глаз).

Что же касается прототипа Быкова – доктора Хауса, то он, согласно замыслу сценаристов, является современной версией Шерлока Холмса. Это очевидно в серии «Поймай крота» третьего сезона – в ней Хаус пишет на конверте «Игра пошла». Подобно Холмсу, Грегори Хаус едва не убивает человека по имени Мориарти в 24 серии второго сезона. Американский доктор отличается зависимостью от анальгетиков, ликвидирующих боли в ноге. Такое наркотическое пристрастие тоже является отсылкой к Шерлоку Холмсу, не говоря уже о том, что для них обоих работа – это решение головоломок.

Итак, в современной культуре существует интерес к содержательной стороне различных профессий. Востребованность подобного видеоконтента обусловлена тем, что определенная сторона той иной сферы дея-

тельности остается закрытой для непосвященных людей. Это касается и медицинских работников, к чьим услугам мы прибегаем с разной степенью периодичности. Однако институциональная сторона медицины до конца неясна, что порождает двойственность в оценке деятельности медицинских работников – она колеблется от благосклонной до резко негативной. Массовая экранная культура может оказывать воздействие на умонстроения общества. Медицинский телесериал сегодня по праву считается мощным идеологическим оружием, при этом аттрактивность медицинских сериалов во многом зависит от персонажей, артикулируемых в них. Сериалы медицинской направленности всесторонне раскрывают образ врача, демонстрируя различные стороны его деятельности (профессиональной и личной). В настоящее время, когда человек ассоциирует себя с пациентом и уделяет должное внимание своему здоровью, медицинские сериалы способны повысить лояльность к медицине в целом и врачу в частности и, вероятно, могут рассматриваться как некий инструмент профориентации молодежной части зрительской аудитории.

Литература

1. *Джемонек Р.Т.* Психология Грегори Хауса // Загадка доктора Хауса – человека и сериала. СПб.: Питер, 2010. 283 с.
2. *Ганжара О.* Лики Быкова // Искусство кино. 2010. № 11. С. 39–42.

Я.В. Тиунова

ЖЕНЩИНЫ В IT: ТОМСКИЙ КЕЙС

Науч. рук. – ассистент А.И. Ермолова

Автор рассматривает проблему гендерного дисбаланса в STEM-профессиях в России на примере IT-сообщества города Томска. Автор опирается на антропологический подход, согласно которому профессиональная IT-среда культивирует технократическую культуру, соответствующую мужской гендерной роли, что порождает разделение труда. Исследование опирается на полевой материал, взятый автором. Результатом анализа полевого материала становится вывод о том, что участницы исследования в своем опыте работы не сталкивались с проблемами гендерного неравенства, а также не считают сфер IT непопулярной для женщин. Автором делается предположение о том, что опыт участниц с опытом успешной работы в IT может не совпадать с опыт женщин, которые ушли из сферы.

Ключевые слова: гендерная антропология, женщины в IT, женщины в STEM, гендерный разрыв.

Россия вошла в цифровую эру и встала на путь развития цифровой экономики [1. С. 6]. Цифровая экономика характеризуется тем, что производство в социально-экономических сферах опирается на использование информации в цифровой форме. По данным российской статистики, число человек, ежедневно пользующихся компьютерами и компьютерной техникой, ежегодно растет [2. С. 3–5]. Технологии выступают социальной силой (social power), которая влияет на социальную, политическую и экономическую сферы жизни [3. С. 367]. Исследователи говорят о постепенной дигитализации общества [4. С. 41], под которой понимается проникновение технологий в повседневные практики и передача и хранение информации в цифровом формате. Движущей силой дигитализации выступают представители STEM (естественных наук, технологий, инженерии и математики) профессий [1. С. 6]. По данным исследователей, 75% самых востребованных профессий требуют навыков как раз из области STEM [1. С. 5]. Однако в сфере цифровой экономики отчетливо прослеживается гендерный разрыв, о чем говорят данные как мировой, так и российской статистики [2. С. 3–5; 5]. По данным мониторинга информационного общества, процент женщин, задействованных в создании технологий, гораздо меньше процента мужчин [5].

Одной из составляющих STEM профессии является область информационных технологий (далее – ИТ). ИТ-специалисты создают программное обеспечение для компьютеров и других вычислительных устройств, и можно сказать, что от них зависит, как будут выглядеть будущие компьютерные технологии. Однако доля женщин, работающих в ИТ, редко превышает 20% от общего количества сотрудников фирмы [6. С. 18].

Среди причин гендерного дисбаланса в ИТ-сфере, которые называют российские и зарубежные исследователи, основными выступают: сложившиеся в обществе предрассудки и стереотипы, которые делают работу в ИТ менее привлекательной для женщины, школьная социализация с гендерным разделением некоторых предметов [1. С. 12], нежелание работодателей брать на работу женщин, корпоративная культура предприятий [7], а также гендерное неравенство внутри профессий. Европейские и американские исследования и статистика говорят о гендерном разрыве и дискриминации из-за существующего гик-стереотипа – такой корпоративной культуры, в которой доминируют мужчины и отсутствует ролевая модель поведения для женщин [3. С. 336]. Однако в неевропейских странах исследователи говорят о других причинах гендерного разрыва: в Корее [8] исследователи пишут о связи гик-стереотипа с престижностью университета, а не с гендером. В Малайзии доля женщин в ИТ составляет половину, шведский исследователь

У. Меллстром объясняет это стереотипом о том, что работа «в помещении» считается «женской» [9. С. 885].

В данной работе мы рассмотрим ИТ сферу на примере г. Томска, где ИТ-организации появились относительно недавно. Таким образом, объектом нашего исследования являются женщины, работающие в ИТ-организациях г. Томска, а предметом – женский опыт работы в ИТ-сфере г. Томска. Отсюда цель: выявление причин гендерного разрыва в сфере ИТ.

Актуальность работы заключается в том, что разрыв, как в количестве занимаемых мест, так и в заработной плате в сфере ИТ все еще остается значительным, о чем говорят как данные исследований, так и данные мировой и отечественной статистики. Согласно российской статистике количество мужчин-специалистов высшего уровня квалификации по информационно-коммуникационным технологиям составляет 116,2 тыс. человек, в то время как женщин в этой же сфере – 33 тыс. Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, соответственно, – 78,3% [10].

В основу нашего исследования был положен антропологический подход, предложенный К. Карриган, согласно которому практики и системы ценностей, посредством которых люди становятся профессионалами в сфере вычислительной науки и техники, отражают технократическую, относящуюся только к одному определенному гендеру, культуру, которая порождает разделение труда [3. С. 339].

В ходе полевого этапа работы было взято 6 структурированных интервью у действующих сотрудниц ИТ-компаний города Томска. Выбор технической специальности участницами связывался либо с увлечением персональным компьютером в раннем подростковом возрасте, либо с уроками информатики в средних и старших классах. Никто из участниц не согласился с утверждением о том, что их увлечение компьютерными технологиями в период выбора специальности было их самым главным и сильным увлечением, которому они могли бы посвящать большую часть своего времени.

Никто из участниц не согласился с утверждением, что ИТ-сфера является непопулярной для женщин. Трудности, возникающие в работе, были связаны не с гендерной принадлежностью, а с профессиональными навыками и качеством выполняемой работы.

Отвечая на вопрос об особенностях вхождения мужчин и женщин в ИТ-сферу, интервьюируемые указывали гендерно-нейтральные характеристики, такие как наличие соответствующей квалификации, способность постоянно следить за новинками, умение общаться с людьми, постоянно учиться, справляться со стрессом и другие.

Исходной гипотезой исследования была гипотеза о том, что гендерный разрыв ИТ-сферы связан с мужской гегемонией. Данная гипотеза была сделана с опорой на зарубежные исследования, где мужская гегемония указывалась одной из основных преград успешного интегрирования женщин в сферу ИТ.

Собранный полевой материал говорит об отсутствии предвзятого отношения в ходе приема на работу, сексизма в мужских коллективах, трудности, связанные с женским гендером, возникшие на их профессиональном пути. Большинство участниц также связывали отсутствие препятствий для женщин с тем, что работа в ИТ является высокоинтеллектуальной, поэтому в коллективах преобладает уважительное отношение. Указывалось на существование шуток «ну, ты же девочка», характерных для неформального общения вне работы.

Во время исследования мы столкнулись с рядом проблем: поле ИТ является закрытым, интервьюируемые набираются посредством «снежного кома» при помощи проводника, большая часть потенциальных участниц не идут на контакт, некоторые затруднялись говорить о причинах выбора специальности и своем опыте работы в ретроспективе. Говоря о несоответствии изначальной гипотезы и полученного материала, нами были сделаны предположения относительно дальнейшего этапа исследования, что женщины, успешно работающие в ИТ-сфере, не могут рассказать о неудачном опыте, поэтому также стоит обратиться к работницам, сменившим вид деятельности или ушедшим из ИТ. Другим предположением было то, что участницы не могут самостоятельно определить случаи гендерной дискриминации, не имея представления о гендере.

Литература

1. Хоткина З.А. На пути к цифровому гендерному равенству // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 5–13.
2. Абдрахманова Г.И., Ковалева Г.Г., Озерова О.К., Рыжикова З.А. Гендерный аспект в цифровой экономике // Информационное общество. Мониторинг. Информационный бюллетень. 2016. № 3. 6 с.
3. Carrigan C. 'Different isn't free': Gender @ work in a digital world // Ethnography. 2017. Vol. 19, № 3. P. 336–359.
4. Запорожец О.Н. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 41–54.
5. Неравенство мужчин и женщин в сфере труда. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/international_mm/20180123/281634589.html, свободный (дата обращения: 31.03.2019).
6. Захарова Е.К., Мхитарян Т.А., Савинская О.Б. Женщины и STEM в цифровую эпоху: политика занятости в мегаполисе. М.: Вариант, 2017. 88 с.

7. Стратегии карьерного продвижения женщин в формальных институтах. URL: <http://socialscienceslab.com/cases/3>, свободный (дата обращения: 31.03.2019).

8. *Hyomin Kim*. Women and Men in Computer Science: Geeky Proclivities, College Rank, and Gender in Korea. URL: <https://doi.org/10.1215/18752160-4206046> (дата обращения: 31.03.2019).

9. *Mellstrom U*. The Intersection of Gender, Race and Cultural Boundaries, or Why is Computer Science in Malaysia Dominated by Women? // *Social Studies of Science*. 2009. Vol. 39, № 6. P. 885–906.

10. Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам работников за октябрь 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/, свободный (дата обращения: 31.03.2019).

А.В. Тихонова

СМАРТФОН В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ: ЗАВИСИМОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент И.Г. Поправко

В статье рассматривается такое явление современности как «зависимость от смартфона» на примере студентов. Изучается характер зависимости, то, как ее видят студенты. Автор раскрывает понятие «зависимости от смартфона» как привычки полагаться на него в повседневной жизни. Исследуются причины невозможности отказа студентов от смартфонов, а также сопряженность этих причин с зависимостью или необходимостью использования смартфонов.

Ключевые слова: смартфон, зависимость, студенты.

Смартфон стал частью жизни человека относительно недавно, однако даже за такой короткий срок он стал играть важную роль в его повседневности. Смартфоны сейчас используются во многих сферах повседневной жизни. Однако до сих пор частое использование смартфонов, причем неважно в каких целях, называют «зависимостью», не делая скидки на то – используются они для работы и учебы или просто для развлечения. Например, в путешествиях смартфон стал незаменим для туриста, он в какой-то мере формирует туристический опыт, равно как и в других аспектах жизни человека, где ему нашлось применение [1]. Стоит заметить, что во многом вовлеченность смартфона в те или иные аспекты жизни человека происходит с помощью различных приложений. Использование смартфона для столько многого, да еще и постоянное подключе-

ние к интернету поднимают волну вопросов, главный из которых говорит о зависимости современного человека от его смартфона.

Данная статья часть научной работы по использованию смартфона в повседневной жизни студента. Включенное наблюдение и полуструктурированные интервью со студентами НИ ТГУ в возрасте 20–25 лет применялись в качестве методов исследования. Наблюдение велось в течение 2018–2019 учебного года в студенческом общежитии. Помимо этого было взято 14 полуструктурированных интервью. На примере студентов была сделана попытка выяснить характер «зависимости» от смартфона, а также уместность использования данного термина. Хотя исследование затрагивает студентов и то, как и для чего они используют смартфоны в повседневной жизни, многие выводы верны и для других возрастных групп, в том числе ответы на вопросы, касающиеся понимания того, что такое «зависимость» от смартфона.

Мы не можем отрицать, что отказ от смартфонов в современной жизни практически невозможен для тех, кто привык использовать их постоянно. К тому же если говорить об отказе от смартфона, то есть ли в этом смысл, если смартфон часть современного прогресса, того пути, по которому идет общество? Кто-то может сказать: «А что же зависимость?» Разве это не достаточная причина для того, чтобы беспокоиться и думать о способах решения проблемы? Действительно, когда речь идет о зависимости от чего-то, то сразу думается, что это какая-то пагубная привычка от которой нужно избавиться. Однако применять слово зависимость во всех случаях использования смартфона неверно, так как смартфоны как и другие электронные устройства стали частью современной жизни [2].

Слово «зависимость» стало свободно использоваться по отношению к смартфону даже в тех случаях, когда с медицинской точки зрения зависимости нет. Вследствие этого, частое использование смартфонов в глазах общества становится практически наравне с такими вредными привычками как курение, алкоголизм и другие. Однако не учитывается, что применение смартфона для чего-либо не всегда исходит именно из желания его использовать, но также есть другие факторы. Например, это может быть единственным возможным способом что-то сделать или же его использование упрощает какой-либо процесс. Так, разные приложения легко и просто создают возможность записаться на прием в больницу, фитнес-центр или заказать доставку еды на дом. По сути, происходит процесс, когда люди в силу определенных причин вынуждены пользоваться смартфонами. В поездках в незнакомые города и страны смартфон используется как средство поиска мест отдыха, приема пищи, достопримечательностей [1]. И это только одна сторона.

Одна из опрошенных студенток сказала, что через ее смартфон проходит вся ее жизнь. Все общение по работе, учебе, личной жизни осуществляется с его помощью. Кроме звонков и социальных сетей она постоянно пользуется приложениями банков и картами, без которых просто не может представить свой день. При этом она не считает себя зависимой от него, впрочем, таких признаков зависимости как раздражительность или невозможность сосредоточиться при отсутствии смартфона у нее не наблюдается [3]. Скорее она беспокоится о проблемах, которые могут возникнуть из-за невозможности связаться с коллегами и родными или посмотреть на карте путь к месту, куда ей нужно добраться и т.д. [4]. Другая студентка рассказала ситуацию, произошедшую с ней на конкурсе на потанинскую стипендию. Дело было в том, что от участников требовалось не только фотографировать и искать информацию через смартфоны, но и сканировать QR-коды с помощью специального приложения. Те, кто не имел этого приложения или же пользовался не смартфоном, были поставлены в невыгодное положение. Использование смартфона в повседневной жизни – это наша реальность. Поэтому следует отделять реальную паталогическую зависимость и необходимость использования смартфона в повседневной жизни.

Большая часть студентов говорят о своей зависимости от смартфона как о привычке полагаться на него. И на вопрос об отказе недоуменно спрашивают – зачем это делать, если это лишь одно из электронных устройств, которые используются всеми повсеместно.

«... это твоя связь с людьми, твоя связь с какими-то экономическими процессами, т.е. это банки, это приложения. Это связь с внешним миром, с интернетом...», – такое определение дала студентка «зависимости от смартфона». Ее ответ ясно показывает, что она думает в категории смартфон – посредник между мной и миром, связь с людьми и процессами. Многие студенты также упоминали о зависимости от информации, которую они получают через смартфон, которая связана не только с их личной жизнью, но и с их учебой или работой. Поэтому смартфон для современного человека это средство, помогающее быть в курсе событий, происходящих вокруг них, будь то события связанные с их кругом общения, на учебе, работе или даже что-то мирового масштаба.

Навязчивая потребность проверять свой смартфон и выходить в интернет-пространство, которая влечет за собой забывание реальности, отключение от нее, а также другие симптомы зависимости, является проблемой, которую стоит решать [5]. Если же речь идет о потребности находиться всегда на связи в силу определенных причин или использовании смартфона в повседневных процессах при отсутствии вреда для здоровья, то говорить об этом как о зависимости все же не стоит.

Люди используют смартфоны не только для работы или учебы, но и для общения и развлечений. По утрам можно встретить людей, читающих новости или книги в автобусах или на остановках. Во время отдыха люди смотрят видео-ролики или фильмы, общаются с друзьями в социальных сетях с помощью смартфонов. Строго говоря, многие действия со смартфоном, которые осуществляет человек, кажутся необязательными. Например, фотографирование на улице красивого здания, а потом выкладка этого снимка в социальных сетях – вроде бы не являются необходимостью. Однако определить насколько необходимо то или иное действие без разбора каждого конкретного случая нельзя. Лучше всего это сделает тот человек, которые совершает это действие. При этом существует мнение, что такое «легкомысленное» поведение в обращении со смартфонами делает людей равнодушными друг к другу, и что это рушит традиционное социальное поведение [6]. Здесь хотелось бы заметить, что общество постоянно подвержено изменением, поэтому и нормы человеческого поведения также меняются вместе с ним.

Студенты не собираются отказывать себе в использовании смартфонов для того, чтобы взять свою «зависимость» под контроль, так как тогда они не смогут вести свою жизнь в обычном режиме. Из чего следует вывод, что если использование смартфона с подключением к интернету сопряжено с нормой повседневности, в которой мы все живем, то мы не можем называть это зависимостью. Тем более что при воспроизведении ряда условий, когда использование смартфона не представляется возможным в течение длительного времени, например, поход в горы или отдых в месте, где нет связи, никакого дискомфорта из-за невозможности использовать свои смартфоны у студентов не наблюдается.

Выяснить четкую границу между зависимостью и необходимостью невозможно, поэтому следует говорить о ее размытости. Человек зависим от смартфона настолько, насколько он сам себе это позволяет. При этом нельзя отрицать существование зависимости от смартфона, однако и называть каждого человека, во владении которого есть смартфон, зависимым от смартфона тоже не верно.

Литература

1. Wang D., Xiang Z., Fesenmaier D.R. Smartphone Use in Everyday Life and Travel // Journal of Travel Research. 2016. Vol. 55, № 1. P. 52–63.
2. Linke C. Mobile Media and Communication in Everyday Life: Milestones and Challenges // Mobile Media & Communication. 2013. Vol. 1, № 1. P. 32–37.
3. Тутова В.В. Киберпатология: результаты исследования и пути профилактики [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. 2017. № 4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kiberpatologiya-rezultaty-issledovaniya-i-puti-profilaktiki>, свободный (дата обращения: 04.04.2019).

4. Hoffner C. A., Lee S., Park S. J. "I miss my mobile phone!": Self-expansion via mobile phone and responses to phone loss // *New Media & Society*. 2016. Vol. 18, № 11. P. 2452–2468.

5. Белокреницкая П.А., Балашова К.А. Феномен смартфоновых зомби (смомби) [Электронный ресурс] // *Вестник науки и образования*. 2019. № 1-1 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-smartfonovyh-zombi-smombi>, свободный (дата обращения: 02.04.2019).

6. Zhou Z. HeadsUp: Keeping Pedestrian Phone Addicts from Dangers Using Mobile Phone Sensors // *International Journal of Distributed Sensor Networks*. 2015. Vol. 11, № 5.

С.А. Черпанова, И.Г. Поправко

ДОВЕРИЕ VS КОНТРОЛЬ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В г. ТОМСКЕ)

Науч. рук. — канд. ист. наук, доцент И.Г. Поправко

В статье предпринимается попытка проблематизации представлений о будущем в связи с развитием технологий. Основываясь на материалах пилотного исследования, проведенного среди студентов Томска, авторами определяются основные точки напряжения, связанные с влиянием технологий на жизнь человека в будущем.

Ключевые слова: представления о будущем, технологии, антропология будущего, контроль.

Будущее всегда волновало и тревожило воображение людей. В мифах практически всех народов мы можем встретить легенды о пророках и великих подвигах героев из будущего. Потребовались столетия, прежде чем люди получили возможность делать прогнозы, опираясь на открытия науки. Многие научные открытия обусловлены мотивацией предвосхитить будущее. Пик таких открытий пришёлся на конец XIX – начало XX в.

Если говорить о будущем как об антропологической проблеме, то это направление (anthropology of the future) является новым. В этой связи хотелось бы отметить две работы. Первая, «Future as Cultural Fact: Essay son the Global Condition» [1] 2013 г. знаменитого американского антрополога Арджуна Аппадурай, автора концепции глобализации, а также известного своими трудами по антропологии модерности. Эту работу сам автор

называет дополненным и расширенным продолжением («сиквелом») своего более раннего сочинения *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* [2] (1996). И если текст 1996 г. был исполнен оптимизмом относительно новых социальных форм, ставших возможными благодаря глобализации, то работа 2013 г. обращает более пристальное внимание на проблему насилия. Этот поворот во взглядах А. Аппадурай очень важен. Вторая книга – абсолютно новая, вышедшая в марте 2019 г. работа двух авторов – Rebecca Bryant and Daniel M. Knight “*Anthropology of the Future*” [3] – представляет читателям концепцию «ориентиров» как способ изучения повседневной жизни. Авторы анализируют шесть значимых ориентиров (anticipation, expectation, speculation, potentiality, hope and destiny), через которые они раскрывают то, какими путями будущее может влиять на наше настоящее.

Новые технологии – явление модерна, и они, на наш взгляд, являются в некотором смысле лакмусовой бумажкой, с помощью которой мы можем увидеть ожидания (надежды, страхи) людей по отношению к будущему. Технологии ускоряют жизнь, используя их, люди постоянно сталкиваются с вещами и идеями, которые ещё вчера казались совершенно фантастическими. В этой связи, нам представляется актуальным постановка вопроса о том, как представляют люди будущее, именно в связи с развитием технологий.

В истории и социальных исследованиях технологий сложилось два взгляда на будущее: технооптимизм – в его основе – «вера в положительные последствия технологического прогресса, способность решить все проблемы человечества» и технопессимизм – согласно этому взгляду, «большинство современных технологий могут повредить, а в худшем случае и уничтожить нас». Есть и третий взгляд, стоящий где-то посередине – технореализм – «этот взгляд основан на критической оценке того, насколько отдельно взятый технический артефакт помогает или мешает человечеству в его попытках улучшить жизнь человека, сообществ и мира в целом» [4].

В современных масс-медиа одним из проявлений описанных взглядов можно назвать телевизионный сериал «Черное зеркало» (*Black Mirror*). Запущенный студией «Zerpotron» в 2011 г., сериал показывает то, как, технологии в настоящем и будущем могут воздействовать и изменять жизнь человека. По словам одного из главных создателей сериала, Чарли Брукера – известного британского писателя-сатирика и телеведущего, все сюжеты сериала объединяет лишь сатира на образ жизни современного общества. На данный момент отснято уже 4 сезона, в ближайшее время состоится релиз 5-го. Именно среди зрителей этого телешоу и было при-

нято решение провести пилотное исследование методом фокус-группы с целью выявить основные точки напряжения в представлениях о будущем в связи с развитием технологий.

Методология исследования.

Для участия в фокус-группе респонденты, должны были соответствовать трём параметрам: 1) обладать или иметь ранее статус студента; 2) быть не старше 25 лет; 3) постоянно проживать в момент проведения исследования в Томске. Подбор осуществлялся двумя методами. Первый метод – целенаправленная квотная выборка – был использован среди подписчиков группы «Чёрное Зеркало» в социальной сети «ВКонтакте». В разделе «Сортировка» были заданы чёткие параметры возраста, места учёбы и проживания. Далее из 171 пользователя в случайном порядке получили приглашение 27 человек. Второй – метод «снежного кома». Приглашение принять участие в фокус-группе получили 9 человек из круга знакомых одного из авторов статьи, которые смотрели сериал. В результате в исследовании приняли участие 7 человек (2 – методом снежного кома, 5 – по целенаправленной квотной выборке). Для обсуждения в рамках фокус-группы респондентам был предложен ряд вопросов, касающихся современных технологий, которые авторы статьи сочли важными, основываясь как на своем личном опыте, так и на опыте предшественников.

Основные результаты пилотного исследования можно представить в виде следующих пунктов.

1. Из критики двух серий («Архангел» и «Национальный гимн») стало ясно, что *проблемы контроля и доверия* являются очень актуальными для респондентов – это и есть предположительно те самые «точки напряжения». В «Архангеле» поднимается проблема доверия между родителями и детьми, осуществление контроля с помощью технологий и без них. В «Национальном гимне» – это утрата контроля над собой и контроль над толпой путём акцентирования внимания, на чём-либо. «Мы слишком прикованы к телевизору, ко всем этим шоу, что мы не замечаем реальную жизнь».

Далее мы обозначим несколько интересных тем, актуализированных в ходе фокус-группы.

2. Использование видеокамер в общественных местах – как одно из проявлений контроля. Все респонденты могли достаточно легко описать, что они чувствуют и как относятся к обширному появлению камер наблюдения в общественных местах: *«Ну, если это в общественных местах, то камеры – это вполне приемлемо, а если вот это на частных территориях за тобой следят - это уже не приемлемо»*; *«У меня до-*

статочно двоякое отношение к этим камерам, потому, что я заметила за собой такую тенденцию: по вечерам я стараюсь ходить под камерами, если одна где-то поздно возвращаюсь». Последняя цитата кажется нам очень ярким проявлением того, как технология влияет на поведенческую модель.

3. Использование мобильных телефонов – как особая сфера взаимодействия человека с технологиями. Для того чтобы измерить потребность, в том насколько люди нуждаются в мобильных телефонах, респондентам была предложена гипотетическая ситуация: внезапная потеря телефона. В результате было выявлено несколько стратегий действий в подобной ситуации. Предварительный вывод: такая технология как мобильная связь не является чем-то незаменимым, а скорее даёт преимущество в экономии времени.

4. Технологии по сохранению воспоминаний человека (ей посвящены несколько серий «Черного зеркала»). Участники исследования предложили свои способы использования данной технологии: *«Лучше бы, если воспоминания были записаны в облачное хранилище»*, *«На самом деле технология достаточно интересная и можно использовать её для людей со старческим слабоумием»*, *«Это должно быть с согласия человека по требованию суда»*. Из тех, кто соглашались воспользоваться данной инновацией, предлагали то, что доступ к воспоминаниям должен быть ограничен кем-то или чем-то, при этом было не важно, кто должен был принимать решение о возможности доступа к воспоминаниям – судья-человек или электронное облачное хранилище. Но были также те, кто предпочел никогда не прибегать к такому опыту: *«Меня лично устраивает, мой мозг он запоминает всё что нужно и все плохие ситуации и все хороший достаточно хорошо»*.

5. Отношение к технологиям, позволяющим людям стать бессмертными. Респонденты достаточно скептически отнеслись к технологиям, которые позволили бы людям получить бессмертие, мнения были противоположны. Стало очевидно, что не столько сам срок «бессмертия» имеет значение, а то какое при этом возможно качество жизни и показатели здоровья. В бессмертии, как в форме жизни, респонденты видели, как скуку, так и наслаждение.

На завершающем этапе с целью задействовать воображение, респондентам было предложено ответить на вопрос: *«Какую технологию (вещь, гаджет) вы бы хотели изобрести?»* Список получился следующим: телепорт, лекарство от рака, печать органов ушной раковины и сердца, очки для скоротечения, штука, которая автоматически сортирует мусор на бумагу, стекло и пластик, изобретение, которое позволит осуществлять управляемую реакцию синтеза лёгких ядер.

В результате проведенного пилотного исследования среди студентов Томска нами было выявлено, что основной точкой напряжения в представлениях о будущем связи с развитием технологий является проблема контроля – доверия (со стороны человека, государства и т.д.). Дальнейшие изыскания (полевые исследования, анализ литературы, (социальных) медиа и др. источников) помогут нам выяснить, является ли это напряжение культурно и социально обусловленным (российским контекстом, советским наследием и т.д.), или же это некая универсальная, характерная для всего мира, «фобия» в связи с развитием технологий и представлениями о нашем будущем.

Литература

1. *Appadurai A.* The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. New York: Verso, 2013. P. 336.
2. *Appadurai A.* Modernity at Large: cultural dimensions of globalization. U of Minnesota Press, 1996. P. 226.
3. *Bryant R., Knight D.M.* The Anthropology of the Future. Cambridge University Press, 2019. P. 236.
4. *Бычкова О., Земнухова Л., Руденко Н.* Цифровой ад, технологический рай или нечто совершенно иное: какие технологии определяют будущее человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/tech-changes/>, свободный (дата обращения: 18.05.2019).

А.И. Чуклай

К-POP COVER DANCE И СЕТЕВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ВЛИЯНИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

Науч. рук. – ассистент А.И. Ермолова

Статья посвящена рассмотрению современного информационного общества как среды формирования молодежной субкультуры, включенного в сетевые коммуникационные процессы глобальной сети Интернет. Особое внимание уделяется личным и поведенческим характеристикам поколения «миллениумов» на примере участников групп по k-pop cover dance, будет показано его влияние «за сценой» и «в жизни».

Ключевые слова: сетевое поколение, поколение «Y», k-pop cover dance, социальная роль.

Цифровая эпоха и то, какие вызовы она ставит перед человеком актуальное поле для изучения. Одним из продуктов этой эпохи можно считать «сетевое поколение».

Первыми в изучении молодежи в контексте сетевого информационно-коммуникативного общества стали зарубежные исследователи Д. Тэпскотт [1] и М. Пренски [2]. Оба автора опирались на междисциплинарную «теорию поколений» («generational theory») Нейла Хоува и Вильяма Штрауса [3. С. 28–35]. В своей работе они отметили, что поколения – это совокупность всех людей, которые появились на свет во временном промежутке 20–25 лет. Они выделили критерии поколения: одна историческая эпоха, в которой представители поколения, находясь примерно в одной возрастной категории, делят воспоминания о ключевых событиях, культурные и социальные веяния; общие убеждения и модели поведения; чувство принадлежности к данному поколению.

Необходимо заметить, что Д. Тэпскотт и М. Пренски не только дали новое наименование уже известному по теории Хоува и Штрауса поколению «Миллениум», но акцентировали своё внимание, прежде всего, на их отношении к новейшим информационно-коммуникативным технологиям (ИКТ). В конце 1990-х г. в книге «Расти в цифровую эпоху: появление сетевого поколения» Д. Тэпскотт вводит понятие «сетевое поколение» (“NET-Generation” или “N-Generation”) [1]. Он описывает образ представителя « сетевого поколения», которые прекрасно ориентируются в интернете и используют новые цифровые технологии.

Теория поколений Штрауса и Хоува была направлена на изучение англо-американской истории, но получила широкое распространение и в других странах. Российский ученый и психолог Евгений Шамис [4] адаптировала американскую теорию поколений для нашей страны. Она выделяет 6 видов поколений: «G1» (поколение Победителей), годы рождения: 1900–1923. «P» (Молчуны), годы рождения: 1923–1943. «BB» (Бэби-бумеры), получившие название по причине произошедшего в послевоенные годы всплеска рождаемости 1943–1963. «X» (неизвестное поколение), годы рождения: 1963–1983. «Y» (поколение Миллениум), годы рождения: 1983–2003. «Z» (Дети индиго), годы рождения: 2003 – н. вр. Нас будут интересовать «миллениумы». Синонимами можно назвать «цифровое поколение», «поколение трофеев», «поколение next», «поколение Y». Его представители характеризуются, прежде всего, глубокой вовлеченностью в цифровые технологии. Крайне важным для них является самовыражение. Бурное развитие мобильной связи и интернета, компьютерных технологий, социальных сетей привело к тому, что молодежь стала наиболее активным участником информационного общества, они задают мировые тренды поведения в сети, формируют свою субкультуру. По сравнению с предыдущими поколениями, для них характерна вседоступность любой информации, музыки, кино.

«К-pop cover dance» может служить ярким примером субкультуры, сформированной в интернет среде. К-pop cover dance – кавер-версия авторского танца корейских исполнителей в исполнении другого коллектива с максимальной точностью передачи пластики и техники танца, а самые продвинутые даже копируют стили и костюмы исполнителей (рис. 1, 2).

Рис. 1. Фрагмент из клипа EXO-CBX / Ka-CHING!
(источник: <https://www.youtube.com/watch?v=XNwYapPXNkw>)

Рис. 2. К-pop cover dance команда ТОККИ (г. Томск)
Место проведения: Фестиваль Siberia Otaku Saiten, 18—19 августа 2018, Новосибирск

Впрочем, и другие средства массовой коммуникации активно этому способствуют.

Интернет по определению – явление, стирающее границы. Один из важных элементов в направлении k-пор, оказавшее сильнейшее влияние на поколение Y. Развитие технологий сетевой коммуникации, таких как электронная почта, новые медиа-ресурсы (видеохостинг «Youtube») и социальных сетей (ВКонтакте, Instagram, Twitter). Огромное количество флешмобов можно обнаружить в социальной сети «Youtube», самый популярный сайт среди k-пор танцоров. Корейские клипы часто можно увидеть во вкладках тренды. В пример можно привести исполнителя PSY и его известный танец на песню «Gangnam style». Цифровая реальность формирует принципиально новую среду социальной идентификации, самовыражения и стиля жизни молодежи. Интернет превращает жизнь в постоянное массовое сотрудничество, что безумно нравится этому поколению. Современной молодежи необходимо создавать максимально удобные условия для творческой самореализации [4. С. 182].

Целью нашего исследования стало рассмотрение того, какое влияние оказывает k-пор, на увлеченных этим направлением людей «за сценой» и «в жизни». Влияние и формы реализации в k-пор cover dance зависят от социальной роли. Ее можно определить, как совокупность ожиданий и требований, предъявляемых социальной группой, обществом в целом к лицам, занимающим определенные статусные позиции [5. С. 23]. Виды социальных ролей определяются разнообразием социальных групп, видов деятельности и отношений. Одни из границ, устанавливаемыми личностью – границы ролей. Человек играет разные роли, и бывает разным, в зависимости от тех задач и функций, которые выполняет.

В роли объекта исследования выступили участники фестивалей в номинации k-пор cover dance в возрасте от 16 до 25 лет. Стоит отметить, что на сегодняшний день нет единых общепринятых возрастных границ для определения «сетевого поколения». Тем не менее большинство авторов сходятся во мнении, что эта группа, детей, рождённых примерно в конце 80-х и до начала 2000-х. гг. [6. С. 155], что соответствует возрасту участников исследования. Предмет исследования – влияние и формы реализации в k-пор cover dance «на сцене» и «в жизни» (на примере k-пор cover танцоров сибирских geek-фестивалей в Томске и Новосибирске).

Автором были использованы следующие методы: интервью (полужурналистское интервью), методы визуальной антропологии (фото и видеосъемка), метод включенного наблюдения (использование этого метода позволяет получить возможность наблюдать за участниками в их молодежной среде). По результатам интервью, большинство респонден-

тов признают, что принимают на себя определенные роли и частично переключаются эти образы на свою повседневную жизнь. Например, после образа милой девочки, танцор добавил больше милых жестов в повседневную жизнь.

«После танца Rnawau я стала часто зачесывать волосы назад, как делала это для образа Kino, а после Tiny-g пристыдилась носить банданы, после Orange Caramel замечала, что делаю некоторые милые жесты типо эгье¹» [8].

«Как на сцене я могу быть и сексуальной, и милой, и дерзкой, так и в жизни. Да и сложно разделять танцевальную жизнь от простой, так как я и так постоянно танцую, где бы ни была» [8].

«И порой бывает, да, смотришь на тот образ, который надо отыграть, и постепенно можешь переносить привычки или что-то просто свойственное в жизнь...» [9].

Информанты также отмечают, что не чувствуют сильного влияния примеряемых образов на их повседневную жизнь. Практически все отметили только одно глобальное изменение – смена имиджа (гардероба).

«Единственное влияние, которое оказывают образы на мою жизнь, это обновления в гардеробе» [8].

«Не скажу, что есть какая-то яркая польза, по крайней мере не замечала такого сильного влияния образов на мою обычную жизнь, только на гардероб» [9].

Можно отметить, что некоторые опрошенные k-поп танцоры имеют расстройство гендерной идентичности. Состояние, когда человек не может принять свой гендерный статус мужчины или женщины и испытывает острую неудовлетворенность им.

«Как человек с гендерной дисфорией, мне просто близок каверденс тем, что это тусовка, где нормально говорить о себе в мужском роде, одеваться как-то нейтрально и все» [8].

Формирование собственной идентичности осуществляется подростками посредством размещения информации о себе в открытом доступе в социальных сетях. Они экспериментируют со своей идентичностью, изменяя пол, возраст, размещая не свои фотографии на персональных страницах.

Проведенное исследование показывает, что личные и поведенческие характеристики представителей сетевого поколения подвергаются влия-

¹ Корейское слово, означающее что-то «милое, симпатичное и до некоторой степени невинное». Обычно это мимика и жесты, в наиболее общих чертах выражающие миловидность, хорошие манеры и душевную мягкость.

нию k-pop cover dance и раскрывают различные формы ее реализации. Интернет предоставляет свободу в формировании и управлении своей идентичности, которая изменяется не только на основе слов или действий самой личности, но и того, что о ней говорят в интернете другие.

Литература

1. *Tapscott D.* Growing up Digital: The Rise of the Net Generation. McGraw-Hill Companies, 1999.
2. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
3. *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991.
4. *Шамис Е., Антипов А.* Теория поколений // *Маркетинг. Менеджмент*. 2007. № 6. С. 42–46.
5. *Платонов Ю.П.* Социальные статусы и роли. СПб.: Элитариум, 2007. 130 с.
6. *Хомякова Е. И.* Самореализация личности, ее формы (интерпретация в границах молодёжной субкультуры) // *Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме: сб. научных трудов*. Томск: Изд-во ТПУ, 2009. С. 182.
7. *Хомякова Е.И.* «ПОКОЛЕНИЕ Y» в контексте социального взаимодействия в современном обществе // *Известия Томского политехнического университета*. 2011. Т. 319, № 6. С. 153–156.
8. Полевые материалы автора. Томск. Июнь 2018.
9. Полевые материалы автора. Новосибирск. 19–20 августа 2018.

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.А. Гайль

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКОВ СРЕДИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЫМСКОГО ПРИХОДА (КАРГАСОКСКИЙ РАЙОН ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ) ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент И.В. Чернова

В статье рассмотрены особенности заключения браков среди русского населения Тымского прихода в XIX–XX веках. Раскрываются причины, по которым русское население из других волостей приезжало в село, а также описано с кем именно заключали браки древнейшие русские фамилии Тымского прихода. Кроме того, описано, в какой момент браки между русскими начинают преобладать над инородческими.

Ключевые слова: краеведение, история Сибири, локальная история.

В первой половине 19 века русское население, которое проживало в Тымском приходе, было немногочисленным. На тот момент в селе проживали представители таких фамилий, как Серяковы, Завадовские, Тверетины, Пономарёвы, Колотовкины и другие. Поскольку заключать браки между близкими родственниками строго запрещалось, то жители данной местности женились на представительницах других приходов и, вероятнее всего, в тех же приходах это было зафиксировано в метрических книгах.

Отсюда в известных нам метрических книгах за 1840–1860 годы зафиксирован только один брак между не инородческими семьями прихода – это брак Серякова и Пономарёвой. В 1841 году крестьянин Мирон Федорович Серяков женился на дочери дьячка Петра Евфимова Пономарева Олимпиаде. Разница между возрастом жениха и невесты была большая – 15 лет. Для Мирона Федоровича данный брак стал вторым. Его первая жена Ирина Гаврилова умерла 20 июня, а уже 30 июня был заключен новый брак. На это у Мирона Фёдоровича были веские причины: в семье было много детей, младшему сыну Петру не было и 3 лет. Обширное крестьянское хозяйство требовало женских рук [1. Л. 13].

Затем долгое время, по данным метрических книг, браки среди русских не были зарегистрированы. И только в 1855 году был зафиксирован брак жительницы Тымского прихода с жителем г. Нарыма Колотовкиным [2. Л. 1]. Дочь крестьянина Устинья Мироновна Серякова вышла замуж за казака Нарымской отдельной команды Дмитрия Васильевича Колотовкина. Возможно, что по служебным делам он бывал в с. Тымском. Разница в возрасте была небольшой (26 жениху и 21 невесте, 5 лет), но для жениха это был уже второй брак. В то же время, в 1840–1860-е годы зафиксировано 94 инородческих брака, что ещё раз свидетельствует о том, что населения прихода в это время было преимущественно инородческим, а русские семьи были в нём единичны.

Шестидесятые годы являются сложными для изучения, так как из метрических книг сохранилась только одна за 1867 год [1. Л. 236]. В 1870-е годы в приходе было заключено 59 браков. Из них браков между русскими – 4, два в 1878 году и по одному в 1872 и 1877 годах. Брак 1877 года, который был зарегистрирован в метрических книгах Тымского прихода между ссыльным Леонтием Степановым Багреевым и поселенческой вдовой Евдокией Дмитриевой Григорьевой можно не брать в расчёт и считать случайным, поскольку ни жених, ни невеста не являлись коренными жителями прихода и позже не встречаются в метрических книгах прихода, вероятно, они выехали на жительство в другой населённый пункт, поскольку ссыльных и поселенцев довольно часто перемещали [3. Л. 62].

Так в 1872 году представительница фамилии Серяковых, дочь Александра Фёдорова, девица Виринея, вышла замуж за крестьянина деревни Ильиной Николая Максимова Гришаева. Причём замужество её было поздним, невесте был 31 год, тогда как жениху всего 22 [3. Л. 49]. Поздний выход девиц замуж, хотя у нас и единичный случай тоже можно рассматривать как результат сложности поиска брачного партнёра в отдалённом Тымском приходе.

В 1880-е годы в Тымском приходе заключено всего 34 брака. Это почти вдвое меньше чем в 1870-е годы, поэтому можно констатировать снижение брачной активности населения. Возможно, данный спад активности был связан с эпидемиями, из-за которых была снижена рождаемость, а значит потом сложился недостаток и молодых людей брачного возраста. Из всех заключённых браков русских всего – 6. Один из необычных браков в этом десятилетии брак Томского 2-й гильдии купца Николая Ильина Батурина и томской мещанки девицы Марии Ивановны Плаксиной. Возможно, это был брак наперекор родительской воле, что объясняет его заключение в таком отдалённом приходе, где никогда не

жили ни Батурины, ни Плаксины. Возможно, причиной отказа было вдовство жениха и разница в возрасте более чем в два раза (жениху 55 лет, а невесте 24). Дополнительным свидетельством того, что это был брак в сложных обстоятельствах было то, что среди поручителей на свадьбе нет представителей фамилий ни жениха, ни невесты, а только Серяковы, Завадовские и Нестеровы. Исходя из этого брак можно отнести к случайным в данном приходе [4. Л. 1].

Интересен брак, заключенный в 1882 году между дочерью Ивана Александровича Серякова Анфисой и ссыльным мещанином Андреем Васильевичем Выскребенцевым. К сожалению, источник не позволяет нам понять уголовным или политическим ссыльным был Выскребенцев, но не смотря на его принадлежность к мещанам брак вряд ли добавил престижа семье Серяковых, к ссыльным относились довольно настороженно. Невесте было 18 лет, а жениху – 30 [3. Л. 54].

С конца 1890-х годов в Тымский приход начинают подселяться крестьяне из других волостей, что связано, скорее всего, с успешным развитием рыбного промысла на рыбных песках, с которых к этому времени представители местного крестьянства вытеснят инородцев. В данном десятилетии в Тымском приходе по данным метрических книг было заключено 65 браков. Из них русских – 23, но, это намного больше, чем в прошлых десятилетиях.

Самое большое количество браков из данного десятилетия было заключено между русскими в 1895, 1897, 1898 и 1899 годах – в каждом по 4 брака.

Дочь купца, Глафира Константиновна Серякова, в 1892 году в 17 лет вышла замуж за 23-летнего помощника столоначальника Томского общего Губернского управления канцелярского служащего Дмитрия Никитича Николаева. На примере этого брака мы видим, что получение купеческого свидетельства Константином Александровичем Серяковым позволило его дочери заключить брак с государственным служащим, чиновником местного губернского управления и вновь повысило статус семьи [3. Л. 23].

С 1900 по 1910-е годы в приходе было зарегистрировано 86 браков. Самое большое количество было заключено в 1906 году – 20 браков, большая часть из которых между русскими – 12. А среди русского населения в данном десятилетии зарегистрировано всего 45 браков. Таким образом, в данном десятилетии, по сравнению с остальными количество русских браков преобладает. Это заметно по количеству заключенных инородческих браков и русских. Например, в 1900 году было зарегистрировано всего два брака и оба русские. В 1910 году всего 4 брака было инородческих, 6 русских и один смешанный. А в 1920 году было зарегистрировано 21 брак, 20 – русские, 1 смешанный.

В 1903 году был заключён весьма необычный брак. Томской губернии Нарымский 2-й гильдии купец уже в солидном возрасте 60 лет, овдовев, Константин Александрович Серяков, внук Мирона Серякова, женился на женщине близкого возраста, местной повитухе, потомственной почетной гражданке Наталье Яковлевне Завадовской, которой на тот момент был 51 год и для нее этот брак стал первым [3. Л. 89].

Не только девушки по фамилии Серяковы выходили замуж за представителей других семей, проживавших в селе Тымском, но и мужчины женились на представительницах других фамилий из их же села. Так, например, в 1907 году был зарегистрирован брак между 24-летним крестьянином Иосифом Феодоровичем Серяковым и 17-летней крестьянской дочерью Пелагией Сидоровой Сухушиной.

Следующее десятилетие является последним в рамках изучения данной темы. Это 1910–1920-е годы. Всего 119 зарегистрированных браков. Самое большое количество браков было зарегистрировано в 1917 и 1920 годах – по 21 браку. Среди русских – 95 браков. В 1920 году все браки были заключены только между русскими.

Заключались браки и между вдовами и вдовцами. В 1919 году в возрасте 22 лет крестьянская дочь Глафира Даниловна Серякова вышла замуж за также 22-летнего крестьянина Антона Ефремовича Моисеева. Для жениха этот брак стал третьим, что встречается очень редко, а тем более и у представителя такого молодого возраста. Вероятно, он в раннем возрасте лишился матери, а возможно и обоих родителей и женился в первый раз довольно рано. Две же его первых жены умерли [4. Л. 38].

Вместе с тем, наблюдаются случаи, когда при заключении браков иногда смешивались сословия, а также в этом десятилетии появились этнически смешанные браки. Это может говорить о бедности выбора брачных партий и о том, что некоторые ясашные семья обрусели и приблизились по типу хозяйствования к русским.

Таким образом, можно сделать вывод, из-за того, что русское население из Тымского прихода на начало 19 века было крайне малочисленным, им приходилось искать брачных партнёров в соседних приходах и часть из вновь образованных семей поселялась в Тымском приходе. А именно с 1890–1900-х годов увеличивается количество браков между русскими, догоняя и даже перегоняя количество инородческих браков. В это время в приход активно подселяются жители других волостей, заключающие браки не только со старожилами, но и между собой.

Литература

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 9. Д. 95, 933.

2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 5355.

3. ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 489, 78, 549, 529, 580, 386.

4. Муниципальный архив Администрации Каргасокского района Томской области. Ф. 204. Оп. 1. Д. 8, 549.

В.С. Дзюба

НАРЫМСКИЙ КРАЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. ПО СВЕДЕНИЯМ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА

Науч. рук. – ст. преподаватель Е.В. Барсуков

В статье исследуются дневниковые записи немецкого исследователя Д.Г. Мессершмидта, сделанные им в период с сентября по октябрь 1725 года, во время возвращения из сибирской экспедиции. Путь Д.Г. Мессершмидта пролегал через север современной Томской области, известный в XVIII в. под названием «Нарымский край». Дневник исследователя – первая попытка «научного» описания этой местности. Он содержит уникальные сведения по этнографии, лингвистике, географии севера Томской области. На фоне дефицита источников по истории XVIII в. перевод и введение в научный оборот сведений Д.Г. Мессершмидта представляется крайне актуальным.

Ключевые слова: Д.Г. Мессершмидт, Нарымский край, дневниковые записи, сибирская экспедиция.

Даниэль Готлиб Мессершмидт – немецкий медик и ботаник на русской службе, один из сподвижников Петра I по исследованию России. Руководитель первой научной экспедиции в Сибирь, родоначальник русской археологии. Изучал медицину в университетах Йены и Галле (окончил в 1707 году). Защитил в 1716 году диссертацию на тему «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки», получил учёную степень доктора медицины [1. С. 30].

В начале апреля 1718 года Д.Г. Мессершмидт прибыл по приглашению Петра I в Петербург для собирания коллекций и исследования естественных богатств России. После часовой беседы Петра I и Д.Г. Мессершмидта 5 ноября 1718 года появился указ о посылке немецкого доктора в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих статей в лекарственные составы». Этот указ ставил Даниила Готлиба в непосредственное подчинение Медицинской канцелярии и президента Медицинского факультета Л. Блю-

ментроста, куда он должен был присылать все собранные материалы, и откуда должна была производиться в Сибири выплата ему жалования и прогонных денег [1. С. 31].

По заключённому контракту Д.Г. Мессершмидт обязан был ехать в Сибирь для изучения её географии, «натуральной истории», медицины, лекарственных растений, заразных болезней, памятников древности, описания народов и «вообще всего достопримечательного». Позднее Медицинской канцелярией было дано указание, описывать также животный и минеральный миры, собирать рукописи, изучать археологические памятники и языки Сибири. За это исследователь получал 500 рублей в год. Хотя рубль был тогда фактически дороже современного, но всё-таки эта сумма была ничтожно мала по сравнению с тем, что получали другие учёные иноземцы. Разносторонние обязанности, взятые на себя Д.Г. Мессершмидтом, не были результатом легкомысленного отношения к своим силам. Он был человеком огромной работоспособности – это видно и по результатам проделанной работы.

Даниил Готтлиб не имел никакой инструкции в экспедиции, не было установлено конкретного срока его пребывания в Сибири, так же как и чёткого маршрута путешествия. Выехав из Петербурга в 1719 году, он вернулся назад только через 8 лет, после того как объехал практически всю Сибирь [1. С. 35]. Во время путешествия, он вел дневниковые записи, которые охватывают хронологический отрезок с 1719 по 1727 году. Долгое время они были не доступны для широкого круга отечественных специалистов. Только в 1960-х гг. дневники исследователя были опубликованы на немецком языке в Берлине.

В 1725 г. Даниил Готтлиб, возвращаясь из Сибири в Петербург, проследовал через север Томской области, который была известен под названием Нарымского края. В XVII–XVIII вв. гидрографическая сеть этой историко-географической области являлась частью основной транспортной магистрали, соединяющей Западную и Восточную Сибирь. Маршрут исследователя пролегал по рекам Кеть и Обь, с непродолжительными остановками в расположенных по их берегам населенных пунктах. В каждом из них исследователь фиксировал особенности природной обстановки, характеристики гидрографической сети, местоположение поселений [2]. Дневниковые записи путешественников и исследователей XVII–XVIII вв., проследовавших этим путем и оставивших сведения о крае и его обитателях, являются уникальными источниками (Н. Спафарий, Г. Миллер, С. Крашенинников и др.) [3–5]. Однако на их фоне данные Д.Г. Мессершмидта выделяются тем, что являются первой попыткой комплексного научного описания географии и населения Нарымского края.

В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что одна из основных проблем при реконструкции событий русского освоения этого сурового края недостаток письменных свидетельств. По этой причине, целью представленного исследования является анализ и введение в научный оборот дневниковых записей Д.Г. Мессершмидта, имеющих отношения к северной части Томской области. В этом контексте актуальность представленной работы очевидна и обусловлена тем, что, во-первых, дневник исследователя является лишь частично переведенным и изученным. Фрагмент, посвященный Нарымскому краю, не известен широкому кругу специалистов и не введен в научный оборот. Во-вторых, для истории Томской области представляется интересной непредвзятая характеристика края глазами иностранца – немецкого исследователя. Существенная работа проливает свет на маршрут и детали экспедиции. Характеризует трудности иностранца, да и любого другого человека, пытающегося преодолеть неблагоприятную в климатическом и природном плане территорию Нарымского края. Одной из главных проблем Д.Г. Мессершмидта являлось общение с местными чиновниками, представителями русской администрации в этом районе. Они не подписывали необходимых документов, не выдавали имевшиеся в их распоряжении артефакты, не предоставляли людей, требовавшихся для продолжения маршрута [2. С. 237]. Еще одна сложность, возникшая у исследователя в Нарымском крае, это общение с местным русским населением, которое регулярно пытались обмануть Даниила Готлиба и пожить за его счет [2. С. 248].

Переведенная часть записей представляет несомненную ценность для исследований этнографического и краеведческого характера. Мессершмидт приводит названия расположенных по маршруту следования населенных пунктов, указывает расстояние между ними, причем он упоминает не только инородческие поселения (например, «Орликово городище»), но и русские деревни и остроги, указывая их местоположение и географические характеристики, что представляет несомненный интерес для воссоздания обстоятельств русского освоения Прикетья и Принарья [2. С. 230].

Кроме этого, в описаниях фигурируют местные топонимы, что может быть интересно для лингвистического анализа и локализации объектов на современных картах. В нескольких местах дневника исследователь составил небольшие словарики, где записал примеры инородческих слов, особенности счета, названия животных и т.д. Остяцкие слова он узнавал в процессе общения с местным населением, с которыми вел постоянную торговлю, причем, непосредственно на реке. Они подплывали к его судну

и предлагали свои товары. От них Д.Г. Мессершмидт узнавал бытовавшие местные названия и сведения географического характера [2. С. 255].

Отдельного внимания заслуживает характеристика флоры и фауны, которая на страницах дневника представлена достаточно подробно. Эти сведения могут быть полезны биологам и ботаникам, занимающихся анализом динамики и изменчивости природной среды, трансформацией ландшафтов в период русского освоения Сибири.

При работе с источником возникли трудности методического характера, которые заключались в следующем: во-первых, некоторые слова немецкого языка XVIII века сегодня имеют иное значение, например глагол «*rassieren*». Мессершмидт Д.Г. использовал его для обозначения «достичь какого-либо места», а в современном немецком языке это означает «происходить». Текст изобилует и другими устаревшими словами и терминами немецких диалектов. Во-вторых, он интегрировал в свой дневник много русских и местных слов, просто транскрибируя их на немецком языке. В-третьих, особенностью источника является то, что Д.Г. Мессершмидт часто использовал латынь, особенно при географических характеристиках. Описания принесенных на обед или ужин птиц, их массы, написаны на латыни и занимают целые абзацы. Определение географических координат и описания местоположения, он также часто производил на латыни.

Таким образом, сведения Д.Г. Мессершмидта, ставшие объектом представленного исследования, пополняют скудную источниковую базу о севере Томской области XVIII в., а также указывают на перспективность и важность работы с материалами этого исследователя. Прделанная работа является методическим заданием для перевода еще одной объемной части дневника, посвященной южной части Томской области и г. Томску. Это позволит охарактеризовать весь маршрут исследователя по территории современной Томской области.

Литература

1. Ярош Г.Ф. Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д.Г. Мессершмидта // Известия Сибирского отделения наук. Новосибирск, 1968. № 1 (136). Вып. 1.
2. *Messerschmitt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Berlin, 1968. Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725–November 1725.
3. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечанием Ю.В. Арсеньева. СПб.: Типография В. Киришбаума, в д. М-ва Финанс., на Дворц. Площ, 1882.

4. Сибирь XVIII века в описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. 6.

5. Крашенинников С.П. В Сибири. Неопубликованные материалы. М.: Наука, 1966.

А.А. Зограф

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДВУСТВОРЧАТЫХ МОЛЛЮСКОВ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Науч. рук. – ст. преподаватель Е.В. Барсуков

В статье рассматриваются варианты использования двухстворчатых моллюсков в хозяйственной деятельности культурных общностей Верхнего Приобья эпохи неолита и энеолита. На основе предметных комплексов археологических памятников и анализа исследовательской литературы автором было выявлено, что двухстворчатые моллюски являлись частью пищевого рациона, а их раковины зачастую становились сырьем для изготовления украшений. Также было сделано предположение, что в некоторых случаях двухстворчатые моллюски могли быть элементом погребального обряда. По мнению автора, раковины моллюсков являются ценным источником для определения культурных связей древнего населения, а также для установления радиоуглеродных дат.

Ключевые слова: двухстворчатые моллюски, раковины моллюсков, неолит, энеолит, Верхнее Приобье.

Моллюски, или мягкотелые (*Mollusca*), представляют собой крупную группу животных, включающую около 113 тыс. видов [1. С. 276]. Существует пять основных классов раковинных моллюсков: двухстворчатые (*Bivalvia*), брюхоногие (*Gastropoda*), панцирные (*Polyplacophora*), лопатоногие (*Scaphopoda*) и головоногие (*Cephalopoda*) [2]. В пресных водоемах широко распространены перловицы (*Unio pictorum*), беззубки (*Anodonta*), дрейссены (*Dreissena polymorpha*), шаровки (*Sphaerium*), которые относятся к классу двухстворчатых моллюсков. Они имеют важное промысловое значение.

Раковины – это наружное защитное скелетное образование, покрывающее тело многих беспозвоночных животных, включая моллюсков. В мировой культуре раковины зачастую применялись для создания различного рода изделий: крючков, пуговиц, колец, они могли служить в качестве скребел, скобелей и других приспособлений. В дробленном виде

их могли добавлять в формовочную массу будущего керамического изделия. Они служили материалом для изготовления различных украшений: бус и подвесок. Древнейшие бусы из раковин происходят из африканских пещер Грот де Пижон (82 тыс. л. н.), Бломбос Кэйв (78–75 тыс. л. н.) и Сибуду (71 тыс. л. н.) [3. С. 30].

По данным исследователей фауна моллюсков Сибири включает в себя более двухсот тридцати видов [4. С. 174]. Их можно встретить в речных и озерных отложениях, старицах и озерах. Это обуславливало частое использование раковин моллюсков жителями Сибири эпохи неолита и энеолита.

Нужно заметить, применительно Западной Сибири имеется не так много работ, посвященных особенностям использования раковин моллюсков в древности. Необходимо отметить статью Ю.Б. Серикова [3], где обозначены варианты использования раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения. Однако данная статья дает лишь общее представление об их использовании, затрагивая далеко не все возможные варианты. В ряде других случаев изделия из створок раковин были охарактеризованы исследователями в контексте определенного археологического комплекса, как к примеру с объектами Тузовские Бугры-I [5] или Сопка-2 [6]. Обобщающих работ, посвященных использованию двустворчатых моллюсков в Западной Сибири, нам не известно.

В Верхнем Приобье, включающем в себя бассейн р. Обь от места слияния рр. Бии и Катунь и до места впадения в неё р. Томь [7. С. 8], использование раковин моллюсков было зафиксировано в материалах нескольких погребальных памятников (Сопка-2, Тузовские Бугры-I, Ордынское Ie/1, Яйский могильник, Усть-Иша, Солонцы-5 и др.).

На основе анализа материалов Сопки-2 из десяти неолитических погребений было выявлено, что инвентарь только трех могил включал в себя изделия из раковин. Сопроводительный инвентарь *погребения № 67* содержал подвеску из раковины, также в *погребении № 329* была обнаружена нашивка, а в *погребении № 73* присутствовали створки со следами обработки [6. С. 20]. Археологический комплекс Тузовские Бугры-I включает тридцать семь погребений, в девяти из которых встречаются изделия из раковин моллюсков разных категорий, а также просто многочисленные обломки створок [5. С. 39]. В погребальном инвентаре других упомянутых выше комплексов, относящихся к эпохам неолита и энеолита, в нескольких случаях также были выявлены изделия из створок раковин. Створки применялись для изготовления бус, подвесок, а также играли роль нашивок на одежду. Степень модификации раковин отличается. Зачастую они были подвержены шлифовке, сверлению, пилению и т.д.

Встречались образцы, не имевшие следов обработки. Идентичность расположения изделий в рассматриваемых погребениях, не установлена [7. С. 81–82].

Применение раковин для изготовления разного рода украшений могло быть обусловлено относительной доступностью этого материала, не исключено, что моллюски были частью пищевого рациона древних сибиряков. Отсутствие створок раковин среди материалов поселений Верхнего Приобья, заставляло с осторожностью относиться к возможности их употребления в пищу древним населением. В этом контексте важные результаты были получены исследователями памятника Сопка-2, которые доказали, что источником белка для местных популяций служили моллюски и ракообразные рек и озёр Барабинской лесостепи. Данные выводы были сделаны на основе анализа останков представителей эпохи неолита и энеолита [8].

В отдалённых регионах поселенческие слои часто содержат раковины моллюсков. К примеру, в материалах третьего слоя поселения Бузки в Черкасском Поднепровье можно обнаружить образцы *Unio*. Некоторые раковины из скоплений имели на себе следы огня, что указывает на вероятность того, что их могли запекать [9. С. 9]. В прибрежных районах встречаются громадные раковинные кучи. Исследователи предполагают, что культивирование устриц на Тихоокеанском побережье практиковалось уже в неолите (Бойсмана-II) [10. С. 39].

Употребление моллюсков в пищу древним населением Западной Сибири, позволяет усомниться в том, что в погребениях раковины использовались только в качестве украшений. Например, анализ материалов погребения № 1 Яйского могильника указывает, что в могилу помещались не раковины, а сами моллюски, которые могли быть элементом погребального обряда. Об этом свидетельствуют особенности локализации целых створок, образующих скопление в стороне от погребенного, а также отсутствие на створках отверстий для крепления или подвешивания. Высказывалось мнение, что необработанные раковины могли пришиваться к костюму усопшего внахлест [7. С. 112], однако в данном случае особенности их размещения в могиле это исключают.

Таким образом, моллюски и их раковины являлись важной частью хозяйственной и культовой жизни населения Верхнего Приобья в эпоху неолита и энеолита. Они нашли свое применение в изготовлении украшений и орудий, активно употреблялись в пищу, использовались в погребальном обряде.

По нашему мнению, на сегодняшний день раковины моллюсков являются недооценённым источником, их изучение может помочь в реконструкции этнокультурных связей древнего населения (так как каждый

вид моллюсков имеет свой ареал обитания), а также в осуществлении датировок археологических комплексов. На фоне дефицита органики в погребениях неолита, створки являются потенциальным ресурсом для датирования с помощью радиоуглеродного метода. Из исследовательской литературы известно, что датировка образцов, подверженных пресноводному резервуарному эффекту, может оказаться неточной с тенденцией на удревнение объектов [11. С. 166]. Тем не менее, в настоящее время проводятся исследования и отработка методик для калибровки таких дат.

Литература

1. *Шарова И.Х.* Зоология беспозвоночных: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. 592 с.
2. Раковины [Электронный ресурс] // Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/biologiya/rakoviny> (дата обращения: 22.03.19).
3. *Сериков Ю.Б.* Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 30–37.
4. *Долгин В.Н.* К изучению пресноводных моллюсков Сибири // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 11 (89). С. 174–180.
5. *Кирюшин Ю.Ф.* [и др.] Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и средней Азии в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 37–45.
6. *Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реки Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 128 с.
7. *Марочкин А.Г.* Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.
8. *Аристова Е.С.* [и др.] Особенности пищевых специализаций населения Барабинских степей эпохи неолит бронза // Медицина и образование в Сибири. 2014. № 6. С. 28–46.
9. *Котова Н.С.* Неолитические материалы поселения Бузьки в лесостепном Поднепровье // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. К.: ІА НАН України, 2012. Вип. 8. С. 5–12.
10. *Раков В.А., Бродянский Д.Л.* Древняя аквакультура (возделывание устриц в бойсманской неолитической культуре) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 3 (31). С. 39–43.
11. *Святоко С.В.* Пресноводные резервуарные эффекты в евразийской степной зоне и их влияние на радиоуглеродный возраст костных образцов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 165–173.

А.А. Ларочкин

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент И.А. Дураков

В статье предпринята попытка обобщения и анализа половозрастных характеристик погребенных, обнаруженных на памятниках Сопка-2 и Абрамово-11, расположенных в Барабинской лесостепи. Источниковая база включает в себя погребения трех, следующих друг за другом археологических культур эпохи ранней бронзы: усть-тартасской, одиновской и кротовской. На основании изученных данных, касающихся количества и состава похороненных в парных и коллективных могилах, а также ярусных погребениях выдвигаются гипотезы существования в эпоху ранней бронзы древних форм брака, а также предположений, касающихся социогенеза древних обществ на протяжении длительного времени. Данная работа является начальным звеном в цепочке дальнейших исследований в области палеодемографии, поскольку значительную часть антропологических данных еще только предстоит обработать.

Ключевые слова: археология, палеодемография, эпоха ранней бронзы.

Проблема демографии в археологических исследованиях является одной из наиболее сложных тем. Из-за специфики источников очень сложно получить репрезентативные данные для достоверных выводов. Несмотря на это российской наукой накоплен значительный опыт и разработаны качественные методы археолого-демографического исследования. Данной проблематикой занимались такие исследователи как: Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев [1], Т.А. Чижишева [2].

Целью исследования является обобщение данных по погребениям в рамках исследуемого периода, проведение анализа относительно половозрастных показателей, умерших в одиночных, парных, и коллективных захоронениях усть-тартасской, одиновской, и кротовской культур, обнаруженных на разных грунтовых могильниках Центральной Барабы.

Изученность эпохи ранней бронзы Барабинской лесостепи достигла уровня, позволяющего делать некоторые предварительные обобщения. На территории Центральной Барабы обнаружено и в разной степени исследовано несколько одно- и многослойных разновременных грунтовых некрополей. Три из них: Сопка-2, Тартас-1, и Усть-Тартас-2 являются многослойными и располагаются очень близко друг от друга – в междуречье Оми и Тартаса. Еще два могильника – Абрамово-11 (однослойный) и Преображенка-6 (многослойный) располагаются на более значительном

(90–100 км) расстоянии друг от друга, но на территории Барабинской лесостепи. Памятники исследовались методом сплошного раскопа, некоторые памятники раскапываются и по сей день. Особый интерес представляет многослойный могильник Сопка-2, материалы которого содержат 481 погребение, относящиеся к усть-тартасской, одиновской, и кротовской культурам. Для этих погребений в полной мере проведен половозрастной анализ умерших. Также такие определения сделаны для некрополя Абрамово-11, насчитывающий 17 погребений, который ранее считался кротовским [3], но после выделения одиновской культуры его культурную принадлежность переосмыслили. На памятниках Сопка-2, Тартас-1, Усть-Тартас-2, и Абрамово-11 в общей сложности обнаружено 1499 погребений. К исследуемому периоду относятся 680 могил. Следует отметить, что некрополи Тартас-1 и Усть-Тартас-2 в настоящее время находятся на стадии исследования и их материалы не опубликованы, а материалы памятника Преображенка-6 введены в научный оборот лишь в малом объеме.

Используя методы математического анализа, удалось выявить следующие закономерности.

На памятнике Сопка-2 выявлено 67 могил, относящихся к усть-тартасской культуре. В этих могилах обнаружено в общей сложности 197 костяков, из которых 59 принадлежат мужчинам, 52 – женщинам, и ровно столько же детям. У 34 умерших пол определить не удалось [4. С. 108]. В 28 могилах из 67 были зафиксированы останки двух и более погребенных. Тенденция увеличения количества погребенных расположилась следующим образом: в 6 могилах содержатся останки двух человек, еще в 10 – трех человек, в трех могилах – 4 человека, по две могилы на каждый случай по 5 и 6 человек соответственно. В одной могиле – семь человек, в двух могилах – по 8 человек, еще в двух – по 10. В последних трех случаях, обнаружены могилы, содержащие останки 13, 14, и 15 человек. Подобные случаи захоронения могут послужить материалом для исследования социальных отношений древних племен Сибири.

К одиновской культуре относятся 181 погребение (164 с могильника Сопка-2/4А, и 17 погребений – с Абрамово-11). Всего обнаружено 256 скелетов, из них: 58 мужчин, 89 женщин, и 48 детских скелетов. Еще у 60 погребенных пол определить достоверно не удалось. Увеличилось количество парных, но уменьшилось число коллективных погребений, и самих погребенных в них. Из 181 могилы в 39 было захоронено по два человека. В девяти случаях захоронены по 3 человека, в четырех – по 4 человека, и лишь в одном случае – 8 человек [5. С. 176].

К могилам кротовской культуры, зафиксированных на памятнике Сопка-2/4Б и В относятся 250 погребений. В этих погребениях было обнаружено 318 скелетов, из которых 75 скелетов – мужских, 101 – женский, еще 77 скелетов принадлежали детям и подросткам, причем изначально антропологам было доступно лишь 267 скелетов [6]. Из 250 могил в 36 было зафиксировано 2 человека, в 10 могилах – по 3 человека, в одном случае – 4 человека, и еще в двух – 5 человек.

Отдельного внимания заслуживают ярусные погребения. В некоторых случаях, умерших хоронили в одной могильной камере друг над другом. Каждый ярус оформлялся земляным перекрытием. На Сопке-2 в усть-тартасском сегменте было обнаружено из 67 могил 16 двухъярусных и 3 трехъярусных. В одиновском сегменте из 164 могил обнаружено 34 ярусных захоронений.

Этот представительный корпус данных составляет лишь часть от общего числа, так как исследования на грунтовых могильниках Тартас-1 и Усть-Тартас-2 еще продолжаются, соответственно источниковая база пополняется. На данный момент исследования не проведены, как минимум для 182 погребений, и это число будет увеличиваться.

Проанализированный массив данных позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

По всей видимости в регионе Обь-Иртышского междуречья в эпоху ранней бронзы неукоснительно шло увеличение населения. Об этом можно косвенно судить, исходя из количества погребений с памятника Сопка-2.

Анализ по половым признакам показал, что в конце IV-го тыс. до н. э. (усть-тартасская культура) в регионе царил достаточно мирная обстановка, поскольку не заметно диспропорции между мужчинами и женщинами. Однако в захоронениях одиновской и кротовской культур данная тенденция изменяется, причем при подсчете костяков выяснилось, что женщин захоронено больше чем мужчин. Можно предположить, что на протяжении III тыс. до н. э. на территории Барабинской лесостепи и всего Обь-Иртышского междуречья в целом могли существовать военные конфликты, из-за которых погибла значительная доля мужчин. Приведенные выше данные о детской смертности немного не соответствуют данным, приведенными В.П. Алексеевым, согласно которым этот показатель был значительно выше. По всей видимости детей, возможно, хоронили на отдельных кладбищах.

Специфические выводы могут предоставить нам ярусные захоронения. Умерших укладывали ярусами в одну могилу, иногда такие могилы могли объединяться в единую конструкцию. Некоторые ярусы погребений сопровождалась инвентарем, что может свидетельствовать об эли-

тарном статусе умершего (статус мог зависеть от характера инвентаря). Хоронили от двух до 15 человек в различных вариациях, чередуя женщин, мужчин, и детей в разных ярусах. С позиции социогенеза можно предположить, что у носителей усть-тартасской культуры сильно было развито почитание родственных связей, поэтому такие коллективные могилы могли оформлять в форме «склепов», где покоился определенный род. В одиновское и кротовское время данная черта начинает угасать, но при этом возрастает количество парных (по 2 человека) и коллективных (по 3 человека) захоронениях. По всей видимости в древнем обществе эпохи ранней бронзы формировались изменения в социальной сфере, заключающиеся в упразднении нуклеарной семьи и созданию более привычной современному человеку брака (муж, жена, и ребенок).

Данные выводы носят предварительный характер, поскольку без палео-генетических исследований подобные конструкции весьма хрупкие, и нуждаются в основательном подтверждении, тем не менее такие исследования уже проводились отдельно для кротовских погребений (удалось установить, что в рядах могил, покоятся родственники по материнской линии).

Таким образом, проанализированный массив данных позволяет сделать вывод, что демографическая ситуация в Центральной Барабе в эпоху ранней бронзы была весьма нестабильной, что могло быть связано как с внешними (военные конфликты), так и с внутренними (ослабление кровнородственных связей) факторами.

Литература

1. *Алексеев В.П.* История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. 564 с.
2. *Чикишева Т.А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
3. *Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И.* Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1989. С. 37–51.
4. *Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 127 с.
5. *Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
6. *Молодин В.И., Гришин А.Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 451 с.

Е.В. Плотникова

**ОТРАЖЕНИЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЖИЗНИ
БАНКОВСКИХ СЛУЖАЩИХ г. ИРКУТСКА В 1918–1920 гг.:
НА ПРИМЕРЕ БАНКА ПРИ СИРОПИТАТЕЛЬНОМ ДОМЕ
Е. МЕДВЕДНИКОВОЙ И ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО БАНКА**

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.М. Дамешек

В статье рассматривается проблема влияния Гражданской войны на экономическое положение банковских служащих г. Иркутска на примере Банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой и Иркутского отделения Московского народного банка. Отмечается экономическое положение региона в рассматриваемый период. Описываются обстоятельства жизни сотрудников банков во взаимосвязи с изменением существующей экономической конъюнктуры. В заключении делается вывод о значительном влиянии процессов, сопровождавших течение Гражданской войны, на банковских служащих г. Иркутска.

Ключевые слова: Гражданская война, Иркутская губерния, г. Иркутск, кредитно-финансовая сфера, банковские служащие, экономика Иркутской губернии, Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой, Иркутское отделение Московского народного банка.

Гражданская война 1918–1922 гг. стала очередным испытанием для русского народа после вступления России в Первую мировую войну и прокатившегося по стране грома революции. Расколов общество на несколько фронтов, она повлекла за собой экономический спад, явившийся следствием нарушенного хозяйственного уклада, разрушенных коммуникаций и хищнических захватов имуществ государства и частных лиц, практикуемых противоборствующими силами в момент их господства на тех или иных территориях страны.

Советская власть в г. Иркутске установилась 22 декабря 1917 г. после декабрьских боев, на время приостановивших деятельность многих, в том числе кредитных, учреждений. На основании двух декретов ВЦИК от 14 декабря 1917 г.: «О национализации частных акционерных банков и банкирских контор» и «О ревизии стальных ящиков в банках» 22 января 1918 г. банковская сфера г. Иркутска была национализирована. От национализации удалось уйти лишь Иркутскому отделению Московского народного банка и Банку при сиропитательном доме Е. Медведниковой. Первый, будучи кооперативным, избежал своей участи благодаря масштабному протесту кооператоров, охватившему страну после попытки

национализации большевиками его головного отделения в Москве [2. С. 30]. Второй, сославшись на городскую общественную организационно-правовую форму, передал ключи городскому общественному управлению, в ведении которого состоял с 1895 г. Он был национализирован четыре месяца спустя 4 мая 1918 г. после роспуска Иркутской городской думы, возобновив работу на прежних основаниях только после отхода большевиков из Иркутска в июле 1918 г. [3. Л. 14–15].

Установление советской власти и последующие события разразившейся Гражданской войны отразились на экономике Иркутской губернии целым рядом негативных факторов. По Иркутску прокатилась волна забастовок, реквизициям подверглись многие частные дома жителей города, «имущие» классы г. Иркутска были обложены единовременным налогом в размере 3 млн руб. [4. С. 278]. За период с декабря 1917 г. по январь 1920 г. предприятия губернии трижды переходили из рук в руки, меняя не только своего владельца, но и форму собственности, что приводило к слому налаженных торгово-промышленных связей и механизмов управления. В этот период население пережило несколько этапов мобилизации, объявляемой попеременно военными группировками противоборствующих сил. При отступлении большевиков из города в июле 1918 г. из казначейства, отделения Государственного банка и железнодорожной кассы большевиками было вывезено порядка 17 млн руб. [4. С. 304]. Все это вело к расстройству экономической жизни и товарно-денежных отношений в регионе. Сильный рост цен на жилье породил спекулятивное течение со стороны владельцев арендуемых квартир. Болезненным фактором, наносящим удар, в первую очередь, по простому населению, стала продовольственная инфляция. Прожиточный минимум населения повышался быстрее, чем происходил рост заработных плат. Только за полугодие с апреля по ноябрь 1918 г. цены на некоторые товары подскочили на 300–500%. Один из основных продуктов питания населения мука (ржаная / пшеничная) подорожала почти в 5 раз, что в среднем составило 481% [5. Л. 4 об.].

В годы Гражданской войны в Иркутской губернии эффективно действовала система кооперации, к 1917 г. практически вытеснившая частную торговлю в деревнях [1. С. 230]. Московский народный банк, являясь третьей и наивысшей ступенью российской кооперативной системы, тесно сотрудничал с потребительскими кооперативами, которых к 1 января 1919 г. в Иркутской губернии насчитывалось 446 (из них 70% были образованы в период с 1917 по 1918 г.) [6. С. 9]. Служащие банка имели возможность получать товары по установленным кооперативным ценам, которые в среднем были на 20–80% ниже рыночных [5. Л. 4 об.]. Такие

товары как мука, крупы и мясо обходились членам кооперативов в среднем на 60% дешевле, чем остальному населению.

В 1919 г. рост цен продолжился: мясо увеличилось в цене на 500% и более, рис и мыло – на 400%, злаковые (мука, крупы) – более чем на 300%. Высокие темпы инфляции заставляли население как можно быстрее переводить деньги в товар. Из-за опасений дальнейшего повышения цен, служащие Медведниковского банка неоднократно просили руководство об оптовой закупке муки по текущим рыночным ценам, с последующим поэтапным удержанием ее стоимости из жалования [7. Л. 41, 129]. Под такими заявлениями стоят подписи практически всех сотрудников банка.

В марте – апреле 1919 г. одни из самых высокооплачиваемых сотрудников банка (помощники бухгалтера) заявили о невозможности существовать на установленные оклады [7. Л. 64]. Из них Александр Яковлевич Токарев просил увеличить ему жалование, практически вдвое, указывая, что меньшая прибавка не обеспечит ему даже самых минимальных жизненных потребностей. А.Я. Токарев отмечал, что уже около двух лет ему ежемесячно приходилось добавлять к зарплате по 500–1000 руб. из прошлых сбережений, при сокращении потребностей до минимума. На момент прошения служащий донашивал последние сапоги и пиджак и, исчерпав свои накопления, не имел возможности приобрести новые [7. Л. 143].

В числе обращений встречаются свидетельства невозможности служащих оплачивать даже расходы, связанные с лечением детей. В июле 1919 г. в Совет Медведниковского банка обратился артельщик Бобылев с просьбой выдать ему пособие на срочную операцию десятилетнего сына, сломавшего руку. Несмотря на предостережение доктора о потере руки мальчика в случае промедления, Бобылев обратился в банк и терпеливо ждал выдачи пособия, так как на тот момент «еле сводил концы с концами» [7. Л. 228].

Следует отметить, что банк почти всегда шел навстречу своим служащим. В мае, июле и октябре 1919 г. повышались оклады. В августе и ноябре 1919 г. были выданы дополнительные пособия, в размере среднемесячного жалования [7. Л. 309]. В сентябре 1919 г. руководство банка обращалось лавку Уполномоченного Министерства снабжения с просьбой отпустить для служащих банка различные товары, дефицитные на рынке [7. Л. 312]. Однако, несмотря на все усилия, ситуация не улучшалась, просьбы служащих о повышении окладов не прекращались.

Положение служащих Иркутского отделения Московского народного банка было несколько лучше, чем их коллег из Медведниковского. Вероятно, это было связано с тем, что кооперация, представлявшая собой сеть вза-

имосвязанных и тесно сотрудничающих организаций, аккумулировавшая средства широких масс населения, стояла на более прочной финансовой основе, нежели частные учреждения, подвергающиеся повышенным рискам в период турбулентности экономической системы. В архивах отделения не фиксируются просьбы сотрудников о повышении окладов вплоть до осени 1919 г. Такие заявления появились лишь в октябре 1919 г.

Конец 1919 г. ознаменовался падением режима Колчака, в результате чего 5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к Политцентру, а затем, после отхода японских войск из города, к Иркутскому военнореволюционному комитету большевиков. 27 марта 1920 г. в Иркутске была создана ликвидационно-техническая коллегия, в результате деятельности которой частные банки прекратили свое существование [9. С. 73].

Таким образом, благополучие многих финансовых институтов в процессе Гражданской войны пошатнулось. Турбулентному воздействию подверглась деятельность как Медведниковского банка, так и Иркутского отделения Московского народного банка, растворившихся в недрах советской финансовой системы в 1920 г. На примере служащих рассмотренных банков, можно заключить, что Гражданская война коснулась не только граждан, непосредственно принимавших участие в боях, но и тех из них, кто продолжал мирно трудиться в различных отраслях народного хозяйства России. Подорвав экономические основы развития общества, Гражданская война поставила многих на грань выживания, затормозила развитие страны и привела к краху финансовых институтов, успешно функционировавших до ее возникновения.

Литература

1. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы / под ред. Ю.А. Петрушина. Иркутск: Оттиск, 2014. 448 с.
2. Кооперативное дело. 1918. № 1–3. 40 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 3. Д. 21. 15 л.
4. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / под ред. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 544 с.
5. ГАИО. Ф. 703. Оп. 1. Д. 9. 236 л.
6. Кооперативное дело. 1919. № 5. 48 с.
7. ГАИО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 34. 418 л.
8. ГАИО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 285. 96 л.
9. Шахеров В.П. Установление советской власти и создание новой финансово-кредитной системы в Иркутске в 1920 г. // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 22. С. 68–77.

ЭТАПЫ ОБРЕТЕНИЯ «Я». САМОДИЙЦЫ И ОБСКИЕ УГРЫ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Е.А. Васильев

Проводится сравнительное исследование традиционных моделей и современных норм социализации детей и подростков в традиционных обществах самодийцев и обских угров, направленных на выстраивание человеческого «Я». В качестве методологических и методических основ используются теоретическая концепция Дж.Г. Мида о генезисе и структуре «Я» и исследования М.В. Тендряковой о возрастных инициациях. Анализируются современное состояние механизмов воспитания подрастающего поколения и проблемы, связанные с воздействием глобального (современного) на локальное (традиционное).

Ключевые слова: самодийцы и обские угры, I и me, возрастные инициации, социализация.

Представляется возможным говорить о практически идентичных возрастных группах в самодийских и обско-угорских обществах, через которые проходит индивид в процессе социализации до того, как стать полноценным взрослым. Актуально сопоставление этих этапов взросления с концепцией Дж.Г. Мида о формировании самосознания личности. Дж.Г. Мид считает, что «Я» формируется в социальном взаимодействии. Какая-то часть этого «Я» действует в окружающем его мире непосредственно, опираясь на собственные чувства, то есть спонтанно, провоцируя появление новых ситуаций. Эту компоненту личности мыслитель предложил называть «I». Кроме того, в памяти индивида существуют образы прошлого социального поведения, так называемое «me» [1. С. 38]. Помимо этого имеется непосредственный опыт о прошлых социальных актах, содержащийся в памяти индивида, и рефлексивная составляющая опыта, то есть «me», делающее выводы *post factum*. Из этих частей и образуется «Я», как субъект и как личность [1. С. 40]. Но процесс самоидентификации невозможен без принятия мнения другого индивида. Это не подчинение подражательному инстинкту, просто так работает человеческое сознание: рассуждая о своих действиях, мы смотрим на себя глазами другого, нежели своими собственными. По мере взросления присутствие другого становится всё менее необходимым и сознание взрослого индивида, в отличие от детского, перестаёт быть драматичным и становится всё более индивидуальным и абстрактным [1. С. 41].

В отечественной науке принято выделять несколько этапов социализации, которые отчасти совпадают с современными понятиями детства и подросткового периода. При этом выделяется особое состояние ребёнка, занимающее период от рождения до 3–4 лет. Эту категорию условно можно обозначить, как «не совсем люди». Считается, что в этот период дети связаны с миром духов и не имеют достаточное количество душ, чтобы считаться полноценными людьми. Индикаторами, показывающими, что такие души имелись у ребенка считались, например, умение ходить, появление зубов и отрастание волос [2. С. 90]. У нганасан такой мир духов назывался «нго» и дети ещё находящиеся в нём обладали даром предвидения [3. С. 51]. Л. В. Хомич отмечает, что ненецкие дети до того как стать людьми, носили унифицированную одежду, похожую на мужскую малицу [4. С. 67].

Детство (от 3–4 лет до 6–8 лет). У ненцев детей в этот период называют *нацекы* – ребёнок; *хасава нацекы* – мальчик; *не нацекы* – девочка [4. С. 68–69], у нганасан – *нуо* – ребёнок; *куодуму нуо* – мужчина ребёнок; *ны нуо* – женщина ребёнок [3. С. 44–49], у манси – *мань наврамыт* – маленькие дети [2. С. 81–82].

В этом возрасте, основное время дети проводят рядом с матерью, помогая ей по дому, и играют в игры. Мальчики и девочки ещё являются одной группой и гендерные мотивы в их воспитании практически не выражены. Освоение необходимых навыков происходит путём наблюдения за взрослыми и оказания им помощи. Некоторые умения начинают оттачиваться при изготовлении игрушечных нарт, луков и стрел. Сначала игрушки делают отцы или старшие братья, а потом сами дети. Игры помогают развивать выносливость и необходимые для промысловой деятельности навыки, например точное метание аркана. Игры служат для познания социальных отношений в группе. Социальный аспект особенно характерен для девичьих игр: куклы и сцены в импровизированном чуме воспроизводят взрослые семейные отношения. Иногда в такие игры могут вовлекаться и мальчики. Характер игр не остаётся неизменным. В соответствии с терминами и понятиями Дж.Г. Мида сначала дети играют в игры (*play*), где необходимо быть лишь кем-то одним, может, даже животным, потом в игры (*game*), где есть команды и правила, где ребёнок должен осознавать какова роль группы и каким нормам нужно следовать многим, а не лишь ему одному. Эти общие для группы нормы Дж.Г. Мид и называл «генерализованным другим». Именно в процессе взаимодействия с «генерализованным другим» происходит формирование самосознания ребёнка [5. С. 67].

Подростковый период (от 6–8 до 13–14 лет). В этот период нганасаны называют мальчиков *тыбыйка*, а девочек – *нербы’а* или *нербэ’э* [3. С. 53–57], ненцы – мальчиков – *наны*, а девочек – *пирибтя* [4. С. 70–72], манси – *маньлат*, то есть подростки [2. С. 83–89].

Это основной этап становления личности в традиционных обществах самодийцев и обских угров. Постепенно игры полностью замещаются взрослой трудовой деятельностью. Юноши занимаются охотой, рыбалкой, оленеводством, девочки – шитьём и починкой одежды, заботятся о детях, поддерживают уют в доме и собирают вещи для перекочёвки. К концу данного периода мальчики должны уметь стрелять, делать охотничьи ловушки и бытовые предметы, ухаживать за оленями, ориентироваться на местности. Девочки должны уметь шить, готовить пищу, убирать в жилище, смотреть за детьми.

Этот этап отмечен мероприятиями и праздниками, которые могут быть классифицированы, как обряды перехода. Г.Н. Грачёва пишет, что так называемый праздник *Аны’о дялы* (Большой день), который нганасаны отмечают в конце весны – начале лета, можно назвать аналогом возрастной инициации, после которой молодым юношам и девушкам, которым на момент проведения данного праздника должно быть около 14 лет, разрешалось вступать в добрачные половые отношения. На этом празднестве подростки должны были продемонстрировать всё то, чему они научились за последние годы, а старики оценивали их [3. С. 58–59]. Медвежий праздник обских угров был более определенно связан с мужскими инициациями. Здесь, как в классическом обряде инициации, разыгрывалась и символическая смерть и последующее перерождение. Важно подчеркнуть, что действия происходили в специальном мужском доме [6. С. 132–133]. Праздник *Уринэква хотал* (Вороний день) констатировал начало полового созревания у девочек и являлся скорее пубертатным обрядом, нежели инициацией. Сама ворона у обско-угорских народов считается птицей, приносящей регулы, и вообще связана с женщинами [7. С. 214–217].

Вслед за М.В. Тендряковой считаем, что возрастные инициации дают индивиду осознание того, что обратного пути не будет и ему раз и навсегда необходимо принять роль взрослого, никаких других вариантов просто не предусмотрено. Во время возрастных инициаций транслируются необходимые знания, как практического, так и сакрального типа. Следует подчеркнуть, что обряд инициации является завершением длительного процесса социализации, длящегося почти 10 лет. Как в самодийских, так и в обско-угорских культурах возрастные инициации – это и способ своеобразной социальной дифференциации на посвящённых (в основном, мужчины) и непосвящённых (в основном, женщины) [8. С. 93–96].

Заключение. Традиционные этапы социализации у самодийцев и обских угров сохранялись до второй половины XX века, но с введением обязательного интернатского образования для детей коренных малочисленных народов Севера, они стали претерпевать некоторые изменения. Увеличился подростковый период, но самое главное, трансформировалось этническое самосознание. Например, молодое поколение хантов и манси относит себя к «новым» людям и не очень стремится вернуться к традиционному образу жизни, стараясь осесть в городах и интегрироваться в современный мир. Эти негативные явления отчасти компенсируются деятельностью национальной интеллигенции, которая прилагает усилия к сохранению, изучению и трансляции традиционной культуры [9. С. 52–54]. Очевиден некоторый спад интереса к собственной культуре и языку у молодых нганасан, которые забывают свои традиции, обычаи и традиционные промыслы [10]. На этом фоне выигрышно смотрятся ненцы Ямало-ненецкого автономного округа, которые сумели адаптироваться к новым социальным условиям и успешно сохранить традиционную культуру не только в тундре, но в посёлках и городах [11. С. 60–63].

Литература

1. Мид Дж.Г. Социальное Я // Избранное: сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. Научн.-информ. Исследований. Отд. Социологии и социал. Психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. С. 37–44.
2. Фёдорова Е.Г. Ребёнок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сборник статей. Л.: Наука, 1988. С. 80–96.
3. Грачёва Г.Н. Социализация детей у подростков в традиционном обществе нганасан // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: сборник статей. Л.: Наука, 1988. С. 38–63.
4. Хомич Л.В. Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: сборник статей. Л.: Наука, 1988. С. 63–80.
5. Мид Дж.Г. Генезис Я и социальный контроль // Избранное: сборник переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. Научн.-информ. Исследований. Отд. Социологии и социал. Психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009. С. 52–76.
6. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси / отв. ред. Н.В. Лукина; Югорский гос. ун-т и др. Томск: Издательство Томского университета, 2003. 178 с.
7. Попова С.А. Традиционный праздник манси Уринэква хотал «Вороний день» // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой. М., 2000. С. 212–222.

8. Тендрякова М.В. Первобытные возрастные инициации в кругу «вечных» вопросов // Этнографическое обозрение. М., 2014. № 1. С. 91–101.

9. Пивнева Е.А. «Настоящие» и «новые» ханты/манси: о факторах этнокультурной устойчивости // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 51–57.

10. Бичеол Владимир Кызыл-оолович. Современное состояние культуры нганасан // Вестник ЧГАКИ. 2009. № 4 (20) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-kultury-nganasan> (дата обращения: 19.05.2019).

11. Лярская Е.В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.

И.А. Савко

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДЕКОРА СОСУДОВ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО АЛЕЯ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор М.А. Демин

В статье с помощью метода кластерного анализа рассматриваются сосуды из погребений федоровской культуры Верхнего Алея. В результате исследования выявлено, что орнамент сосудов из некрополя Чекановский Лог-2 больше всего схож с верхнеиртышским декором могильника Барашки, а Чекановский Лог-10 с Рублево VIII. Подтверждается близость сосудов Верхнего Алея с восточноказахстанскими комплексами, что прослеживается и в отдельных элементах общей обрядности могильников.

Ключевые слова: кластерный анализ, федоровская культура, Верхний Алей.

Изучение декора керамических сосудов дает информацию об особенностях использования тех или иных орнаментов, что может послужить этнокультурным и хронологическим маркером.

Цель работы: выявление орнаментальных особенностей сосудов из некролей Верхнего Алея в рамках федоровской культуры Юго-Западной Сибири.

Исследование делится на ряд этапов:

1. Формирование набора памятников: для анализа использовались опубликованные и неопубликованные материалы могильников (99 сосудов) Верхнего Алея – Чекановский Лог-2 (ЧЛ-2) и Чекановский Лог-10 (ЧЛ-10) за 1998–2003 гг., исследованные под руководством М.А. Демина и С.М. Ситникова [2. С. 10, 31].

2. Выбор памятников для сопоставления: 18 некрополей Юго-Западной Сибири (Чудиновка-1, Дегтяревка, Титово, Васьково-5, Танай-1, Подтурино, Кытманово, Рублево VIII, Барашки, Березовский, Кызылтас, Меновное IX, Маринка, Еловский II, Сухое Озеро IA, Соленоозерная I, Сухое Озеро I, Преображенка 3), материалы по которым были взяты из монографии А.М. Илюшина и В.А. Борисова [1. С. 144, 152, 158].

3. Формирование набора признаков: основанием для сравнения были наиболее часто встречающиеся в орнаменте характеристики сосудов, делящиеся на четыре категории (рис. 1). К первой категории относятся технические элементы: 1 – мелкозубчатая гребенка, 2 – крупнозубчатая гребенка, 3 – округлые вдавления, 4 – клиновидные (каплевидные) вдавления, 5 – пальцевидные вдавления, 6 – уголкового давления, 7 – гладкие длинные оттиски, 8 – зубчатые штампы, 9 – прочерченные линии, 10 – каннелюры). Ко второй элементы орнамента: 11 – линейный меандр, 12 – «ковровый» меандр, 13 – вертикальный треугольник, 14 – горизонтальный треугольник, 15 – пирамидальный треугольник, 16 – горизонтальный зигзаг, 17 – вертикальный зигзаг (елочка), 18 – ряды насечек и «штрихполос», 19 – ряды вдавлений. К третьей сосуда без орнамента – 20. К четвертой орнаментальные композиции, которые согласно классификации И.В. Ковтуна, делятся на: 21 – классический полисюжет, 22 – редуцированный полисюжет, 23 – неоклассический полисюжет, 24 – эталон моносюжет, 25 – дубликат моносюжет, 26 – доминант моносюжет, 27 – псевдодоминант моносюжет, 28 – классический моносюжет, 29 – ложноклассический моносюжет.

4. Формирование базы данных:

Все данные были занесены в таблицу Excel, где в строках указываются названия памятников, а столбцы содержат процентное содержание признаков (рис. 1).

5. Выбор алгоритма и метрики кластерного анализа в нашем исследовании основан на методических разработках Ю.П. Холушкина, М.Т. Абдулганеева, В.Н. Владимирова и Д.М. Шмуратко. Для осуществления анализа была использована программа IBM SPSS Statistics 21.0 [3].

6. Результаты кластерного анализа были представлены в виде дендрограммы памятников (рис. 2).

Некрополь ЧЛ-2 был соотнесен с памятником Барашки (Верхнее Прииртышье), позже к ним присоединилось Сухое Озеро 1А (Средний Енисей). Данные памятники отделились от остальных в самую последнюю очередь, соответственно они имеют наименьшую степень схожести.

Поясок	Количество сосудов	Темные признаки										Зеленые признаки										Желтые признаки											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29			
Чашечка I	34	10	29,0%	13,6%	1,9%	11,7%	1,0%	6,8%	4,9%	8,7%	3,9%	24,0%	1	0,0%	0,0%	14,0%	0,0%	4,0%	5,0%	20,0%	16,0%	22,0%	6,0%	1	24,0%	18,0%	30,0%	12,0%	8,0%	0,0%	4,0%	0,0%	
Делителка	50	30	61,0%	5,5%	4,5%	10,0%	0,0%	35,0%	2,5%	2,0%	0,0%	33,0%	2	7,0%	0,0%	25,0%	3,5%	4,5%	8,0%	9,0%	21,0%	30,0%	0,0%	2	48,0%	12,0%	14,0%	12,0%	6,0%	0,0%	8,0%	0,0%	
Говно	37	149	39,4%	5,4%	4,0%	11,4%	0,0%	31,5%	0,7%	9,0%	0,7%	33,0%	3	5,4%	0,0%	24,0%	0,0%	3,0%	7,4%	12,0%	23,0%	36,0%	5,4%	3	48,4%	29%	14,0%	5,7%	8,6%	29%	17,3%	0,0%	0,0%
Василис	5	24	83,0%	4,2%	0,0%	0,0%	37,5%	0,0%	0,0%	4,2%	33,0%	4	41%	0,0%	38,0%	0,0%	8,3%	41%	17,0%	29,0%	25,0%	0,0%	4	60,0%	0,0%	20,0%	0,0%	0,0%	0,0%	20,0%	0,0%	0,0%	
Василис-6	10	39	79,4%	0,0%	0,0%	0,0%	51,3%	0,0%	0,0%	0,0%	38,0%	5	10,0%	7,7%	26,0%	7,7%	5,0%	0,0%	10,0%	17,0%	28,0%	0,0%	5	60,0%	0,0%	10,0%	0,0%	0,0%	0,0%	10,0%	0,0%	0,0%	
Глиг-4																																	
Натурно	58	179	89,6%	0,6%	6,1%	5,6%	0,0%	14,0%	7,8%	4,5%	2,8%	26,0%	6	4,5%	5,6%	27,0%	1,7%	2,2%	11,0%	7,8%	2,6%	16,0%	6,0%	6	38,9%	0,0%	5,6%	27,8%	3,7%	0,0%	15,7%	0,0%	8,3%
Чашинский	54	152	84,6%	3,3%	3,3%	13,8%	0,7%	13,2%	6,6%	9,2%	4,3%	25,0%	7	2,0%	5,0%	29,0%	1,3%	1,3%	11,0%	13,0%	2,6%	17,0%	2,0%	7	16,5%	8,2%	9,2%	29,8%	6,1%	3,0%	13,1%	41%	0,0%
Рубило VIII	31	62	89,7%	0,0%	0,0%	4,8%	0,0%	0,0%	6,5%	23,0%	24,0%	8	8,0%	3,2%	29,0%	0,0%	1,6%	16,0%	4,5%	3,0%	1,6%	19,0%	8	0,0%	16,0%	13,0%	49,0%	0,0%	5,0%	0,0%	17,0%	0,0%	
Василис	14	22	84,5%	0,0%	0,0%	2,7%	9,0%	4,5%	4,5%	0,0%	0,0%	9	0,0%	0,0%	4,5%	0,0%	0,0%	4,5%	36,0%	4,5%	14,0%	7,0%	9	0,0%	0,0%	28,0%	37,5%	12,5%	12,5%	0,0%	0,0%	0,0%	
Березинский	29	60	80,0%	3,3%	6,7%	5,0%	1,7%	1,7%	6,7%	0,0%	30,0%	10	3,3%	3,3%	18,0%	0,0%	5,0%	0,0%	25,0%	8,3%	27,0%	3,4%	10	20,0%	0,0%	30,0%	0,0%	0,0%	35,0%	10,0%	5,0%	0,0%	
Малышо	9	32	53,0%	0,0%	3,0%	0,0%	0,0%	3,0%	0,0%	9,4%	28,0%	11	0,0%	0,0%	47,0%	0,0%	9,3%	6,3%	2,0%	6,3%	11,0%	11	50,0%	0,0%	0,0%	12,5%	0,0%	25,0%	0,0%	0,0%	12,5%	0,0%	
Малышо IX	12	41	29,0%	14,0%	0,0%	2,4%	0,0%	20,0%	4,9%	4,9%	2,0%	12	7,0%	2,4%	17,0%	0,0%	7,0%	10,0%	7,0%	29,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	25,0%	0,0%	12,5%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	
Малышо	31	60	51,6%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	4,8%	22,0%	13	0,0%	0,0%	43,0%	0,0%	0,0%	17,0%	0,0%	15,0%	0,0%	15,0%	53%	12,8%	41,0%	10,5%	9,5%	0,0%	5,6%	0,0%	0,0%	0,0%	
Евасилис II	181	465	41,7%	14,8%	9,2%	17,4%	0,0%	10,0%	14,0%	12,0%	11,0%	23,0%	14	4,3%	0,0%	22,0%	1,5%	1,0%	8,8%	13,0%	4,5%	21,0%	0,0%	14	13,8%	5,0%	25,0%	27,5%	4,4%	6,9%	10,0%	3,0%	4,4%
Сухе Озеро IV	20	30	6,6%	3,3%	3,3%	60,0%	0,0%	23,0%	3,3%	10,0%	3,3%	23,0%	15	0,0%	0,0%	6,7%	0,0%	3,3%	27,0%	37,0%	20,0%	15,0%	15	0,0%	0,0%	52,0%	0,0%	0,0%	29,4%	5,9%	11,8%	0,0%	
Селитра I	15	42	89,5%	12,0%	9,5%	12,0%	0,0%	26,2%	0,0%	9,5%	7,1%	24,0%	16	2,3%	2,3%	21,0%	0,0%	4,8%	4,8%	24,0%	31,0%	21,0%	14,0%	16	33,1%	0,0%	0,0%	28,0%	7,7%	6,7%	14,4%	13,4%	6,7%
Сухе Озеро I	30	96	62,5%	3,1%	15,6%	18,8%	0,0%	31,2%	2,1%	12,0%	14,0%	39,0%	17	7,2%	1,0%	21,0%	1,0%	5,2%	4,2%	16,0%	3,0%	27,0%	0,0%	17	42,1%	0,0%	10,5%	21,0%	2,0%	0,0%	8,0%	13,2%	2,6%
Дробилка 3	62	158	31,6%	7,0%	5,1%	11,4%	0,0%	21,0%	0,6%	6,3%	24,0%	27,0%	18	3,7%	0,0%	22,0%	1,8%	0,6%	13,0%	14,0%	23,0%	20,0%	5,0%	18	14,3%	3,6%	8,9%	30,4%	7,0%	12,5%	18,6%	4,7%	0,0%
Чашинский бор-2	17	24	16,7%	29,2%	4,2%	12,5%	0,0%	4,2%	25,0%	0,0%	8,3%	19	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	16,7%	37,5%	16,7%	12,5%	8,3%	19	0,0%	0,0%	50,0%	16,7%	0,0%	33,3%	0,0%	0,0%	0,0%	
Чашинский бор-10	82	209	52,6%	2,4%	0,5%	2,4%	0,0%	0,0%	6,2%	0,0%	11,5%	34,9%	20	9,1%	6,2%	22,5%	1,0%	1,0%	15,3%	5,3%	11,5%	2,4%	20	14,5%	1,7%	3,4%	31,0%	8,6%	3,4%	10,3%	6,9%	0,0%	0,0%
Всего:	78	2147																															

Рис. 1. Процентное содержание признаков для анализа орнамента сосудов

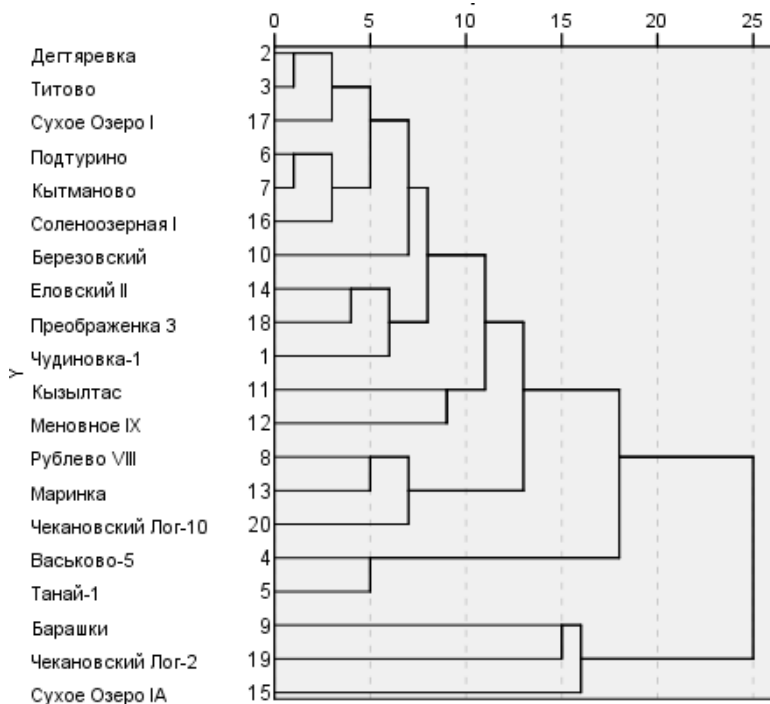

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа сосудов федоровской культуры

Памятники объединены на основании близости следующих признаков: вдавления уголковые, вертикальный зигзаг, ряды насечек и вдавлений, моносюжет-эталон. Орнамент сосудов этой группы объединяет полное отсутствие линейных и «ковровых» меандров, низкое процентное содержание треугольников и относительно низкий процент каннелюр (рис. 1).

Чекановский Лог-2 ближе к могильнику Барашки как по рассматриваемым признакам – мелкая гребенка, вертикальный зигзаг, моносюжет-дубликат, каннелюры, так и чисто географически (рис. 1).

В погребальном обряде между ЧЛ-2 и Барашки также есть определенное сходство:

1. Использование камня в конструкции надмогильных сооружений. На ЧЛ-2 встречены остатки от каменного кольца, как и на некрополе Барашки.

2. Большинство погребений ориентированы головой на запад, что редко встречается в могильниках Верхнего Приобья, а больше характерно для Верхнего Прииртышья.

В могильнике Барашки встречается всего два украшения: серьга с раструбом и бляшка шлемовидной (округлой формы) [5. С. 170]. Аналогичный инвентарь, найденный в ЧЛ-2, свидетельствует о близких связях населения юга Западной Сибири и Восточного Казахстана [10. С. 78–79].

Сухое Озеро 1А имеет простые орнаменты, по-видимому, присоединился к группе ЧЛ-2-Барашки, потому что некрополь состоит только из детских захоронений, а, как известно, у федоровцев вполне распространенной практикой являлось положение ребенку более простого, малоукрашенного сосуда.

Некрополь Чекановский Лог-10 сгруппирован с памятниками Рублево VIII (Кулунда) и Маринка (Верхнее Прииртышье). Этот кластер в отличие от предыдущего объединяет высокая степень геометризмов в сосудах. Памятники схожи по содержанию мелкозубчатого штампа, коврового меандра, вертикальных треугольников, горизонтального зигзага, редуцированного полисюжета, моносюжета эталона, а также большого процента сосудов без орнамента. По-видимому, попадание могильников ЧЛ-10 и Маринка в один кластер, говорит об определенном влиянии восточно-казахстанской традиции на верхнеалейский некрополь, что на уровне погребального обряда подтверждается наличием каменного ящика в одном из погребений [5. С. 103, 238–239; 6. С. 171].

Орнамент на сосудах ЧЛ-10 больше похож на Рублево VIII, однако на ЧЛ-10 более сложно декорирован, отмечается больший процент классического полисюжета, меандров, треугольников горизонтальных, меньший процент прочерченных линий, насечек и «штрихполос», полисюжета редуцированного и неоклассического, моносюжета эталона. Согласно радиоуглеродному анализу, ЧЛ-10 появился веком позже (XVI–XV вв. до н.э.), чем самый ранний андроновский могильник Алтая – Рублево VIII (XVII–XIV вв. до н. э.) [4. С. 258]. В общей системе рассмотренных нами некрополей лесостепного Алтая больший процент, чем у ЧЛ-10 мелкой гребенки, геометризмов и различных вариантов полисюжетных и моносюжетных композиций, встречается в Кытманово и Подтурино. Таким образом, возможно, орнаменты на сосудах некрополей степного и лесостепного Алтая показывают эволюцию в сторону усложнения, а сосуды ЧЛ-10 демонстрируют центральную линию развития федоровского орнамента, которая завершается более разнообразно декорированными верхнеобскими памятниками.

В погребальном обряде у ЧЛ-10 и Рублево VIII также есть общие черты:

1. Грунтовый могильник, соотносящийся с большинством андроновских некрополей Алтая и Барабы.

2. Расположение могильного поля по оси ЮЗ-СВ [7. С. 38; 8. С. 103].

3. У некоторых погребенных конечности верхних частей тела перемещены к ногам [9. С.65].

4. Близкий процент применения биритуального обряда [9. С.71].

5. Ряд одинаковых украшений: серьги с коническим приемником, бронзовые подвески в полтора оборота, обоймочки биметаллические с загнутыми друг за друга концами, пронизки биметаллические гофрированные, пронизы пастовые, бусы цилиндрической формы бронзовые [10. С. 34–42].

Таким образом, ЧЛ-2 ближе к могильнику Барашки не только географически, но и по рассматриваемым признакам декора сосудов – мелкая гребенка, вертикальный зигзаг, моносюжет. Существует определенное сходство в использовании камня в остатках надмогильных сооружений и положении костяка головой на запад. Близость некрополей ЧЛ-10 и Рублево VIII прослеживается не только в орнаментации сосудов, но и в изготовлении металлических украшений и общей обрядности. Если соглашаться с данными радиоуглеродной датировки и считать верхнеалейский некрополь более поздним, чем рублевский, то орнаменты на сосудах демонстрирует эволюцию в сторону усложнения. На наш взгляд, сосуды ЧЛ-10 показывают один из путей развития федоровского орнамента в сторону верхнеобских памятников. В целом, выполненный нами кластерный анализ подтверждает близость сосудов Верхнего Алея с восточноказахстанскими комплексами, что прослеживается и в отдельных элементах общей обрядности могильников.

Литература

1. *Илюшин А.М., Борисов В.А.* Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. Кемерово, 2013.

2. *Демин М.А., Ситников С.М.* Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1.

3. *Шмуратко Д.В.* Алгоритм извлечения социальной информации из археологического источника (погребального памятника) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008. С. 281–285.

4. *Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Патин Д.В.* Хронология Алтая в бронзовом веке (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археоло-

гии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 255–259.

5. *Ткачева Н.А., Ткачева А.А.* Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008.

6. *Савко И.А.* Неопубликованные материалы раскопок 2002 года федоровского могильника Чекановский Лог-10 // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII РАЭСК. Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 171–172.

7. *Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А.* Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015.

8. *Савко И.А.* Особенности планиграфии детских погребений (по материалам андроновского могильника Чекановский Лог-10) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 103–105.

9. *Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.* Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2000. С. 62–85.

10. *Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М.* Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: АлтГПА, 2011.

М.В. Стручкова

АТРИБУТИКА ТУВИНСКОГО ШАМАНА (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова

В статье исследуется атрибутика тувинского шамана. На основе материалов, полученных из интервью с шаманом, дана характеристика атрибутики шамана и проявления в ней культа 5 стихий, 3-ступенчатого видения мира, религии – буддизма. Делается вывод о том, что тувинский шаманизм подвергается синкретизации с буддизмом.

Ключевые слова: религиозный синкретизм, шаманизм, буддизм, 5 стихий.

В современном мире вследствие глобализации происходит унификация этнических культур. Многие элементы традиционной культуры у народов России исчезли или сильно трансформировались в советский период, по причине проведения политики «выравнивания национальных окраин». Тувинцы позже других народов вошли в состав Советского Союза, и это позволило сохранить многие элементы традиционной культуры, уже исчезнувшие у народов сопредельных территорий Саяно-

Алтайского нагорья. Поэтому традиционная культура тувинцев, в частности, тувинский шаманизм представляет большой научный интерес.

С целью изучения современного шаманства летом 2018 года в Республике Тыва в г. Кызыл было проведено интервью с практикующей шаманкой – Дугар-Сюрюн Кара-Кыс Михайловна. В ходе интервью был выявлен выразительный комплекс атрибутики современного тувинского шамана, который характеризует специфику тувинского шаманизма, проявляющийся в напластовании разных верований, влиянии этих религий друг на друга, их синкретизации в тувинском шаманизме.

Методология исследования базируется на теории религиозного синкретизма, предполагающая включение по мере развития религии элементов из других религиозных систем. В ходе исследования использовались такие методы как наблюдение и глубинное интервьюирование.

Было установлено, что многие элементы костюма, барабана сохранили цветовую символику, связанную с пятью стихиями. Декоративные элементы на барабане представлены следующими оттенками: голубой цвет – цвет воды, белый – цвет неба, красный – огня, зеленый – воздуха, желтый – земли. Необходимо учитывать, что цветовая символика 5 стихий отличается от символики костюма в целом, в силу того, что барабан привезен из Тибета, и шаманы наполнили своими смыслами цветовую символику в барабане.

Сакральная связь с 5 стихиями прослеживается и в числах: 5 кругов и 5 пуговиц с каждой стороны костюма. Каждая стихия при этом выделяется отдельно. «Земля» проявляется в так называемых «змеях» – это декоративные элементы в виде длинных веревок коричневого цвета в местах для пуговиц. Подол костюма обрамлен тканью темно-желтого цвета, обозначающего землю. «Воздух» воплощается в головном уборе – шапка, сделанная из перьев птицы «Даас» (в пер с тув. «орел»). «Огонь» проявляется в воротнике костюма в виде вставки из красной ткани. «Вода» отражена в декоративной вставке голубого цвета на правой стороне на спине костюма. «Небо» выражается в 2 кругах синего цвета на костюме, а также в 7 кругах, изображенных слева на спине костюма – это обозначение 7 звезд в созвездии Большой медведицы, 9 кругов в центре обозначают 9 божеств Неба – «Долаан бурган» (рис. 1).

Эти 5 стихий – духи природы, они источники силы шамана. Духи осуществляют помощь при проведении обрядов.

В атрибутике шамана выражено 3-ступенчатое видение мира. Верхний, средний и нижний мир отражены на бубне шамана, также 3 круга как воплощение 3 миров изображены на спинке костюма, так же, как и 3 заклепки и 3 декоративных элемента на хлысте.

Рис. 1

Современное тувинское шаманство впитало в себя элементы буддизма. Влияние буддизма на шаманизм четко прослеживается в отдельных чертах. Например, использование одного и того же барабана при проведении обрядов шаманом и при проведении молений в храме ламой. Барабан шаманки был привезен лично для нее из Тибета и является атрибутом по причине сакральной и духовной наполненности предмета, он помогает при проведении обрядов.

Также элементом колотушки является медная вставка, на которой отпечатаны буддийские символы.

Личные обереги шаманки ярко отражают влияние буддизма на силу шамана. Это можно увидеть в обереге, на котором изображены 12 священных животных по тибетскому календарю, а также в обереге, изображающем жизнь шаманки и ее семьи. В центре оберега находится Будда. Отдельные элементы оберега также выявляют связь с буддизмом, так, люди на обереге изображены в виде животных своего года рождения (рис. 2).

Рис. 2

Можно констатировать, что современный шаманизм трансформировал и соединил в себе разнородные верования, которые не вступили в конфликт, а подверглись синкретизации. Для увеличения своей силы шаман ищет ее источники в любых сакральных предметах, обладающих религиозно-мифологическими смыслами. При сохранении значимости 5 элементов сти-

хий, которые являются универсальными для Центрально-Азиатского региона, шаманская атрибутика пополнилась изображением Будды.

Шаманизм до сих пор обладает влиянием на жизнь общества. Шаманство не только сохраняется, оно обогащается и усложняется. Новое осмысление шаманизма подпитывается элементами из других религиозных систем. Шаманы используют эти знания, в том числе, усложняя свою атрибутику. Следовательно, тувинский шаманизм продолжает развиваться.

А.А. Тухель

ТОПОНИМИКА ТЮРКОВ И РУССКИХ ПРИТОМЬЯ: ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова

В данной статье исследуются этнические процессы на территории Притомья на рубеже XIX–XX веков. Выдвигается гипотеза о мирном сосуществовании и взаимной аккультурации и ассимиляции местного аборигенного и русского населения в вышеуказанном регионе, которая подтверждается с помощью полученных в результате исследования данных о «топонимах-конструктах». Автор приходит к выводу о необходимости изучения топонимической картины данного региона с целью детальной реконструкции известных науке этнических процессов, протекавших на данной территории.

Ключевые слова: топонимика, топоним, этнический процесс.

Наш мир состоит из названий. Названия – это «язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре» [1. С. 28]. Топонимы как продукт народного словотворчества включают в себе географическую характеристику объекта, информацию о жизни народа в определенную историческую эпоху, его языке, религиозных верованиях, мировоззрении и являются наиболее устойчивыми формами проявления культуры различных этнических групп.

Изменения в структуре общества целых народов фиксируются с помощью топонимов, несущих в себе самобытную и неповторимую информацию об их обычаях и традициях, культуре и истории. Поэтому *актуальность исследования* заключается в изучении топонимики как средства отслеживания и наблюдения за процессами «движения» населения, различного рода переменами в его экономической, политической, социальной и духовной сферах жизнедеятельности.

Проблема заключается в отсутствии детализированного исследования этнических процессов на территории Томского и Кузнецкого уездов, что вызвано малоизученностью топонимики Притомья, в частности топонимики тюрков, как на региональном, так и на локальном уровне.

Объектом исследования является русскоязычное и тюркоязычное население Притомья второй половины XIX – начала XX веков.

А предметом – отражение этнических процессов в топонимической картине Притомья, а именно Томского и Кузнецкого уездов.

Территориальные рамки исследования очерчиваются Томским и Кузнецким уездами, «входящими в состав» Притомья. Это обусловлено, прежде всего, интенсивностью этнических процессов на территории данного региона на рубеже XIX–XX веков.

Хронологические же рамки определяются второй половиной XIX – первым десятилетием XX века. *Нижняя граница* обусловлена активизацией этнических процессов на территории Притомья, а *верхняя* в свою очередь – началом проведения аграрной реформы Петра Аркадьевича Столыпина.

Цель – восстановление (частичное) топонимической картины Притомья в вышеуказанный период.

Основные задачи: 1) раскрыть причины изменения топонимики Томского и Кузнецкого уездов на рубеже XIX–XX веков; 2) проследить процесс формирования топонимической картины на территории Притомья, выявить ее особенности; 3) систематизировать топонимы данного региона на основе их происхождения.

Гипотеза – все этнические процессы, протекавшие в Южной Сибири, в частности в Притомье на территории Томского и Кузнецкого уездов, носили преимущественно мирный характер. Контакты местного аборигенного и «пришлого» русского населения сопровождались взаимной ассимиляцией и аккультурацией, что стало возможным благодаря тесному взаимодействию достаточно сильно различавшихся этнических групп.

Для реализации поставленных в исследовании задач автором были использованы семантический анализ, относящийся к междисциплинарным методам, сравнительно-исторический анализ, относящийся к общеоисторическим методам, и специальные методы: количественный анализ, качественный анализ, картографический метод, глубинное интервью.

Исследовательская литература (Н.М. Ядринцев [2], Л.И. Шерстова[3], В.М. Кимеев [4]), а так же богатая *источниковая база*, которая представлена источниками личного происхождения (Д. Г. Мессершмидт [5], И.П. Фальк [6 – 7]), картографическими материалами (карта С.У. Ремезова [8], карта Томской губернии [9]), справочно-статистическими

сборниками (Памятные книжки Томской губернии [10 – 13]), а также результатами опроса «старожильческого населения» позволили выявить ряд особенностей топонимической системы данного региона.

Большинство топонимов региона по происхождению можно разделить на следующие категории: *русскаяязычные*, *тюркоязычные*, *кетоязычные* и *южносамодийскаяязычные* с преобладанием первых двух групп.

Изменения в топонимической картине Томского и Кузнецкого уездов на рубеже XIX–XX вв. отличаются исключительной интенсивностью в связи с ростом межэтнических контактов с аборигенным населением, что было вызвано волной массового переселения русскоязычного населения на территорию Зауралья, Сибири Дальнего Востока. В первую очередь на открытые для крестьянского поселения Кабинетные земли Алтая и Томской губернии.

Специфическая особенность топонимики Притомья – относительно частое образование на данной территории «топонимов-конструктов», т.е. топонимов, в состав которых входят корни, суффиксы и другие морфемы, а также целые слова из различных языков (двух и более).

Тюрко-русские «топонимы-конструкты»: село *Аило-Кузедеевское*, деревня *Старый Шалай*, деревня *Большой Улус*, река *Белая Теба*, деревня *Ближний Кезек*, деревня *Березовский Улус*, река *Большая Анжерка*, деревня *Средние Кичи*, река *Малая Камчала*, деревня *Новый Улус*. *Кето-русские* «топонимы-конструкты»: село *Верх-Тайменка*, село *Большой Барандат*, река *Большой Кийзас*, река *Большой Теш*, река *Большой Улуй*, село *Усть-Анзас*, деревня *Средний Майзас*, деревня *Новый Берикуль*, деревня *Нижняя Коура*.

Южносамодийско-русские «топонимы-конструкты»: горный хребет *Бийская Грива*, река *Большой Базас*, станция *Юрга Первая*.

Кето-южносамодийско-русские «топонимы-конструкты»: деревня *Нижний Ольжерас*, деревня *Усть-Тарсьма*.

Кето-тюрко-русский «топоним-конструкт»: река *Большой Назас*.

Тюрко-южносамодийско-русский «топоним-конструкт»: река *Большая Кендас*.

Примеры семантического анализа: *Большой Улус* – определение БОЛЬШОЙ указывает, что в прежние времена это поселение превосходило соседние деревни по численности жителей. Тюркско-монгольский географический термин УЛУС в данном случае имеет значения: «село», «населенный пункт» (ранее – «государство»). *Старый Шалай* – населенный пункт, расположенный на *реке Искитим*. Основан во второй половине XIX в. Назван по личному *тюркскому* имени Шалай. *Юрга Первая* – железнодорожная станция в черте города Юрги. Числительное ПЕРВАЯ

дано для различения со станцией *Юрга Вторая*. (*Юрга* – небольшая река, приток *Томи*. 1) Из селькупского ЮР – «жирный» и ГЫ /из КЫ/ – «река». Тогда *Юрга* /из Юркы/ – «жирная река». 2) Из кетско-ассанского УР – «река» и селькупского КЫ – «река». Следовательно, *Юрга* /из Уркы/ – «река-река».)

Образование столь сложной топонимической системы и такого большого количества «топонимов-конструктов» стало возможно благодаря мирным высокоинтенсивным взаимодействиям местного аборигенного и вновь пришедшего русского населения на данной территории, их взаимной ассимиляцией и аккультурацией, что подтверждает гипотезу исследования.

Межэтнические конфликты на территории Томского и Кузнецкого уездов практически отсутствовали, за исключением конфликтов локального характера, почвой для которых послужил земельный вопрос, обострившийся в связи с активной миграцией русских крестьян из западной части России на территорию Сибири, в частности Притомья, и их расселением на землях, принадлежавших аборигенам.

Таким образом, к основным результатам данной работы можно отнести достижение цели, реализацию задач, а также подтверждение авторской гипотезы. Успешное выполнение вышеуказанных пунктов свидетельствует о правильном подходе к изучению заявленной темы и корректно подобранной исследовательской литературе и исторических источниках. В ближайшее время планируется расширение источниковой базы, временных и территориальных рамок, корректировка объекта и предмета с целью проведения наиболее качественного, детализированного и выверенного исследования. В перспективе – полное воссоздание топонимической картины Притомья и граничащих с ним регионов и реконструкция известных науке этнических процессов, протекавших на данной территории, через хронологическую фиксацию изменений в топонимической системе.

Литература

1. *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии русского мира: в 22 т. СПб., 1837. Т. 22. Ч.2. 56 с.
2. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
3. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
4. *Кимеев В.М., Копытов А.И.* Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.

5. Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан: Изд-во ООО «Кооператив Журналист», 2012. 160 с.
6. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук, по предложению ее президента: в 8 т. / Фальк И.П. СПб.: Изд-во при Императорской Академии Наук, 1824. Т. 6. 546 с.
7. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академией наук, по предложению ее президента: в 8 т. / Фальк И.П. СПб.: Изд-во при Императорской Академии Наук, 1825. Т. 7. 223 с.
8. Карта Томской губернии. Томск: Изд-во Томского Губземотдела, 1921.
9. Чертежная книга Сибири. СПб. : Изд-во Археографической комиссии, 1882.
10. Томский статистический комитет. Памятная книжка Томской губернии 1871 года. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1871. 286 с.
11. Томский статистический комитет. Памятная книжка Томской губернии 1884 года. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. 166 с.
12. Томский статистический комитет. Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. 446 с.
13. Томский статистический комитет. Памятная книжка Томской губернии 1904 года. Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1904. 663 с.

Я.В. Чичурко

СЕРП И МОЛОТ ПРОТИВ КРЕСТА И БУБНА: ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ ЯНАО «КРАСНЫЙ СЕВЕР» (1933–1991 гг.)

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Е.А. Васильев

В статье рассматривается вопрос о том, как советская антирелигиозная политика, проводившаяся среди ненцев, нашла отражение в старейшей газете Ямало-Ненецкого автономного округа «Красный Север» с 1933 по 1991 г. Многочисленность материалов газеты на религиозную тему позволяет выделить периоды наиболее активной атеистической работы советской власти среди ненцев, а содержание статей – раскрыть методы воздействия на население и увидеть результаты, к которым они привели. Пониманию причин успехов и неудач антирелигиозной политики в тот или иной период ее проведения способствует возможность анализировать именно те тексты, которые читали сами ненцы: «Красный Север» содержит в себе формулировки и аргументы, предлагавшиеся людям для того, чтобы убедить их отказаться от религии.

Ключевые слова: ненцы, религия, атеизм, Красный Север.

«Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [1. С. 2], – подобные цитаты Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина часто появлялись на страницах периодических изданий в атеи-

стическом СССР, ведь пресса – важнейший механизм пропаганды среди населения. Одна из таких цитат была опубликована 20 декабря 1938 года в старейшей газете Ямало-Ненецкого автономного округа «Красный Север». Это издание интересно тем, что содержит в себе ценнейшие сведения о проводимой советской властью антирелигиозной политике на Севере: многочисленность статей по этой теме позволяет выделить периоды в атеистической работе среди ненцев, а их содержание – раскрыть методы воздействия на население и увидеть результаты, к которым они привели. В отличие от хранящихся в архивах и библиотеках официальных документов материалы газеты позволяют увидеть именно те тексты, которые были прочитаны ненцами: статьи содержат те аргументы и формулировки, которые использовались для того, чтобы убедить людей отказаться от религии. Это дает возможность лучше понять причины успехов и неудач атеистической политики советской власти среди ненцев в тот или иной период ее проведения.

С 1933 года по 1991 год можно выделить только два периода, когда на страницах «Красного Севера» появлялось большое количество статей на религиозную тему. Первый из них продолжался с 1933 года по 1939 год, второй – с 1954 года по 1964 год.

С 1933 по 1939 гг. шаманы наравне с кулаками объявлялись главными врагами советской власти и обвинялись во всех неудачах в деле строительства коммунизма. «Главным тормозом на пути социалистического переустройства быта национального населения в данный момент является, несомненно, вредительская деятельность шаманов. Шаманы, как и русские попы, сдаются последними. Это объясняется тем, что в их руках еще не порвались те неуловимые нити идеологического влияния, посредством которого они до сих пор ухитряются держать в “узде” отсталую, одурманенную верованием часть кочевого населения» [2. С. 2], – эти слова являлись характерными для первого периода антирелигиозной политики. И зачастую они были правдивыми: шаманы действительно отговаривали людей обращаться к докторам за медицинской помощью, отдавать детей учиться в школы.

В этот период для борьбы с религией был создан Союз Воинствующих Безбожников Ямальского округа, вступление в ряды которого активно пропагандировалось в «Красном Севере»: публиковались истории людей, которые уже вступили в союз и призывали к этому остальных. Вообще частой была практика публикации в «Красном Севере» писем обычных людей: в основном они рассказывали, как когда-то были обмануты священниками и шаманами, доказывая этим правильность призывов советской власти не верить священнослужителям [3. С. 2].

Читая статьи газеты на религиозную тему, можно заметить, что слово «шаман», как и слово «священник» (в газете применялось слово «поп») редко употреблялось без уничижительных слов рядом: если человек шаман или священник, то он – «остервенелый остаток...»; если он чему-то сопротивляется, то обязательно бешено и вредительски. Подобные статьи были направлены на то, чтобы возбудить ненависть к шаманам и священникам: остальные должны понять, что их многочисленный труд не имеет результатов из-за деятельности священнослужителей, и возненавидеть их: докладывать о них власти, мешать исполнять религиозные культы.

Но людям в 1930-е гг. на страницах газет не объясняли, почему нужно отказываться от религии, а только писали, что быть верующими – плохо. В «Красном Севере» не предлагалось даже научных объяснений природных явлений, которые были бы альтернативны религиозным.

Однако советской власти удалось добиться определенных результатов: отправление религиозных культов почти прекратилось. Но это была только видимость успеха: ненцы-язычники и христиане просто стали совершать религиозные действия тайно и отказались от некоторых атрибутов, чтобы избежать наказаний. В 1939 году началась Вторая Мировая война, поэтому основное внимание власти и прессы было приковано к событиям, происходившим на международной арене, а с религией в это время по объективным причинам активно бороться перестали.

И только во время нахождения у власти Н.С. Хрущёва начался новый нажим на религию. На севере его начало ознаменовала статья, вышедшая в свет в августе 1954 года и носившая заголовок «Забыли об идеологической работе» [4. С. 2]. Вероятно, священники и шаманы воспользовались послаблениями, потому что в дальнейшем пропагандистская работа на страницах «Красного Севера» стала вестись активно: значит, было, с кем бороться. С выходом этой статьи подобные заголовки в газетах стали появляться все чаще и чаще, но пропаганда начала подкрепляться научными знаниями: а в газетах не просто писали, что религии не нужно верить, а объясняли, почему. Наука противопоставлялась религии, объявлялась враждебной ей.

Для населения в Домах культуры, библиотеках и на предприятиях читались лекции на темы «Марксизм-ленинизм о религии», «Сущность религиозных праздников и обрядов и их вред», «Научное предвидение и религиозные суеверия».

Библиотекари организовывали специальные выставки атеистической литературы, продвигали ее в массы (за невыполнение этого работников библиотеки открыто осуждали в прессе), в кинотеатрах показывали научно-популярные, а также художественные фильмы, в которых критиковалась религия.

В прессе освещались взгляды известных политических и культурных деятелей по отношению к религии: конечно же, только те, которые совпадали с проводимой государством политикой.

Пропаганда, проводимая работниками образования и культуры, когда у власти находился Н.С. Хрущев, была более эффективной, чем антирелигиозная политика 1930-х годов: научные фильмы и лекции убеждали население в том, что религия не решает всех проблем, особенно хорошо это работало в комплексе с повышением образовательного уровня. Но даже благодаря такой работе полностью искоренить религию среди ненцев не удалось: люди так и остались верующими, однако некоторые из них были вынуждены в некоторой степени изменить внешнюю сторону своих верований: избавиться от некоторых религиозных атрибутов, иначе проводить ритуалы.

После 1964 года власть начала активно создавать на международной арене образ демократического государства, в котором не было места такому открытому ущемлению чьих-то прав, поэтому верующие ненцы смогли вздохнуть свободнее, но только до того времени, пока на место «серпа и молота» не пришли факторы, способные изменить их мировоззрение еще сильнее.

Литература

1. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека гражданское общество в России. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Marks_K%20kriike.pdf (дата обращения 08.05.2019).

2. Использовать все возможности для усиления антирелигиозной пропаганды [Электронный ресурс] // Красный Север / Корпоративный информационно-библиотечный портал Ямало-Ненецкого автономного округа. 1935. № 18. С. 2. Электрон. версия печатной публикации. URL: https://libraries-yanao.ru/elektronnye-resursy/elektronnaya-biblioteka/periodiks/pdf/krasnii-sever/1935/Krasnij_sever_18_2_21.pdf (дата обращения 08.05.2019).

3. Я говорю ненцам-батракам, беднякам и середнякам: не надо слушать кулаков и шаманов. Врут они! Отдавайте своих детей учиться в школы, учитесь грамоте [Электронный ресурс] // Красный Север / Корпоративный информационно-библиотечный портал Ямало-Ненецкого автономного округа. 1933. № 23. С. 2. URL: https://libraries-yanao.ru/elektronnye-resursy/elektronnaya-biblioteka/periodiks/pdf/krasnii-sever/1933/Krasnij_sever_23.pdf (дата обращения 08.05.2019).

4. Забыли об идеологической работе [Электронный ресурс] // Красный Север / Корпоративный информационно-библиотечный портал Ямало-Ненецкого автономного округа. 1954. № 169. С. 2. URL: https://libraries-yanao.ru/elektronnye-resursy/elektronnaya-biblioteka/periodiks/pdf/krasnii-sever/1954/Ks_169_8_25.pdf (дата обращения: 08.05.2019).

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ КАК ДРАЙВЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

С.Е. Денисов

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ: ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ ВУЗОВ ТОМСКА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор С.Ф. Фоминых

В статье на основе материалов публикаций в газете «Красное знамя» прослеживается история зарождения и развития движения студенческих строительных отрядов Томской области в конце 1950-х – начале 1970-х гг. Особое внимание уделяется переломному моменту, когда строительные отряды превращаются из обычной рабочей силы в мощную организацию, занимающуюся не только решением народнохозяйственных задач, но воспитанием молодежи в духе коммунистической идеологии.

Ключевые слова: студенты, стройотряды, газета «Красное знамя», Томск.

Движение студенческих строительных отрядов существует уже более 60 лет. За эти годы студенты внесли огромный вклад в развитие страны, возводя важнейшие объекты инфраструктуры. На сегодняшний момент студенческие отряды задействованы на таких важнейших государственных объектах, как: космодром Восточный, космодром Плесецк, объекты госкорпорации Росатом, Чаяиндинское и Заполярное месторождения газа и нефти и др.

Помимо выполнения практических задач, важной составляющей движения стройотрядов является пропаганда сплоченности, прививание чувство патриотизма младшему поколению к прошлому, уважению и почтению труда. Все эти положения закреплены в уставе РСО.

Студенчество города Томска также принимало активное участие в областных и всесоюзных стройках и внесло свой след в историю этого движения. Несмотря на имеющуюся исследовательскую литературу, история этого движения на территории Томской области еще изучена далеко недостаточно.

Целью данного исследования является выявление источникового потенциала томской областной газеты «Красное знамя» для изучения истории зарождения и первых лет деятельности студенческих строительных отрядов в Томской области (вторая половина 1950 – начало 1970-х гг.

Объектом стала история движения студенческих строительных отрядов на территории Томской области. Предметом отражение истории этого движения на страницах областной газеты «Красное знамя» во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг.

В качестве исторического источника была взята газета «Красное знамя», один из важнейших средством массовой информации на территории Томской области. В конце 1950-х гг. Это был орган Томского обкома и горкома Коммунистической партии Советского Союза, областного и городского советов депутатов трудящихся, а с мая 1963 г. – орган Томского областного комитета КПСС и областного совета депутатов трудящихся. Газета издавалась тиражом свыше 80 тыс. экземпляров [1].

С помощью контент-анализа удалось проследить динамику публикационной активности газеты «Красное знамя» в освещении организации и деятельности студенческих строительных отрядов. Всего было выявлено более 80 публикаций от кратких сводок до полноценных статей, очерков, интервью.

На протяжении рассматриваемого периода наблюдалось усиление внимания партийных и советских органов к студенческой рабочей силе с точки зрения ее полезности для решения задач хозяйственного строительства на территории области.

Вторая половина 1950-х гг. – зачатки этого движения. Оно в то время сводилось к отправке студентов на уборку урожая на целинные земли Северного Казахстана и Алтайского края.

Дальнейшие семь лет томское студенчество было задействовано на строительстве хозяйственных построек и птичников в пределах Томской области.

Насыщенным был 1966 год, когда студенческие стройотряды принимали участие в освоении нефтяной целины в Стрежевом [2], строительстве объектов в Каргаске и Васюгане. Тогда же появились медицинские отряды, сформированные из студентов Томского медицинского института. Были сформированы также городские студенческие отряды, принимавшие участие в строительстве студенческих общежитий [3].

Однако особенно востребованными оказались студенческие отряды, когда на территории области в 60–70-е гг. XX в. развернулось освоение нефтегазовых месторождений. Студенчество принимало участие в строительстве инфраструктуры поселков нефтяников и газовиков, животно-

водческих комплексов, железной дороги Асино-Белый яр и др. В свободное время они устраивали концерты, читали лекции, организовывали беседы, а также занимались воспитанием подростков [4].

В последующие годы на объектах в Томской области работали более 2,5 тыс. студентов из других вузовских городов страны.

На страницах этой газеты нашло отражение участие студентов-стройотрядовцев и патриотическом воспитании подрастающего поколения. Студенты в свободное время проводили беседы, давали концерты, организовывали детские площадки [4].

Газета, оперативно освещая на своих страницах деятельность студенческих отрядов, не только информировала об этом читателей, но и помогала бороться с недостатками в их работе, давала рекомендации как преодолевать возникавшие трудности, например в своей статье «Как формировать отряд?» комиссар Каргасокского строительного отряда Угорелов поделился своим опытом успешного формирования корпоративного духа и благоприятной рабочей атмосферы [5].

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что газета «Красное знамя», являясь своего рода документом эпохи, зафиксировала на своих страницах события, связанные с историей движения студенческих строительных отрядов на территории Томской области. Эти публикации (свыше 80) могут служить одним из источников для реконструкции истории студенческого строительного движения в регионе. Они позволяют расширить и дополнить ту информацию, которая нашла отражение в делопроизводственной документации, в разного рода отчетах и справках. Нередко корреспонденты, являясь непосредственными свидетелями, а нередко и участниками событий, связанных с деятельностью студенческих строительных отрядов, смогли отразить ее в деталях, которых не найдешь в официальных документах.

Литература

1. «Красное знамя»: старейшая газета Томска. URL: <https://elib.tomsk.ru/page/17217/> (дата обращения: 20.02.2019).
2. Батурин А. Встречай, Стрежевое, студентов! // Красное знамя. 1966. 9 сент.
3. Хроника целинных будней // Красное знамя. 1970. 1 авг.
4. Михайлов Г. «Целина» выходит на орбиту // Красное знамя. 1969. 16 апр.
5. Угорелов В. Как формировать отряд? // Красное знамя. 1967. 14 сент.

О.Р. Киселева

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ПОДВОДНОГО СПОРТА В ТОМСКЕ В 60-х гг. XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СПОРТИВНОГО КЛУБА АКВАЛАНГИСТОВ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой С.А. Некрылов

Статья вводит в научный оборот ранее неизвестные источники, посвященные истории развития подводного спорта в г. Томске с начала 60-х гг. XX в. Документальные материалы хранятся в архиве спортивного клуба аквалангистов Томского государственного университета и позволяют рассмотреть особенности зарождения и становления структуры клуба, а также проследить историю развития спортивного клуба СКАТ, как уникальной структуры, созданной на базе Томского государственного университета.

Ключевые слова: клуб ТГУ, клуб СКАТ, документальные источники.

В настоящее время одной из главных задач, поставленной Министерством спорта, стало развитие физической культуры на территории Российской Федерации. В качестве основных стратегических целевых ориентиров развития физической культуры были выбраны регионы с богатой историей спортивных клубов, в которых качественно разработаны системы физкультурных мероприятий и насчитывается большое количество выдающихся спортсменов. Томская область не является исключением в этом списке.

Город Томск называют столицей подводного спорта, в котором существует большое количество спортивных плавательных клубов. Одним из первых подводных клубов является спортивный клуб аквалангистов Томского государственного университета – СКАТ.

Исследователи уже неоднократно обращались к истории подводного спорта г. Томска. Они были вынуждены констатировать, что вопрос об истории возникновения подводного спорта до сих пор не изучен до конца. За 60 лет деятельности спортивных клубов подводного плавания не было проведено ни одного комплексного исторического исследования по данной тематике. Основной причиной является плохая сохранность документов. Однако студентам Томского государственного университета, членам клуба СКАТ удалось создать собственный архив, сохранить документальные источники, которые можно ввести в научный оборот, и, тем самым, продолжить изучение подводного спорта.

В процессе исследования за указанный период был проведен анализ 72 документальных источников клуба СКАТ. Это выписки из решения

комитетов ДОСААФ ТГУ, планы и отчеты клуба, сметы, протоколы собраний и соревнований, отчетные доклады, графики дежурств, документы с требованиями по подготовке спортсменов-разрядников, судей, инструкторов-общественников и значкистов ГТО, результаты инвентаризации, список членов спортивного лагеря Курья и спортсменов, выполнивших разрядные нормативы, ходатайства ректору о финансировании, выписки из протоколов квалифицированных соревнований клуба СКАТ, приказы и благодарственные письма.

На основе изучения материалов стало известно, что период становления клуба СКАТ продолжался 10 лет. Это было время первых неудач и поражений, первых побед и рекордов, первых экспедиций и погружений. В это время студенты Томского государственного университета начинают познавать подводный спорт, организуют курсы для подводников в ДОСААФ, разрабатывают новое плавательное снаряжение. В 1960-е гг. первые спортсмены-подводники и руководители сообщества активно начинают оформлять документационную базу, благодаря которой удалось правильно выстроить систему и работу клуба СКАТ. Появляются первые планы и отчеты, сметы и обязательства, протоколы и доклады, приказы и благодарности. По графикам дежурств, результатам инвентаризации, протоколам и спискам спортсменов можно было определить, кто ввел активную деятельность в клубе СКАТ.

Создателями и идейными вдохновителями этой общественной значимой и полезной деятельности выступили преданные любимому делу люди Петр Викторович Тимченко – вице-президент, руководитель секции «плавание в ластах», Валентин Иванович Сусяев – вице-президент, руководитель секции «подводные экспедиции» и Вадим Валерианович Жданов, который является бессменным президентом клуба на протяжении 60 лет.

Одним из сложных вопросов был поиск помещения для клуба. В 1960 г. была освобождена от шлака комната в подвале общежития (пр. Тимирязева, 20 – ныне пр. Ленина, 49), затем клуб получил ещё одну комнату (бывшую кухню) на втором этаже общежития (ул. Советская, 59), эти две комнаты назывались «нижний», экспедиционный и «верхний», спортивный клубы; в 1961 г. была выделена комната на Военной кафедре (ул. Никитина, 17), а в 1969 г. весь клуб занял несколько комнат подвала общежития (пр. Ленина, 49) [1].

Наиболее репрезентативными источниками клуба СКАТ в данный и последующие периоды стали планы, выписки из спортивных протоколов и отчеты. За первое десятилетие было составлено 14 планов и 29 отчетов, которые могли быть общими, краткими, либо разделялись по различным направлениям.

В спортивном направлении была выявлена выписка из протокола квалифицированных соревнований клуба СКАТ (1964–1968), составлено 6 планов и 5 отчетов, которые акцентировали внимание на работу спортивных и учебно-спортивных комиссий клуба СКАТ, проведение соревнований по подводному спорту на территории г. Томска и в других городах.

Благодаря данным источникам стало известно, что с 1960 г. по 1970 г. в тренерский состав на протяжении всего десятилетия разделялся на секции подводное многоборье (В.В. Жданов, В.Б. Титов, А.П. Привезенцев) и плавание в ластах (А.В. Честнейшин, Н.Е. Яковлев, А.М. Тырин). Им удалось подготовить 189 спортсменов, среди которых 8 Мастеров спорта и 2 чемпиона России. Остальные спортсмены только начинали свою спортивную деятельность. Именно поэтому выполнить спортивные разряды им удалось лишь только в 1970-х гг.

Первыми Мастерами спорта и чемпионами России стали В.В. Жданов и А.Д. Шумков. Их примеру следовали и другие спортсмены, которым так же удалось выполнить норматив. Такими пловцами стали В.Б. Титов (1965 г.), А.С. Мошкин (1970 г.), И.В. Авдеева (1970 г.), Г.В. Кузьмина (1970 г.), И.Е. Шиповский (1970 г.) и В.М. Соляник (1970 г.).

На основе вышеперечисленных источников были выявлены фамилии спортсменов клуба СКАТ, участвовавшие в различного рода соревнованиях в 1960-70-х гг. В дальнейшем был проведен сравнительный анализ фамилий спортсменов с упоминанием их в периодической печати.

В процессе исследования было установлено, что процент совпадений фамилий спортсменов клуба СКАТ из периодических изданий отличался от документальных источников, хранившихся в архиве клуба СКАТ. Так, 165 упомянутых в документации спортсменов клуба СКАТ не упоминались в статьях периодических изданий.

Благодаря сравнительному анализу и комплексному исследованию документов клуба СКАТ и периодических изданий 1960–1970-х гг., удалось выявить фамилии и имена 207 спортсменов, участвующих в спортивной деятельности клуба СКАТ. Среди них 8 Мастеров спорта, 7 кандидатов в мастера спорта и 17 спортсменов с первым взрослым разрядом.

Литература

1. История клуба [Электронный ресурс] // СКАТ / рук. проекта В.В. Жданов. Томск, [2004]. URL: <http://www.skate.tsu.ru/content/klub/istoriya.html> (дата обращения: 20.05.2019).
2. Кузнецова Л.Г. Встреча // Alma Mater (Томск). 1971. 16 сент.
3. Титов В.Б. Старты подводников // Техника шахты (Томск). 1980. 15 дек.
4. Выгон С.Л. Все заняты другим, но подводники по-прежнему знают, как добыть «золото» // Красное знамя (Томск). 1992. 25 нояб.

5. *Юрга А.Н.* СКАТ // Городская газета №1 (Томск) 1998. янв.
6. *Ксенофонтова С.Н.* Газета Томского государственного университета «Alma Mater» как инструмент внутрикорпоративных связей с общественностью // Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск, 2010. С. 263–266.
7. Музей истории клуба СКАТ // Выписка из решения комитета ДОСААФ от 5 марта 1962.
8. Музей истории клуба СКАТ // План работы на период декабрь 1962 – сентябрь 1963. Томск, от 5 дек. 1962.
9. Музей истории клуба СКАТ // Отчет работы за период ноябрь 1962 – ноябрь 1963. Томск, от 26 окт. 1963.
10. Музей истории клуба СКАТ // Отчет 1963 г // График дежурств по клубу. Томск, от 28 окт. 1963.
11. Музей истории клуба СКАТ // Смета расходов на 1965 г. Томск, от 30 дек. 1964.
12. Музей истории клуба СКАТ // Отчет работы клуба за период 1963–1964 гг. Томск, от 10 фев. 1965.

Н.В. Пономарёв

**ВОСПОМИНАНИЯ Н.Ф. ТЮМЕНЦЕВА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945)
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор С.Ф. Фоминых

Сибирские учёные в годы Великой Отечественной войны вместе со всем народом сражались с захватчиками. Среди них был и учёный-почвовед, выпускник ТГУ Николай Фёдорович Тюменцев. После войны он запечатлел свой жизненный путь в своих воспоминаниях, написанных в автобиографическом жанре. Они охватывают период с 1902 по 1946 гг. Значительная часть его воспоминаний посвящена периоду Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В данной статье выявляются возможности использования их в качестве исторического источника.

Ключевые слова: Н.Ф. Тюменцев, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., повседневность.

Прежде всего, следует отметить, что для Николая Фёдоровича сражения на полях Великой Отечественной войны уже были не первыми в его жизни. В апреле 1924 г. он из родного села Катон-Карагай, что в Семипалатинской области Казахстана, был призван в РККА и направлен на службу под Читой. В его воспоминаниях мы встречаем описание быта

военнослужащих, характеристику общественно-политической обстановки в стране и обществе. В 1926 г. Тюменцев закончил службу в РККА и вернулся в Семипалатинск. С 1930 по 1936 г. он обучался в Томском университете, а в 1939 г. принимал участие в конфликте на оз. Халхин-Гол [1. С. 435–436].

Что касается периода Великой Отечественной войны, то Н.Ф. Тюменцев достаточно подробно описывает не только её начало, но и весь свой боевой путь, участие в прорыве блокады Ленинграда, в боях на территории Польши, Восточной Пруссии и Германии.

Вот как он отразил в своих воспоминаниях начало войны: *"Война с гитлеровской Германией!... Наши войска постоянно отступают, сдают один за другим города ... А мы? Есть ли у нас что-нибудь наготове? Берёт зло на верховную власть, руководство"* [2. Л. 111].

На 10-ый день войны Николай Фёдорович был призван в Действующую армию в 400-ый артиллерийский полк в Новосибирске. Впоследствии его переводят на службу в 35-ый запасный артиллерийский полк помощником командира 1-ой батареи. Командиром 2-ой батареи в полку был А. Ивакин – боевой товарищ Тюменцева по Дальнему Востоку, инженер-землеустроитель. [2. Л. 111 об.]

Вспоминая первый год войны, Тюменцев отмечает, что этот год выдался крайне тяжёлым, и в то же время он отмечает заслуги своей дивизии, которую он называет просто Сибирской: *"Наши войска всё отступают и отступают. Только под Ельней наша Сибирская дивизия дала немцам встряску"*. Однако общая картина на полях сражений всё же выглядит в его воспоминаниях безрадостной: *"...немцы захватили всю Белоруссию, Украину, подошли к Ленинграду, подходят к Москве... Сталину пришлось принять чрезвычайные меры – объявить столицу на осадном положении"*. Городок Ельня находится на пути к Москве. Гитлеровцы продолжали рваться к советской столице. Для Тюменцева и его однополчан было важно не пропустить врага к Москве. Вспоминая зиму 1941 г., он пишет: *"Наступил декабрь. Наконец и мы порадовались тому, что наши войска дали немцам первую настоящую встряску под Москвой и Тихвином, гнали их за 400 километров, захватили много оружия..."* [2. Л. 113 об.]. Так для Тюменцева закончилась битва за Москву.

В своих воспоминаниях Николай Фёдорович тепло отзывается о своих товарищах воинах-сибиряках, пишет о подвиге Зои Космодемьянской, называя её *"матерью многих подвигов"* [2. Л. 115 об.]

Обширный пласт его воспоминаний относится к 1942 году. Тюменцев отмечает: *"Трудно! Трудно народу, трудно солдату..."* Командир учебного дивизиона Пушкарёв, в котором служил Тюменцев, по наду-

манному предлогу, *"за агитацию против высшего командования"*, был осуждён на 10 лет заключения. По этому поводу он замечает, что *"на самом деле большинство из нас (сослуживцев) винило тогда высшее командование, обвиняя его в неспособности и беспечности"* [2. Л. 116]. Упоминает Тюменцев и о польской армии Владислава Андерса, подчинявшейся польскому правительству в изгнании в Лондоне: *"...нашей земле, на нашем хлебе живёт ещё польская армия под командованием генерала Андерса"* [2. Л. 118 об.].

Повествуя о быте солдат, Николай Фёдорович пишет, что жили они в землянке. Личный состав был разнообразным, были и 18-летние, без всякого опыта, были и рядовые, чей возраст перевалил за 40 лет, все были разной национальной принадлежности: татары казанские, русские (сибиряки), казахи. Говоря о настроениях бойцов, Тюменцев указывал, что они жадно интересовались фронтовыми новостями, так как в самом разгаре проходили бои за Сталинград. Солдаты стремились попасть именно туда сражаться с оккупантами, но впоследствии их определили на иное направление [2. Л. 131 об.].

Воспоминаниям, посвященным 1943 году, Н.Ф. Тюменцев даёт следующее название *"На Ленинградском фронте"*. Как пишет он, о выезде на фронт стало известно 16 января, выезд должен был состояться уже на следующий день. Вечером того же дня солдат погрузили в вагоны. Однако не было известно, куда точно отправляют бойцов, *на какой фронт, куда?* Поезд шёл по Октябрьской железной дороге, в направлении Ленинграда, преодолевая бомбардировки противника, и остановился на прифронтовой станции Кабаны прямо около Ладожского озера. Стоял мороз, но не было ни палаток, ни землянок. Тюменцев с товарищами нашли заброшенную землянку без окон, где они развели печурку [2. Л. 132], чтобы как-нибудь согреться. Продолжая уделять внимание солдатскому быту и солдатской повседневности, Тюменцев начинает в то время писать стихи: *"В бою себя, конечно, я жалеть не буду"* [2. Л. 134].

Далее Тюменцев рассказывает о событиях, связанных с прорывом блокады Ленинграда. По его словам, январь 1943 года для Ленинграда был счастливым месяцем, была прорвана блокада. Указывает, что блокаду прорывали 67-я и 2-я ударные армии, которые успешно держали плацдарм на протяжении всего 1943 года. Этот отрывок им озаглавлен *"Зольносопковцы из воспоминаний фронтовика"* и посвящён боям около 8-й ГЭС на Ленинградском фронте и о Зольной Сопке – легендарном, как пишет Николай Фёдорович, наблюдательном пункте советских артиллеристов. Он пишет, что ему пришлось побывать в этих местах в 1966 г.

(дата вписана чернилами поверх машинописного текста), в т.ч. и на Зольной Сопке [2. Л. 144–163].

Описывая 1944 и 1945 годы, Тюменцев также продолжает рассказывать о повседневности солдатской жизни. Повествуя о боях, он пишет, что *"благодарные жители подавали солдатам молока и хлеба"* [2. Л. 204 об.]. Он приводит и даты боёв – 19 и 20 сентября 1944 г.: *"к 20 сентября сосредоточились в Кивиярви..."* [2. Л. 205]. Продолжает писать стихи: *"...Зеленеет в поле рожь, полк в строю походном..."* [2. Л. 209–210].

Если в стихах Тюменцева, написанных в 1943 г, превалировал боевой настрой, то в 1944 г тон меняется на мягкий, что можно было бы оценить как предчувствие конца войны.

В воспоминаниях, относящихся к 1944 и 1945 гг., он больше уделяет внимание самому ходу войны и ведению боёв, продвижению армии. Вот один из отрывков: *"На подступах к Либиштадту ... (неразборчивое слово) обстановка. В районе Кенигсберга окружены 14 немецких дивизий. Они пытаются вырваться из кольца на запад..."* [2. Л. 272 об.]. Или другой эпизод, помеченный 30 марта 1945 г: *"К вечеру 30 марта получаем приказ... наш путь Данциг-Кониц-Дойчкроне-Фридланд-Реец-Старгард"* [2. Л. 299]. Шла операция по взятию Данцига.

О последних днях войны Н.Ф. Тюменцев пишет: *"И мы из Томска дошли до этой берлоги. В рейхстаге следы пожара..."* [2. Л. 324 об.]. А 14 мая бойцы полка сделали коллективную фотографию на своей стоянке. Николай Фёдорович перечисляет тех, кто запечатлён на этом историческом снимке: лежат – Сосунов, Вовк, средний ряд – Цуберг, Бобов, Никулинский, Тюменцев, Зейгер, Юрьевский, Воробьёв, стоят – Кирячко, Мацвай, Пирогов, нет на фото – Рожкова, Раева [2. Л. 325–325 об.].

В конце Тюменцев приводит фамилии тех своих однополчан, кто погиб в бою и не смог дойти до Берлина: Рыдванов, Гулякевич, Зейд и др. *"В этот памятный день мы вспоминаем и тех, кто отдал свою жизнь за светлый День Победы над врагом"* [2. Л. 325 об., 327 об.].

В июне 1946 г. полк Тюменцева был расформирован, а знамя полка было торжественно передано на хранение в г. Кёнигсберг (Калининград) [2. Л. 343]. В архивном деле хранится справка [2. Л. 344–345], которая прилагалась к знамени, с информацией о боевом пути полка.

Воспоминания о войне были завершены Н.Ф. Тюменцевым 8 мая 1970, к 25-летию Победы над врагом. [2. Л. 348]. Сам текст написан чернилами, от руки, и частично перепечатан на пишущей машинке.

Подводя итог анализу воспоминаний сибирского учёного-почвовода Николая Фёдоровича Тюменцева, отметим, что они дают возможность взглянуть на трагическое и героическое время Великой Отечественной

войны глазами их участника и могут служить для изучения истории вклада сибиряков в Победу, а также повседневности самой войны.

Литература

1. Профессора Томского университета: Биографический словарь (1945–1980) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов, К.В. Петров, К.В. Зленко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. 532 с.

2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р.-1852 (Н.Ф. Тюменцев – Автобиография (рукопись, машинопись, фотографии). Оп. 1. Д. 302.

В.Г. Сеньют

ОБРАЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ УНИВЕРСИТЕТА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ ТГУ

Науч. рук. – д-р ист. наук, доцент М.В. Грибовский

В статье исследуется взгляд студентов ТГУ на преподавателей университета. В ходе работы были использованы такие инструменты, как включенное наблюдение, интервьюирование и анкетирование. Полученные данные позволили составить обобщенный портрет современного преподавателя ТГУ и выделить его ключевые особенности.

Ключевые слова: образ преподавателя, Томский государственный университет, студенты, преподаватели.

Как студентка ТГУ, я еще с первого курса задумывалась, как следует вести себя в присутствии преподавателя. Чтобы найти новые возможности самопознания и изучения университетских сообществ, я решила подойти к этому вопросу с научной точки зрения.

В методологическом плане к интересующей меня проблеме подходит теория социальной идентичности. Дэвид Майерс утверждает, что поведение человека в социуме напрямую зависит от того, как он воспринимает других участников коммуникации [1]. Коммуникация студентов и преподавателей во многом определяется аттитюдами (культурными и индивидуальными стереотипами) [2. С. 21]. Для понимания культурной специфики данной коммуникации необходимо исследовать процессы конструирования и содержания образа преподавателя, складывающегося у студентов. Изучение представлений о преподавателях как социальной-профессиональной группы позволяет разработать рекомендации для формирования их позитивного имиджа, что особенно полезно для тех, кто только начинает преподавательскую деятельность.

Исследователи, работающие в области социологии и антропологии высшей школы, зачастую изучают сообщества конкретных учебных заведений. Например, В.А. Прохода в статье «Образ идеального преподавателя вуза глазами студентов» (2014 г.) представляет результаты анкетных опросов, проведенных на одном из гуманитарных факультетов МГУ [3]. Е.Г. Васильева и Т.В. Юдина в 2007 году проводили похожее исследование в Волгоградском университете, по результатам которого была предложена концептуальная схема восприятия в рамках отношений преподавателей и студентов [4]. В 2017 году О.Л. Зверева провела анкетирование среди студентов Московском государственном педагогическом университете, выяснив, какого человека студенты хотят видеть в качестве своего преподавателя [5].

Данная работа преследует аналогичную цель: выяснить, какой собирательный образ преподавателя вуза формируется у учащихся ТГУ в настоящее время. Помимо этого, я ставила перед собой задачу определить, влияют ли пол и уровень образования респондентов на их представления о преподавателях.

В качестве инструмента разведки я использовала анкетирование. Опрос проводился с декабря 2018 по февраль 2019 года при помощи Google Forms. Поиск респондентов осуществлялся на виртуальных площадках ТГУ (группы в социальной сети ВКонтакте).

В роли объекта исследования выступили студенты ТГУ, в качестве предмета – их представления о типичном преподавателе университета. Для составления анкеты мной был выделен 21 признак образа преподавателя. Вопросы анкеты разделены на 4 блока: «внешний вид», «стиль речи», «знания и опыт», «педагогические навыки». Используя порядковую шкалу (10 – «полностью соответствует», 1 – «совсем не соответствует»), респонденты выбирали между полярными значениями то, которое ближе к их привычным представлениям. Всего в опросе приняли участие 270 человек (рис. 1). Из них 27,6% (74 человека) – студенты факультета исторических и политических наук, 10,4% (28 человек) – Биологического института, 8,4% (22 человека) – Юридического института ТГУ, 7,2% (19 человек) – филологического факультета и т.д. (подробнее на рис. 1). Для выполнения задач данной статьи принадлежность к тому или иному факультету не была важна, она в анализе не учитывалась.

Результаты анализировались при помощи медианы; затем выборка была разделена на подгруппы:

1. Девушки, обучающиеся в бакалавриате.
2. Юноши, обучающиеся в бакалавриате.
3. Девушки, обучающиеся в магистратуре.
4. Юноши, обучающиеся в магистратуре.

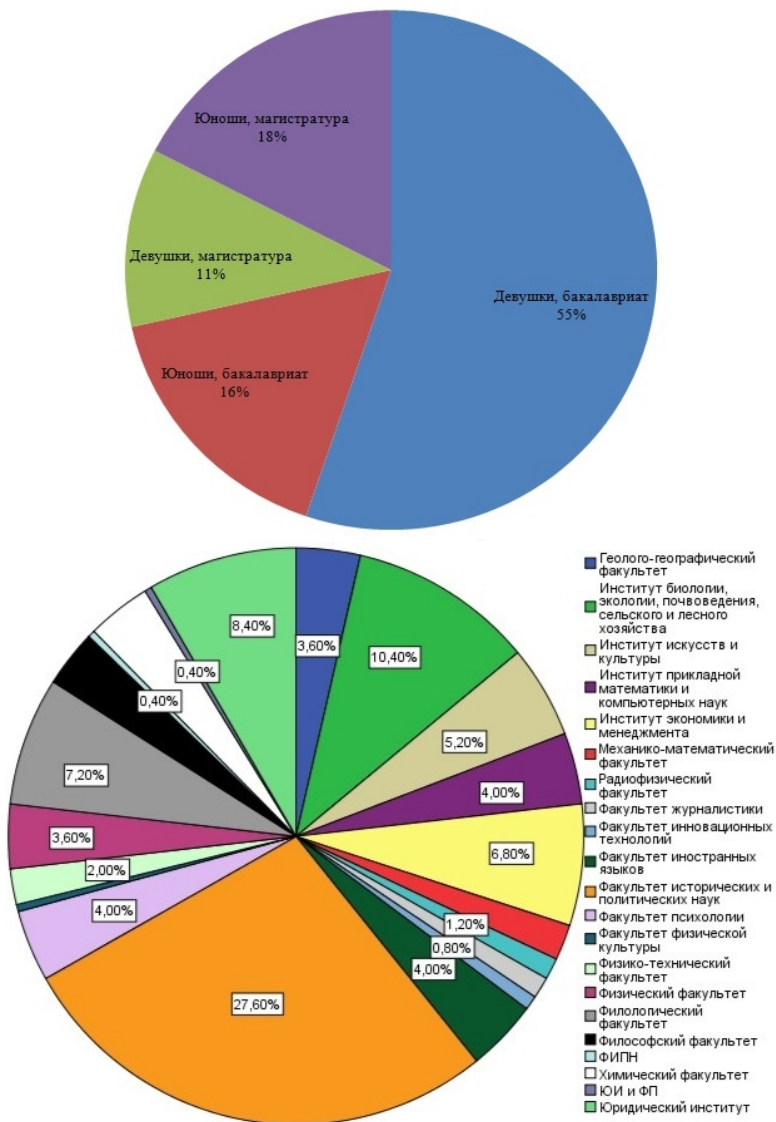

Рис. 1. Участники анкетного опроса

При сравнении показателей целевых подгрупп выявлено среднее расхождение в 1,5 пункта. Учитывая специфику анкеты, можно сказать, что ответы девушек из бакалавриата не имеют существенного отличия от ответов юношей из бакалавриата. При этом наблюдается некоторая разница в представлениях бакалавров и магистрантов: первые считают, что чаще всего преподаватели читают лекции с опорой на записи; вторые ответили противоположным образом. Для конкретизации и верификации полученных сведений я разработала гайд для полуформализованного интервью, при помощи которого опросила 10 человек, обучающихся в ТГУ. Я выбрала именно этот тип опроса, чтобы общаться с респондентом на короткой дистанции, но при этом оставаться в рамках исследования. Затем я сравнила результаты анкетирования и интервьюирования с материалами, собранными посредством включенного наблюдения, которое проводилось на территории университета, его аудиторий, лабораторий и исследовательской станции Кайбасово в 2017–2019 гг.

В ходе сравнения меня особенно заинтересовало одно обстоятельство. Среди прочих, я задавала вопрос: «У ваших преподавателей есть “любимчики”? Как это отражается на образовательном процессе?». Респонденты отвечали, что не видят в этом ничего плохого: *«Это нормальная мотивация быть лучше»* (цитата из интервью). Мои наблюдения показывают, что студенты, которые не относятся к «любимчикам», склонны реагировать на это явление иронично либо равнодушно.

Интересен тот факт, что при поиске респондентов в Интернете я получила больше ответов от девушек (66%), а во время включенного наблюдения – от юношей (100%). Девушки сами отзывались на объявления в социальной сети, в то время как с юношами нужно было устанавливать предварительный контакт. Возможно, гендер стоит учитывать при выборе средств поиска участников исследования.

Итак, включенное наблюдение позволило мне установить, что образ преподавателя динамичен и меняется под воздействием внешних условий. Совместная практическая работа за пределами аудитории сокращает дистанцию между студентом и преподавателем; это частично сохраняется при переходе в стены университета. Анкетирование показало, что образ преподавателя может меняться в зависимости от ступени обучения (существуют различия в ответах студентов и магистрантов). Интервьюирование помогло обнаружить некоторые негативные обстоятельства: случаям некорректного поведения преподавателей, конфликты. Многие участники интервью (7 из 10 респондентов) считают, что у преподавателей иногда встречается такая отрицательная черта, как стремление ставить себя выше студентов и подавлять их.

Объединяя ответы всех подгрупп, можно составить следующий образ: преподаватель университета для студентов ТГУ — это женщина старше 40 лет, которая предпочитает строгий стиль в одежде, стремится к балансу в уходе за собой, имеет прямую осанку, её речь тяготеет строгому академизму, она использует мало сленга, стремится к использованию метафор и примеров, у неё уверенный, хорошо поставленный голос, она грамотно разговаривает, демонстрирует наличие жизненного опыта, использует знания из смежных наук, проявляет эрудированность, её лекции основаны на разнообразных источниках, она имеет большой практический опыт по преподаваемой дисциплине, понятно объясняет учебный материал, умеет заинтересовать учебным курсом, часто вступает в диалог со студентами, помогает студентам при затруднениях.

Как видно из описания, этот образ имеет явно положительный характер. Такой результат согласуется с исследованиями других авторов [3–5]. Несомненно, проведенное исследование требует продолжения и углубления; в дальнейшем будет проведен сравнительный анализ образа преподавателя технических факультетов и гуманитарных.

Литература

1. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2014.
2. Нельсон Т. Психология предубеждений. СПб.: «райм-Еврознак, 2003.
3. Прохода В.А. Образ идеального преподавателя вуза в сознании студентов // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления. М., 2014. С. 203–206.
4. Васильева Е.Г., Юдина Т.В. Преподаватель глазами студента, студент – глазами преподавателя (об итогах социологических исследований) // Вестник ВолГУ. 2007. С. 95–107.
5. Зверева О.Л. Преподаватель университета глазами студента // Дошкольное образование и профессиональная подготовка кадров: традиции и инновации : сб. науч. ст. М., 2017. С. 398–404.
6. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018.
7. Ушмаева К.А. Советские преподаватели и студенты 1930-х гг.: историко-социальный портрет // Науч. проблемы гуманитарных исследований. Ставрополь, 2011. С. 93–101.

Е.А. Штополь

ПРОБЛЕМЫ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор С.Ф. Фоминых

В статье на основе материалов газетных публикаций рассматриваются факторы, оказывавшие негативное влияние на работу партийной организации Томского университета в 1920-е гг. Особое внимание уделяется рубежу десятилетий, когда она стала принимать формальный характер, сводившись к простому заслушиванию докладов на партсобраниях.

Ключевые слова: ТГУ, партийная организация, партийные проблемы.

Партийная организация Томского государственного университета выделилась из общевузовской коммунистической ячейки в 1923 г. Менее чем за десятилетие она добилась определенных результатов в своей деятельности: была осуществлена пролетаризация ВУЗа, установлен контакт с профессорско-преподавательским составом (важно отметить, что профессура старейшего вуза Сибири считалась одной из самых реакционных), систематически велась работа как с партийным, так и беспартийным студенчеством. Бригада крайкома ВКП(б) и Наркомпроса, обследовавшая университет в начале 1930-х гг., отмечала высокие результаты.

Стоит отметить, что с разного рода трудностями комячейка Томского университета сталкивалась на протяжении всего десятилетия. На этапе становления главными проблемами были малочисленность организации, низкий уровень политграмотности ее членов, а также сохранявшееся враждебное отношение к ней некоторых студентов и преподавателей вуза.

В середине десятилетия актуальной стала проблема чрезмерной общественной нагрузки партийцев, следствием чего зачастую становилась их академическая неуспеваемость и риск отчисления. По мере роста влияния ячейки и постоянного увеличения ее численности стали возникать сложности, мешавшие вести работу в полную силу. Например, до 1927 г. отсутствовали партячейки непосредственно на факультетах, что не давало возможности учитывать ряд их особенностей при организации работы. Бюро, состоявшее из 5 человек, в силу своей малочисленности не могло охватить все аспекты работы. Проблема была решена путем создания отдельных ячеек, объединяемых общевузовским бюро. Это позволило вовлечь большую часть студенчества, а также облегчило проведение политико-воспитательной работы среди учащихся вуза и преподавателей.

Однако на рубеже 1920–1930-х гг. стали видны новые пробелы в работе организации, которые выявлялись в ходе заседаний общевузовского

бюро и освещались в периодической печати, главным образом, в газете «Красное знамя».

Одной из проблем конца 1920-х гг. была общая пассивность членов парторганизации. В первую очередь это касалось рассмотрения планов работы. Как правило, они принимались на общих собраниях. Утверждению должны были предшествовать их обсуждение, в ходе которого выявлялись возможные пробелы и недочеты. Присутствовавшими на собраниях высказывались мнения и дополнения, вносились поправки. Зачастую эти планы были объемными, могли состоять из сотни пунктов и приниматься без какого-либо обсуждения. Значительная часть партийного коллектива не была ознакомлена с ними должным образом.

Так, например, на собрании партийной ячейки ТГУ 23 сентября 1929 г. утверждался план ее работы. Секретарь ячейки без всяких комментариев зачитал несколько десятков пунктов этого плана. Студент И.Е. Зудилов предложил секретарю бюро коллектива перед обсуждением плана проанализировать его, заострив внимание на основных решениях партии, принятых весной, которые необходимо было провести в жизнь в 1929/1930 учебного году. Они касались как борьбы за кадры, преодоления правого уклона, так и перестройки методов работы ВУЗа.

Бывший секретарь ячейки рабочих Дмитриев выступил против этого, заявив: «Раньше у нас зачитывали планы, утверждали их. Давайте и сейчас так». В ответ Зудиловым было предложено созвать отдельное совещание, на котором перед всеми коммунистами сделать доклад о задачах ячейки, бюро и других общественных организаций в предстоящем учебном году. Подобный доклад, по его словам, был бы важен «для прояснения решений партии и их практического применения в жизнь для каждого отдельного партийца». Однако эта инициатива тоже была встречена без особого энтузиазма [1].

В докладе о проделанной работе, с которым в начале октября того же года выступил секретарь ячейки университета Кузнецов, также не было дано установки на стоявшие задачи и цели ячейки. Его критиковали за то, что он «ничего не сказал о правой опасности, вскользь упомянул о положении с самокритикой в университете». Обошел докладчик вниманием и вопрос о партучебе, тезисно обозначив вопрос о кадрах. О предстоящей партгистке также не было упомянуто [2]. Таким образом, проблемы, стоявшие наиболее остро на повестке дня, совершенно не были раскрыты, что не дало рядовым членам партии возможности ознакомиться с ними в полной мере.

Чрезмерная активность членов ячейки проявлялась только на отчетных собраниях. Все остальное время участие масс в партийной работе практически отсутствовало. Наиболее полное представление о жизни университета имела лишь небольшая группа лиц членов бюро партийной

ки. Новый ректор ТГУ Д.В. Горфин охарактеризовал ячейку следующим образом: «У наших членов партии не наблюдается инициативы, нет интереса к общественным вопросам» [1].

Еще одним большим пробелом в работе ячейки Томского университета было замалчивание самокритики. В начале октября 1929 г., вскоре после публикации в газете «Красное знамя» статьи «Шепот вместо самокритики в ячейке Томского университета», осуждающей пассивность парторганизации, состоялось очередное собрание партактива. Кузнецов коснулся вопроса о самокритике мельком, вышеуказанную статью обошел вниманием. На вопрос почему ничего не было сказано о «зажиме» критики, он ответил следующими словами: «В заметке доля правды есть, с моей стороны не было случаев, дабы я не выслушивал замечаний относительно недостатков работы» [2].

Один из партийных активистов А.М. Лейкин, выступая на собрании по той же проблеме, отметил, что самокритика в университете находится «в зачаточном состоянии». По его словам, партийная организация была разбита на отдельные группы, в которых считали неудобным критиковать другого. В итоге, по его мнению, складывалось впечатление, что «самокритику просто некому было возглавить» [2].

Последующие выступавшие на этом же собрании подчеркивали, что «большевистской, действительно смелой самокритики в ячейке нет, в работе обывательская успокоенность и в руководстве часто хвостизм» [2].

Необходимо отметить, что коммунистическая партия в то время придавала большое значение самокритике своих членов. Это стало актуальным особенно после XV съезда ВКП(б), проходившего в Москве со 2 по 19 декабря 1927 года.

Выступая на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г., И.В. Сталин подчеркнул важность самокритики для дальнейшего продвижения и развития партии: «Самокритика нужна нам как воздух, как вода» [3]. Генеральный секретарь партии также отметил, что лозунг самокритики находился в самой основе партии и в текущий период после разгрома оппозиции должен был дать два результата. Во-первых, поднять бдительность рабочего класса, обострить его внимание к недостаткам, облегчить их исправление и сделать невозможными всякого рода «неожиданности» в строительной работе. Во-вторых, лозунг самокритики должен был поднять политическую культурность рабочего класса и развить в нем чувство хозяина страны [3].

Зажим самокритики в работе парторганизации Томского университета тесно был связан с другим явлением – существованием различных группировок

ровок в ячейках. На собрании партактива присутствующими неоднократно упоминалось, что в среде руководящих работников университета развиты семейственность и группировки. Студент Малаев отмечал: «Я в течение трех лет своей учебы знаю три группировки в ячейки – это Сидоровская, Батищева, и группировка, возглавляемая в настоящее время» [2]. Подобные группировки имелись и среди беспартийного студенчества. Так, в 1929 г. было известно о существовании группировок рабфаковцев, фельдшеров и второстепенцев [2]. На медицинском факультете в 1930 г. был разоблачен ряд классово-чуждых элементов среди студенчества, проводивших антисоветскую пропаганду среди проживавших в общежитиях.

Работе ячейки в полную силу мешала и низкая степень вовлеченности в нее членов партии и беспартийного актива. Вся работа сосредоточивалась в руках отдельных руководителей. Беспартийное студенчество в сферу работы ячейки практически не попадало в отличие, например, от начала 1920-х гг., когда студентов активно приглашали на общеузовские партийные собрания, велась активная агитационная работа среди них.

В октябре 1929 г. в составе профисполбюро был лишь один беспартийный член. Но и он находился на положении кандидата и в скором времени должен был вступить в ряды партии. В профкомах беспартийные зачастую тоже отсутствовали. Студенчество как важный объект партийного влияния в ячейках практически не изучалось [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что рост влияния партийной организации и повышение ее роли в жизни Томского университета на рубеже десятилетий имел и негативную сторону. Ячейка, получив возможность принимать участие во всех сферах деятельности вуза и определять его дальнейшее развитие, стала уделять меньшее внимание тщательной проработке важных вопросов, работа зачастую стала принимать формальный характер, сводившись к простому заслушиванию докладов на собрании без обсуждений.

Литература

1. Шепот вместо самокритики в ячейке Томского университета // Красное знамя. Орган Томского Округкома ВКП(б), Окрисполкома и Окпрофбюро. 1929. 27 сентября (№ 221).
2. Бюро ячейки ТГУ не возглавляет самокритики // Красное знамя. 1929. 10 октября (№ 232).
3. *Сталин И.В.* О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t11/t11_05.htm (дата обращения: 09.03.2018).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ / ЛОКАЛИЗАЦИЯ. УНИВЕРСАЛИЗМ / ЛОКАЛЬНОСТЬ

Н.М. Айткешов

КАЗАХСТАН – РОССИЯ: ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.М. Юн

В статье рассматриваются основные статистические аспекты торговли между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. Автор рассматривает такие вопросы, как объемы экспорта и импорта, структура взаимной торговли по основным товарным группам, факторы динамики взаимного товарооборота.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, экспорт, импорт.

Проблемы и перспективы развития торгово-экономических отношений Казахстана с Россией приобретают большую значимость в условиях реформирования глобализации мирового хозяйства и казахстанской экономики в том числе. Это связано с тем, что сегодня глобализация мирового хозяйства диктует возрастающее взаимодействие и взаимозависимость национальных экономик в современном мире. Анализ нынешнего состояния внешнеэкономических и внешнеторговых связей Казахстана с Россией является базовой основой развития национальной внешнеэкономической доктрины.

Сегодня отношения между Казахстаном и Россией во всех сферах сотрудничества носят динамичный и интенсивный характер, отличаются значительным уровнем многостороннего взаимодействия.

Ни для кого не секрет, что для Казахстана Россия играет большую роль, в первую очередь, роль транзитного территориального пространства. Также Россия является основным потребителем товаров и услуг. Таким образом, Россия является основным и крупным экономическим партнером на постсоветском пространстве. Что касается Казахстана, то Республика является крупнейшей экономикой в Центральной Азии, имеет большие запасы нефти, металлов и минералов. Также Казахстан обладает огромными степными землями. В связи с этим Республика имеет огромный потенциал в развитии сельского хозяйства.

Несмотря на тесные торгово-экономические связи, в 2015–2017 гг. имела место стагнация в торгово-экономических отношениях между Ка-

захстаном и Россией. Но страны преодолели стагнацию и сейчас происходит рост во внешней торговле.

Таблица 1

Основные показатели внешней торговли Казахстана с Россией
(млн долл., 2011–2018 гг.) [1]

Годы	Экспорт	Импорт	Товарооборот
2011	6 999	15 332	22 331
2012	6 137	16 960	23 097
2013	5 875	17 972	23 847
2014	6 388	13 808	20 196
2015	4 547	10 529	15 076
2016	3 445	9 288	12 733
2017	4 639	11 733	16 372
2018	5 162	12 392	17 554

Согласно данным в таблице товарооборот Казахстана с Россией уменьшался в 2014–2016 гг. Снижение показателей обуславливается сохранением отрицательного воздействия ряда основных факторов, таких как сформировавшаяся негативная конъюнктура цен на мировом рынке, сжатие внутреннего спроса в России и Казахстане, а также наложение западными странами санкций в отношении России. Также стоит отметить, что заметный спад в товарообороте между Казахстаном и Россией в 2015–2016 гг. стал показателем недостаточного интереса правительств стран к таким проблемам, как сырьевой характер взаимной торговли, асимметричность партнерства, а также уязвимость к колебаниям валютных курсов. И в результате произошла стагнация во взаимной торговле [2. С. 66].

После трехлетнего периода стагнации номинальных показателей двусторонней торговли между Казахстаном и Россией по итогам 2017 года зафиксирован значительный рост, что, бесспорно, является позитивным фактором в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран.

Формированию торговых отношений Казахстана с Россией способствует приграничное и межрегиональное сотрудничество, осуществляемое на базе довольно широкой договорно-правовой базы. Например, между государствами было подписано более 300 соглашений. Это говорит о том, что страны расширяют двусторонние отношения во всех сферах сотрудничества [3].

Если перейти, собственно, к экономическому товарообороту по товарной структуре, то, следует отметить, что в структуре поставок из России в Казахстан (по данным Комитета по статистике при МНЭ РК) ос-

новную долю составляют машины, транспортные средства, оборудование, металлы и изделия из них, минеральные продукты, продукция химической промышленности и т.д. А в структуре поставок из Казахстана в Россию основную долю составляют металлы и изделия из них, минеральные продукты, каучук, продукция химической промышленности, драгоценные камни, жемчуг, продовольственные товары, оборудование и т.д. (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Структура экспорта Казахстана по основным товарным группам с Россией
(2016–2018 гг.) [1]**

Наименование товарной группы	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Экспорт (в % к итогу)		
		2016	2017	2018
Минеральные продукты, в том числе: Топливо-энергетические товары	25-27	35,3	36,7	36,9
Металлы и изделия из них	72-83	27,7	36,9	33,1
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (включая каучуки и пластмассы)	28-40	20,1	13,7	15,7
Продукты животного и растительного происхождения, готовые продоволь- ственные товары	01-24	8,3	6,8	6,8
Машины, оборудование, транспортные средства, приборы и аппараты	84-92	5,3	4,6	5,9
Итого:		96,7	98,7	98,4

Таблица 3

**Структура импорта Казахстана по основным товарным группам с Россией
(2016–2018 гг.) [1]**

Наименование товарной группы	Код ТН ВЭД ЕАЭС	Импорт (в % к итогу)		
		2016	2017	2018
Машины, оборудование, транспортные средства, приборы и аппараты	84-92	26,3	25,9	27,5
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (включая каучуки и пластмассы)	28-40	16,5	15,8	15,9
Минеральные продукты, в том числе: Топливо-энергетические товары	25-27	16,2	16,9	14,5
Продукты животного и растительного происхождения, готовые продоволь- ственные товары	01-24	13,7	12,6	12,4
Металлы и изделия из них	72-83	12,9	14,8	16,2
Итого:		85,6	86	86,5

Сегодня, обращая внимания на мировую практику, нельзя сказать, что торгово-экономические отношения между Казахстаном и Россией являются образцово-показательными. Огромный экономический и ресурсный потенциал этих стран показывает, что существующие возможности еще не реализованы в значительной мере. Чтобы решить этот вопрос необходимо тщательно анализировать и улучшать межрегиональные сотрудничество Казахстана и России в рамках ЕАЭС.

Литература

1. Статистика внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс] // Комитет по статистике при МНЭ РК. URL: <http://stat.gov.kz>, свободный (дата обращения: 01.03.2019).

2. Зайнутдинова К.Р. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Казахстана // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. № 4 (13). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 66–73.

3. Ткаченко В.Ю. Основные направления развития внешнеэкономического сотрудничества России и Казахстана // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. LIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(59). URL: <https://sibac.info>, свободный (дата обращения: 3.03.2019).

Ю.Г. Базуева

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.Н. Мирошников

В статье рассматриваются основные аспекты энергетической безопасности Республики Армения, анализируется современное положение энергетической сферы, ее эффективность, а так же то, как интеграция в ЕАЭС может повлиять на экономическую рентабельность энергетической отрасли и повышению общей энергобезопасности страны.

Ключевые слова: ЕАЭС, Энергетическая безопасность, Армения, Российско-армянские отношения.

По словам Ли Гамильтона, президента Международного научного центра им. Вудро Вильсона, энергетическая безопасность – второй по важности компонент государственной политики в сфере безопасности после национальной обороны [1]. Основу же энергетической безопасно-

сти составляет независимость и экономическая эффективность энергетического сектора страны.

Если полагаться на приведенное выше высказывание, то можно предположить, что энергетическая безопасность оказывает большое влияние на выстраивание внешнеполитической линии страны. Так ли это в случае с Арменией? Стала ли поддержка энергетической безопасности страны одной из причин для Армении вступить в Евразийский экономический союз? Данный вопрос и стал ключевым в приведенном ниже исследовании.

После распада СССР и его единой энергетической инфраструктуры в Армении начался жесточайший энергетический кризис и, как следствие, глубокий экономический спад. В 1992–1995 гг. электроэнергия потребителям поставлялась лишь в течение одного-двух часов в сутки, а газ был практически недоступен широкому населению, сфера централизованного теплоснабжения находилась в кризисном состоянии. Имелась серьезная нехватка средств на техническое переоснащение отрасли и инвестиционные проекты [2]. Кроме того, собственных запасов нефти и газа Армения не имеет, они основной импорт страны (\$171 млн \$313 млн соответственно) [3]. Главным источником газа является газопровод, проходящий по территории Грузии из России. Альтернативный путь, имеющий стратегическое значение – газопровод из Ирана, который стал своего рода обеспечением безопасности основного, российского, газопровода. Таким образом, кризис и сложившаяся обстановка в сфере энергетики стали подтверждением тезиса о важности обеспечения энергетической безопасности страны. Несмотря на то, что Армения обеспечивает себя электроэнергией самостоятельно (и даже с избытком) благодаря работе трех тепловых электростанций, нескольких гидроэлектростанций и Мецаморской АЭС, интеграция в ЕАЭС стала основным путем для достижения энергетической безопасности. Тому есть несколько основополагающих причин.

Во-первых, при всей важности энергетического сектора инвестиции в данную сферу не велики. Это связано с тем, что энергетическая система Армении в целом не прибыльна, хотя потенциал существует огромный. Сегодня установленная мощность электростанций Армении используется только на одну треть. В течение последних 10 лет Армения имеет значительный избыток установленной мощности, и по некоторым оценкам он составляет 1930 МВт. Несмотря на излишки производимой электроэнергии, она не экспортируется в масштабных объемах, преимущественно из-за отсутствия инфраструктуры и территориальной блокады, а внешняя коммерческая деятельность энергосистемы Армении на сегодня ограничивается регулярными встречными поставками электроэнергии в Иран [2]. Данная ситуация лишает производителей электроэнергии возможно-

сти получать за нее рыночную цену. Кроме того на территории самой страны для поддержания социальной стабильности правительство ограничивает рост цен.

Во-вторых, даже в настоящее время можно заметить сильную зависимость армянского энергетического сектора от России. Интеграция в ЕАЭС – залог получения российского газа по сниженной стоимости, а также финансирование Россией основных энергетических проектов. Так в 2018 году стоимость российского газа для Армении составила \$150 за тыс. м³, а с 2019 составит \$165 за тыс. м³ (при общей экспортной цене Газпрома в \$242 за тыс. м³), при общем объеме поставок в 2,5 млрд м³. [4] Кроме того, компания «Газпром Армения», обладающая монопольным правом на поставку и распределение российского газа на внутреннем рынке, является 100%-ой дочерней компанией ОАО «Газпром». Также 2016 году завершилась продажа «РазТЭС» и «Электрических сетей Армении»: активы перешли от «Интер РАО» к Группе «Ташир» С. Карапетяна. А модернизация ереванской ТЭС и строительство «АрмРосгазпромом» 5-го энергоблока Разданской ТЭС являются самыми серьезными проектами по модернизации, осуществленными в энергетической системе страны, опять же, российской стороной [4].

Помимо всего прочего Россия взяла на себя модернизацию Мецаморской АЭС. Действующая станция устарела, а ее существующая мощность в случае прекращения импорта природного газа не поможет избежать нового энергетического кризиса. С этой точки зрения решение о закрытии энергоблока АЭС мощностью 400 мВт и об одновременном строительстве нового, более мощного (около 1000 мВт) энергоблока было вполне рациональным и оправданным [5]. Здесь для Армении основной проблемой было и остается финансирование проекта. Для привлечения иностранных инвестиций строительство ядерного энергоблока должно быть выгодным с чисто экономической точки зрения. Однако, очевидно, что власти и в дальнейшем будут ограничивать рост цен на электроэнергию. В таком случае получение сверхприбылей за счет работы станции невозможно, поэтому данный проект не заинтересовал инвесторов. Единственным государством, проявившим интерес, стала Россия, которая, согласно подписанному между странами соглашению, возьмет на себя значительную часть финансирования проекта. Это вызвало много негативных суждений о том, что Москва таким образом стремится укрепить свои позиции в Армении [5].

В-третьих, сегодня нет реальных возможностей развития энергетического сектора вне ЕАЭС. Из альтернатив у Армении существует только договоренность с Ираном о бартерном обмене. В качестве оплаты за

иранский газ предполагается осуществление встречных поставок электроэнергии из Армении по обменному коэффициенту 3 кВт.ч против 1 м³ газа [2], при этом общий объем поставок не превышает 400 млн м³ [6], что в 6 раз меньше объемов российского газа. Кроме того, Иран все еще находится под международными санкциями, что делает данное направление нестабильным. Что касается ЕС, то решение правительства Армении о снятии с эксплуатации Мецаморской АЭС с 2016г. стало отчасти результатом давления ЕС, при этом конкретных встречных идей и гарантий инвестиций в альтернативные источники не было [7].

Таким образом, в существующих реалиях территориальной блокады только присоединение Армении к ЕАЭС дало новую возможность для развития энергетического сектора республики. Армения из государства потребителя может превратиться в государство экспортер электроэнергии. Присоединение к такой мощной в энергетическом плане организации обеспечит страну энергоресурсами не только по сравнительно низким ценам, но и даст возможность экспортировать электроэнергию. Так, Армения реализует программу строительства 3-й линии электропередачи с Ираном (мощность передаваемой электроэнергии между странами достигнет порядка 1200 Мвт) и с Грузией, что на первом этапе обеспечит обмен электроэнергией мощностью до 350 Мвт, увеличив его к 2021 г. до 700 Мвт. Таким образом, в результате эксплуатации этих мощностей, в полном объеме сможет заработать энергетический коридор Север-Юг, что даст возможность Армении увеличить масштаб сотрудничества с остальными членами ЕАЭС и быть полноценным игроком на новом электроэнергетическом рынке, что, в свою очередь, позволит привлечь инвестиций в энергетический сектор [8]. Благодаря этому диверсифицируются экономические связи в электроэнергетической сфере, и, как следствие, повысится энергетическая безопасность страны в целом. Следовательно, обеспечение энергетической безопасности стало одним из факторов выбора Арменией интеграционного пути.

Литература

1. Global energy security as an ontological system [Electronic resource]. URL: <https://doc-research.org/2017/06/global-energy-security-ontological-system2/> (access date: 24.02.2019).
2. *Каранетян К.* Пути повышения энергетической безопасности Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://armenia.gazprom.ru/d/story/3d/573/kk020509.pdf>, свободный (дата обращения: 5.02.2018).
3. The observatory of economic complexity [Electronic resource]. URL: <https://atlas.media.mit.edu/ru/profile/country/arm/> (access date: 20.03.2019).

4. Российский газ для Армении подорожает на 10%: «Газпром» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2547358.html> свободный (дата обращения: 5.04.2018).

5. Энергетическая безопасность Армении и армяно-российские отношения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yerkramas.org/article/10902/energeticheskaya-bezopasnost-armenii-i-armyano-rossijskie-otnosheniya>, свободный (дата обращения: 5.02.2018)

6. Дороже российского: министр рассказал, во сколько бы обошелся Армении газ из Ирана [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/economy/20180525/12253929/armenia-russia-iran-gaz-tarif.html>, свободный (дата обращения: 5.02.2018).

7. Ереван обязуется закрыть атомную станцию: опубликован текст соглашения с ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2334163.html> (дата обращения: 5.02.2018).

8. Манвелян А. Перспектива развития энергетики Армении в контексте членства в ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=16153, свободный (дата обращения: 5.02.2018).

Вахью И Гэдэ Багус Крисна

РОЛЬ МЕТОДОВ КИБЕРВОЙНЫ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОБОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОКСИ-ВОЙНЕ

Науч. рук. — канд. ист. наук, доцент М.Н. Волков

В статье исследуется феномен использования кибератак как средства противоборства в современной прокси-войне. Основной тезис автора заключается в том, что кибервойна носит анонимный характер, сложность понимания происхождения кибератак привела к тому, что кибервойна все чаще используется в качестве данного боевого инструмента современной прокси-войны, или войны по доверенности, которые все чаще становятся основной формой военного противостояния великих держав в начале XXI в.

Ключевые слова: кибервойна, кибер-атака, киберпространство, прокси-война.

В последнее время быстрое технологическое развитие создало новую область международной политики. Эти события знаменуют собой «рождение киберпространства». Новые технологии также предоставляют нам невообразимые возможности, наш мир становится все более взаимосвязанным. Тем не менее, это также создает новый домен или место для конфликта и войны: кибер-конфликт и кибервойна.

Актуальность данной темы заключается в том что развитие глобализации и революция в области информационных технологий, наряду с

увеличением количества средств ведения войны в начале третьего тысячелетия, способствовали появлению субъектов войны, которые могут быть законными и незаконными, равными и неравными друг другу и использующими косвенные невоенные действия. Поэтому необходимо изучать и понимать кибервойну по простой причине – из-за среды, в которой мы сейчас находимся – это среда информационных технологий. Информационные технологии не только делают нашу жизнь более удобной, но и тоже делают нас более уязвимыми. Эта большая зависимость создала новую форму уязвимости для общества. Общественная или частная жизнь может быть сильно нарушена теми, кто способен манипулировать информационными технологиями в незаконных целях.

Данное исследование использует методы сравнительного анализа, анализируя примеры кибер-войн в начале XXI в: Российско-грузинская война 2008 и атака иранской атомной программы вирусом *Stuxnet* 2010. Во время войны между Грузией и Российской Федерацией 2008 года, мир впервые в истории стал свидетелем межгосударственной войны, когда традиционная война сочеталась с кибервойной [1]. Атака иранской атомной программы вирусом *Stuxnet* 2010 является первым случаем атаки компьютерной сети, которая нанесла физический ущерб через международные границы [2].

Кибервойна представляет собой противоборство и противостояние в киберпространстве, в том числе компьютерное противостояние в интернете. Кибервойна, как правило, использует кибератаки в качестве основного метода атаки, для достижения какой-либо цели и осуществляемые при помощи специальных программно-аппаратных средств и приемов воздействия [3]. Кибервойна носит анонимный характер, сложность понимания происхождения кибератак привела к тому, что кибервойна все чаще используется в качестве данного боевого инструмента современной прокси-войны, или войны по доверенности, которые все чаще становятся основной формой военного противостояния великих держав в начале XXI в.

Российско-грузинская война в августе 2008 года представляла собой долгую историю геостратегического конфликта между двумя странами и основывалась на многих сложных факторах: геополитических, правовых, культурных и экономических [4]. С началом боевых действий в Южной Осетии оказалось, что параллельно идет и кибервойна. В русско-грузинской войне 2008 года можно наблюдать разнообразие киберсредств и кибер-деятельности, используемых во время войны, которые были направлены прежде на дестабилизацию компьютерных систем и доступа к интернету государственных учреждений, финансовых и деловых центров и создание беспорядка и хаоса в жизни стран и государств,

которые полагаются на интернет в повседневной жизни. В целом эти виды деятельности или средства можно разделить на три подкатегории: это DoS-атака, саботаж, кибер-пропаганда.

1. DDoS-атаки, многие из которых были спровоцированы сотнями тысяч «зомби» компьютеров или «ботов», неосознанно зараженных вирусами, породили сотни миллионов запросов, нападая на сайты правительства Грузии, информационных агентств и банков [5].

2. Помимо DoS-атак, на некоторых грузинских веб-сайтах также произошел дефейс (тип хакерской атаки, при которой главная (или другая важная) страница веб-сайта заменяется на другую). Онлайн-хакеры использовали несколько коллажей, которые изображали и сравнивали президента Грузии Михаила Саакашвили с позициями Адольфа Гитлера, лидера нацистской Германии [5].

Такие пропагандистские изображения могут иметь огромное значение и влиять на местное грузинское и русское население. Эксперты по интернет-безопасности во всем мире пытаются выяснить, кто несет ответственность за атаки на большинство правительственных сайтов в Грузии. Представители Грузии обвиняли Россию. Однако до сих пор нет никаких доказательств, позволяющих обвинить в атаках ту или иную группу [6]. Из-за природы интернета с его анонимностью и ограниченными возможностями обнаружения, трудно определить истинное происхождение кибератак.

В 2010 году произошла первая в мире кибер-атака и позднее была названа первым в мире цифровым оружием [7]. Иран обнаружил в 2010 году, что их ядерная программа была атакована как минимум год без их ведома кибер-червем, позже известным как *Stuxnet*. Кибер-червь был направлен на уничтожение обогащения урана в Иране, чтобы ограничить возможности их ядерной программы и, таким образом, предотвратить потенциальное ядерное оружие [8].

Первоначальная версия *Stuxnet* изначально была не слишком агрессивной, акцент был сделан на скрытность. Этот вирус поражает не только компьютеры в Иране – эпидемии поразили 115 стран. Собственно, именно так *Stuxnet* попал в поле зрения антивирусных компаний. Их исследования прямо показывают, что за их созданием стоят спецслужбы развитых и богатых стран, скорее всего, США и Израиля. После оглашения результатов исследования, правительства Израиля и США официально не признавали свои участия в этой акции.

Учитывая анонимный характер боевых действий в кибервойне «*Stuxnet 2010*», пока нельзя сказать официально, что какие-то определенные корпорации или страны ведут кибервойны. Кибервойна – это прокси-

война в киберпространстве, то есть удар может быть нанесен какой-то группировкой, скрытой за несколько шагов участием другого государства или наемников.

Анализ конфликтов в Русско-грузинской Войне 2008 и в *Stuxnet* 2010 показывает, что кибервойна – это не только отдельная война. Кибервойна может также использоваться в качестве одного из вспомогательных средств в обычной войне. Две кибервойны, имевшие место в Русско-грузинской Войне 2008 и в *Stuxnet* 2010, также показали, что кибератаки использовались не только для нападения на противников, но также могли функционировать в качестве ответного огня, когда стало известно о происхождении атаки, поскольку кибервойна проводилась без заявлений со стороны связанных сторон, таких как война обычная и поэтому кибервойна считается незаконной в глазах международного права.

Таким образом можно сказать что, сегодня «кибервойна» реальность, которая способна охватить весь мир, поскольку участвующие в ней компьютеры и сервера могут находиться в любой точке планеты. «Кибероружие» обладает свойством «двойного действия»: как наносить массовый урон, так и поражать избирательные цели. Всё зависит от замысла нападающих. Кибервойна является механизмом, который в будущем станет одним из методов, используемых в прокси-войнах, которые в значительной степени охватывают личность клиентов-посредников. Опираясь на современную зависимость общества от компьютерных сетей в повседневной жизни, кибервойна является идеальным средством для прокси-стратегии, учитывая трудности в отслеживании точного происхождения кибератак. Эта относительно высокая степень анонимности, по-видимому, дополняет давно устоявшиеся призывы к косвенной прокси-стратегии, включая снижение затрат и рисков [9]. Dos-атаки в Русско-грузинской Войне 2008 и вредоносное ПО, используемое в атаке вируса *Stuxnet* 2010, подтверждают, что использование методов кибервойны, это эффективный способ скрыть личность злоумышленников, используя различных посредников для того, чтобы избежать ответственности и достичь целей военных операций.

Литература

1. *Westerburger S.* Cyber conflict in the 21st century. The future of war and security in a digitalizing world. 2014.
2. *Lindsay J.R.* Stuxnet and the limits of cyber warfare // *Security Studies*. 2013. Т. 22, № 3. С. 365–404.
3. *Антонович П.И.* О сущности и содержании кибервойны // *Военная мысль*. 2011. № 7. С. 39–46.

4. *Julia A. George*. The Politics of Ethnic Separatism in Russia and Georgia (New York: Palgrave Macmillan, 2009). P. 13.

5. *Travis Wentworth*. “You’ve Got Malice; Russian Nationalists Waged a Cyber War against Georgia. Fighting Back is Virtually Impossible,” Newsweek 152, no. 9 (September 1, 2008); in ProQuest (accessed: February 04, 2019).

6. Война в Осетии перебралась в киберпространство [Электронный ресурс] // Лента.ру. 11.08.2008–04.02.2019. URL: <https://lenta.ru/articles/2008/08/11/hack/>.

7. RU.DELFI Кибератаки на Грузию: кто виноват? [Электронный ресурс] // RU.DELFI. 18.08.2008–03.04.2019. URL: <https://ru.delfi.lt/science/science/kiberataki-na-gruziyu-kto-vinovat.d?id=18163483>.

8. *Shachtman Noah*. GEORGIA UNDER ONLINE ASSAULT [Электронный ресурс] // WIRED. 08.10.2008–04.02.2019. URL: <https://www.wired.com/2008/08/georgia-under-o/>.

9. *Mumford A*. Proxy warfare and the future of conflict // The RUSI Journal. 2013. T. 158, №. 2. С. 40–46.

Э.Р. Галиева

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В КИТАЕ

Науч. рук. – канд. ист. наук, ст. преподаватель О.В. Устюжанцева

В статье исследуется феномен развития инновационной отрасли электротранспорта в Китае. На основе анализа проводимых в стране программ и стимулирующих мероприятий автор выделяет ключевые факторы, обеспечившие стремительное развитие отрасли в сравнительно короткий промежуток времени. Каждый из факторов рассмотрен детально, автор раскрывает его важность для развития электротранспорта и сохранения Китаем статуса мирового лидера в области производства электротранспортных моделей.

Ключевые слова: электротранспорт, Китай, инновационное развитие.

В 2015 году Китай стал мировым лидером в области производства электротранспорта. В стране было произведено более 200 000 электротранспортных средств [1]. В 2017 году этот показатель составил уже 580 000 – более половины мирового производства и рост на 72% по сравнению с предыдущим годом [2]. На сегодняшний день Китай сохраняет лидерство, продолжая активно способствовать совершенствованию отрасли.

Наблюдая такие высокие показатели, их стремительный рост, трудно сказать, что еще несколько лет назад ситуация была совсем иной. Мировым лидером в области производства электротранспорта являлись США.

В 2013 году американские электротранспортные средства составляли 38% от мирового уровня, на долю Китая приходилось лишь 6,2% [3].

Как Китаю в подобный короткий промежуток времени удалось достигнуть таких высоких показателей? Какие факторы позволили китайской отрасли электротранспорта четко утвердиться среди других инновационных направлений?

1. Государственная поддержка и регулирование отрасли.

Именно на государственном уровне было принято решение о необходимости перехода от автомобилей с двигателем внутреннего сгорания к автомобилям на новой энергии. Данное решение было принято в связи с рядом факторов, среди которых высокое потребление Китаем нефти и зависимость от ее экспорта, а так же экологический фактор, в частности загрязнение воздуха. Однако ключевым фактором перехода к развитию электротранспорта стала невозможность достижения лидерства в традиционном автомобилестроении на мировом рынке в связи с высокой конкуренцией и техническим превосходством иностранных производителей.

В начале 12-й пятилетки Госсовет КНР определил семь стратегически важных отраслей промышленности, в которых стартовые условия мировых лидеров практически одинаковы. Такие отрасли получили приоритет и значительное финансирование, чтобы благодаря ускоренному развитию обеспечить твердое место Китаю среди инновационных лидеров в мире. Одной из стратегически важных отраслей стало развитие и производство автомобилей на альтернативных источниках энергии [4].

В 2011 году Госсовет КНР одобрил «Программу развития автомобилестроения на основе энергосбережения и новой энергетики (2011–2020 гг.)», которая была детализирована в 2013 году постановлением правительства КНР «О плане развития производства энергосберегающих автомобилей на период 2013–2020 гг.». Согласно новой Программе, руководство страны приняло решение об инвестировании в течение ближайших 10 лет более 100 млрд юаней (15 млрд долл. США) в развитие производства автомобилей, использующих новые виды энергии. Из этой суммы 50 млрд юаней будет направлено на НИОКР, 30 млрд – на совершенствование технологий и 20 млрд – на рекламу и продвижение новинок. Более 60 млрд юаней будет направлено на создание соответствующей инфраструктуры зарядных станций. В период 2013–2015 годы инвестиции в НИОКР по тематике производства электромобилей в совокупности превысили 46 млрд юаней [5].

Помимо перечисленных, в КНР функционирует еще множество государственных программ, направленных на обеспечение развития отрасли электротранспорта.

Активную роль в субсидировании и других видах поддержки играет не только Госсовет, но и местные власти, особенно в крупных городах. Местные власти учреждают программы субсидирования производителей электротранспорта и комплектующих для него, создают дополнительные льготы для покупателей, переводят муниципальные автопарки на электроэнергию, занимаются вопросами специальной инфраструктуры. Наиболее ярким примером такой активности на местах является программа «10 городов 1000 транспортных средств». Для выполнения программы местные власти некоторых городов, устанавливали большие показатели, чем в государственных документах, которых необходимо было достигнуть.

2. Использование иностранных инвестиций.

Взаимодействие Китая с иностранными компаниями для развития собственной промышленности и НИОКР активно началось еще со времен проведения политики реформ и открытости по модели обмена технологий на допуск к рынку. Со временем на смену копированию и использованию опыта развития пришло вовлечение иностранных компаний в финансирование оригинальных китайских разработок, ограничивая прямое присутствие на рынке.

В настоящее время помимо уже устоявшихся требований к иностранным компаниям о создании совместных предприятий с местными производителями партнерские соглашения включают раздел об освоении ключевых технологий, согласно которому китайские партнеры в результате совместной деятельности должны освоить одну из трех установленных правительством ключевых технологий, связанных с электротранспортом. Среди таких технологий аккумуляторы, электрические двигатели и системы управления транспортными средствами. Кроме того, в отношении отраслей, включающих развитие инновационных технологий, было введено понятие ключевых показателей эффективности, которые определяют умения и навыки, особенно необходимые сотрудникам иностранных компаний, работающим в Китае, к примеру, способность ремонтировать и обслуживать недавно разработанные электротранспортные средства. Следовательно, проверенная временем концепция доступа на рынок в обмен на технологии остается действенной и более эффективной, препятствуя укреплению иностранных компаний на китайском рынке.

Такие требования и ограничения не смущают иностранные корпорации от финансирования инновационных разработок в Китае, в том числе и в области электротранспорта. Размер и динамичность китайского рынка, правительственные программы поддержки развития транспортных средств на альтернативных источниках энергии стимулируют их актив-

ное участие в создании технологий, способствующих производству электротранспорта в стране.

3. Кадровая политика. Обеспечение отрасли китайскими специалистами.

Активное развитие Китая инновационных направлений и НИОКР в целом находит отражение в системе образования, определяя выбор специальностей молодыми людьми при поступлении в вузы, в приоритете естественные науки и инженерия. Развитие можно проследить так же обращаясь к данным о количестве и качестве научных работ и исследований, проведенных китайскими специалистами.

Благодаря уровню университетского образования китайская отрасль электротранспорта, как и другие инновационные, имеет доступ к потенциальным кадрам с высокой квалификацией для создания разработок будущего. К тому же, из-за невозможности достигнуть таких же глубоких знаний об автомобилях с двигателем внутреннего сгорания как у иностранных коллег, китайское правительство учредило гранты и финансирование для стартапов, предлагающих решение проблем отрасли электротранспорта.

Развитие электротранспорта требует навыков и знаний, отличных от тех, что были необходимы в развитии автомобильной промышленности ранее. Так, по мнению профессора Акима Кампкера из университета Ахена, 90% рабочих мест, которые будут созданы к 2030 году в области электротранспорта, будут требовать знаний по электронике и химии. Вместо знаний по управлению двигателем, контролю двигателя и впрыскиванию топлива, инженерам нового поколения потребуются знания о связях между синхронными двигателями, силовой электронике и технологиях аккумуляторных батарей [6].

Развивая образование, НИОКР и само производство электротранспорта параллельно, Китай обеспечивает создание условий для дальнейшего усиления позиций и лидерства в отрасли.

Таким образом, успешность политики Китая в развитии электротранспорта, достижение высоких показателей и ведущей роли в глобальном развитии отрасли становятся понятными при более детальном изучении шагов, предпринятых для подобного прогресса, позволяя выделить основные факторы развития, их взаимосвязь и роль.

Литература

1. International Energy Agency. Global EV Outlook 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Global_EV_Outlook_2016.pdf, свободный (дата обращения: 18.05.2019).

2. International Energy Agency. Global EV Outlook 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://webstore.iea.org/download/direct/1045?fileName=Global_EV_Outlook_2018.pdf, свободный (дата обращения: 19.05.2019).

3. International Energy Agency. Global EV Outlook 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/GlobaleVOutlook_2013.pdf, свободный (дата обращения: 19.05.2019).

4. Joachim Jan Thraen. Mastering Innovation in China [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-14556-9>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

5. Леонов С.Н., Домнич Е.Л. Государственная инновационная политика в КНР // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 36.

6. Andreas Burkert. China's way to the top of electric vehicle manufacturing. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s38313-017-0165-z>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

Д.В. Ганжа

ПРОБЛЕМА АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ТАЙВАНЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.В. Вольфсон

В статье рассматривается проблема атомной энергетики Тайваня. Анализируются причины возникновения проблемы, вкратце описывается ее история, начиная с 1956 года и характеризуется современное ее состояние. Основной упор делается на анализ противостояния противников и сторонников атомной энергетики, их аргументов, доводов, отмечается использование данной проблемы в политической повестке двух конкурирующих партий – Гоминьдана и Демократической прогрессивной партии Тайваня.

Ключевые слова: атомная энергетика, Тайвань, протесты, антиядерное движение.

Проблема развития атомной энергетики существует на Тайване уже почти 40 лет. Она давно вышла за экономические рамки, став проблемой социальной и политической. К обсуждению подключены практически все: экономические и энергетические элиты, чиновники всех уровней, медиа, многочисленные неправительственные организации, отражающие интересы разных слоев общества и многие другие.

Сама идея развития атомной энергетики зародилась еще в 1956 году, когда по приказу Чан Кайши тайваньские ученые начали разрабатывать первый атомный реактор. Делалось это в рамках программы «Мирный

атом», спонсируемой США [1. С. 16]. В 1970-х годах по миру прокатилась волна энергетических кризисов. На повестку дня встал вопрос энергетической безопасности острова. Гоминьдан, стремясь уменьшить энергетическую зависимость острова, начинает форсированное развитие атомной энергетики. Первоначально жители Тайваня воспринимали атомную энергетику, как новый экологически чистый высокотехнологичный способ получения энергии, поэтому строительство АЭС было полностью поддержано населением. Однако в 1979 году в США происходит авария на АЭС в Сан-Франциско, после чего на Тайване начало формироваться антиядерное движение.

Поначалу движение состояло из обучавшихся в США студентов, шокированных аварией, вернувшихся домой. Они стали активно выступать против использования АЭС, написали несколько статей против энергетической и экологической политики Гоминьдана [2]. Основную свою силу антиядерное движение набрало в 1986 году, вследствие аварии на Чернобыльской АЭС в СССР. Именно с этого времени некоторые страны начали отказываться от АЭС. Однако на Тайване атомная энергетика была чрезвычайно выгодна, поэтому Гоминьдан не торопился от нее отказываться. Тем не менее протестное движение стремительно росло, возглавляемое либералами-интеллектуалами из среднего класса, такими как Эдгар Лин и Чан Куо-лунг [3. С. 78]. С 1986 по 1988 г. происходили массовые многотысячные протесты против атомной энергетики.

Наиболее остро на Тайване в 1990-е годы обсуждался вопрос о строительстве четвертой АЭС. Тогда же прошли 4 референдума по этой проблеме. Референдумы показали, что большинство населения выступает против АЭС, хотя Гоминьдан и принижал их значимость [4. С. 699]. Тем не менее, в 1999 году начинается строительство Лунгменьской АЭС.

В 2000 году на Тайване прошли президентские выборы, на которых победу одержал представитель Демократической прогрессивной партии (ДПП) – Чэнь Шуйбянь. Несмотря на поражение в президентских выборах Гоминьдану удается сохранить большинство в парламенте. Сразу после прихода к власти, Чэнь Шуйбянь полностью замораживает строительство четвертой АЭС, сворачивает ядерную политику Гоминьдана. Однако Гоминьдан, используя парламент, оказал жесточайшее сопротивление, саботируя работу исполнительной власти. Чэнь Шуйбянь, набравший всего около 40 % голосов избирателей оказался не в состоянии противостоять давлению. В результате, 4 месяца спустя после выборов, Тайвань оказался в политическом кризисе, и ДПП была вынуждена пойти на уступки, возобновив строительство четвертой АЭС [5. С. 2]. Данный шаг расколол союз между ДПП и антиядерным движением. Это серьезно ослабило позиции ДПП, и в

2008 году представитель Гоминьдана, Ма Инцзю, становится президентом. До 2011 года протестное движение себя не проявляло, но в 2011 произошла еще одна катастрофа – авария в Японии на Фукусиме-1.

С 2011 началось обострение борьбы между ДПП и Гоминьданом. ДПП настаивала на необходимости срочно переходить на возобновляемые источники энергии. Отказ от использования АЭС до 2025 года был одним из пунктов предвыборной программы кандидата в президенты Цай Инвень [6] на выборах 2016 года. Программа Гоминьдана же была более прагматична и не получила поддержки у большинства населения. После победы Цай Инвень и правительство подготовили закон, в 95 статье которого говорилось о полном отказе от атомной энергетики к 2025 году [7]. Вскоре оказалось, что выполнить предвыборные обещания по сворачиванию атомной энергетики не так просто. По состоянию на 2016 год доля атомной энергии в энергобалансе страны составляла 13,5%. Попытки сократить эту долю за счет общего сокращения потребления энергии, развития возобновляемых источников энергии, в частности, солнечных электростанций и прибрежных ветряных электростанций, не принесли нужного результата. На острове начались проблемы нехватки электроэнергии. 15 августа 2017 года в результате ошибки в работе Татанской ТЭС более 6 миллионов домов остались без электричества. Находясь перед перспективой нехватки электроэнергии, правительство просто не смогло быстро исправить положение [8]. Энергетическая безопасность Тайваня оказалась под угрозой. ДПП встало перед альтернативой: рисковать и следовать изначальной политической программе или пересмотреть планы? Решено было спросить у населения. 24 ноября 2018 года на Тайване прошли выборы в местные органы управления, совмещенные с референдумом о судьбе атомной энергетики. Выборы стали полным провалом для ДПП. Большинство мест в региональных администрациях заняли представители Гоминьдана, сторонники атомной энергетики получили 59% голосов. В итоге, президент Цай Инвень отказалась от поста главы ДПП, а парламент пообещал отменить план по отказу от АЭС к 2025 г. [9].

Анализируя результаты референдума, профессор Национального университета Цинхуа, инженер-ядерщик Мин Ли, один из организаторов референдума по ядерной проблеме, в интервью журналу Science рассуждал о невозможности скорого отказа от атомной энергии. Он говорит, что возобновляемая энергетика не способна на сегодняшний день компенсировать атомную, во многом потому, что *«возобновляемая энергетика требует много места, а Тайвань – это густонаселенный остров, где и так места мало»*. К тому же, Мин Ли отмечает, что даже если удастся достичь показателя в 20 % производства электроэнергии за счет возобновляемых источников энергии,

остальные 80 % все равно не заменить. Самый экологически чистый способ на эти 80 % - увеличение доли сжиженного природного газа, но постоянная необходимость в его импорте и недостаток подобающей инфраструктуры (терминалы, танкеры) создают угрозу энергетической безопасности Тайваня. Парируя своих оппонентов по вопросу безопасности АЭС, Мин Ли настаивает, что аварии на Фукусиме, Чернобыле случились не из-за «необузданности» атомной энергии, а из-за человеческого фактора, который на тайваньских АЭС учтен и сведен к нулю, поэтому станции полностью безопасны [10]. Подобные доводы в целом отражают позицию сторонников использования атомной энергии на Тайване.

Таким образом на сегодняшний день ясно, что отказ от АЭС чреват серьезными экономическими рисками. Атомный вопрос определенно не решен, но в настоящее время выбор был сделан в пользу атомной энергетики. Тем не менее, тайваньское общество сильно поляризовано. Правительство и ДПП оказались в очень неприятной ситуации. Изменение политики в соответствии с результатами референдума противоречит предвыборным обещаниям ДПП. Инициаторы референдума в защиту атомной энергетики уже объявили, что, в случае игнорирования властями их позиции, проведут повторный референдум в 2020 году. В независимости от его результатов, правящая партия понесет определенные репутационные убытки. Вывод: сейчас наступает острейшая фаза противостояния. Атомный вопрос вновь стал одним из первостепенных политических вопросов на Тайване, и партии определенно не упустят возможность использовать его в своих целях.

Литература

1. *Kemburi Kalyan*. A Taiwanese nuclear revision // *Bullet of the atomic scientists*. 2009. P. 13–22.
2. *Chen Dan-ken*. Nuclear Report from Taiwan: A Joint Publication of the Anti-Nuclear Coalition for Taiwan and The Asian Ecological Society / Chen Dan-ken, Jun-yi Lin, Pi-yao Lin. 1993.
3. *Williams J*. Taiwan's Environmental Struggle: Toward a Green Silicon Island / J. Williams, Ch'ang-yi David Chang. Routledge, 2008. 224 p.
4. *Ho Ming-sho*. The Politics of Anti-Nuclear Protest in Taiwan: A Case of Party-Dependent Movement (1980–2000) // *Modern Asian Studies*. 2003. № 37. P. 683–708.
5. *Sutter R*. Taiwan's Nuclear Debates and Implications (draft paper for conference regarding Taiwan, China and the United States, Carnegie Endowment). 2013. 10 p.
6. DPP set to move toward “nuclear free homeland” in 2025 [Electronic resource] // *The China Post*. URL: <https://chinapost.nownews.com/20160312-28607>, 12.03.2016
7. Law and regulation database of the Republic of China [Electronic resource]: The Electricity Act: was approved by Executive Yuan in 2017.01.26, URL: <https://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=J0030011>

8. A massive blackout prompts questions about Taiwan's energy policy [Electronic resource] // The Economist. 17.04.2017. URL: <https://www.economist.com/asia/2017/08/17/a-massive-blackout-prompts-questions-about-taiwans-energy-policy>

9. Cabinet Says It Will Cancel Plan to Abolish Nuclear Energy by 2025 [Electronic resource] // The News Lens (Taiwanese news journal). 06.12.2018. URL: <https://international.thenewslens.com/feature/bluewave/109658>

10. Meet the engineering professor who got Taiwanese voters to support nuclear power [Electronic resource] // Science (news journal), 27.10.2018. URL: <http://www.sciencemag.org/news/2018/11/meet-engineering-professor-who-got-taiwanese-voters-support-nuclear-power>

Дуангкео Випхапхон

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И СТРАН АСЕАН В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИЙ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.М. Юн

В данной статье рассматриваются современное состояние, направления, проблемы и возможности инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН. Автор отмечает наличие экономического, политического, институционального и структурного фона, способного обеспечить рост инвестиционного сотрудничества между обеими сторонами. На анализе работ, публикаций, данных, интервью, анализирует взгляды правительства России и стран АСЕАН, на экономические отношения, на текущую инвестиционную политику. Автор раскрывает важность инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН.

Ключевые слова: АСЕАН, Россия, инвестиционное сотрудничество, прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ).

В настоящее время мировая экономика характеризуется значительной нестабильностью из-за финансовых и экономических сложностей и возрастающей роли азиатского региона в мировой экономике. Это относится к развивающимся странам Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которые расширяют свое присутствие как в мировой торговле, так и в инвестиционных процессах как доноры и получатели инвестиций [1].

Сегодня Россия является важным партнером АСЕАН, и сотрудничество между Россией и АСЕАН постепенно расширяется. Россия установила отношения с АСЕАН в 1991 г., а в 1996 г. стала полноправным партнером по диалогу. Россия и АСЕАН сотрудничают в области экономики, политики и культуры. Присоединение России к Договору о дружбе и

сотрудничестве в АСЕАН в 2004 г. продемонстрировало ее приверженность сотрудничеству с АСЕАН в целях укрепления безопасности в регионе и мире в целом [2]. Экономическое, торговое, инвестиционное сотрудничество и личные контакты также укрепляются, что способствует дальнейшему развитию наших отношений и укреплению доверия между ними.

Ключевые направления сотрудничества между Россией и государствами-членами АСЕАН были определены в Соглашении между правительствами государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Правительством Российской Федерации об экономическом сотрудничестве и сотрудничестве в целях развития, которое было подписано в 2005 году в ходе встречи лидеров в Куала-Лумпуре. Соглашение гарантирует благоприятные условия для развития экономического сотрудничества, а также сотрудничества в области торговли, инвестиций, исследований, технологий и культуры [3]. Всеобъемлющая программа действий по развитию сотрудничества между Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и Российской Федерацией на 2005–2015 гг. была принята 13 декабря 2005 г. для укрепления и развития диалога между АСЕАН и Россией, когда стороны утверждают «дорожную карту» по осуществлению этой программы.

В октябре 2012 года министры экономики России и стран-членов АСЕАН утвердили дорожную карту. Рабочая программа для реализации этой дорожной карты была позже разработана и подписана, охватывая различные области торгово-экономического сотрудничества, такие как упрощение и либерализация торговых и инвестиционных процедур, энергетических ресурсов, развитие цепочек поставок, МСП, туризм, человеческий капитал и создание интеллектуальной собственности.

По данным секретариата АСЕАН, российские инвестиции на рынках АСЕАН невелики. В 2012–2014 гг. экономики стран АСЕАН получили 698 млн. долл. США в виде российских инвестиций, или 0,2% от общего объема. Из этой суммы 420 млн долл. США пришлось на одну страну за один год (Вьетнам, 2013) [4].

**Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) России в странах АСЕАН,
млн долл. США**

Страна АСЕАН	2012	2013	2014	2015	2016	2017
АСЕАН	189,05	607,96	–113,51	–24,44	63,41	47,72
Вьетнам	73,25	420,49	4,84	6,25	29,34	17,06
Индонезия	0,07	0,01	0,02	0,05	0,04	0,99
Камбоджа	10,76	10,76	2,32			0,48
Лаос				1,41	0,94	–13,00
Малайзия	43,63	8,82	–22,86	–24,28	–4,56	1,25
Таиланд	61,35	167,87	–97,83	–7,82	37,39	40,94
Филиппины	0,00	0,00	0,00	–0,05	0,26	

В настоящее время Россия занимает 22-е место среди стран и территорий, инвестирующих во Вьетнам, с общим зарегистрированным капиталом около 1 миллиарда долларов США [5].

На Сингапур приходится восьмое место по объему ПИИ в Россию. По состоянию на первый квартал 2018 года, объем накопленных ПИИ достиг 17,3 млрд долл. США [6].

Согласно информации на сайте Центрального банка России, в 2016 году Сингапур стал основным донором прямых иностранных инвестиций из АСЕАН в российскую экономику на общую сумму 16,3 млрд долл. США [7].

Следует отметить, что ПИИ России в АСЕАН постепенно увеличиваются, в то время как ПИИ АСЕАН в Россию также растут, особенно из Вьетнама и Сингапура. Таким образом, можно сказать, что отношения между Россией и АСЕАН в сфере инвестиций постепенно увеличиваются.

Литература

1. K. Shimizu: ASEAN Economic Integration in the World Economy. Econ. J. Of Hokkaido Univ., vol. 39 (2010), pp. 77–88.

2. ASEAN-Russia dialogue partnership mechanisms, ASEAN-Russia Summit, Sochi, 19-20 May 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-asean20.ru/transcripts/20160520/204873.html>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

3. Agreement between the Governments of the Member Countries of the Association of Southeast Asian Nations and the Government of the Russian Federation on Economic and Development Cooperation [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/?static_post=agreement-between-the-governments-of-the-member-countries-of-the-association-of-southeast-asian-nations-and-the-government-of-the-russian-federation-on-economic-and-development-cooperation-kuala-lumpu, свободный (дата обращения: 16.05.2019).

4. Секретариат АСЕАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asean.org>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

5. Russia ranks 22nd among foreign investors in Vietnam [Электронный ресурс]. URL: <https://english.vov.vn/investment/russia-ranks-22nd-among-foreign-investors-in-vietnam-382733.vov>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

6. Russian sovereign wealth fund courts more Singapore investors [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businesstimes.com.sg/government-economy/russian-sovereign-wealth-fund-courts-more-singapore-investors>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

7. Центральный банк России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).

А.Т. Кадралиева

ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В КЫРГЫЗСТАНЕ, ФИНАНСИРУЕМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.М. Юн

В статье исследуется роль международных организаций в проектах развития малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике. Определяются приоритетные направления проектов развития малого и среднего бизнеса в стране. Представлены международные организации, наиболее активно участвующие в поддержке проектов развития МСБ. Также выделяются наиболее перспективные направления развития малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: Кыргызстан, международные организации, малый и средний бизнес, поддержка, развитие.

В Кыргызстане малый и средний бизнес является одним из основных направлений развития экономики государства, и занимает одно из важных мест. Необходимо отметить положительную роль малого и среднего бизнеса в качестве мощного фактора социально-экономического развития. Эта роль выражается в наполнении дохода бюджета государства и создании тысяч новых рабочих мест [1. С. 122].

Малый и средний бизнес содействует в большой мере развитию конкурентных отношений, насыщению рынка услугами и товарами. Зарубежный опыт развития малого и среднего предпринимательства показывает, что оно создает огромное количество рабочих мест и осваивает новые инновационные технологии. Вместе с тем, анализ состояния развития малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике показывает, что данный сектор еще не стал неотъемлемой частью экономики и испытывает трудности в привлечении капиталов, в заимствовании технологий.

Основные приоритетные направления малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике: сельское хозяйство, промышленность, торговля, ремонт автомобилей, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, образование, здравоохранение, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг [2. С. 12].

Кыргызстан является членом более 70 международных организаций. Именно эти международные организации, поддерживающие и финансирующие малый и средний бизнес в Кыргызстане играют немаловажную роль в развитии малого и среднего бизнеса в государстве.

Представим международные организации наиболее активно участвующие в проектах развития малого и среднего бизнеса в Кыргызстане: Азиатский банк развития (АБР), Евразийский банк развития, Евразийский фонд стабилизации и развития, Фонд «Сорос-Кыргызстан», ЮСА-ИД, Корейское агентство по международному сотрудничеству (KOICA), Европейский Союз, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Российско-Кыргызский фонд развития, Агентства ООН, Японское агентство международного сотрудничества (JICA).

Российско-Кыргызский Фонд Развития поддерживает малый и средний бизнес, выдает специальные кредиты с низкой процентной ставкой до 1 млн. долл. (5% на долларовый эквивалент, 10% на сомовый) [3]. Но есть свои нюансы относительно этого фонда по кредитам выдаваемых МСБ, что порождает споры в обществе. По словам критиков, РКФР был создан для поддержки МБС в Кыргызстане, но по некоторым информациям Российско-Кыргызский Фонд Развития выделяет большие кредиты на финансирование проектов крупного бизнеса, нежели МСБ, что не соответствует основным критериям Устава РКФР.

АБР выделил Кыргызстану грант для развития проектов малого и среднего бизнеса в 2017 году на сумму 25 млн долл. До этого в 2012 году он также выделил средства для развития МСБ в государстве более 10 млн. долл [4].

ЕБРР с начала своей деятельности инвестировал в КР более 500 млн долл. Для поддержки развития МСБ разработан специальный проект эффективности и увеличения в масштабе разных производств, также предоставляются консультативные методы. По состоянию на текущий момент банком было инвестировано 473 млн евро в развитие частного сектора Кыргызской Республики. Банком было реализовано 1 128 проекта по бизнес-консалтингу в Кыргызской Республике [5].

11 октября 2018 года. Евразийский банк развития (ЕАБР) и ОАО «Айыл Банк» подписали рамочное соглашение на сумму 10 млн долларов по программе финансирования проектов малого и среднего бизнеса КР. По результатам проекта профинансировано более 400 субъектов микро и малого бизнеса, что позволило сохранить существующие рабочие места в республике и увеличить объемы производства [6].

Японское агентство международного сотрудничества (JICA), реализовал ряд проектов, направленных на развитие МСБ в Кыргызстане. Огромным потенциалом обладает проект «Одно село – один продукт». В рамках проекта действует производство ремесленных изделий и продуктов, таких как варенье из дикорастущих ягод, лечебное традиционное мыло «Шакар», изделия из войлока ручной работы. В настоящее время

этот проект реализуется в Иссык-Кульской области, в будущем планируется охватить все регионы Кыргызстана [7].

Как показывает анализ ситуации в Кыргызской Республике, перспективными направлениями для государства являются аграрная промышленность, сельское хозяйство, ремесленничество, легкая промышленность (текстиль, продукты питания, полуфабрикаты), энергетический потенциал, а также торговля.

Литература

1. Ниязалиев К.С. Развитие малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14, № 11.
2. Особенности развития сферы малого и среднего предпринимательства в государствах – участниках СНГ в 2014–2016 годах (информационно-аналитический материал). М., 2016.
3. Поддержка малого и среднего бизнеса. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rkdf.org/ru/kreditovanie/kredity_dlya_msb/podderzhka_msb, свободный (дата обращения: 26.05.2019).
4. Азиатский банк развития и Кыргызская Республика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adb.org/ru/publications/kyrgyz-republic-fact-sheet>, свободный (дата обращения: 25.06.2019).
5. Малые и средние предприятия – один из приоритетов новой стратегии ЕБРР для Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ebrd.com/ru/news/2015/1395243640305.html>, свободный (дата обращения: 26.05.2019).
6. Евразийский банк развития подписал соглашение с ОАО «Айыл Банк» о финансировании малого и среднего бизнеса в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/news/evraziyskiy-bank-razvitiya-podpisal-soglashenie-s-oao-ayyl-bank-o-finansirovanii-malogo-i-srednego-b/>, свободный (дата обращения: 30.05.2019).
7. Японское агентство международного сотрудничества(JICA) [Электронный ресурс] Цели Ассоциации «Одно село – один продукт» на 2019 г. URL: https://www.jica.go.jp/kyrgyz/english/office/topics/181221_ru.html, свободный (дата обращения: 30.05.2019).

СОГЛАШЕНИЕ О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ В ЕАЭС

Науч. рук. – канд. ист. наук, ст. преподаватель А.М. Погорельская

Большое количество трудовых мигрантов вынуждает страны-члены ЕАЭС формировать единую систему пенсионного обеспечения. Однако, процесс затягивается из-за существенных различий в пенсионных системах, также нужно учесть разницу экономического развития стран, уровень инфляции и другие переменные. Несмотря на все препятствия, 5 марта 2019 года Евразийская Экономическая Комиссия опубликовала распоряжение «О проекте Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза», в котором прописаны основные положения данной реформы. В статье будет приведен анализ данного проекта и его сравнение с системой пенсионного обеспечения в ЕС.

Ключевые слова: ЕАЭС, пенсии, реформа, ЕС.

До появления проекта Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС начисление пенсий регулировалось Соглашением о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 года, а для Республики Беларусь и Российской Федерации – Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 года [1].

Очевидно данные соглашения не могут работать должным образом в рамках Евразийского экономического союза. Составление тезисов и положений нового соглашения затянулось на 4 года, что связано со значительными различиями между странами в структуре пенсионных систем, уровне пенсионного обеспечения и возрасте выхода на пенсию.

При проведении анализа проекта, видно заимствование основных принципов работы у Европейского союза. В ЕС так же, как и в ЕАЭС не существует единой пенсионной системы, а национальные законодательства не потеряли своей специфики. На сегодняшний день перевод пенсионных прав регулируется множеством регламентов. Существенные различия в пенсионных системах регулируются принципом «пропорционального начисления», при котором каждая страна назначает пенсию за период приобретенного в ней трудового стажа. Иными словами, возьмем в качестве примера гражданина государства-члена ЕС, имеющего трудо-

вой стаж на территории нескольких государств-членов. При наступлении пенсионного возраста хотя бы в одной стране из тех, в которых у него числится стаж, он может выйти на пенсию по закону этой страны и приобрести в ней трудовому стажу. Однако, если рабочего стажа недостаточно, то к нему прибавляются периоды работы в других странах. Получать же части пенсий, приобретенные на территории других государств, он сможет после наступления пенсионного возраста в этих странах [5. С. 4].

Аналогичные элементы присутствуют в проекте Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся в ЕАЭС, а именно в статьях 6–8. Граждане ЕАЭС должны делать пенсионные отчисления по законам государства-члена ЕАЭС, в котором они официально трудоустроены. Размер пенсии каждое государство-член определяет, исходя из стажа работы, приобретенного на его территории. Если этого стажа работы не хватает для возникновения права на пенсию, учитывается стаж работы на территории других государств-членов ЕАЭС [4. С. 5].

Хочется отметить недочёты и сложности, с которыми могут столкнуться государства при реализации подобного Соглашения. Например, проект соглашения не касается вопроса перерасчета пенсии при переезде, хотя в ЕС этот аспект достаточно чётко отрегулирован. Простой пример: гражданин ЕС имеет 45 лет трудового стажа, при этом 44% от общего стажа он отработал в стране А и 56% в стране Б. Обе страны сделают перерасчет, основанный на совокупном стаже и на проценте отработанного в данной стране времени. Начисляться пенсия будет исходя из большей получившейся суммы [5. С. 7].

Также техническая сторона реализации Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся в ЕАЭС будет встречена рядом сложностей: подсчет стажа работника компетентными органами государств-членов в условиях отсутствия единого органа, отвечающего за пенсионное обеспечение на территории ЕАЭС, единой базы данных, фиксирующей стаж, единого шаблона трудовой книги и т.п. [4. С. 6]. В этой связи, необходимо, возможно, рассмотреть введение наднационального регулирующего органа. В ЕС, например, существует Европейский социально-экономический комитет, в ведомстве которого находится множество органов, занимающихся более узкими вопросами, такими как страховой надзор в сфере страхования и негосударственного пенсионного обеспечения и другие.

Литература

1. Распоряжение Коллегии ЕЭК № 38 / О проекте распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте Соглашения о пенсионном

обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19r00038/>

2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

3. ЕЭК. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в ЕАЭС. М., 2016 // Сайт ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf>

4. *Погорельская А.* Общий рынок труда ЕАЭС: когда он заработает на благо граждан? [Электронный ресурс] // Сайт Центра евразийских исследований ТГУ. URL: <http://eurasian-studies.tsu.ru/analitika/publikacii/anastasiia-pogorel-skaia-obshchii-rynok-truda-eaes-kogda-on-zarabotaet-na-bлаго-grazhdan/>

5. *Алмакаева А.М., Костенко В.В.* Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского Экономического сообщества и Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/transgranichnyy-perevod-pensionnyh-prav-v-stranah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soobshchestva-i-evropeyskogo-soyuza>

К.А. Приймак

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КНР И СТРАНАМИ ЕАЭС

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.Н. Мирошников

В работе проводится анализ конкретной ситуации, сложившейся во внутренней торговле между КНР и странами-членами ЕАЭС. На основе торговых данных, взятых из официальных источников национальных ведомств и органов ЕАЭС, аналитических статей и работ проводится зеркальный анализ данных с последующими выводами и предположениями относительно будущего реэкспорта на территории ЕАЭС и Киргизии, как страны, которая в это вовлечена.

Ключевые слова: ЕАЭС, Китай, реэкспорт.

Сегодня на Евразийский Экономический Союз делается большая ставка странами-участницами данного объединения. Но, как это часто бывает, с реализацией нового шага интеграции, все сообщество сталкивается с новым рядом проблем, препятствующими дальнейшему развитию.

Одним из примеров такой проблемы является торговля между членами ЕАЭС и Китаем. Конкретно это выражено тем, что именно во внутренней торговле между странами ЕАЭС на сегодняшний день высока доля реэкспорта. Учитывая, что с 2018 года на территории Союза действует единый таможенный кодекс, одной из целей которого является противодействие реэкспорту, все же можно предположить о том, что данная проблема еще долго будет оставаться на повестке.

Целью данной статьи является дать ответ на вопрос: является ли Кыргызстан сегодня страной, которая занимается реэкспортом товаров на рынок стран ЕАЭС.

В связи с этим можно выделить основные задачи:

- рассмотреть двустороннюю торговлю стран ЕАЭС (России, Казахстана и Киргизии) друг с другом и Китаем;
- рассмотреть производственную структуру Киргизии, выделить долю легкой и текстильной промышленности страны;
- определить степень реэкспорта в торговой структуре Киргизии.

За сравнительный период был взят промежуток с 2010 по 2018 гг. Обусловлено это тем, тем, что самая полная статистика оканчивается 2010 годом. Данные по торговле были предоставлены статистическими ведомствами России, Казахстана, Киргизии и Китая. Так же цифры по взаимному товарообороту были предоставлены ЕЭК.

Проводя анализ торговли между Китаем и Киргизией за выбранный промежуток (по тем цифрам, которые предоставляются статистическими ведомствами обеих стран), можно отметить одну важную закономерность. Данные, как китайской, так и киргизской стороны сильно отличаются. В среднем отличие составляет в 5 раз. То есть китайские данные говорят о том, что экспорт в Киргизию в 5 раз выше, чем об этом заявляет Бишкек.

Если в 2010 году Киргизией было импортировано товаров на сумму в 502 млн. долл. (данные Киргизии), то Китай заявляет об объеме экспорта в размере 4 127 млн долл. В последующие годы ситуация ничем не отличается от этой, только растут объемы. 1 942 млрд долл. (по статистике Киргизии) против 5 336 млрд долл. (по статистике Китая). Если брать конкретно сферу легкой промышленности, то здесь ситуация следующая: Киргизия заявляет об экспортированных товарах (По ТН ВЭД 58-65) на сумму 140,4 млн долл., то Китай – 2 592,2 млрд долл.

Другим важным аспектом являются цифры по объемам потребляемой продукции легкой промышленности Киргизией. На 2010 год в стране было использовано товаров данной промышленной сферы на 467 млн долл. Что, в принципе, соответствует тем данным, которые предоставляются таможенной службой по импорту. Здесь уже появляется подспорье для того, что бы задуматься, куда девается остальной товар.

Помимо торговых оборотов, нужно так же отметить ситуацию вокруг внутреннего рынка производства продукции легкой и текстильной промышленности в Киргизии. Данная отрасль, согласно мнению исследователей, занимает приоритетные позиции. Хотя сама доля производств, занятых в данной отрасли составила всего 3,2% за 2016 год. Так же отмечается еще то,

что с 2012 по 2016 гг. число предприятий легкой промышленности сократилось с 137 до 117. Согласно информации, предоставленной сайтом inform.kg, на сегодняшний момент там зарегистрировано только 112 предприятий по пошиву одежды. И, как отмечают эксперты, тенденция по сокращению предприятий будет продолжаться. Нужно так же добавить, что сегодня Киргизия представлена не только этими предприятиями, но и параллельно с этим существуют предприятия, которые заняты в теневом секторе.

Если на 2010 года еще можно сказать, что Киргизия, по итогам зеркального сравнения, являлась страной-реэкспортером и это наглядно видно по расхождениям в данных и цифрам по потреблению и производству. То сейчас заявить, что Киргизия продолжает реэкспортировать китайские товары на рынки стран СНГ и ЕАЭС, сложно, в силу нехватки статистических данных. Но, если взять в учет всю статистику, которая есть за последние девять лет и наложить на них те тенденции, которые обсуждаются среди экспертного сообщества, то видно, что ситуация ничем не лучше того, что было в 2010 году и ранее.

Говоря о будущем Киргизии, то сейчас, ведутся разговоры об интенсификации вложений в данный сектор и переход к кластерному производству. То есть создание полной цепочки изготовления товара: от выращивания хлопка до поставок конечного продукта в виде текстиля на рынки стран-соседей. Однако, данные проекты требуют серьезных вложений и, самое главное, времен. При условии создания полностью базы, на которую в среднем может уйти 5 лет, может пройти еще достаточно, чтобы в конечном счете все заработало, как и планировалось в концепции регионального развития Киргизии 2018–2022.

Литература

1. *Статистические* таблицы по внешней и взаимной торговле [Электронный ресурс] // Сайт ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx
2. *China Statistical Yearbook* [Электронный ресурс] // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>
3. *Моголевский Р.* Реэкспортная деятельность в Кыргызстане: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. Бишкек: Университет Центральной Азии, 2012. URL: <https://www.ucentralasia.org/Content/downloads/UCA-IPPA-WP-9-Reexport-Rus.pdf>
4. *Турсуналиева Д.М., Чубурова Ж.Т.* Развитие легкой промышленности в регионах Кыргызской республики [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2018. № 2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-legkoy-promyshlennosti-v-regionah-kyrgyzskoy-respubliki>

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АСЕАН

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.М. Юн

Эта статья посвящена обзору современной торговли России и стран АСЕАН, но также охватывает период от установления отношений между Россией и АСЕАН до настоящего времени, чтобы проследить процесс развития торгового сотрудничества между Россией и странами АСЕАН, показать, какие товары страны экспортируют и импортируют во взаимной торговле. Кроме того, определяются основные факторы, препятствующие эффективному развитию торговли между Россией и странами АСЕАН.

Ключевые слова: Россия, АСЕАН, внешняя торговля, импорт, экспорт, статистика.

В современной геополитической обстановке развитие внешних связей России, в том числе торгово-экономических, со странами, объединёнными в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), становится ещё более актуальным. Санкции, введенные государствами Евросоюза и США против России, заставляют искать новые рынки, расширять уже существующие и налаживать новые экономические связи со странами АСЕАН, где видны реальные возможности для упрочнения российских позиций. При успешной реализации работы в данном направлении Россия способна в течение нескольких лет компенсировать свои потери от блокирования европейского и американского рынков, поэтому улучшение экономических связей со странами ЮВА является приоритетным в структуре экономической стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1].

Страны АСЕАН являются четвертыми по уровню экспорта в мире, уступая только США, ЕС и Китаю. Основными торговыми партнерами АСЕАН являются Китай, США, ЕС, Япония. Экономическое сотрудничество Россия - АСЕАН носит в большей степени проектный характер. При положительной динамике роста товарооборота и экономических связей эксперты отмечают большой потенциал в развитии отношений. Рост торговли России и АСЕАН составляет порядка 11%, при этом больше половины этого показателя обеспечено высокотехнологичной продукцией и машиностроением. Однако оборот услуг и капитала между Россией и АСЕАН очень маленький. По оценке Минэкономразвития, задача сотрудничества состоит в том, чтобы довести и торговлю в данном секторе до цифр, сопоставимых с товарооборотом. Товарооборот России с каждой из наиболее развитых стран АСЕАН-Индонезией, Малайзией и Сингапуром-составляет порядка 3 млрд долл. Каждая из стран АСЕАН интересна как партнер для России в различных отраслях [1].

В сферу двухстороннего сотрудничества с АСЕАН входят как энергетика, космос, так и продовольствие, культура и туризм. Многие страны в регионе находятся в стадии урбанизации, индустриализации и электрификации, что создает значительный потенциал для двухсторонних проектов, ряд которых поддерживается Финансовым фондом диалогового партнерства Россия-АСЕАН.

АСЕАН является одним из самых разносторонних и конкурентоспособных регионов и очень перспективным внешнеэкономическим партнером для России. Сегодня доля экспорта России в страны АСЕАН в общемировом объеме остается невысокой. По данным ФТС, общий объем экспорта России в АСЕАН составлял примерно 1,9% общероссийского экспорта и в 2015, и в 2016 году. В стоимостном выражении в 2016 году он сократился на 13,2% по сравнению с предыдущим годом – с 6,4 до 5,5 млрд долл. Лидирующими странами АСЕАН по экспорту России являются Сингапур и Вьетнам, однако 2016 год показал падение в стоимостном выражении экспорта и в эти государства, превысившее 25%. Доля импорта из АСЕАН в общем импорте России в 2016 году составила 4,4%, в 2015 г. – 4% [2].

Если рассматривать взаимную торговлю России с каждой из стран АСЕАН, то статистка говорит о следующем: из общего экспорта России на долю Сингапура приходится 0,6% (0,7% в 2015 г.), на долю Вьетнама – 0,5% (как и в 2015 г.), Малайзии – 0,3% (0,2% в 2015 г.), Таиланда – 0,2%, Индонезии – 0,1%, Мьянмы – 0,1%, Филиппин -0,1%, Камбоджи – менее 0,1%, Брунея-Даруссалама – менее 0,1%. Импорт России по отдельным странам выглядит следующим образом: Вьетнам – 1,4%, Индонезия – 1,2% (0,8% в 2015 г.), Малайзия – 0,7%, Таиланд – 0,6%, Сингапур – 0,3%, Филиппины – 0,2%, Камбоджа – 0,1%. На долю Лаоса, Мьянмы и Брунея-Даруссалама приходится менее 0,1%. [2]

Российская Федерация: торговля товарами в 2017 г. [3]

	Экспорт РФ, \$	Доля в экспорте РФ, %	Импорт РФ, \$	Доля в импорте РФ, %
Сингапур	3.290.000.814	0.92	1.157.863.844	0.51
Вьетнам	1.239.883.865	0.35	3.328.998.350	1.46
Индонезия	770.318.906	0.21	2.485.562.580	1.09
Малайзия	601.032.492	0.17	1.548.525.566	0.68
Таиланд	508.781.449	0.12	1.720.243.840	0.75
Филиппины	196.282.793	0.05	407.853.668	0.18
Камбоджа	4.844.799	0.00	162.436.554	0.07
Мьянма	56.429.371	0.02	49.497.837	0.02
Лаос	7.412.153	0.00	5.263.127	0.00
Бруней	94.861	0.00	1.576	0.00

В настоящее время основными факторами, препятствующими эффективному развитию торговли, являются:

– отсутствие общих сухопутных границ, но эту географическую проблему можно решить. Россия имеет морские порты на Тихом океане и может торговать со странами Юго-Восточной Азии без посредников.

– слабая инфраструктура и неблагоприятные правовые условия как основные причины ограниченных экономических связей [4].

Литература

1. Всемирный торговый центр Москва, Россия и страны АСЕАН: перспективы развития сотрудничества (Часть 1). URL: <https://wtmoscow.ru/services/international-partnership/analitics/rossiya-i-strany-asean-perspektivy-razvitiya-sotrud-nichestva-chast-1/>, свободный (дата обращения: 23.05.2019).

2. Всемирный торговый центр Москва, Россия и страны АСЕАН: перспективы развития сотрудничества (Часть 2). URL: <https://wtmoscow.ru/services/international-partnership/analitics/rossiya-i-strany-asean-perspektivy-razvitiya-sotrudnichestva-chast-2/>, свободный (дата обращения: 23.05.2019).

3. Международная торговля товарами и услугами на основе данных ООН Comtrade, Российская Федерация экспорт товаров в 2017 году. URL: <https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=643&type=C&year=2017&flow=2&commodity>, свободный (дата обращения: 23.05.2019).

4. Мартынова Е.С. Укрепление сотрудничества между Россией и АСЕАН: риторика или реальность? URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/cia0gtgpi5/direct/144106129>, свободный (дата обращения: 23.05.2019).

Таалайбек кызы Жанара

ПРОБЛЕМА ТРАНЗИТНЫХ ПЕРЕВОЗОК КИТАЙСКИХ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ КЫРГЫЗСТАН

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.М. Юн

Статья посвящена проблемам транспортных перевозок китайских товаров через Кыргызстан в третьи страны. Рассматриваются такие вопросы, как: с какими проблемами сталкивается таможенный транзит при ввозе-вывозе товаров? Кто зарабатывает на этом? Почему Казахстан делает дополнительный таможенный досмотр? В статье анализируются результаты экспорта и импорта Кыргызстана и проблемы транзитных перевозок.

Ключевые слова: Кыргызстан, Китай, транспортные перевозки, таможня, транзит.

Кыргызстан вынужден использовать транспортные коридоры соседей, так как не имеет доступ выхода к морю. Это говорит об острой проблеме

зависимости Кыргызстана от транзитных коридоров. Транзитные перевозки затрагивают интересы политической и бизнес элиты стран, по территории которых они осуществляются. Казахстан является наиболее транзитоспособным государством из стран, которые окружают Кыргызстан, и к тому же Казахстан имеет доступ к морю. Кыргызстан все еще сохраняет интерес к себе со стороны Китая в контексте стратегии Китая по развитию мировых высокоскоростных маршрутов.

В Центральной Азии Кыргызстан является лидером по объему контрабанды товаров и высокой коррумпированности на таможене. Если сравнить статистические таможенные данные, предоставленные соседними странами, то разница в цифрах превышает 50%, очевидно, речь идет о контрабанде. В частности, за 20 лет кыргызская таможня зарегистрировала поступившие из Китая товары на общую сумму 11,64 млрд долл. При этом китайская таможня посчитала, что через границу в направлении Кыргызстана перевезено товаров на 61,667 млрд долл. Разница составляет 50 млрд долл. За 2017 год кыргызская таможня зарегистрировала китайских товаров на сумму чуть более 1,5 млрд долл., китайская – 5,337 млрд. долл. Разница составила почти 3,9 млрд долл. [1].

По данным таможенной статистики Кыргызстана, за 2016 год импорт товаров из Китая в Кыргызстан составил 1,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2015 годом на 42%. При этом транзит товаров, перемещаемых через территорию Казахстана в Кыргызстан, увеличился на 67%. Установлено, что таможенная стоимость в Кыргызской Республике значительно занижена по сравнению с Казахстаном в два и более раза. Это связываем с более жестким администрированием таможенной стоимости товаров в Республике Казахстан и недостаточным контролем за достоверностью декларирования и таможенной стоимости товаров со стороны таможенных органов Кыргызской Республики [2]. Для определения причин таких значительных расхождений представителями Казахстана неоднократно поднимался вопрос на площадке Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Более того, казахстанская сторона не раз уведомляла кыргызских коллег о необходимости принять срочные меры для исправления ситуации. Учитывая, что ситуация не менялась, в прошлом году Комитет госдоходов Казахстана предпринял конкретные меры по усилению таможенного контроля в тех случаях, когда срабатывала система управления рисками. Когда система управления рисками сработала, Казахстан установили более 20 нарушений таможенного законодательства при оформлении транзитных грузов из КНР в Кыргызстан через территорию Казахстана.

Также есть факт о том, что треть досмотренных на казахстанско-китайской границе транспортных средств, которые везли транзитом това-

ры через Казахстан в Кыргызстан, имели недостоверно задекларированные товары. Кроме того, осуществлен анализ ввозимых товаров из Кыргызстана в Казахстан. Результаты показали, что часть товаропотока не нашла отражения в налоговой отчетности. Всем известно: когда ввозится товар с Кыргызстана, учитывая, что эта страна входит в ЕАЭС, таможенный контроль они не проходят, но платят косвенные налоги в соответствии с договором. По данным декларации Комитета государственных доходов Республики Казахстан, которые были представлены казахскими налогоплательщиками, есть факт о том, что часть товаропотока не находит своего отражения.

«Серый импорт» поступает из Кыргызстана на рынок Евразийского экономического союза (ЕАЭС), причиняя ущерб как товаропроизводителям в рамках ЕАЭС, так и сокращая поступления в бюджет Казахстана. Применение более низкой таможенной стоимости формирует «серый импорт», который в дальнейшем превращается в экспорт в страны ЕАЭС. Это наносит прямой ущерб конкурентоспособности отдельных отраслей и предприятий. Кроме того, «серый импорт» становится причиной потерь в объеме собранных таможенных пошлин, распределяемым между всеми странами ЕАЭС. [3]

Для решения этой проблемы в рамках ЕАЭС можно собрать группу таможенников всех стран организации и создать группу для совместного контроля на таможне на Ишкертаме, через которую идет основной трафик. По мнению экспертов, введение перекрестного контроля на границе – идея актуальная и давно назревшая. С практической точки зрения это будет очень полезный шаг, который позволит перекрыть окна для контрабанды на границах, которые действуют и в Казахстане, и в Киргизии – с Китаем, Турцией и с рядом других государств.

Литература

1. Цифры и факты по деятельности Государственной таможенной службы при ПКР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.kg/index.php/ru/component/content/article/1-latest-news/2238-2018-11-26-07-35-05>, свободный (дата обращения: 26.05.2019)
2. Тегенбаев А. Выявлено более 20 нарушений при транзите товаров из Китая в Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/economic/63851/vyyavleno-bolee-20-narushenij-pri-tranzite-tovarov-iz-kitaya-v-kyrgyzstan.html>, свободный (дата обращения: 17.05.2019).
3. Султанов Б. Серый импорт из Кыргызстана наносит ущерб ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/economic/63848/seryj-import-iz-kyrgyzstana-nanosit-ucsherb-eaes.html> свободный (дата обращения: 17.05.2019).

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

И.О. Клочихин

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И КОЭФФИЦИЕНТ ИНТЕЛЛЕКТА

Науч.рук. – д-р ист. наук, профессор Е.В. Хахалкина

В статье исследуются миграционные процессы и их связь с коэффициентом интеллекта. Раскрываются причины и закономерности миграции высококого человеческого капитала. Автор рассматривает зависимость экономической успешности государства и среднего уровня коэффициента интеллекта. На данных ВВП государств, на статистике по количеству мигрантов, а также на материалах оценки уровня успеваемости по Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) исследуются закономерности миграционных процессов. Автор раскрывает значение уровня интеллекта в миграционных процессах.

Ключевые слова: миграция, интеллект, экономика.

Для более эффективного выполнения различных задач, у человека должен быть соответствующий уровень компетенции. Чем сложнее задача, тем сложнее освоить способ её решения, и тем выше потребность в наличии соответствующих способностей и компетенций у человека. В условиях современного мира и постоянного приумножения знаний человечества всю большую роль в экономическом успехе, как отдельной личности, так и целых групп играют умственные способности. За последние сто лет сделан большой технологический шаг: в космосе находятся сотни спутников, а для того, чтобы послать сообщение на тысячи километров достаточно нажать кнопку. Параллельно с этим появляются новые компетенции и профессии, требующие огромного интеллектуального капитала.

Сам по себе интеллект измерить нельзя, но можно с помощью различных тестов установить способность человека решать сложные задачи за определенное время. Таким способом измеряется интеллект, его когнитивные способности и человеческий капитал.

В данном исследовании опора делается на результаты тестов PISA [1], как на один из наиболее релевантных и значимых на данный момент.

Существует мнение о том, что экономический успех государства напрямую коррелирует с коэффициентом интеллекта. Главным популяризатором этой теории является британский ученый Ричард Линн. В соавторстве с финским ученым Тату Ванханненом была издана книга «IQ and the Wealth of Nations» [2], в которой последовательно доказывается эта теория.

Корреляция действительно существует: для подтверждения взяты показатели ВВП из данных МВФ за 2017 год [3] и данные результатов PISA за 2015 год ряда государств, не являющихся крупнейшими экспортёрами нефти так как изобилие главного энергетического сырья делает государство богатым за счёт его постоянной продажи.

Государство	ВВП на душу населения в долларах США	Результаты учащихся в тестах PISA
Гана	6099	71
Индия	7287	82
Бразилия	15739	83
Египет	12698	83
Коста-Рика	16920	87
Турция	27049	90
Португалия	30622	95
Исландия	53834	95
Новая Зеландия	38776	100
Южная Корея	39548	106
Япония	42819	105
Германия	50804	102
Великобритания	44365	100
Сингапур	95508	103
Швейцария	62131	101
Гонконг	61529	107
Тайвань	50593	106

Рис. 1

Как мы видим, корреляция действительно очень высокая. Чем выше результаты школьников, тем лучше в государстве экономика.

Если проанализировать карту миграционных потоков [4], то становится ясно, что больше всего мигрантов стремятся из экономически слабых стран в более сильные. В лидерах стран по числу мигрантов на 2017 год находится Германия, там проживает более 12 миллионов мигрантов. Так же в лидерах находится и Саудовская Аравия, примерно с таким же числом приезжих. Зачастую это низко квалифицированная рабочая сила или беженцы.

Проблема заключается в том, что приезжие, представляющие обычно менее качественный человеческий капитал в условиях постоянного и динамичного развития науки и технологий, не способствуют экономике, а тормозят её развитие. Когнитивные способности человека — это прежде всего наследственная характеристика и до полной интеграции в принимающее общество необходим период в несколько поколений. К сожалению, современной статистики или исследований связанных изменением когнитивных способностей потомков мигрантов пока нет т. к. процесс требует долгосрочных наблюдений.

Но мигрируют не только беженцы и рабочие. Существует понятие «утечка мозгов». Вследствие различных исторических событий и социальных условий люди, обладающие высоким интеллектом: учёные, высококвалифицированные специалисты покидали место своего рождения для более благоприятных условий существования. Так, после распада СССР до 2004-го года согласно заявлению бывшего заместителя Министра образования и науки Российской Федерации Дмитрия Ливанова Россию покинуло около 25-ти тысяч ученых, еще 30 тысяч работают за рубежом по контракту. Многие российские ученые и специалисты нашли себя в крупных научных центрах и компаниях.

Характерным примером служит один из основателей фирмы Google Брин Сергей Михайлович. Его отец и мать – математики, эмигрировавшие в США на постоянное место жительства в 1979 году, когда Сергею было 5 лет. Впоследствии, Сергей, получив образование по специальности «Математика и вычислительные системы», приложив достаточно усилий и таланта, разработал поисковую систему, которой пользуется во всех уголках мира.

Наиболее дальновидные страны создают условия для привлечения высококвалифицированных специалистов, а также используют систему отбора по таким критериям как образование, опыт работы и профессиональные навыки. Подобные меры проводятся, например, в Канаде.

Привлекая больше умных людей, государство создает фундамент для будущего своей экономики. Противоположный процесс, при котором государство приглашает дешевую рабочую силу и низкий человеческий

капитал, может какое-то время играть экономике на руку, но в долгосрочной перспективе результатов скорее всего не даст.

В ближайшем будущем человечество начнёт использовать беспилотные автомобили и отправит экспедицию на Марс [5], а значит появятся новые, более сложные компетенции. Чтобы достичь успеха в таких условиях государства должны серьезно задуматься о демографии, миграции и образовании внутри своей страны.

Литература

1. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (PISA). URL: <http://www.oecd.org/PISA/>
2. *Richard Lynn, Tatu Vanhanen. IQ and the Wealth of Nations (Human Evolutions, Behavior and Intelligence).* 2002. 320 p.
3. Международный Валютный Фонд. URL: <https://www.imf.org>
4. Migration Data Portal. URL: <https://migrationdataportal.org>
5. Проект MarsOne. URL: <http://www.mars-one.com/>

С.Д. Кружилин

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭМИГРАЦИОННЫЕ ИНТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТГУ

Науч. рук. — д-р ист. наук, профессор Л.В. Дериглазова

Данная статья посвящена проблемам роста числа молодых людей, которые хотят эмигрировать за границу. В частности, предлагается ответить на следующий вопрос: каковы причины миграционных интенций студентов ТГУ.

Ключевые слова: эмиграция студентов, молодежь, молодые ученые.

По словам руководителя Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН Рязанцева С.В. и ведущего научного сотрудника Центра социальной демографии экономической социологии Института социально-политических исследований РАН Лукьянца А.С., в настоящее время в Российской Федерации на государственном уровне основное внимание приковано к проблемам иммиграции в страну, прежде всего трудовой иммиграции. Это обусловлено возросшими масштабами иммиграции, ее значительным вкладом в социально-экономическое развитие страны, а также этнокультурными изменениями в российском обществе.

На этом фоне вопросы эмиграции из страны практически не находят отражения в миграционной политике государства. Например, в Концепции

государственной миграционной политики, утвержденной Указом президента РФ В.В. Путиным от 13 июня 2012 г., – проблема эмиграции не рассматривалась. Единственным упоминанием стало предложение во II разделе, что «продолжается эмиграционный отток из страны», и «эмигранты» также упоминаются вскользь в контексте возвратной миграции. Между тем, многие исследователи отмечают, что эмиграция из России приобрела многообразные формы, значительные масштабы, сопровождается вывозом капитала и утратой интеллектуального и делового ресурса страны [1. С. 2].

Эмиграция российских граждан на постоянное место жительства была традиционно направлена в страны “классической эмиграции” – США, Германию, Израиль. Однако за последние десять лет произошла существенная диверсификация географии эмиграции за счет стран “новой эмиграции”, расположенных как близко к России (Финляндия, Болгария, Чехия, Турция), так и в значительном удалении от нее (Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Латинская Америка). Многие люди выехали на постоянное место жительства вместе со своими капиталами, инвестировав их в экономику принимающих стран и уже став их гражданами [3; 4].

В большинстве своем трудовые мигранты из России – мужчины. Третья часть (35%) трудовых мигрантов – люди в молодом возрасте, от 16 до 29 лет. Четвертая часть (26%) – в возрасте от 40 до 49 лет. Пятая часть (21%) – от 30 до 39 лет. Это свидетельствует о том, что на международном рынке труда востребованы молодые люди. Особенно заметен этот перекос у женщин – трудовых эмигрантов из России, большинство из которых относится к молодым возрастным группам. За рубежом наиболее востребованными являются россияне со средним специальным (профессиональным) образованием — это примерно 40–50% от всех выехавших по контрактам за рубеж. Российские работники с высшим образованием за рубежом составляют примерно треть миграционного потока [2].

Ключевыми каналами эмиграции молодежи из России являются образовательная и трудовая эмиграция. На первый взгляд кажется, что и образовательная и трудовая миграции являются каналами временной миграции. Однако, как показывает практика, именно образовательная и трудовая миграции впоследствии превращаются в каналы выезда российской молодежи на постоянное место жительства. В большинстве принимающих стран одним из условий приобретения постоянного статуса является требование законного пребывания на территории страны в течение определенного периода времени (чаще всего 5 лет). Как правило, срок учебы в университетах и колледжах составляет от 4 до 6 лет. К тому же во время обучения или работы эмигрант знакомится с культурой, учит язык, приобретает специфический акцент. Наличие документа об образовании,

знание языка и культуры, непрерывное нахождение на территории иностранного государства позволяет российским гражданам обратиться за получением статуса резидента принимающей страны. Отчасти это справедливо и для трудовой эмиграции. Довольно часто трудовые мигранты поступают на курсы или даже в колледжи и университеты для получения диплома об образовании принимающей страны.

Проблема нашего исследования состоит в том, чтобы выяснить при каких обстоятельства студенты Томского государственного университета готовы эмигрировать из России.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить объективные и жизненно-биографические обстоятельства жизни, которые порождают желание эмигрировать. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

1. Выявить уровень удовлетворенности возможностью трудоустройства, стабильностью, материальным обеспечением, уровнем получаемого образования молодых людей.
2. Выявить наличие взаимосвязи между уровнем удовлетворенностью жизнью в России и желанием уехать.
3. Выявить биографические обстоятельства интервьюированных.
4. Выявить предпочитаемые страны эмиграции и причины, по которым эти страны выбраны.

Гипотеза нашего исследования предполагает, что желание выехать из России обусловлено неудовлетворённостью социальным положением и перспективами жизни.

В рамках исследования планируется применять такие научные методы, как: анкетный онлайн опрос и биографическое интервью. Доступ к анкете будут иметь все студенты ТГУ, у которых есть доступ к сети интернет. С помощью анкетного опроса мы предполагаем, выяснить: какое количество студентов ТГУ планирует в ближайшее время на длительный срок (от 1 года) покинуть территорию России; какие причины заставляют студентов задумываться о переезде в другую страну; вернулись бы из заграницы, если бы получили там образование. Биографическое интервью мы планируем провести со студентами, которые в ближайшее время или уже обучаются за рубежом. С его помощью мы планируем выяснить, какие жизненно-биографические обстоятельства подтолкнули информанта к эмиграции и планирует ли он вернуться в дальнейшем в Россию.

Отличие нашей работы от других исследователей, которые занимались данной проблемой, заключается в том, что исследование будет проходить после таких социально-политических событий, как: повышение НДС, повышение пенсионного возраста, принятие закона о «Суверенном интернете».

Подводя итоги, мы можем сказать, что большинство ученых и экспертов сходятся во мнении, что эмиграция молодежи на постоянное место жительства – явление негативное, подрывающее демографическую и социально-экономическую ситуацию страны. К сожалению, некоторые молодые люди, окончив университеты в России, не видят перспективы работы по специальности, не чувствуют своей востребованности, не получают достойной оплаты труда. Кроме того, сокращение численности молодежи несет и экономические проблемы, связанные с сокращением некоторых сегментов потребительского рынка, рынка образовательных услуг, налоговых поступлений и пр. Нужно также отметить социальный аспект – общество, в котором мало молодежи, часто теряет социальный оптимизм и динамику развития [2].

Литература

1. *Рязанцев С.В.* Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. Научный журнал Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2. С. 81–93.
2. *Рязанцев С.В., Лукьянец А.С.* Эмиграция молодежи из России: формы, тенденции и последствия / EMIGRATION OF YOUTH FROM RUSSIA: FORMS, TENDENCIES AND CONSEQUENCES // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 66(1). С. 59–72.
3. *Ryazantsev S.V.* Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community // ANU Centre for European Studies Briefing Paper Series. 2013. Vol. 4, № 5.
4. *Ryazantsev S.V.* The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 3. Pp. 155-163.

А.А. Кузьмина

ДЕБАТЫ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.В. Хахалкина

Термин «европейская идентичность» в отечественной и зарубежной историографии трактуется исследователями по-разному. В статье анализируются взгляды на эту категорию ведущих российских и западных ученых.

Ключевые слова: европейская идентичность, Европейский союз, историография.

Создание и развитие Европейского союза (далее ЕС) происходило на протяжении длительного времени, и даже сейчас ЕС не является полностью сформированной, действующей без сбоев международной организацией. Одним из проблемных направлений с момента ее создания является необходимость в поиске сплачивающих смыслов, которые смогли бы сделать союз более естественным образованием. Сегодня в составе находятся 28 государств, обладающих разной историей, культурой, а также уровнем экономического и политического развития, что не позволяет на данном историческом этапе сделать их единой силой.

Термин «европейская идентичность» появился в 1973 г. в связи с выходом «Декларации европейской идентичности» («Declaration on European identity») и рассматривался как наиболее подходящий фактор для объединения стран-участниц. Для авторов данного документа значение термина «европейская идентичность» сводилось к таким элементам как представительная демократия, верховенство закона и социальная справедливость, экономический прогресс и права человека. Эти «элементы идентичности» строились на общем историческом наследии, единых интересах и особых обязательствах, стоящих перед европейскими странами.

Целью работы является анализ критериев, составляющих термин «европейская идентичность», в работах М. Берендеева, В. Иноземцева и Е. Кузнецовой, Ф. Фукуямы и Э. Бакке. В области изучения идентичности ЕС авторы являются весьма авторитетными, а их темы достаточно проработанными. Данные авторы сходятся во мнении, что понятие «европейская идентичность» для ЕС является стержневым в достижении единства и сотрудничества. Разное понимание успешности построения общеевропейской идентичности и смысла самого термина авторы видят поразному, что позволяет всестороннее ознакомиться с проблемой.

Анализируя **базовые ценности** европейских стран (свободу личности, либеральную экономику, демократические нормы права и этнокультурализм), провозглашённые в Декларации, М. Берендеев, доцент Балтийского федерального университета, заключает, что они не могут лежать в основе самоопределения европейцев, потому что имеют значение за пределами Европы или Европейского союза [1. С. 71].

Рассматривая **исторические предпосылки** европейского объединения, исследователь делает вывод об их слабом основании. Европейские страны на протяжении истории постоянно находились в состоянии соперничества и борьбы, поэтому нецелесообразно говорить о долгосрочных исторических истоках европейской идентичности. Элизабет Бакке, доцент Университета Осло, также считает, что у европейских стран не так много

общего. Вместе с этим она видит выход в непростой возможности переформулировать исторические события. Так, например, различные военные конфликты между династиями, государствами и племенами перевести в разряд внутренних войн. Вместе с этим попытаться найти «Золотой век» для всех европейских стран, что так же сложно, потому что периоды величия одних стран часто являлись периодами упадка других [4].

В. Иноземцев, доктор экономических наук и Е. Кузнецова, преподаватель СПбГУ, наоборот, считают, что в истории можно найти критерии, отличающие Европу от остального мира: это гуманистические идеалы, гражданское общество и демократическая система, значимое место идеи прогресса, открытость европейской цивилизации и распространение влияния далеко за пределы региона [2. С. 3–4]. Именно это отличие, по мнению авторов, составляет основу европейского самосознания. Хотя, как указывал М. Берендеев, данные критерии являются слишком общими.

Изучая **политическую ситуацию** в ЕС, Берендеев предположил, что политическая интеграция ЕС так и не состоялась, а Союз так и не стал международным актором. До сих пор не решен вопрос о легитимности наднациональных структур и их связи с гражданами государств [1. С. 74]. Для решения политических проблем, Берендеев считал необходимым для граждан сделать институты ЕС значимыми и всеобъемлющими.

Ф. Фукуяма, известный зарубежный политолог, видит политическую проблему в германизации ЕС. Он считает, что переход к фискальному союзу может привести к остановке развития демократии в Европейский союз [3].

Важным измерением европейской идентичности является **культура**. Но и тут, например, М. Берендеев считает, что культурные основания достаточно слабы. Само культурное разнообразие стран ЕС является огромной проблемой, которая ставит под сомнение возможность построения идентичности. Такие культурные составляющие как язык, религия и национальность не могут служить основным мерилom, хотя выбрасывать их из поля зрения не составляет возможным. Например, такая категория, как язык, является основополагающей для любой нации, а создание единого общества, где люди друг друга не будут понимать, невозможно. Определённым выходом может стать английский язык, на котором уже сейчас говорят элиты и значительная часть европейского населения и мира. Особое внимание языку уделяла и Э. Бакке. Она видела взаимосвязь между языком и национальностью – второе невозможно без первого.

Для В. Иноземцева и Е. Кузнецовой язык не представлял проблемы. Они считали, что более половины европейских граждан знают хотя бы один иностранный язык, тогда как около четверти населения говорит на

двух и более. Они так же не видят в культурном многообразии проблему и считают, что именно в культурной особенности Европы и лежит ключ к построению европейской идентичности.

Одним из положительных критериев «европейской идентичности» Берендеев выделял объединение людей против кого-то. Так, например, европеизация польского самосознания происходила на основе антисоветского чувства. Именно **общий враг**, может стать основой объединения людей. Данный критерий поддерживала и Э. Бакке. Она считала, что ЕС для укрепления идентичности необходима маленькая война против России [4].

В. Иноземцев и Е. Кузнецова строили свое исследование на противопоставлении Америки и Европы. Он считали, что «американская... культура настолько сильно отличается от европейской, что европейцев, если сравнивать их с американцами, можно считать принадлежащими к единой культурной традиции» [2. С. 6]. Можно даже сказать, что европейцы формируют свою культурную идентичность как противостоящую американской.

Важным вопросом останется и место **национальных идентичностей**. М. Берендеев и Э. Бакке сходятся во мнении, что развить европейскую идентичность, возможно только путем обогащения национального самосознания путем постепенного включения европейских компонентов. Несомненно, приобретая новую идентичность, не обязательно теряется старая, а получается некий дополнительный уровень, который позволяет ощущать себя в той самой идентичности. Не это ли есть наиболее подходящее определение термина, что европейская идентичность, не более чем дополнительный уровень личного самосознания и им можно воспользоваться по необходимости.

Особое место тема национальной и общеевропейской идентичность заняла в одной из работ уже упомянутого Ф. Фукуямы. Он считает, что появление постнациональной идентичности стало своеобразной возможностью выжить после двух пережитых мировых войн, так как уровень государственного национализма должен было привести к концу европейской цивилизации. Строительство общеевропейской идентичности происходило на базе антинациональной идентичности.

С развитием таких проблем, как бесконтрольная иммиграция и терроризм «призраки этих старых идентичностей становятся реальной проблемой» [3]. Именно поэтому, считает автор, не стоит пренебрегать национальной идентичностью: «Успешное общество немыслимо без какого-либо национального строительства и национальной идентичности» [3].

Что касается формальных характеристик ЕС, то М. Берендеев указывает на резкий рост числа государств-членов союза, который привел к осложнению и замедлению создания общеевропейской идентичности.

Особое внимание этому уделяла и Э. Бакке. Европейскую идентичность, по ее мнению, легче развивать в объединении с меньшим количеством стран-участников, так как значительное расширение может привести к разрушению европейского самосознания.

Стоит так же отметить такой важный критерий, поднимаемый только в работе Э. Бакке: это роль СМИ. Пока ключевые проблемы, связанные с формированием общеевропейской идентичности, не будут подниматься на наднациональном уровне в газетах и теле-радиовещании, закрепление понимания, что «я-европеец» практически невозможно. Интересно, что и спорт, считает Бакке, может помочь развитию самосознанию европейцев.

Анализируя работы данных авторов, можно сделать вывод, что практически все считают, что экономические, политические, социальные критерии являются слишком общими, чтобы определить европейскую идентичность. Вместе с этим по вопросу исторических истоков нет единой точки зрения у авторов. В основном в своих работах авторы обращаются к культурным аспектам, выделяя из них – язык, гражданство, национальность и религию. Особое внимание исследователи уделяют поиску общего врага, который позволит сплотить Европу и соотношению национальных и наднациональных черт в объединении.

Так как же можно определить «европейскую идентичность»? Если поиск сплывающих смыслов настолько затруднен, стоит ли их искать? Возможно, стоит обратить все свое внимание на создание новых. Для этого необходимо развить хорошо функционирующую политическую структуру, предать наднациональным органам все права, а как же усилить работу СМИ.

Литература

1. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 6. С. 70–79.
2. Иноземцев В., Кузнецова Е. Возвращение Европы. В поисках идентичности: европейская социокультурная парадигма // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 6. С. 3–14.
3. Francis Fukuyama. The Challenges for European Identity // The Global journal. URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469/> (дата обращения: 20.05.2019).
4. Bakke E. Towards a European Identity? URL: https://folk.uio.no/stveb1/Towards_a_European_Identity.pdf (дата обращения: 20.05.2019).

Е.А. Полторанина

**РОЛЬ МИГРАЦИОННОГО ФАКТОРА
В ИТОГАХ ГОЛОСОВАНИЯ ПО ПРОЕКТУ ЕВРОКОНСТИТУЦИИ
ВО ФРАНЦИИ В 2005 г.**

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.В. Хахалкина

В статье показаны причины провала проекта Евроконституции во Франции в 2005 г. Особое внимание уделено миграционному фактору, который занимает центральное место в современных дискуссиях о будущем Европейского союза.

Ключевые слова: Франция, Европейская конституция, референдум, иммиграция.

Европейский союз формировался поэтапно: после Второй мировой войны правительство Франции предложило объединить усилия для экономического восстановления и решения германского вопроса. В 1951 г. было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), в которое вступили Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, ФРГ. Следующим шагом стало образование в 1957 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС) – или Общего рынка – и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) как гаранта объединения ядерных ресурсов стран, а в 1967 г. ЕОУС, ЕЭС и Евратом объединяются в Европейские сообщества.

Первое расширение Европейских сообществ осуществилось в 1973 г. – Великобритания, Дания и Ирландия вступили в организацию после одобрения поданных заявок. Спустя некоторое время довольно четко наметилась тенденция к увеличению количества членов сообщества: в 1981 г. Греция входит в состав ЕЭС, а в 1986 г. Испания и Португалия. В 1992 г. был заключен Маастрихтский договор, трансформировавший Европейские сообщества в Европейский Союз. В 1995 г. Австрия, Финляндия и Швеция становятся членами Евросоюза. 2004 год знаменует собой самое крупное расширение за всю историю наднациональной интеграции – в состав Европейского союза вошли 10 стран: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Словакия, Словения и средиземноморские островные государства Кипр и Мальта. Однако на этом развитие союза не останавливается – ЕС продолжает разрабатывать программу общеевропейского движения.

На фоне этих событий к началу 2000 г. возникла необходимость создания такого нормативно-правового акта, который заменял бы собой все

ранее принятые договоры (Римские договоры, Маастрихтский, Амстердамский, Ниццкий) и обеспечивал бы Европейскому Союзу нормальное функционирование во всех областях его деятельности. Разработка такого документа была возложена на В. Жискара д'Эстена, руководителя «Конвента о будущем Европейского союза» – временного представительного органа, в который вошли послы всех государств-членов и руководители институтов ЕС, созданного в 2001 г.

В 2004 году документ был составлен и одобрен на специальном саммите ЕС. Договор содержал 450 статей и 60 000 слов, что сделало европейскую конституцию самым масштабным и подробным конституционным актом в мире. Конституция Европейского Союза предусматривала должность президента в Совете ЕС и должность министра иностранных дел; предполагалось сокращение состава Еврокомиссии и замену метода принятия решений с принципа консенсуса на принцип «двойного большинства» [1].

Для вступления договора в силу был необходим процесс ратификации странами ЕС путем голосования в парламенте или же на всенародном референдуме. В большинстве стран ратификацию провел Парламент. Великобритания, Дания, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия и Франция выбрали методом одобрения всенародное голосование. 29 мая 2005 года во Франции проект Евроконституции был отвергнут большинством голосов.

На протяжении всего процесса от создания документа до ратификации Конституции проводились различные статистические сборы информации, изучение общественного мнения для выявления настроений среди граждан Франции и оценки отношения к принятию Евроконституции [2]. Наиболее распространенным поводом сказать «нет» на референдуме было то, что население было обеспокоено негативной обстановкой в стране в сфере занятости, экономики, социальной политики (рис. 1).

Многие были обеспокоены всё увеличивающимся наплывом мигрантов, просящих убежища. В конце 80-х годов число ходатайств о предоставлении убежища во Франции значительно возросло - это можно объяснить тем, что иммигранты все чаще прибегали к праву убежища в отсутствие других законных каналов миграции [4]. Бюрократические препятствия и тенденция к снижению уровня признания привели к сокращению числа заявителей в 1990-х годах. Однако число заявлений о предоставлении убежища снова возросло в конце 1990-х годов. Наибольшее число – 59 770 заявлений – было отмечено в 2003 году. В 2005 году вновь происходит сокращение заявок (50 050), тем не менее, в том же году Франция стала страной с наибольшим количеством заявлений о предо-

ставлении убежища во всем мире. В 2006 году количество заявок резко упало до примерно 35 000 заявок. Это снижение было обусловлено, прежде всего, улучшением мер пограничного контроля в соответствии с европейской политикой пограничного контроля [5].

Рис. 1

Во многих гетто, находящихся в мрачных пригородах, царила атмосфера безнадежности и отчаяния: люди, маргинализированные и безработные из-за цвета кожи или иммигрантского происхождения своих родителей, не могли обеспечить себе достойную жизнь. Дискриминация в отношении детей иммигрантов усиливалась, напряженность стала распространяться как со стороны самих иммигрантов, так и со стороны граждан Франции, нередко вспыхивали конфликты и волнения, которых всё чаще опасались французы [6].

Миграционная политика, не оправдывающая ожидания населения, рост уровня безработицы, нарастающие конфликты и отсутствие прогресса в социальной политике привели к тому, что граждане Франции сами расставили приоритеты – и сейчас для них важно было не строительство и расширение Европейского союза, не углубление интеграции, а решение насущных социальных проблем.

После провала проекта Конституции ЕС было необходимо серьезно упростить структуру коллективных органов, принципы и порядок их ра-

боты, сделать их деятельность более понятной и прозрачной. На решение этой двудеиной задачи был напавлен Лиссабонский договор.

Литература

1. Treaty establishing a Constitution for Europe., Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005. 482 p.
2. Flash EB 159 «Future European Constitution ». 2004. 92 p.
3. EUROBAROMETER Special 214: The Future Constitutional Treaty I, 2005. 102 p.
4. UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees) – The UN Refugee Agency [Internet resource]. URL: <https://www.unhcr.org/>
5. France. [Internet resource]. URL: <http://focus-migration.hwwi.de/France.1231.0.html?&L=1>
6. Les prédications d’Alain Finkelkraut : «Mon savoir absolu sur les quartiers populaires». [Internet resource]. URL: <https://www.acrimed.org/Les-predications-d-Alain-Finkelkraut-Mon-savoir-absolu-sur-les-quartiers>
7. Flash EB171“The European Constitution: Post-referendum survey in France”, 2005. 89 p.

К.И. Попова

ИЗ АФРИКИ В ЕВРОПУ: ПУТЬ В НИКУДА

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.В. Хахалкина

В статье рассматривается нелегальная миграция из африканских стран в страны Европейского Союза и те меры, которые предпринимал ЕС для борьбы с этим явлением в 2015–2018 гг., её причины и последствия. Даётся оценка политики Евросоюза по борьбе с нелегальной миграцией из Африки.

Ключевые слова: миграции, Африка, Европа.

Миграционные процессы, как следствие глобализации, стали в XXI веке одним из важнейших аспектов социально-экономической жизни всех стран мира. Один из основных путей миграции сегодня – из Африки в Европу. Низкий уровень жизни в большинстве стран африканского континента побуждает местное население отправляться на поиски лучшей жизни в благополучные страны Европейского Союза. Поток мигрантов из Африки стекается сначала в Ливию, а оттуда – через Средиземное море – в Италию и Испанию, откуда расселяется по странам ЕС. Европейский Союз с каждым годом пытается ужесточить миграционные законы и остановить незаконную миграцию. Целью работы является характеристика текущей ситуации в вопросе миграции из Африки в ЕС и анализ

тех мер, которые принимает ЕС для решения проблемы нелегальных миграций.

В 2015 году в Европе разгорелся миграционный кризис. Причин этому несколько – война в Сирии, которая значительно увеличила количество беженцев; открытые границы – приехать в Европу было достаточно легко; благоприятные условия в принимающих странах. Что касается мигрантов из Африки – многие из них едут в те страны, где уже обосновались их родственники и знакомые, это психологически упрощает миграцию [1]. Кризис показал, что Европа не готова размещать и интегрировать большое количество мигрантов, а те, в свою очередь, не всегда готовы жить по европейским правилам, в силу своих культурных установок. Кроме того, наряду с теми, кто действительно нуждается в убежище (те, кто бежит из зон военных действий), в Европу активно едут те, кто просто ищет лучшей жизни, так называемые экономические мигранты. В связи с кризисом Европейский Союз начал принимать меры, направленные на то, что бы контролировать поток мигрантов и пресекать нелегальную миграцию.

В 2015–2016 годах были приняты следующие меры по борьбе с нелегальными мигрантами: увеличен бюджет и возможности агентства Frontex, занимающегося охраной границ ЕС, чтобы проводить спасательные операции в Средиземном море; направлены силы на поиск информации о схемах контрабандистов, занимающихся перевозом людей в Средиземноморье; разработан список безопасных стран, чтобы отсеивать экономических мигрантов [2].

Подписанная в 2017 году Мальтийская декларация должна была ограничить въезд нелегальных мигрантов в Италию через Средиземное море. Для этого ЕС выделил средства на усиление береговой охраны в Ливии, а также договорился о начале «гуманитарной репатриации» мигрантов на африканский берег [3]. И действительно, ловля мигрантов в открытом море стала более продуктивной. Однако, проблема в том, что возвращённые на африканский берег мигранты вынуждены оставаться в нестабильной Ливии. Там они, лишённые средств и нежелающие возвращаться домой, зачастую живут в лагерях для беженцев в ужасных условиях или попадают в рабство к местным жителям [4].

В 2018 году был принят миграционный пакт ООН, рассматривающий широкий круг вопросов, связанных с миграциями. Он носит рекомендательный характер, и ставит перед международным сообществом 23 цели. Среди них стоит выделить те, которые пытаются решить проблему незаконной миграции: повышение эффективности транснациональных мер противодействия незаконному ввозу мигрантов; предупреждение, пресе-

чение и искоренение торговли людьми в контексте международной миграции; интегрированное и безопасное управление границами с координацией усилий. Кроме того, в пакте предлагается упростить систему переводов денежных средств в родные страны мигрантов, так как это считается весомым вкладом в развитие экономики этих стран [5].

В июне 2018 года прошёл саммит по вопросам нелегальной миграции, в котором приняли участие 16 из 28 стран ЕС. На саммите развернулась дискуссия о том, кто должен нести ответственность за мигрантов, уже въехавших на территорию ЕС. Принять какое-либо общее решение участникам не удалось, так как точки зрения по этому вопросу разделились. По Дублинскому соглашению за мигранта ответственна та страна, на территорию которой он совершил первый въезд. Однако премьер-министр Италии Джузеппе Конте предложил отказаться от этого правила. Он предложил, чтобы для каждой из стран в составе европейского сообщества были введены квоты на экономических мигрантов. Кроме того, Конте считает, что специальные центры по приему мигрантов должны располагаться не только на территории Италии и Испании, но и в других государствах европейского сообщества [6]. Таким образом, мы видим, что те государства, в которые в первую очередь прибывают мигранты, недовольны тем, что на них ложится гораздо больше забот и ответственности по приёму мигрантов, чем на других членов Евросоюза.

То, что действительно делает Евросоюз – вновь и вновь выделяет средства на защиту границ. Так, в 2018 году 55 млн евро получили Тунис и Марокко, Испания получила 25,6 млн евро, а также почти 200 специалистов, а также два судна, самолет и вертолет для обеспечения безопасности испанского побережья [7].

Выдвигается также предложение создавать центры по приёму беженцев в странах Северной Африки. Суть идеи в том, чтобы всех перехваченных в Средиземном море отправлять в такие центры, экономических мигрантов сразу отсеивать и возвращать на родину, судьбу остальных – решать в Северной Африке, а не на территории Евросоюза. Однако это предложение вызывает негодование властей данных стран [8]. Действительно, концентрация беженцев в таких нестабильных странах, как Ливия, может и оградит ЕС от потока мигрантов, но создаст дополнительный очаг напряжения. И наоборот, есть идея создавать закрытые охраняемые лагеря на территории стран Европы, куда прибывают мигранты, и в этих лагерях проводить их распределение. Кроме того, было предложено расширить полномочия и увеличить количественный состав приграничной службы ЕС Frontex [9].

Как мы видим, Европейский Союз тратит значительные средства, пытаясь урегулировать ситуацию с незаконной миграцией из Африки, а

также принимает различные законодательные акты, ограничивающие право на въезд. Все эти меры, по нашему мнению, не решают проблему окончательно. Мигранты будут находить пути, пока им будут помогать те, кому это выгодно – контрабандисты, а также связанные с торговлей людьми и незаконными перевозками представители властей. Вычислять и ограничивать действия этих людей достаточно проблематично, и, следовательно, необходимо бороться не со следствием, а с причиной – тяжёлой социально-экономической ситуацией в Африке, которая вынуждает людей эмигрировать. Пока в странах Африки сохраняется нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация, все её жители, мечтающие о лучшей жизни, будут стремиться переехать в Европу. Естественно, процесс «становления» стран Африки займёт ни одно десятилетие. Связано это как с проблемами обеспечения помощи со стороны ЕС, с «видами» на Африку таких держав, как Китай, США и Россия, так и с традиционными проблемами африканских народов, например, с трайбализмом, низкой политической и экономической культурой.

Литература

1. Гасанов Р.М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/migratsionnyy-krizis-v-evrope-prichiny-posledstviya-perspektivy-razresheniya>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).
2. Потёмкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/migratsionnyy-krizis-i-politika-evropeyskogo-soyuza>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).
3. ЕС в рамках борьбы с миграционным кризисом решил активнее помогать Ливии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170203/1487150266.html>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).
4. В одной лодке: как ЕС и Ливия пытаются решить вопрос нелегальной миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/418815-liviya-migranty-italiya>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).
5. Глобальный договор ООН о миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.err.ee/877566/globalnyj-dogovor-oon-o-migracii-polnyj-tekst>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).
6. Венкина Е. Италия предложила свой план на экстренной встрече по беженцам [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/5ojL>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).
7. Кропман В. Евросоюз выделит 55 млн евро на защиту границ в Северной Африке [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/5ojN>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).

8. *Шаталин В.* Премьер Ливии отказывается строить центры для нелегальных мигрантов [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/5ojJ>, свободный (дата обращения: 28.05.2019)

9. *Мыльников П.* 10 тысяч пограничников будут направлены на внешние границы ЕС Глобальный договор ООН о миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/5ojG>, свободный (дата обращения: 28.05.2019).

Р.Р. Хасанов

ДИСКУССИЯ ОБ АВСТРИЙСКОМ ПАНСЛАВИЗМЕ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ В НАЧАЛЕ 1880-х гг.

Науч. рук. — д-р ист. наук, профессор С.В. Фоменко

В статье впервые исследуется дискуссия между славянофилами и умеренными либералами об идентичности, конструируемой в Австро-Венгрии с помощью особой интерпретации панславизма. С помощью изучения этого неизвестного спора автор призывает к изменению имеющихся теоретических представлений о панславизме.

Ключевые слова: дискуссия, Австро-Венгрия, журналистика.

Австро-венгерская проблематика особенно актуальна при выявлении проблем, связанных с идентичностью и национальным вопросом. Это было так и в начале 1880-х гг., когда в российской журналистике возникло представление о создаваемой в Австро-Венгрии идентичности, основанной на особом типе панславизма. По поводу ее сущности был спор между славянофилами и умеренными либералами.

До нас к этому спору не обращались. Рассмотрение дискуссии позволит лучше понять процесс эволюции теоретических представлений о панславизме и скорректировать уже наши воззрения.

Само слово «панславизм» возникает в Австрии. Термин вошел в широкое употребление после публикации в начале 1820-х гг. поэмы словацкого мыслителя Яна Коллара “Дочь Славы”, повлиявшей на всех первых русских панславистов [1. С. 97–98]. Так, А.Ф. Гильфердинг, специалист по славянскому языкознанию, также понимал панславизм как процесс взаимного сближения культур славянских народов [2. С. 16].

К концу 1860-х гг., в связи с качественным преобразованием политического строя монархии Габсбургов расширяется интересующий российских авторов спектр вопросов: интерес к славянским народам стал приводить к рассуждениям о том, как этничности империи вообще должны сосуществовать и что будет с самой империей [3. С. 858; 4. С. 874].

Дискуссия предлагала два разных взгляда на конструируемую в империи идентичность. Но какой тип панславизма ассоциируется с дунайской монархией в сегодняшней историографии?

Теоретически панславизм рассматривают редко. Высказывается взгляд, согласно которому панславизм в Австро-Венгрии был противоположен австрославизму [5. С. 7–8]. Его воспринимают как заменитель радикальной оппозиции в Австрии, используемый для шантажа правительства для достижения своих целей. При таком взгляде мы не учитываем возможных попыток Австрии использовать панславизм.

Прояснив теоретические моменты, перейдем к самой дискуссии. Противниками были славянофилы газеты “Русь”, издаваемой И.С. Аксаковым и в целом умеренно либеральный “Вестник Европы”.

Газета “Русь” смотрела на Австрию как государство, которому славяне принесены в жертву, чтобы та могла поддерживать свой внутренний мир [6. Л. 9]. Дуализм оценивался как лишивший славянство даже “простых прав национальности” [7. Л. 8].

Дуализм не стабилизировал монархию. Для стабилизации – попытка переключить внимание на внешнюю политику. Австрия активно навязывает южным славянам свои концессии [8. Л. 10]. Для внешнеполитических целей сменили внутреннюю политику. Правительство стало “кокетничать” со славянами [9. Л. 10–11]. Уступки правительства, с точки зрения “Руси”, крайне незначительны. Они считали, что чешская нация развивается вопреки усилиям австрийского правительства [10. Л. 18]. Говорили даже о том, что Австро-Венгрия – “обетованная земля для еврейства” [11. Л. 12], где юдофильские кружки выступают против пробуждения самосознания славян.

Переродиться в федерацию Австрия не может из-за вражды, исторически сложившейся между ее народами [12. Л. 9]. Австрию считали отрицанием всякой национальности, всякого единства [13. Л. 11]. Авторы газеты были убеждены, что Россия может расшатать Австрию панславизмом [14. Л. 8].

Однако считали, что Австрия сама пользуется панславизмом в своих целях. С благословения Бисмарка и при поддержке всей Европы она создает свой австрийский панславизм. Его понимают как систему объединения славянских народов в лоне католической церкви и под властью Габсбургов [15. Л. 7]. Этот панславизм нужен империи для конструирования у православных славян новой идентичности. Считалось, что Вене это нужно для экспансии на Балканах.

Особый акцент делался на энциклике папы Льва XIII о беатификации Кирилла и Мефодия. 5 июня объявлялось праздником этих святых для

всех католиков. В газете это восприняли как план новой гигантской унии. В том же духе восприняли факт разрешения славянам-католикам в Австрии богослужения на своем языке Львом XIII.

Австрия активно ведет свою католическую пропаганду на Балканах, способствуя созданию новой идентичности. В газете “Русь” считали, что деятельность по его созданию направлена против России и “невинных симпатий” к ней славян. Австрия пытается преодолеть национальные противоречия с помощью религии.

На некоторых территориях Австро-Венгрии “Русь” пыталась увидеть и конкретно политическое содержание этой политики по созданию австрийского панславизма. Рассказывая о Боснии и Герцеговине, писали, что здесь Австрия набирает солдат только из православных [16. Л. 11]. Так стимулировали переход в католичество и создавали основу для австрийского панславизма.

Считалось, что попытка Австрии построить общую идентичность на основе нового панславизма не удастся целиком и вовремя. Если и получится придать враждебным друг другу народам империи “национальную идею” [17. Л. 11], то лишь со временем.

Что же предложили идеологические оппоненты “Руси”? В апреле 1881 г., когда все ключевые элементы образа австрийского панславизма в “Руси” оформились, вышла первая часть статьи “Австрия, Германия и славяне”. В этой статье, состоящей из двух частей, было предложено иное понимание.

В “Вестнике Европы” понимали австрийский панславизм по-другому. Высказывались против обвинений в адрес внутренней политики Австрии. Дунайская монархия может исчезнуть из-за господства национального принципа, который в журнале последовательно критиковался [18. С. 864; 19. С. 439]. Не стоит нападать на попытки империи спастись от столь вредного для цивилизации национализма.

Оценка австрийской политики иная. Ее считают умнее, гораздо шире и либеральнее, чем простое окатоличение всех юго-западных славян [20. Ч. II. С. 424–425]. Это – строго обдуманная система, идущая к австрийскому панславизму. Австрия – единственная держава, внедряющая свободу наций. Госаппарат все менее немецко-централистский и все более федералистский.

В-третьих, славянофилов обвиняют в актуализации разделения славян на католиков и православных. Они слишком актуализировали православие и увеличили этим популярность австрийского панславизма [20. Ч. I. С. 857–858]. Из-за нетерпимости славянофилов неправославным пришлось обратиться к Австрии. Критиковали стремление Аксакова объединять славян на основе русского языка.

Стоит также отметить, что в журнале предлагалось понимание конструируемого панславизма скорее не как “австрийского”, а как “габсбургского”. Центром новой системы считали не государство, но монарха и династию. Австро-Венгрия или “Новая Австрия” – это федеративная монархия, основанная на правах национальностей.

Даже отпадение немецкой Австрии от монархии – не фатально. Новая идентичность, построенная “австрийским панславизмом”, основанная на осознании прав разных народов, соединенных в федерацию династией Габсбургов станет основой стабильности. Он позволит соблюсти интересы всех славянских народов и примирить их.

Уже в мае позиция либералов вызвала яростный ответ газеты “Русь”. Отвечали газете “Голос”, в одном из номеров которой кратко высказывались положения “Вестника Европы”. Крайне эмоционально доказывалось, что Австрия всеми неправдами и насилием окатоличивает православных славян [21. Л. 5]. Якобы она превратила религию в инструмент политики, стремясь с ее помощью объединить всех. Реальных аргументов не приводилось. К тому же, в ответе “Руси” вопрос об австрийском панславизме был лишь одним из многих.

В этой ситуации проблема австрийского панславизма неизбежно отходила на второй план, и в специальной статье “Вестника Европы”, направленной против Аксакова [22], вопрос о панславизме в Австрии уже не рассматривался.

После спора вырос интерес к Австрии. В “Руси” в 1882 г. появилась рубрика “Борьба славян с Австрией”. В “Вестнике Европы” в 1881 г. мы видим 3 публикации, затрагивающих австрийскую проблематику, то в 1882 г. – 6, в 1883 г. – 8. В 1884 и 1885 г. эффект ослабевает – 5 и 4 публикации соответственно. Видим рост интереса сразу после спора.

В завершение скажем, что это не был единственный конфликт на австрийской почве в российской прессе. Полемики вроде противостояния “Вестника Европы” с профессором Будиловичем [23. С. 304] возникали вплоть до Первой мировой войны.

Литература

1. Лебедева Г.Н. Путешествия русских славистов в славянские земли (из истории становления отечественной славистики) // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2016. № 9. С. 96–106.
2. Емельянов Е.П. Взгляды А.Ф. Гильфердинга на славянский вопрос в Австрийской империи. // Научный диалог. 2013. № 11. С. 13–20.
3. Ежемесячная Хроника истории, политики и литературы // Вестник Европы. Август 1867 г.

4. Иностранное обозрение: Результаты австрийского дуализма // Вестник Европы. Октябрь 1868 г.
5. *Павленко О.В.* Панславизм и его модели. // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
6. Политическая летопись // Русь. 1880. № 1.
7. Политическое обозрение (ПО) // Русь. 1880. № 5.
8. ПО // Русь. 1881. № 13.
9. ПО // Русь. 1881. № 9.
10. Письмо о Праге из Дрездена Ю.Ф. Самарина в 1864 году // Русь. 1881. № 11.
11. ПО // Русь. 1881. № 20.
12. ПО // Русь. 1881. № 15.
13. Кризис в Сербии (III) // Русь. 1882. № 12.
14. ПО // Русь. 1881. № 16.
15. ПО // Русь. 1880. № 3.
16. ПО // Русь. 1881. № 24.
17. ПО // Русь. 1880. № 4.
18. Иностранное обозрение: Граф Андраши и новое министерство в Австрии. // Вестник Европы. Декабрь 1871 г.
19. Иностранная политика: Австро-венгерские дела // ВЕ. Сентябрь 1879 г.
20. Австрия, Германия и славяне: политические заметки: в 2 ч. // ВЕ. Апрель – май 1881 г.
21. Вступительная статья номера // Русь. 1881. № 27.
22. Хроника: Ретроградная печать и голос провинции // ВЕ. Июль 1881 г.
23. *Пытин А.Н.* Теория общеславянского языка. – Ант. Будиловича “Общеславянский язык”. II. Окончание // Вестник Европы. Май 1892 г.

М.Ю. Чупин

СПРАВОЧНЫЕ КНИГИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Н.Г. Суворова

В статье исследуется влияние Справочников Переселенческого управления на формирование идентичностей (национальных, религиозных, подданных, территориальных) переселяющихся крестьян в Российской империи начала XX в.

Ключевые слова: переселение, Сибирь, идентичность.

Крестьяне Европейской России, решившись на переселение, переходили в болезненное состояние разрыва с малой родиной, с которой они преимущественно себя идентифицировали. В процессе переселения и водворения происходило формирование новых идентичностей под влиянием сибирской действительности, государственных официальных и общественных структур. Государственные структуры в этой ситуации могли принять участие в формировании новой идентичности, в рамках которой родина с маленькой буквы могла быть заменённой на Родину с буквы большой.

П.А. Столыпин, занимавший пост председателя правительства в 1906–1911 гг., считал необходимым теснее связать население Сибири общерусскими интересами, чтобы оно перестало быть «механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилева». «Иначе бессознательно и бесформенно создается громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию Европейскую» [1. С. 62]. Это суждение вообще, как представляется, было проявлением осознания государством недостаточной лояльности и поддержки населения, что ярко проявилось в революции 1905–1907 гг. и составах 1-й и 2-й дум. Помимо этого, многие государственные деятели опасались возможности идентификации населением Сибири себя как жителей колонии и видели необходимость противостоять этому идеологически (подробнее в монографии А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой «Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века» [2. С. 221–242]).

Цель работы – определить влияние справочников для переселенца на складывающуюся идентичность переселяющихся крестьян, выяснить, отражены ли в них целенаправленные попытки укрепления национальных, религиозных и подданных начал. Замечу, что укрепление национальных начал автор исследования считает не столько «укреплением» (как понимали это современники), сколько конструированием новой специфической идентичности.

Основной источник исследования – справочные книги, издаваемые Переселенческим управлением (найлены книги с 1900 по 1914 г.). Эти книги можно рассматривать как один из важнейших каналов воздействия государства на крестьян. Для анализа был выбран справочник 1911 г. [3], состоящий из 146 страниц. Структуру справочной книги составляют введение и две части: в первой содержится описание хода переселения, территорий и условий водворения и т.д.; во второй – переселенческие тарифы, таксы, законы, описание маршрутов, адреса переселенческих чиновников, славов, больниц и т.д. В данном исследовании анализировались предисловие и 1-я часть.

В данном исследовании был применён контент-анализ. Для подсчёта выделены следующие типы идентичности: 1) экономическая (под которой здесь подразумевается оппозиция переселенец – старожил, т.е. не укрепившийся – крепкий крестьянин). 2) Территориальная (например, выходцы из Вятской губернии, екатеринославцы). 3) «Национальная» / этническая (например, русский, малоросс, киргиз). 4) Подданническая идентичность (подданный); 5) Религиозная идентичность (православный). Также были подсчитаны упоминания различных географических обозначений.

Исходя из крайне малого количества упоминаний России (8 раз; для сравнения Сибирь упомянута 54 раза) и этнонимов «русский» (9 раз; иных этнонимов – 39), отсутствия слов, относящихся к православной вере и подданству, можно сделать вывод, что сознательной цели укрепления национальных, религиозных и подданнических начал у составителей справочников не было: ознакомление переселенца с порядком, правилами переселения, экономическими особенностями края и т.д. Для них абсолютно преобладающую значимость представляли хозяйственные привычки переселенца, и определяемая ими территорией выдворения (экономическая идентификация фигурирует 220 раз, большая часть из которых должна была относиться к русским). Этот тезис также доказывает преобладание выражений, обозначающих территориальную идентификацию, над этнической (60 и 39, соответственно; из 39 – русских всего 9).

Исходя из подсчётов, можно предположить, что переселенческие чиновники пытались сгладить культурные различия между великороссами, белоруссами (эти номинации не встречаются в тексте), малороссами и сибиряками (по 1 упоминанию). Малороссы и белоруссы обозначаются территориальными номинациями (черниговцы, херсонцы и т.д.).

В главе справочника 1911 г. «Что полезно знать о Сибири тем, кто задумал туда переселиться» изложена краткая история заселения Сибири, которая начинается с описания края до прихода русских.

Рассмотрим, как в справочнике представлено коренное население Сибири, которым противопоставляется русский крестьянин (речь идёт о том, что формировании идентичности в определённой степени основывается на противопоставлении).

Во фрагменте справочника 1911 г., содержащем описание Сибири до прихода русских [3. С. 18], упомянуто «множество» племён, среди которых составителями выделяются только буряты и киргизы. Неясна оценочная окраска содержащихся в нём слов «повымерли», «на пути к вымиранию», «проявили большую живучесть». Они могут носить как отте-

нок пренебрежительности, так и сострадания. Большую живучесть, по тексту, проявляют народы, которые переходят к земледелию. Как мне кажется, здесь можно говорить о том, что в этом фрагменте проявляется представление составителей справочника о присваивающей экономике и кочевом скотоводстве как о более низких ступенях хозяйствования по сравнению с оседлым земледелием. Иначе говоря, коренные народы определяются на более низкую стадию развития нежели русские земледельцы. Здесь же отмечу, что цивилизаторская миссия, как и распространение православия среди «инородческого» населения не упомянуты. Хотя крестьянин не мог понимать популярной в то время этнографической концепции эволюционизма, данный отрывок мог формировать у крестьян негативное отношение к коренному населению Сибири через яркую, негативную лексику. Отмечу, что переселенческие чиновники не ставили себе сознательно цель формировать негативный образ сибирских «инородцев». Это пришло бы в явное противоречие с целью согласования экономических интересов «инородцев» и переселенцев.

Теперь перейдём к фрагменту, посвящённому заселению края русскими [3. С. 18–20]. В описании времени до строительства Транссиба для обозначения русских переселенцев используются только номинации «национальной» идентификации как противопоставление «инородцам». После строительства Транссиба «старые» переселенцы фигурируют как «старожилы» или как «сибирские жители» (ранее прилагательное «сибирский» применялось только по отношению к «инородцам»), а новые – как переселенцы. На мой взгляд, это говорит о том, что в понимании составителей справочника Сибирь прочно закреплена за русскими, что и транслируют составители справочника. Об этом также свидетельствует использование таких сочетаний как Европейская Россия и Азиатская Россия. По логике составителей справочника, крестьянская семья, переселяющаяся в Сибирь – регион, который ещё в XVIII в. воспринимался как чужой, отдельный от России – в начале XX в. переселяется уже не из России, а только в другой регион самой России – что могло играть соответствующую роль в формировании идентичности.

В справочной книге могло присутствовать обоснование справедливости присоединения Сибири к России, идеи естественных границ Российской империи, могла быть изложена история присоединения Сибири (например, рассказ о походе Ермака), что служило бы средством формирования исторической памяти переселенца. Но данные сюжеты освещены не были.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Проблема недостаточной прочности национальных, религиозных,

подданных начал населения Российской империи в целом и в Сибири в частности осознавалась правительством Российской империи, к примеру, в лице Столыпина. Однако анализ справочников показал, что составители не ставили перед собой цели их укрепления и формирования соответствующих идентичностей у переселенцев. Чиновники Переселенческого управления, тем не менее, могли влиять на формирование идентичности крестьян-переселенцев через трансляцию своих представлений.

Представляется, что возможность использовать переселенческие справочники как одну из немногих возможностей вообще «контактировать» с переселенцем для формирования его идентичности (укреплять верноподданные, религиозные, национальные начала) посредством справочной литературы – была не замечена правительством Российской империи. Но, возможно, здесь также наблюдается некий общий тренд недостаточных усилий власти по формированию и укреплению данных идентичностей (связанный, конечно, не столько с Переселенческим управлением). Более явным выражением этого тренда, является крайне медленное внедрение школьного образования. Вопрос о реальном влиянии этого источника на идентичность переселенца (а не только о создании пространства её формирования и возможности влияния на её) нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

1. Письмо П.А. Столыпина Николаю II, 26 сентября 1910 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004.
2. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013.
3. Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб.: Тип. "Сел. Вестника", 1911.

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ: РЕАЛИИ И МИФЫ PAX AMERICANA

С.Н. Александров

ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА КАК ИНТЕРЕС США (1990-е гг.)

Науч. рук. – д-р. ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев

В статье исследуется влияние США на ядерное разоружение Казахстана. Рассмотрена нормативно-правовая база, которая закрепила безъядерный статус Казахстана. Представлены механизмы работы программы «Совместного уменьшения угрозы». Выявляются причины заинтересованности США в денуклеаризации бывшей советской республики.

Ключевые слова: США, Казахстан, ядерное разоружение.

Актуальность работы заключается в изучении опыта разоружения Казахстана, который можно применить в других странах. Цель исследования – выделить причины участия США в ядерном разоружении Казахстана. В работе применялся проблемно-хронологический метод, автор исследовал процесс денуклеаризации Казахстана в его постепенном развитии.

С распадом СССР сложилась ситуация, когда противостояние сверхдержав подошло к концу. Б. Ельцин и М. Горбачёв сообщили о прекращении существования СССР в первую очередь Д. Бушу. Значение их звонков заключалась в том, чтобы донести сигнал о сохранении контроля над ядерным арсеналом [1]. США требовали гарантии, что ядерное оружие перестанет быть нацелено на американскую территорию. Председатель комитета по делам вооруженных сил в палате представителей Л. Аспин так характеризовал риски: «Сейчас нам угрожает намного более серьёзная угроза – это хаос в стране, которая имеет тридцать тысяч ядерных зарядов» [2]. По информации разведывательного управления Министерства обороны США в СНГ продолжали модернизацию стратегических сил, несмотря на официальные заявления [3]. Намерения лидеров новых государств по отношению к США считали доброжелательными, но ракетные установки продолжали быть нацеленными на стратегические объекты.

В 1991 г. Казахстану досталось ядерное оружие, четвёртое по потенциалу мощности в мире. М. Каддафи просил Н. А. Назарбаева сохранить

ядерный потенциал, обещая финансовую помощь [4]. Разведка Ирана интересовалась ядерным вооружением бывших социалистических республик [5]. Исламский мир искал способ получить «мусульманскую бомбу».

Вашингтону следовало разоружить три новых страны, чтобы обезопасить себя. Для этого им нужно было присоединиться к СНВ–I [6]. Процесс переговоров затягивался, не удавалось договориться о механизме ратификации СНВ–I. Проблема заключалась в нежелании, чтобы Россия представляла интересы других стран.

Казахстан заявил, что ликвидирует ядерное оружие: «Казахстан гарантирует проведение ликвидации всех видов ядерного оружия, в том числе стратегических наступательных вооружений, находящихся на его территории, в течение семи лет в соответствии с Договором СНВ» [7].

Для учета интересов новых стран Вашингтон и Москва разработали Лиссабонский протокол [8]. Подписав протокол 23 мая 1992 г, страны признали сторонами договора СНВ– I. Казахстан ратифицировал договор 2 июля 1992 г. и Лиссабонский протокол. Далее Казахстан ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия 13 декабря 1993 г. [9]. 14 февраля 1994 г. Казахстан присоединился к ДНЯО как безъядерное государство [10]. В сентябре 1996 г. Казахстан подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ратифицировал его 14 декабря 2001 года [11].

Программа американских сенаторов С. Нанна и Р. Лугара послужила инструментом ликвидации ядерного вооружения в бывших советских республиках. Программу одобрил Конгресс США в ноябре 1991 г. [12]. Курировало программу Министерство обороны США, так как требовались военные инженеры, разбирающиеся в демонтаже вооружений. Программа предполагала: уничтожение, транспортировку, хранение, вывод из эксплуатации ядерного оружия. Программа предотвращала использование опыта в области создания вооружений, обеспечивала процесс демилитаризации оборонных отраслей промышленности [13]. Специалисты Министерства обороны США контролировали, чтобы оборудование и технологии использовались только для ликвидации вооружений, а не для поддержания боеготовности.

В Казахстане денуклеаризация преподносится как самостоятельный выбор. Н. Назарбаев призывал ядерные державы к разоружению, считая, что у него есть моральное право на это [14]. В книге Р. Алиева, написано, что президента в жёсткой форме принудили покинуть ядерный клуб [15]. В работах Д. Айткена, упоминается, что во время визита Д. Бейкера в Казахстан в 1991 г. он вынуждал Н. Назарбаева отказаться от ядерного оружия, не давая ему гарантий безопасности [16].

18 февраля 1992 г. американское посольство отправило секретную телеграмму в Совет СНБ, в которой определило американские интересы в Казахстане [17]. Автор телеграммы пишет, что в Казахстане необходимо произвести ядерное разоружение, чтобы в случае этнического конфликта ликвидировать опасность для американских друзей и интересов. Представителей США не тревожило сближение Казахстана с исламским миром, если Казахстан выйдет из-под сферы влияния советской власти.

Таким образом, у США были серьёзные причины способствовать процессу денуклеаризации Казахстана в 1990-е гг. Белому дому необходимо было ликвидировать угрозу со стороны бывших советских республик и не допустить передачу ядерного оружия и технологий Казахстана мусульманским странам и противникам Америки. Также США интересовались ядерным разоружением молодой республики, так как считали неприемлемым локальный конфликт с использованием ядерного оружия против России. Такое развитие событий шло вразрез с американскими интересами в Казахстане.

Участие США в этом процессе означает, что Белый дом ещё до момента объявления независимости Казахстаном влиял на внутривнутриполитические процессы в стране. В дальнейшем требуется установить степень зависимости Акорды от позиции Вашингтона, так как в России принято воспринимать Казахстан как ближайшего союзника из-за совместного прошлого. Будущими направлениями дальнейших исследований по этому вопросу могут стать экономические связи США и Казахстана и работа американских неправительственных организаций на территории республики.

Литература

1. *Свечков Д.* Подписав договор о распаде СССР, Ельцин сразу доложил об этом Бушу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26469/3338973/>, свободный (дата обращения: 03.04.2019).
2. *Томчук Г.В.* Основные этапы развития программы Нанна – Лугара в 1990-е годы // Известия Саратовского университета. Т. 12. Сер. История. Международные отношения. 2012. Вып. 1.
3. Архив национальной безопасности США [Электронный ресурс]. URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-05-09%20Cable,%20Defense%20Intelligence%20Agency%20Washington,%20Dynamics%20of%20Change%20in%20Eurasia%20\[Excerpts\].PDF](https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-05-09%20Cable,%20Defense%20Intelligence%20Agency%20Washington,%20Dynamics%20of%20Change%20in%20Eurasia%20[Excerpts].PDF), свободный (дата обращения: 04.03.2019).
4. Tengri news. Каддафи предлагал Назарбаеву сохранить ядерный потенциал. [Электронный ресурс]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kaddafipredlagal-nazarbaevu-sohranit-yadernyy-potentsial-224323/, свободный (дата обращения: 25.03.2019).
5. *Робинс К.* Казахстан – эта родина яблок / [Пер. с англ. Э. Романцевой]. М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2010. С. 216.

6. Центр по контролю над вооружениями, энергетике и экологическим исследованиям. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm/>, свободный (дата обращения: 04.04.2019).

7. Архив национальной безопасности США [Электронный ресурс]. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-05-19%20Letter%20from%20President%20Nazarbayev%20to%20President%20Bush.PDF>, свободный (дата обращения: 04.03.2019).

8. Государственный департамент США. Протокол к договору между странами участниками Союза Независимых Государств и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/27389.pdf>, свободный (дата обращения: 30.03.2019).

9. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Разоружение и ядерное нераспространение [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/razoruzhenie-i-yadernoe-nerasprostranenie>, свободный (дата обращения: 10.04.2019).

10. Новостной портал агентства «Хабар». 25 лет назад Казахстан присоединился к ДНЯО [Электронный ресурс]. URL: <https://24.kz/ru/news/policy/item/296470-25-let-nazad-kazakhstan-prisoedinilsya-k-dnya>, свободный (дата обращения: 10.04.2019).

11. Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Разоружение и ядерное нераспространение [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/odvzyai>, свободный (дата обращения: 10.04.2019).

12. Газета «Коммерсантъ». Как работала программа Нанна–Лугара. История вопроса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2040919>, свободный (дата обращения: 11.04.2019).

13. Центр по контролю над вооружениями, энергетике и экологическим исследованиям. Сотрудничество в области ликвидации сокращаемых стратегических вооружений и обеспечении безопасности ядерных материалов. Программа совместного снижения угрозы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/gkh30422.htm>, свободный (дата обращения: 10.04.2019).

14. Информационное агентство «Regnum». Назарбаев призвал активизировать переговоры по ядерному разоружению [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2518410.html>, свободный (дата обращения: 16.04.2019).

15. Алиев Р.М. Крёстный тесть. Wortmeldung trafo Literaturverlag, 2009. 473 с.

16. Айткен Джонатан. Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана / Пер. с англ. М.: Худож. лит., 2010. 384 с.

17. Архив национальной безопасности США. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB447/1992-02-18%20Cable,%20American%20Embassy%20Alma%20Ata,%20Defining%20America%20Interests%20in%20Kazakhstan.PDF>, свободный (дата обращения: 05.04.2019).

Т.В. Буклова

МЕЖРАСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АРМИИ США ВО ВРЕМЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ 1964–1975 гг. НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ 1965–1967 гг.

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев

В статье исследуются межрасовые отношения в армии США во время Вьетнамской войны в период 1965–1967 гг. Автор изучает дневник афроамериканского солдата и при помощи контент-анализа определяет характер существующих межрасовых взаимоотношений. Для определения наличия/отсутствия расизма межрасовые отношения делятся на определенные категории, на основе анализа которых делается вывод о существовании расизма в армии США в указанный период.

Ключевые слова: афроамериканцы, расизм, Вьетнамская война, межрасовые отношения.

Расовая проблема в США имеет долгую историю. Равенство граждан было законодательно закреплено лишь в 1964 г. после принятия Акта о гражданских правах. До этого существовала сегрегация, проявлявшаяся во всех сферах жизни. Она была и в армии, где существовали отдельные негритянские полки. В 1964 г. началась десеграция, направленная на уничтожение проявлений неравенства. Одним из последствий стало упразднение негритянских полков. Это привело к увеличению числа контактов белых и афроамериканских солдат.

Целью данного исследования является определение характера межрасовых отношений в указанный период.

Источником данного исследования стал дневник афроамериканского солдата Дэвида Паркса, проходившего службу в американской армии в 1965–1967 гг. Ключевой особенностью такого типа источника является субъективность и интимность. Автор описывает происходящее только со своей точки зрения. Он пишет, не думая о том, что когда-то это станет доступно широкой публике, что позволяет ему писать так, как он считает нужным [1. С. 200]. Айра Прогофф, утверждал, что человек пишет в дневнике о том, что его волнует, все описываемые им события оказали на него влияние, что заставило написать об этом в своем дневнике [2. С. 124]. Поэтому данный источник дает возможность увидеть взаимоотношения афроамериканских солдат с белыми сослуживцами и офицерами так, как они были представлены в глазах этого военнослужащего.

Основным методом данного исследования станет контент-анализ (КА): частотный и контекстно-тематический. Его основой является выяв-

ление соотношения количественных и качественных данных, что позволяет проследить личное отношение автора к происходящим событиям. Сущность данного метода заключается в поиске, подсчете и фиксации заранее определенных категорий, выделяемых исследователем [3. С. 23]. Использование частотного контент-анализа позволит выявить периодичность появления единиц счета, что даст возможность понять, насколько какое-то событие важно для автора источника. Применение контекстно-тематического контент-анализа выделит авторскую оценку происходящего.

Для проведения контент-анализа были выделены следующие исследуемые категории: отношения афроамериканских солдат с белыми сослуживцами и с офицерами. Единицей счета стало упоминание в тексте взаимоотношений темнокожих военнослужащих с белыми. При исследовании текста уделялось внимание не только качественным, но и количественным свойствам текста, что позволило определить, какая область отношений: начальство или сослуживцы, больше волнует автора текста.

Перед началом исследования была выдвинута гипотеза о том, что межрасовые отношения в армии США периода Вьетнамской войны носили преимущественно негативный характер. Предполагалось, что основными распространителями расизма были белые военнослужащие, а отношения темнокожих солдат с офицерами имели нейтральный оттенок.

Ниже приведен ряд примеров, на основе которых делались выводы: «...есть здесь и другие, хорошие сержанты, такие, как Браун из Миннеаполиса... Сержант Гроупер тоже хороший парень, всегда подскажет нам, как нужно себя вести, чтобы не попасть впросак. Он белый и пока единственный умеющий весело отсчитывать ритм шага на марше...» [4. С. 26].

«...позавчера я нес вахту у радиостанции, сержант Паулсон задумал подкрасться в палатку, чтобы застать меня спящим. Я услышал, как он крадется, и выглянул из палатки. ...Ну и сволочь же он. Всегда говорит мне, что негры лентяи, не хотят помогать друг другу и тому подобную чепуху. Я сказал ему, что он дурак...» [4. С. 53].

Два данных примера – демонстрация того, что отношения между афроамериканскими солдатами и белыми офицерами имели разный характер. В первом отрывке можно заметить отношение автора к офицеру. Он описывает двух сержантов и к обоим применяет эпитеты, имеющие положительную окраску. Один из них встретится в тексте еще пару раз, и каждое упоминание о нем будет иметь позитивный характер.

Второй фрагмент демонстрирует пример негативных взаимоотношений между афроамериканскими солдатами и белыми офицерами. Автор рассказывает о том, как его сержант пытался поймать его на плохом исполнении воинских обязанностей, чтобы потом возложить на него нака-

зание. Данный инцидент не был единственным, взаимоотношения автора с данным сержантом имели довольно отрицательный оттенок.

«...Прэтт и Гёрни – довольно смешные негры, но когда бы ты ни встретил их, они всегда выполняют какую-нибудь грязнейшую работу, в то время как белые ребята валяются на койках и наслаждаются жизнью. Двум белым парням стало настолько стыдно, что они пошли сегодня к командиру роты и пожаловались на то, что Прэтта и Гёрни все время назначают на грязные работы. Надеюсь, что это принесет какую-нибудь пользу, хотя вряд ли...» [4. С. 72].

«...меня все больше и больше возмущает то, что обо мне думают и как ко мне относятся здесь, в армии. Я не люблю, когда меня отталкивают. Никогда раньше о белых ребятах я так плохо не думал. Может быть, это потому, что раньше я и не встречал таких белых ребят, как эти. Они ни на минуту не дают тебе забыть, что ты цветной, а они белые...» [4. С. 29].

Два этих примера посвящены взаимоотношениям афроамериканских солдат с их белыми сослуживцами и также демонстрируют, что эти отношения имели разный характер. Первый фрагмент показывает заступничество белых военнослужащих за афроамериканских перед их начальством. Важность этого эпизода заключается в том, что эти белые солдаты не считают, что темнокожие должны работать больше, что характеризует эти отношения с положительной стороны.

Второй пример противоположен первому. Для других белых солдат цвет кожи имеет значение. Они стремятся указать афроамериканским военнослужащим на то, что они отличаются от них. Та среда, которую создают эти белые солдаты, является благоприятной для распространения расизма.

Проведенный контент-анализ показал следующие результаты – число упоминаний в тексте источника взаимоотношений афроамериканских солдат с: белыми сослуживцами – 22 раза, из них 9 эпизодов имеют положительный оттенок, а 13 – отрицательный; с офицерами – 44 раза, среди них 11 фрагментов имеют положительный характер, а 33 – отрицательный. Первый вывод, который можно сделать – отношения с офицерством имеют для автора более важное значение, чем отношения с сослуживцами. Если учесть, что с последними он проводил больше времени, чем с командирами, то это может говорить о том, что их поведение вызывало у него более серьезную реакцию. Следовательно, они вели себя так, что вызывало у автора определенные эмоции и желание записать об этом в дневнике. Упоминаний о взаимоотношениях с сослуживцами в два раза меньше, что может говорить о том, что их взаимоотношения были более нейтральными и не находили серьезного отклика у автора. Контент-анализ показал, что соотношение положительных и отрицательных

эпизодов взаимоотношений афроамериканских солдат и их белых сослуживцев близко к равенству. Это свидетельствует о том, что элемент расизма присутствовал в их взаимоотношениях, но помимо него часто встречаются и хорошие отношения между представителями разных рас. Взаимоотношения афроамериканских солдат с офицерами имеют диспропорцию в негативную сторону. Из 44 упоминаний 11 имеют положительную окраску. Это $\frac{1}{4}$ от суммы. Это демонстрирует, что офицеры часто проявляли расизм по отношению к афроамериканским солдатам, моменты хорошего отношения к ним встречаются редко.

Подводя итоги контент-анализа, надо сказать о том, что гипотеза не оправдала себя. Предположение о том, что отношение офицеров к афроамериканским солдатам было нейтральным, оказалось ложным. Данные анализа показали, что командиры часто проявляли негативное отношение к темнокожим. 75% упоминаний об офицерах в тексте источника имеют негативный характер, отрицательных упоминаний о сослуживцах – 60%. Пользуясь своим положением, командиры подвергали темнокожих военнослужащих унижениям. Их действия находили у автора текста большее количество эмоций, о чем свидетельствует большое количество упоминаний. Анализ текста продемонстрировал, что расизм был и в отношениях с белыми сослуживцами, но его число уступает эпизодам с расизмом офицеров.

Проведенный контент-анализ показал, что межрасовые отношения в армии США имели негативный характер. 70% упоминаний в тексте контактов афроамериканцев с белыми американцами имеет отрицательный оттенок. Офицеры, которые обязаны сохранять беспристрастность по отношению к подчиненным, были одними из распространителей расизма. У белых сослуживцев афроамериканские военные иногда встречали больше сопереживания, чем у них. На социальном уровне афроамериканцы продолжали подвергаться унижению.

Литература

1. *Архипова М.В.* Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника [Электронный ресурс] // Проблемы педагогики и психологии 2012. С. 197–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/psihologicheskie-svoystva-i-predstavleniya-svyazannye-s-praktikoy-vedeniya-lichnogo-dnevnik> (дата обращения: 8.04.2019).
2. *Кутузова Д.А.* Ведение «структурированного дневника» по методу Айры Прогоффа [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 1. С. 121–135. URL: http://psyjournals.ru/mpj/2009/n1/Kutuzova_full.shtml (дата обращения: 8.04.2019).
3. *Таршиц Е.Я.* Контент-анализ: принципы методологии. Книжный дом «ЛИБРОКОМ». М. 2013. 173 с.
4. *David Parks.* GI Diary. Howard Univ Pr.: Washington DC. 1984. 138 p.

М.А. Вагнер

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЛИНКОЛЬНА В ПРЕССЕ ШТАТА ТЕННЕСИ: ОТ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1860 ГОДА К НАЧАЛУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США 1861–1865 гг.

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев

В статье рассматривается трансформация оценки прессой южных штатов, впоследствии ставших Конфедеративными, личности Авраама Линкольна – 16-го президента США (1861–1865 гг.). В качестве основных источников используются издания *Daily Nashville patriot* и *Memphis Daily Appeal*. Ключевым методом, используемым в рамках работы, является фрейм-анализ политических медиа-текстов.

Ключевые слова: Гражданская война, США, Конфедеративные Штаты Америки, информационная пропаганда.

В этой статье проведен анализ ситуации с предвыборной гонкой, непосредственно президентскими выборами 1860 года в США и отражении их результатов и последствий в прессе. Разбор такого рода ситуации позволит в будущем понять более широкую проблему – проблему роли конкретной личности, в таком масштабном и узловом моменте американской истории, как Гражданская война. Как объединение вокруг его силы и убеждения привело к сплоченности на Севере страны, и наличие столь ясно очерченного общего врага на Юге могло повлиять на содержание пропагандистских сообщений по обе стороны США, и, в конечном счете, на общий ход войны? И, в конце концов, как сформировался этот образ врага?

Анализ образа Линкольна в период президентских выборов будет строиться на двух источниках: издание *Дэйли Нашвилл Пэтриот* (*Daily Nashville Patriot*), которое поддерживало партию Конституционного Союза и ее кандидата Джона Белла, и *Мемфис Дэйли Эпизл* (*Memphis Daily Appeal*), которое в период президентских выборов 1860 года поддерживало Стивена Дугласа (демократ). Данные издания представляют интерес по той причине, что поддерживали противников Линкольна не только по его политике в отношении Юга, но и по партийной принадлежности. В данном контексте, можно полагать, что риторика, проводимая редакторами в период предвыборной гонки, могла быть более агрессивной, и более ярко выраженной, так как имела целью прямую агитацию – как в пользу своих лидеров, так и против конкурента – кандидата от Республиканской партии Авраама Линкольна. Тем не менее, в результате анализа

вышеупомянутых изданий, становится ясно, что ситуация складывалась в этот период прямо противоположная.

Содержание газет дает понять, что негативное отношение южан¹ до начала Гражданской войны было направлено на «Черных республиканцев» в целом. Южане, в первую очередь, опасались за будущее их «особого института, и, соответственно, они не могли согласиться с основополагающим принципом республиканцев, который провозглашает недопущение распространения рабства на новые территории. В этом южане видели угрозу экономической основы рабства – и не безосновательно. Рабство – система, в первую очередь, экстенсивная, и, соответственно, развитие без распространения на новые земли невозможно. Таким образом, угроза проглядывалась в самой республиканской партии, а тот, кто был их лидером, как личность и политический деятель – не имело большого значения для населения Юга – так как этот человек стал бы лишь представителем главной идеи республиканцев и ее исполнителем [1].

Гражданская война – напрямую ассоциировалась с личностью Линкольна, и ставилась в вину именно и только ему – как человеку, буквально ее начавшему и как тому, кто сформировал свое окружение, позволившее ей начаться и развиться.

«Огромный север колеблется под грузом гнева, ожидая только приказа узурпатора Линкольна залить юг кровью и завалить цепями» [2].

В то время как в выпуске Дэйли Нашвилл Пэтриот от 5 ноября 1860 г. (то есть за день до выборов), встречается следующая формулировка:

«Хотите начать войну? Если да, то голосуйте за Брекинриджа². Если вы хотите мира – голосуйте за Бэлла».

Здесь представляется важным отметить то, что в период выборов, на первое место все же выходила межпартийная борьба. И, хотя рассматривалась вероятность войны между Севером и Югом, напрямую она с личностью Линкольна не связывалась.

Тем не менее, спустя полгода, то же издание пишет следующее:

«Так как Авраам Линкольн вступил в войну против Юга и призвал нас помочь ему в его позорном и адском намерении захватить и покорить наши южные братские штаты, а поведение президента Соединенных Штатов является неконституционным и тираническим, поэтому

¹ Обобщим полученные выводы на основании того, что в целом, в границах Конфедерации, посыл в средствах массовой информации был схож, за исключением различных локальных особенностей, связанных с географией и политической ситуацией отдельных штатов.

² Джон Кэбелл Брекинридж – американский политик, Кандидат от южной фракции Демократической партии в выборах 1860 года.

Принято решение, что мы искренне желаем, чтобы наше законодательное собрание, находящееся сейчас на заседании, если оно еще не сделало этого, расскажет о немедленных шагах, которые предпримут, чтобы объявить о нашем отделении от Единого правительства США» [3].

Таким образом, можно выдвинуть и еще одно предположение – сама сецессия, по крайней мере, в границах штата Теннесси, связывалась с именем Линкольна не сразу после выборов, а после непосредственного начала Гражданской войны.

В подтверждении этому тезису приведу небольшую выдержку из статьи «Глупость сепаратизма» от 11 ноября 1860 года:

«С Мемфисом и Теннесси все в порядке, какими бы ни были условия баланса южных штатов. Из-за того, что они не правы и упорны в этом [в необходимости сецессии – прим. автора], мы зарабатываем деньги их глупостью. Потому что, когда они создадут независимую форму правления, с их независимыми доходами и налогом на владение, произойдет так, что все богатство выходящих из союза штатов опустеет, и будет накапливаться в тех штатах, которые не покинут союз. Теннесси не потеряет и доллара, но выиграет миллионы из-за непристойного и преждевременного безумия экстремистского юга, который на самом деле мало интересуется какими-либо проблемами, связанными с нынешней гонкой» [4].

Некоторые исследователи отмечают, что Южане активно готовились к сецессии в случае победы республиканцев, что Законодательные собрания южных штатов принимают решения, что выбор «черного» республиканца оправдывает раскол. [1]

Однако в приведенных выше отрывках статей не говорится о том, что сецессия обусловлена конфликтом интересов, непониманием в поиске путей экономического развития. Кроме того, в статье от 11 ноября возможность сецессии вообще отвергается – и занятие Линкольном президентского поста, уже ставшее очевидным к этому моменту времени, решения не поменяло. Напротив, чувствуется уверенность в том, что они понимали чужие ошибки – ошибки «экстремистского» юга, то есть штатов, уже готовящих сецессию.

И лишь в 1861 году причина того положения, в котором оказались США, стала напрямую связана именно с «неконституционным и тираническим» поведением Президента.

Именно вокруг него, его сподвижников, будет формироваться основная линия пропаганды среди Конфедеративных штатов. В начале Гражданской войны, будут подниматься те подробности президентских выборов, о которых никто не упоминал и на которые не обращали столь пристального внимания в 1860 году. Из номера в номер будут разбираться детали различных махинаций, которые привели Линкольна к власти, его

личность в целом, прямые и художественно завуалированные оскорбления и так далее.

Например: «На последних президентских выборах выясняется, что наиболее позорные мошенничества были совершены республиканской партией в отношении демократов с использованием поддельных бюллетеней. Полагая, что штат Теннесси будет голосовать за Дугласа, линкольнцы усердно трудились, чтобы выработать какое-то правило избрания своих местных чиновников и тем самым обеспечить себе место в сенате США» [5].

В качестве еще одного примера приведу выдержку большой обличительной статьи, опубликованной в газете от 4 мая 1861 года на первой странице:

«...Как и ожидалось, северяне будут предпринимать какие-либо действия под предлогом нашего вторжения на их земли. Их слабый и фанатичный президент объявил войну против людей юга».

В Мемфис Дэйли Эпизл на первой странице, в первом столбце – на самом читаемом месте газет – пишут, что Линкольн узурпировал власть, что он и его сподвижники централизовали всю власть вокруг себя, а также следующие строки:

«Сложно поверить, что человечество настолько себя не уважает, что позволяет существовать такой диктатуре [Имеется в виду Линкольн – прим. автора]. ...Хвала небесам, что Теннесси и свободный Юг не подвергнутся такому унижению. Пусть таким положением дел довольствуются те, кто избрали его [Линкольна – прим. автора] – те, кто подчинятся ему, как жалкие рабы, ставшие такими по своей воле» [6].

Так называемая «анти-линкольнская традиция» была одной из ведущих линий пропаганды в прессе Южных штатов в период Гражданской войны и до нее. Однако, она не была однородной и логически выстроенной на всем пути своего развития. Авраам Линкольн, «абстрактный» политический деятель периода президентских выборов 1860 года, стал главным воплощением зла в сознании населения Юга Соединенных Штатов Америки уже в течение первых месяцев Гражданской войны 1861–1865 гг.

Литература

1. Алентьева Т.В. Образ Линкольна на Юге // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12 / Под ред. С.Ф. Блуменау. Брянск: Изд-во БГУ, 2003. С. 64–76.
2. The Memphis Daily Appeal. 1861. May, 21. P. 1.
3. Daily Nashville Patriot. 1861. May, 5. P. 2
4. The Memphis Daily Appeal. 1860. November, 11. P. 2.
5. The Memphis Daily Appeal. 1860. November 8. P. 1.
6. The Memphis Daily Appeal. 1861. May 23. P. 1.

Д.А. Палей

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРЕЛКОВОЙ АССОЦИАЦИИ С 1975 ПО 1999 г.

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.А. Шевченко

В статье представлен краткий обзор развития деятельности Национально стрелковой ассоциации США. Рассматриваются наиболее используемые методы работы организации на политической арене.

Ключевые слова: Национальная стрелковая ассоциация, Институт законодательных действий, Конгресс США, Вторая поправка Конституции США, лоббизм.

Национальная стрелковая ассоциация США – некоммерческая организация, объединяющая 5 миллионов человек, образованная в 1871 году. Нацелена на защиту права ношения оружия в рамках Второй поправки Конституции США [3], а так же на проведение стрелковых состязаний на федеральном уровне. К концу первой половины двадцатого века огнестрельное оружие получило очень широкое распространение среди всех слоев населения и стало вызывать проблемы в виде всё более растущего уровня преступности. Правительство США просто не могло не реагировать на подобные сигналы. Первая половина двадцатого века отмечается началом борьбы со свободным ношением оружия. Кризисы, связанные с убийствами видных политических деятелей: Мартина Лютера Kinga и Роберта Ф. Кеннеди побудили Конгресс США в 1968 принять новый Закон о контроле над оружием (Act of a Gun control) [1. С. 22]. В рамках закона вводилось: введение нового минимального возраста для приобретения стрелкового оружия, введение требования к указанию серийного номера на каждой единице, распространение запрета на приобретение для психически нездоровых и наркозависимых людей. Вводились прямые запреты на отправку и получение приобретённых единиц оружия почтой или любыми другими службами доставки. Этот Акт вызвал очень неоднозначную реакцию в руководящем аппарате Ассоциации.

Для достижения своих целей группы интересов, коей является Национальная стрелковая ассоциация, прибегает к различным методам работы. Одним из наиболее действенных и эффективных методов является лоббизм. Самый первый метод лоббирования, который практикуется Ассоциацией – создание отдельного института, на которую будет возложена задача отстаивания интересов от имени Ассоциации. Подобной лоббист-

ской силой для Ассоциации стал Институт законодательных действий (англ. - Institution of Legislative Actions), который и по сей день представляет интересы членов Ассоциации в Конгрессе США [5]. Институт был основан в 1975 году с целью предотвращения нарушений прав, предусмотренных Второй поправкой Конституции США. [6] Институт законодательных действий является ответственным за Комитет по политическим действиям Национальной стрелковой ассоциации (Political Action Committee; PAC) [3]. Комитет по политическим действиям является популярным обозначением для сбора средств для избирающихся кандидатов. Согласно федеральному закону о предвыборных кампаниях Соединенных Штатов, организация становится PAC, когда она получает или тратит более 2600 долларов США с целью оказания влияния на федеральные выборы.

Схожим инструментом политического влияния Ассоциации является лоббирование на уровне оружейных ассоциаций штата.

В каждом штате есть свое отделение Ассоциации, которое проводит стрелковые состязания и выполняет иные функции работы и поддержки со стрелками, проживающими в этом штате. Как правило, возглавляются такие организации людьми, сведущими в юриспруденции или политике, и главное – знакомыми с законодательным процессом в их штате. Подобная система мелких организаций помогает контролировать процесс «голосования» за закон на всех уровнях. Информирова своих членов о готовящемся анти-оружейном законопроекте, Ассоциация ждёт соответствующей реакции от своих отделений во всех штатах. В результате многим избирающимся от различных штатов политикам приходится считаться со мнением их штатского отделения Ассоциации [2].

Вторым не менее мощным методом, используемым Ассоциацией является активный «диалог» с членской базой организации. Это, несомненно, является их преимуществом над другими группами интересов. Ассоциация руководствуется личными интересами своих членов, подталкивая их к влиянию на представителей от штата на локальном уровне. Таким образом, выходит, что Ассоциация имеет рычаги влияния не только в самом Конгрессе США, с использованием Института законодательных действий, но и на «подходах» к нему. Многие избранные конгрессмены зачастую вынуждены считаться со мнением своих избирателей. А подобное мнение, зачастую, формируется не без участия Национальной стрелковой ассоциации. Такое влияние на членов Ассоциации происходит через целую оружейно-инфраструктурную сеть. А именно: Национальная стрелковая ассоциация владеет массой оружейных магазинов и оружейных клубов по всей стране, активными посетителями которых являются

их члены. Немалую роль, в особенности в конце двадцатого века (1975–1999 гг.) в подобной политике по работе с членской базой Ассоциации играют собственные журналы, например, «American Rifleman», выпускаемый миллионным тиражом. Данное издание отвечает всем запросам американского владельца огнестрельным оружием: история оружейного дела в США, статьи по правильному использованию различных видов оружия и тд. Но самое главное, статьи, посвящённые правам граждан на владение оружием, а так же актуальная информация, касающаяся изменений в законодательстве по оружейному вопросу.

Так же, к этому пункту можно причислить и сеть Оружейных клубов, распространённую по всей стране. Крайне трудно найти место, где не было бы своего местного Охотничьего или Стрелкового клуба. У подобных организаций, являющимися частью Национальной стрелковой ассоциации, как правило – членов больше, чем у любой другой политической организации в штате. Подобные организации привлекаются к процессу лоббирования, когда Ассоциации необходимы «живые» письма протеста против того или иного законопроекта.

Дальше можно выделить ещё один метод, так называемый «индивидуальный подход».

В работе со своей членской базой Ассоциация придерживается индивидуального подхода. Так же, организация рекомендует своим членам вести диалог с представителями их штата в Конгрессе США путём совершения личных телефонных звонков или отправления личной телеграммы. Членов просят не присылать их мнение в форме заполненных бланков или петиций, так как индивидуальные сообщения и письма рассматриваются куда более тщательно и куда чаще, нежели «заготовленные» сообщения. Так же, рекомендуется быть вежливыми по отношению к законопроекту и законодателю, которые стали объектом, побудившим Ассоциацию к действиям. Подобной политикой Национальная стрелковая ассоциация добилась больших успехов. Способность вызвать массовый отклик членов организации это одна из причин, почему Ассоциация имеет такое влияние на Конгресс США. Так как зачастую письма избирателей со всей страны заставляют представителей их штатов голосовать в сторону интересов Национальной стрелковой ассоциации.

Примером законодательной инициативы может послужить предложенный в 1986 году законопроект о защите владельцев огнестрельного оружия. Его инициатором выступил сенатор Джеймс МакКлор. Законопроект был принят и подписан президентом США 19 мая 1986 года. В этом Акте содержались следующие пункты: а) обеспечение сохранения

права граждан США на свободное ношение оружия в соответствии со Второй поправкой Конституции США; б) защиту граждан от незаконных обысков и незаконного изъятия огнестрельного оружия у граждан; в) обеспечение безопасности от безвозмездного захвата личного имущества с вводом необходимости подготовки законного основания для конфискации; г) обеспечение безопасности от неконституционных действий власти по отношению к лицу, хранящим огнестрельное оружие. Несомненно, этот Акт имеет огромное значение для американцев, владеющих огнестрельным оружием. Он обеспечил им общую безопасность их имущества. При этом осложнил органам безопасности процесс изъятия огнестрельного оружия. Рассматривая Акт с позиции владельцев оружия – он крайне положителен, так как гарантирует свободу и защищает права, данные Второй поправкой. Однако, рассмотрев этот Акт с точки зрения государства и, в частности, правоохранительных органов и органов обеспечения безопасности, мы можем прийти к выводу, что данный законопроект носит деструктивный характер по отношению к процессу обеспечения безопасности и предотвращения противоправных действий, так как большинство преступлений так или иначе совершается «легальным» оружием, т.е. прошедшим процесс регистрации серийного номера, а так же являющимся собственностью определённого гражданина. В таком случае, органам безопасности придётся проделать колоссальную работу только для того, чтобы проверить данные владельца и их соответствие с единицами огнестрельного оружия, находящимися в его пользовании.

Широкое участие в этом принятии принял Институт законодательных действий Ассоциации. В данном случае, вклады Комитета по политическим действиям Ассоциации помогли не только пролоббировать, но и удержать, а в дальнейшем – увеличить количество сторонников с прооружейной позицией. Таким образом, на первых порах своего существования Комитет заложил определённую ресурсно-человеческую базу для дальнейшей деятельности Ассоциации.

В заключении отметим, что Национальная стрелковая ассоциация США прошла очень долгий исторический путь. В течении чуть более ста лет она видоизменилась, переключив своё внимание на политический аспект оружейной проблемы. Созданный в 1977 году Институт политических действий явился символом новой эры в истории организации. С этого момента Ассоциация начала работать не только в спортивно-культурной сфере, но и в политической. Более того, в 80-е и 90-е годы акцент сместился в сторону политической активности. В настоящее время Ассоциация по настоящему может быть названа главной организацией

США по оружию и одной из самых важных организаций по защите прав человека.

Литература

1. *Tartaro J.P.* Revolt In Cincinnati. Buffalo, New York: Hawkeye Publish ing Co. P. 22. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/scientific-contributions/2060671950_Joseph_P_Broderick, свободный (дата обращения: 27.10.18).
2. Quiet efficiency // *The American Rifleman*. April 1933. P. 6.
3. Legal Information Intstitute. The Second Amendment [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/constitution/second_amendment, свободный (дата обращения: 21.04.2019).
4. Public Law 99-308, 1986 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg449.pdf>, свободный (дата обращения: 18.04.2019).
5. National Rifle Association - Institute of Legislation Actions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nraila.org/>, свободный (дата обращения: 19.04.2019).
6. PACs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/pacs/pacfaq.php>, свободный (дата обращения: 19.04.2019).

И.Е. Рогаева

ИСТОРИЯ ЭПИДЕМИЙ В ПЕРВЫХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ НОВОЙ АНГЛИИ XVII в. В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Н.В. Трубникова

Статья посвящена анализу ключевых тенденций последних десятилетий в американской историографии Нового Плимута и Массачусетса в контексте истории эпидемий, как одного из ведущих теоретико-методологических направлений экологической истории. Автор исследует историографию эпидемий периода становления новоанглийских колоний с позиции переосмысления индейской демографической катастрофы. Американские историки все чаще ориентируют свои работы на преодоление «биологического детерминизма», понимая эпидемии Новой Англии XVII столетия как сложный, многоаспектный, системный процесс, повлиявший на ход колонизации региона.

Ключевые слова: американская историография, Новый Плимут, Массачусетс, индейцы, эпидемии, демографическая катастрофа.

Экологическая история – это исследовательская программа, которая фокусируется на взаимном влиянии социума и природы в исторической динамике. В фокусе экоистории актуализируются вопросы, имеющие давнюю историю изучения, в том числе, проблемы генезиса первых колониальных поселений Новой Англии, истории взаимоотношения европейских переселенцев и индейцев, а также последствия европейской колонизации региона.

История эпидемий – заметный вектор в экологической истории. В истории США раннего колониального периода этот тренд нашел свое выражение в полемике вокруг череды масштабных массовых заболеваний, разразившихся в период становления первых европейских поселений в Новой Англии. Следствием серии эпидемий стала быстрая депопуляция коренного населения. По устоявшимся данным, число жертв эпидемий XVII в. среди индейцев достигло 90-95% пред-контактной популяции [1. Р. 32].

В качестве объяснения этого феномена в американской историографии второй половины XX века преобладала концепция, сформулированная Альфредом В. Кросби [2], получившая название теория эпидемий «первозданных земель». Эта теория относит причины массовой смертности среди коренных американцев к болезням, привнесенным в Новый Свет европейскими колонистами. Теория Кросби тесно связана с концепцией У. Макнилла [3], в которой формирование у народов Евразии таких заболеваний, как чума, оспа, грипп, корь было обусловлено постоянным контактом населения Европы и Азии с домашними животными, патогенная флора которых имела возможность свободно перемещаться к людям. Взрослые люди, переболев этими заболеваниями, в случае выздоровления формировали устойчивый пожизненный иммунитет. Таким образом, по мнению Макнилла, происходил своеобразный естественный отбор среди народов Европы и Азии.

Отсутствие у индейцев резистентности к привычным для европейцев заболеваниям в рамках теории «первозданных земель» объясняется длительным пребыванием коренных американцев в географической изоляции, меньшей плотностью населения, кочевым образом жизни и небольшим числом одомашненных животных. Переселенцы из Европы невольно инфицировали индейцев. В силу высокой вирулентности заболеваний одновременному заражению подверглось большое количество аборигенов. Низкое число выздоровевших индейцев объясняется одновременным или последовательным ударом нескольких возбудителей [3. Р. 9]. Кроме того, болезни поражали целые селения. Одновременно могли болеть все члены одной семьи. Атакованные бактериями индейцы не были способны адекватно вести хозяйственную деятельность: обрабатывать посевы, за-

готовавливать припасы и т. п. Неизбежным спутником эпидемий становился голод, который еще более ослаблял и без того истощенных индейцев. Уровень развития медицины коренных американцев того времени не позволял эффективно бороться с патогенами: отсутствие представлений о карантине, применение традиционных практик для лечения, таких как чередование горячих бань и холодных купаний и т.п. Традиционные верования аборигенов еще более усугубляли ситуацию: фатализм, пренебрежение к больным, но, в тоже время, страх перед болезнями, посланными «христианским богом», провоцирующий панику, бегство и еще большее распространение болезней [4. Р. 294–295].

В современной американской историографии концепция эпидемий «первозданных земель» подверглась ревизии. Так Д.С. Джонсон полагает основным недостатком этой теории «интуитивный характер утверждений об иммунитете индейцев», не подкрепленных объективными данными [5. Р. 707]. Эти утверждения делают слишком сильный акцент на непреодолимой силе естественного отбора, что служит оправданием колонизации Нового Света. Джонсон предостерегает своих коллег от поспешных умозаключений, которые могут привести к выводам о наличии неких генетических, расовых различий между индейцами и европейцами, кроющихся в механизмах резистентности [5. Р. 704]. Теория «первозданных земель», по мнению Джонсона, стала способом смягчения вины европейских переселенцев за демографическую катастрофу, разразившуюся в Новом Свете. Она перекладывает ответственность с одной стороны – на патогенные микроорганизмы, с другой – на плечи самих индейцев, чьи отсталые технологии и неразумное поведение не смогли стать помощниками для преодоления болезней.

Антропологи А. Раменовски, А. Уилбур и А. Стоун [6] полагают чрезмерно упрощенным представление о том, что вирусы и бактерии из Европы быстро распространились в Новом Свете и имели повсеместно одинаковый эффект. В своем коллективном исследовании они демонстрируют взаимосвязь болезней с распределением населения в регионе [6. Р. 251]. В то время как индейское население восточной части будущих США, принявшей на себя основную волну колонизации, стресса и патогенов, сократилось в разы, популяции коренных американцев в западной части континента пострадали не столь значительно, возможно, в том числе и потому, что индейцы Запада жили малыми, рассредоточенными группами [6. Р. 249].

Дж. Гроб [7] отмечает, что представление о «первозданной чистоте» земель Северной Америки не соответствуют действительности. Бактерии стрептококка и стафилококка существовали на континенте задолго до

появления людей. Индейцы, живущие в относительно густонаселенных общинах, переживали крупные вспышки кишечных и респираторных заболеваний [7. Р. 18]. Тесная связь с миром дикой природы делала индейцев уязвимыми перед болезнями, передающимися человеку от грызунов, птиц, насекомых, диких животных [7. Р. 23]. Одни заболевания, существовавшие в регионе, были легкими, другие приводили к тяжелым последствиям и смертельному исходу. Так или иначе, в Новом Свете было достаточно патогенов, способных причинить ощутимый вред человеку. Тем не менее, Дж. Гроб считал, что патогены эндемичные для Европы, действительно не были знакомы индейцам Америки. Он находит свидетельства плимутских колонистов о масштабной индейской смертности достоверными, поскольку описанная ими болезнь, скорее всего, являлась злокачественной оспой, с вероятностью летального исхода до 70% [7. Р. 38]. Кроме того, Дж. Гроб считает, что эпидемия оспы в Массачусетсе 1633 г. начала процесс, который привел к фактическому разрушению устоявшихся индейских общин. С ростом уровня смертности рухнула традиционная система индейских верований. Голод, смерть, воцарившийся в обществе хаос провоцировали перманентный стресс, что приводило к снижению рождаемости до таких уровней, на который восстановление населения было невозможно [7. Р. 40].

Отношение колонистов-современников эпидемий к болезням среди индейцев демонстрирует в своих работах К. Сильва [8, 9]. Сильва исследует связь между представлениями о болезнях и идеологией новоанглийских пуритан. Для этого он использует понятие «воображаемый иммунитет» [9. Р. 8]. Колониальное общество, оперируя категорией «воображаемого иммунитета», делится на здоровое «мы» и больное «они». На этапе становления колоний этими «они» выступали индейцы. Их гибель объяснялась волей Бога, предопределившим земли Новой Англии праведным англичанам-пуританам.

Таким образом, в американской историографии двух последних десятилетий теория эпидемий «первозданных земель» подверглась значительному пересмотру. Современные работы американских исследователей направлены на объяснение феномена индейской демографической катастрофы в свете экологических, биологических и социальных трансформаций, последовавших за «микробной унификацией мира», как одного из последствий европейской экспансии. Американские авторы сегодня ориентированы на системное понимание эпидемий Нового Света XVII столетия, как процессов, вызванных комплексом факторов, сопровождавших колонизацию: голодом, военными столкновениями, политической колониальных властей. Выраженная тенденция к преодолению «им-

мунологического детерминизма» и переосмыслению роли европейских переселенцев в индейской демографической катастрофе.

Литература

1. Jones D.S. Rationalizing Epidemics: Meanings and Uses of American Indian Mortality since 1600. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2004. 308 p.
2. Crosby A.W. Virgin Soil Epidemics as a Factor in the Aboriginal Depopulation in America. William and Mary Quarterly. 1976. Vol. 33, № 2. P. 289–299.
3. McNeill W.H. Plagues and Peoples. New York: Doubleday, 1976. 369 p.
4. McNeill W.H. Human migration: A Historical Overview // Human migration: Patterns and Policies. Bloomington, 1978. P. 3–20.
5. Jones D.S. Virgin Soils Revisited // The William and Mary Quarterly. 2003. Vol. 60, № 4. P. 703–742.
6. Ramenofsky A.F., Wilbur A.K., Stone A.C. Native American Disease History: Past, Present and Future Directions // World Archaeology. 2003. Vol. 35, № 2. P. 241–257.
7. Grob. G. N. The Deadly Truth: A History of Disease in America. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. 349 p.
8. Silva C. Miraculous Plagues: Epidemiology on New England's Colonial Landscape // Early American Literature. 2008. Vol. 43, № 2. P. 249–275.
9. Silva C. Miraculous Plagues: An Epidemiology of Early New England Narrative. New York: Oxford University Press, 2011. 256 p.

В.А. Третьяков

СТРАТЕГИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1928 ГОДА

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.А. Шевченко

На основе партийной прессы, предвыборной программы и выступлений кандидатов реконструируется политическая стратегия Компартии США. Выявляются наиболее идеологизированные аспекты.

Ключевые слова: политическая стратегия, коммунизм, компартия, Америка.

Конечной целью любой политической партии является приход к власти. Именно с этой целью партии принимает участие в выборах какого-либо уровня. Вера в демократические выборные институты, надежда на победу, несмотря на всю свою возможную оппозиционность – мотивирует политиков принимать участие в выборах

Тем не менее, также имеет место быть участие в выборах без надежды прийти к власти этим путем в ближайшем будущем или в принципе. Следовательно, участвующая в выборах партия будет преследовать свою иную цель и свои интересы, которые можно удовлетворить без победы на выборах. Это может быть пропаганда своих идей и привлечение людей в ряды партии. Примером такой политической организации может служить Коммунистическая (Рабочая) партия Соединенных Штатов Америки и другие партии, являвшиеся приверженцами марксистской идеологии. Данная идеология считала выборность всех демократических институтов при капитализме – фальшью и обманом, так как в них могут оказаться только члены господствующего класса. Согласно марксизму, буржуазный парламентаризм существует лишь с одной целью – подавление угнетенного класса [1. С. 46].

Оставим за рамками данного исследования, что коммунисты хотели противопоставить «буржуазному парламентаризму», но каким образом они хотели оказаться у власти? Ответ на данный вопрос обоснован достижением одной из их главных целей – уничтожение частной собственности. Уничтожить мирным путем ее невозможно, значит конечной целью коммунистической партии являлось насильственное ниспровержение существовавшего порядка – революция [2. С. 331].

Зачем, в таком случае, Компартия Америки принимала участие в демократических выборах? Главными задачами, согласно предвыборной программе, являлись: формирование пролетариев в класс, развитие их классового сознания; организация коммунистов на пути борьбы за рабочий класс против всех капиталистических партий; выражение международных интересов рабочего класса; уничтожение господства капитализма; учреждение диктатуры пролетариата [3. С. 62].

Программа была принята на номинационном съезде КП США, проходившем в Нью-Йорке 25–27 мая 1928 года, также были выдвинуты кандидатом в Президенты Уильям Фостер и кандидатом в вице-Президенты Бенджамин Гитлоу. 296 делегатов из 39 штатов и округа Колумбия приняли участие в съезде. Хотя в программе и выдвигаются определенные государственные реформы, например, прогрессивная система налогообложения, конкретные меры в плане противоборства или улучшения в некоторых сферах, но также уточняется, что даже полное выполнение выдвинутых требований – не освободит рабочий класс от эксплуатации [3. С. 62]. Таким образом, в действительности Компартия США преследовала на президентских выборах 1928 года следующие задачи: привлечение людей в свои ряды и популяризация собственных идеологических взглядов. Выполнение этих задач предопределило политическую стратегию, которая поднимала самые насущные и острые вопросы жизни американского общества. Были выделе-

ны следующие ключевые аспекты политической стратегии: взаимодействие с профсоюзными организациями; взаимодействие с безработными, бедными и бездомными; организация и участие в забастовках, демонстрациях; борьба против дискриминации афроамериканцев.

Исходя из марксистского учения, взаимодействие с профсоюзами было необходимо, так как они являлись первичными объединениями пролетариев, рабочих заводов, которые подвергались самой жестокой эксплуатации. Однако американские профсоюзные объединения не были заинтересованы в сотрудничестве с коммунистами, а в ряде случаев наоборот выступали против них, препятствуя агитации и какому-либо взаимодействию в принципе [4]. Эту ситуацию предрек еще в 1883 году американский публицист Александр Винчел [5. С. 456]. Именно в связи с ней политика КП США в отношении профсоюзов значительно отличалась от политики компартий других стран. Дуалистическая политика («dual policy») подразумевала под собой следующее: уничтожение «буржуазных» профсоюзов изнутри и создание революционных конкурирующих профсоюзов. Рабочих призывали вступать в Компартию и в лояльные коммунистам профсоюзы, другие же профсоюзы обвинялись в предательстве истинных интересов рабочих и соглашательстве с бизнесом. Коммунистов же, в свою очередь, обвиняли в преследовании только своих интересов, популизме и манипуляции толпой [6].

Ориентация на безработных, бездомных и нищих была также обусловлена марксистской идеологией, так как эти люди наиболее пострадали якобы от существовавшего строя уже сейчас. Хотя, на момент избирательной кампании 1928 года количество безработных было относительно не большим, особенно на фоне Великой депрессии, уже создавались советы из безработных, а активисты Компартии искали «угнетенных», чтобы привлечь их в ряды партии. Советы должны были направить людей на экономическую, а затем на политическую борьбу. Данная тактика не так хорошо показала себя на момент кампании, но оправдалась во время Великой депрессии. В предвыборной программе были изложены следующие требования, касающиеся насущных дел безработных: государственные работы, государственные приюты и совершенствование трудового законодательства [7].

Борьба за права афроамериканцев была необходима, по мнению коммунистов, так как они были интернационалистами, считали, что все нации и национальности равны в правах. В Америке же того периода времени существовала значительная разница в условиях работы, часах работы, оплате труда и многом другом между белыми и афроамериканцами. Соответственно, в «Программе классовой борьбы» требовали полного уничтожения расовой дискриминации, установления расового, политического и социального равенства. Также подобные требования часто возникали на

страницах партийной прессы, например, газет «The Daily Worker» и «The Communist» [8]. Кандидат в Президенты Уильям Фостер и кандидат в вице-Президенты Бенджамин Гитлоу также поднимали вопрос борьбы против дискриминации афроамериканцев в своих предвыборных речах.

Таким образом, несмотря на разгромные по отношению к Коммунистической партии результаты выборов 1928 года – 48 551 голосов, 0,13%, она двигалась в направлении достижения своих более больших целей [9]. Численность членов партии в период с 1928 года до 1929 год изменилась с 9 117 до 6 933. Число проголосовавших в 1924 году равнялось 38 669, а в 1928 г. – уже 48 551 [10]. О количестве сторонников, не состоявших в партии – нет точных данных, можно лишь предположить, что их количество изменялось пропорционально. Тем не менее, каких-либо коренных изменений в стратегии партии не могло быть, несмотря на возможные провалы или успехи, так как она полностью определялась идеологией.

Литература

1. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Главное издательство политической литературы, 1955. Т. 4.

3. The platform of the class struggle: National platform of the Workers (Communist) party, 1928 [Электронный ресурс]. URL: <http://ucf.digital.flvc.org/islandora/object/ucf%3A5310>, свободный (дата обращения: 15.05.2019).

4. *Watkins, G.* Revolutionary Communism in the United States // The American Political Science Review. 1920. Vol. 14, № 1. P. 27.

5. *Winchell, A.* Communism in the United States // The North American Review. 1883. Vol. 136, № 318. P. 454–466.

6. History of the Communist Party of the United States by William Z. Foster [Электронный ресурс]. URL: <http://williamzfoster.blogspot.com/2013/01/chapter-seventeen-af-of-l-class.html> свободный (дата обращения: 15.05.2019).

7. The platform of the class struggle: National platform of the Workers (Communist) party, 1928 [Электронный ресурс]. URL: <http://ucf.digital.flvc.org/islandora/object/ucf%3A5310>, свободный (дата обращения: 15.05.2019).

8. The Daily Worker. May 31, 1928 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/history/usa/pubs/dailyworker/1928/v5n128-may-31-1928-DW.pdf> свободный (дата обращения 15.05.2019).

9. The New York Times, May 27, 1928 [Электронный ресурс]. URL: <https://timesmachine.nytimes.com/browser> закрытый (дата обращения: 15.05.2019).

10. Mapping American Social Movements [Электронный ресурс]. URL: http://depts.washington.edu/moves/CP_map-members.shtml свободный (дата обращения: 15.05.2019).

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР, ЭТНОСОВ И РЕЛИГИЙ

Д.Д. Ахмаджанов

ИСЛАМОФОБИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент В.М. Мучник

В статье исследуется одна из разновидностей ксенофобии, а именно неприязнь по отношению к мусульманам в мире за последние 50 лет. Автор проводит анализ проявлений ксенофобского отношения стран западного мира к людям, исповедующим Ислам, то есть к мусульманам, а также причины возникновения данного явления. По средствам анализа публикаций СМИ, работ авторитетнейших ученых и религиозных деятелей, интервью и публичных выступлений известных мировых политиков об Исламе и о мусульманах.

Ключевые слова: исламофобия, СМИ, современный мир, мусульмане, Ислам, ксенофобия.

Исламофобия – это одна из форм ксенофобии; собирательное определение для различных форм негативной реакции на ислам, а также на связанные с ним общественные явления. Сегодня тема исламофобии крайне политизирована. Пример этого мы можем увидеть в политике стран западного мира: США со своими союзниками, а также его Ближневосточный протекторат – Израиль. Вопрос ксенофобского отношения к мусульманам тесно связано с двумя аспектами: политическим и экономическим.

Для анализа данных аспектов обратимся к определённым событиям мировой истории, тесно связанных с Исламом или с представителями данной конфессии, разделяя его на этапы.

Так, например, первым этапом исламофобии можно считать период истории после окончания Второй мировой войны и до конца 80-х годов. Данный этап в политическом аспекте характеризовался зарождением исламофобских настроений в мире, тесно связанных с политическими вопросами. Самым ярким событием является Исламская революция в Иране, что означало для Запада потерю важного стратегического нефтеносного союзника в Азии.

Вторым этапом исламофобии является окончание «Холодной войны» и следовавший за ним распад СССР. Да, распад СССР в политическом

аспекте являлся большим плюсом для политиков Западного мира (победа над коммунизмом) и Израиля (больше некому подставлять оружие арабским странам), но для дальнейшего экономического и военного развития США нужен потенциальный враг, в качестве кого и начали выступать мусульмане.

Арнольд Тойнби утверждал, что *«на вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру западный облик»*, вследствие чего Тойнби предсказывал, что на рубеже веков определяющим историю Вызовом станут: выдвинувшая собственные идеалы Россия, **Исламский мир** и Китай. [1]

Свидетелем чего является следующий этап, который можно считать не только пиком исламофобии, но и русофобии (санкции против России, исключение России из G8 т.д., а также экономическая война с Китаем). На данный этап приходятся следующие события: 11 сентября 2001 года; вторжение в Ирак и Ливию; Арабская весна; война в Сирии и Ираке – организация ДАИШ [2], созданная после вторжения в Ирак войск США, которую тесно связывают с Исламом только по её названию.

В наши дни Ислам превратился в орудие пропаганды в политических баталиях, ярким примером является выступление Д. Трампа, в котором он заявлял, что *«закроет въезд свою страну для мусульман»* [3]. Что и стало одним из факторов его победы на выборах.

Вследствие всего вышесказанного становится понятно, что исламофобия приобретает характер одной из ключевых проблем в области прав человека в современном мире. Это понятие превращается в инструмент, который используется исламофобами на Западе в политических и экономических целях. Враждебность к исламу, как одна из главных тем политических кампаний в США, становится частью грязных сетей исламофобии, а мусульмане – ее несчастными объектами [4].

Литература

1. URL: <http://amenra.ru/?p=2327> Цивилизационная теория Арнольда Тойнби и культурология.
2. ДАИШ (ИГИЛ) – запрещённая в России террористическая организация.
3. URL: <https://russian.rt.com> «Запрет на мусульман».
4. URL: <https://islam-today.ru> «исламофобия в США»

Д.В. Большанина

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИЗРАИЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.В. Вольфсон

В статье рассматривается процесс решения Израильским правительством социальных проблем с помощью системы здравоохранения. Автором были выбраны две из наиболее актуальных проблем для социума Израиля – экстремальное расслоение по материальному признаку, а так же особенности интеграции харедим в общество. На основе работ отечественных экспертов выделяются отличительные черты каждой из проблем, а так же удаchi и недочёты в их разрешении.

Ключевые слова: общество, проблемы, здравоохранение, Израиль.

Что такое здравоохранение для самого израильского общества? Как правительство использует медицинскую отрасль для решения ключевых социальных проблем?

Правительство Израиля с самого основания государства чуть более 70 лет назад нуждалось в эффективной социальной политике. Медицина всегда была неотъемлемой частью в достижении этой задачи. Первая больничная касса Калалит, действующая до сегодняшнего дня, была основана в 1911 г. А после обретения страной государственности, правительством был избран путь всеобщего обязательного страхования, в отличие от других стран (например, США), что сделало медицинскую отрасль инструментом для достижения национальных интересов. Предлагаю рассмотреть эти механизмы на примере следующих социальных проблем, имеющих для израильского общества и правительства первостепенное значение: бедность (расслоение населения по материальному признаку) и неравномерная интеграция различных групп населения в социум (на примере евреев – харедим).

Проблема бедности и расслоения населения по материальному признаку для страны и региона не нова. Высокий уровень неравенства противоречит многим принципам основоположников современного Израиля [1]. Как правительство Израиля сегодня стремится преодолеть её с помощью системы здравоохранения? С 2011 г. разница в доходах еврейских и арабских семей составляет порядка 50%. Проявления бедности специфичны – она характерна в основном для арабского и ультраортодоксального населения [1]. Для начала необходимо отметить, что среди ключевых различий между частным и государственным здравоохранением особо выделяют неравенство в качестве обслуживания, а так же доступность

медицинских услуг. Согласно закону «О всеобщем национальном страховании (1994–1995 г.)» членство каждого гражданина в одной из четырёх действующих медицинских касс является обязательным, ему предоставляется «корзина услуг» в государственных медицинских учреждениях страны [2]. Но наряду с ними в Израиле получили всё большее распространение частные медицинские заведения. Принцип их функционирования максимально прост. За определённую сумму пациенту оказывают необходимую услугу. Но особенность таких учреждений состоит в том, что уровень инфраструктуры в них гораздо выше, так же как и заинтересованность персонала в качестве оказываемых услуг. Необходимо отметить, что процесс внедрения инновационных разработок в них осуществляется быстрее и легче, нежели в государственных структурах. Перечисленные различия и вызывают недовольства населения, в особенности той части, которая не может себе позволить посещение частных клиник. Среди ключевых мер по урегулированию ситуации и сглаживанию противоречий между бедными и богатыми можно отметить следующие: создание рычагов по регулированию ценообразования в сфере частной медицины, развитие системы ОМС (Обязательного Медицинского Страхования), а так же направленность на развитие медицинского туризма. Но на сегодняшний день законодательная и экономическая поддержка государственного медицинского сектора, а так же системы всеобщего страхования не позволяют решать проблему расслоения населения достаточно эффективно.

Следующая проблема – неравномерность интеграции групп населения в израильское общество на примере ультраортодоксальных евреев. Проблема взаимодействия харедим и государственных структур неоднозначна и не имеет аналогов в других странах. С одной стороны, в Израиле религия не отделена от государства, с другой – Израиль не является в том же смысле религиозным государством, как некоторые мусульманские страны, например, Саудовская Аравия, поскольку законы принимаются демократическим путём, а не религиозными авторитетами [3]. Тот факт, что образ жизни харедим отличается от остальных групп населения и входит в противоречие с ней, значительно осложняет взаимодействие этой группы населения со всеми государственными структурами. В Израиле в системе здравоохранения участвуют как религиозные евреи, так и светские. Если светский пациент пришёл на приём к светскому врачу, они обходятся без галахических постановлений. Однако вся система здравоохранения Израиля была проанализирована религиозными авторитетами, и на каждый врачебный элемент было издано соответствующее постановление. Эти постановления касаются общих правил поведения

заболевшего иудея, поведение религиозного врача – еврея и общих правил работы государственных лечебных учреждений. То есть, если израильская больница работает 24 часа семь дней в неделю круглый год, включая шаббат и религиозные праздники, тот этот факт должен быть религиозно обоснован и санкционирован [3]. В правительстве есть осознание особенного положения этой категории населения, а положение ультраортодоксального населения занимает важное место во всех внутриполитических стратегиях партий Израиля. Основными мерами по разрешению этой проблемы является создание и законодательное оформление универсальной системы государственного медицинского обслуживания.

Приводимые факты свидетельствуют о высокой степени социальной ответственности израильского здравоохранения, а так же наличия сильных и слабых сторон в решении государством социальных проблем с помощью здравоохранения. Каждая из этих проблем решается разными способами на протяжении нескольких десятилетий. На сегодняшний день происходит реализация проекта вхождения Израиля в рейтинг 15 наиболее развитых стран мира к 2028 году [1]. Среди показателей этого рейтинга здравоохранению и социальной политике отводятся одни из главных ролей. Таким образом, существующая система при всех достоинствах не универсальна, не равнодоступна и не способна решить в полной мере социальные проблемы государства Израиль.

Литература

1. Люблинский В.В. Современные образы современного Израиля. Проблемы и политика // Вестник института социологии. № 1 (16) март 2016. С. 75–100.
2. «В основе закона лежат принципы справедливости, равенства и солидарности...», Закон о медицинском страховании 1994–1995 г.
3. Штерениис М. Религиозные составляющие организации здравоохранения в государстве Израиль // Научные труды по иудаике. Материалы XX Международной конференции по иудаике. М., 2013. Т. 3. С. 294–303.

А.А. Бутина

САУДОВСКИЙ ГОРОД НЕОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев

В статье исследуется новый градостроительный проект Саудовской Аравии «Неом». Указываются причины разработки данного проекта, а также его ключевые задачи. Автор, основываясь на анализе материалов с официального сайта города Неом, а также на публикациях исследователей и данных новостных порталов, рассматривает проблемы и перспективы развития нового города.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Неом, диверсификация экономики

В последние годы страны-экспортеры нефти столкнулись с необходимостью диверсификации экономики, и Саудовская Аравия не стала исключением. С падением цены на нефть на общемировом рынке, начавшимся в 2014 г., Королевство особенно остро ощутило свою зависимость от экспорта «черного золота». Это побудило правительство пересмотреть свою экономическую политику.

В 2016 г. была принята программа «Видение Саудовской Аравии 2030» (Saudi Vision 2030), в рамках которой будет осуществляться проект «Неом» (Neom), направленный на создание высокотехнологичного города, главными целями которого являются диверсификация экономики Королевства и уменьшение его зависимости от экспорта нефти [1. С. 144].

Ключевыми задачами проекта является развитие ряда экономических секторов, направленных на создание качественных жилищных условий, развитой сферы услуг, обеспечение здравоохранения и многое другое. Также сделан акцент на принципах устойчивого развития. Так сектор энергообеспечения подразумевает разработку и широкое использование возобновляемых источников энергии [2. С. 3].

Создание с нуля «умного города», учитывая объем поставленных перед ним задач – это весьма амбициозный проект. Закономерно возникает вопрос о том, насколько осуществимы окажутся планы по его развитию.

Проект города Неом выглядит довольно привлекательно ввиду заявленной суммы инвестиций. Предполагается, что в ближайшие несколько лет Неом получит финансирование в размере более чем 500 млрд долларов от Королевства Саудовская Аравия, Саудовского суверенного фонда, а также от местных и международных инвесторов [2. С. 4].

Более того, будущий город имеет удачное географическое положение. Он будет располагаться на берегу Красного моря в северо-западной

части страны недалеко от границ Египта и Иордании. Такое местоположение имеет ряд преимуществ [2. С. 1].

Прежде всего это касается вовлечения этих двух стран в развитие проекта «Неом». И Египет, и Иордания развивают на побережье особые экономические зоны (порты Нувейба и Акаба соответственно) и саудовские власти исходят из возможности интегрировать данные районы трех стран [3. С. 41]. Более того, план города включает постройку моста, который будет соединять Азию и Африку. Впервые о создании моста короля Салмана было объявлено 8 апреля 2016 г., в ходе встречи саудовского короля и президента Египта Абделя Фаттаха ас-Сиси в Каире [4]. Также можно предположить, что саудовский проект направлен на привлечение технологий, инвестиций и туристов из соседнего Израиля [3. С. 41].

Не менее важно то, что Красное море является значимым судоходным путем, соединяющим Европу и Азию. Через него осуществляется около 10% мирового товарооборота [2. С. 1]. Это обстоятельство будет способствовать становлению Неома как центра мировой торговли.

Будущий город будет функционировать как независимая экономическая зона с автономной юридической и законодательной системой, которая будет спроектирована инвесторами, в соответствии с лучшими международными практиками. Более того, эта зона будет независима от существующей правительственной структуры Саудовской Аравии, за исключением «суверенных законов», что, согласно проекту, подразумевает законы, связанные с военным сектором, внешней политикой, а также законы, принятые сувереном, т. е. правящим саудовским монархом [5. С. 2].

Стоит также отметить, что в презентации проекта женщины без хиджаба показываются в пять раз чаще, чем женщины, облаченные в него [6]. Учитывая факт того, что в программе «Видение 2030», в рамках которой и будет развиваться проект «Неом», существует задача увеличения доли женщин среди занятых с 22 до 30% к 2030 г. [7. С. 39], есть основания полагать, что реализация данного проекта будет способствовать эмансипации женщин Саудовской Аравии.

Однако существует ряд немаловажных факторов, которые могут отрицательно сказаться на реализации всего проекта.

Прежде всего, создание автономной правовой зоны подразумевает ряд социальных и политических реформ, которые придется осуществить правительству государства, в котором нет Конституции, так как оно живет по законам шариата. Консервативность высшего управленческого аппарата может крайне затруднить приток инвестиций и высококвалифицированных кадров. Из-за скандала вокруг убийства в октябре 2018 г. саудовского журналиста Джамала Хашогги на территории консульства Саудов-

ской Аравии в Стамбуле, проект уже лишился поддержки американского бизнесмена Д. Доктороффа (Daniel L. Doctoroff) и британского архитектора Нормана Фостера (Norman Foster) [8].

Также следует отметить, что это не первый проект Саудовской Аравии, направленный на создание высокотехнологичного экологически чистого города, главной целью которого является диверсификация экономики Королевства. В 2006 г. король Абдалла объявил о создании шести так называемых «экономических городов», а также нескольких специализированных промышленных центров. Однако, этот проект так и не был реализован [3. С. 42]. Из заявленных шести городов было создано только четыре, но и они не были завершены.

В связи с этим, встает вопрос о целесообразности инвестиций в новый город. На вопрос о том, не должны ли инвестиции направляться на развитие инфраструктуры уже существующих городов, саудовские власти отвечают, что наряду с Неомом будут развиваться и другие города, и районы [5. С. 2]. Очевидно, что объем инвестиций, который потребуется для реализации всех намеченных проектов несоизмерим с экономическим потенциалом Саудовской Аравии. Что ведет нас к следующей проблеме.

Аккумулировать достаточное количество средств для реализации данного проекта будет весьма проблематично. В презентации Неома объем заявленных инвестиций равен 500 млрд долларов, что соответствует почти 80% ВВП Саудовской Аравии. При этом бюджет Королевства в условиях снизившихся цен на нефть сводится со значительным дефицитом, для покрытия которого страна вынуждена не только использовать золотовалютные резервы, но и прибегать к внешним заимствованиям [3. С. 42].

Возможный ресурс повышения эффективности расходов лежит в пересмотре приоритетов саудовского бюджета. По имеющимся данным, доходы от экспорта 1-2 млн баррелей нефти тратится Королевством на многочисленную королевскую семью, данные расходы составляют около 10% бюджета. Еще 30 млрд долларов ежегодно направляется на финансирование различных видов помощи зарубежным государствам [3. С. 42].

Еще одним спорным вопросом в реализации проекта «Неом» является его экономическая специализация. Неом вбирает в себя широкий спектр зон экономического развития от сельского хозяйства до индустрии развлечений. С учетом переориентации экономики Саудовской Аравии с модели государственного капитализма на либеральную рыночную модель в рамках «Видения 2030» [7. С. 51], данный факт может сыграть отрицательную роль в эффективности функционирования города. С этой точки зрения, проект развития шести экономических городов, где у каж-

дого своя особая основная специализация [9], выглядит более жизнеспособным.

Таким образом, существует высокая вероятность того, что Неом разделит судьбу «экономических городов» короля Абдаллы, и проект так и не будет до конца завершен. Однако в случае его реализации Неом станет символом обновленного Королевства Саудовская Аравия, внесет важный вклад не только в диверсификацию экономики страны, но и в ее инновационное развитие.

Литература

1. Косач Г. «Видение: 2030». Саудовские реформы [Электронный ресурс] // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 137–150. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
2. Fact Sheet [Electronic resource]: Neom. URL: <https://www.neom.com/content/pdfs/NEOM-Fact-Sheet-en.pdf> (access date: 18.04.2019).
3. Бирюков Е.С. О футуристическом городе Неом в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // Вестник университета (Государственный Университет управления). 2017. № 6. С. 39–43. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
3. РИА «Новости» [Электронный ресурс]: Саудовскую Аравию и Египет соединит мост короля Сальмана URL: <https://ria.ru/world/20160408/1405389283.html> (дата обращения: 21.03.2019).
4. Frequently Asked Questions [Electronic resource]: Neom. URL: <https://www.neom.com/content/pdfs/NEOM-Faqs-en.pdf> (access date: 18.04.2019).
5. Neom [Electronic resource] / Neom. URL: <http://www.neom.com/>
6. Vision 2030 Kingdom of Saudi Arabia [Electronic resource]: Saudi Vision 2030. URL: <http://vision2030.gov.sa/download/file/fid/417> (access date: 20.03.2019).
7. CNN [Electronic resource]: Top tech execs will help Saudi Arabia build its mega city of the future URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/10/tech/neom-city-investors/index.html> (access date: 29.03.2019).
8. Economic Cities in Saudi Arabia [Electronic resource] / Meyer-Reumann & Partners. URL: <http://meyer-reumann.com>

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНО-СЕМИТСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Науч. рук – канд. ист. наук, доцент О.В Хазанов

В данной статье исследуется связь Ветхого Завета и истории западно-семитских племен и народов. В статье рассматривается ряд научных работ подтверждающих концепцию связи Ветхого Завета и истории западно-семитских племен и народов.

Ключевые слова: Ветхий Завет, библейская критика.

В обыденном понимании, Ветхий Завет – Священное Писание, в котором рассказывается история евреев от сотворения мира и человека до восстановления Второго Храма. Сам Ветхий Завет делится на 3 части: Тора - история от сотворения мира до исхода израильтян из Египта и разделения их на 12 колен, Невиим – от завоевания Ханаана до раздела Израиля на 2 царства, Ктувим – от раздела Израиля до восстановления Второго Храма. Но, что если Ветхий Завет – не просто ряд религиозных текстов, в которые включена некая хроника о событиях в одной семье или в одном маленьком клане, а хроника в которую включена история западно-семитских народов? Предлагаю разобраться в этом вопросе на основании ряда работ, посвященных изучению истории западно-семитских народов.

Отличительной чертой семитских народов является возведение родословной народа к какому-либо реальному и/или эпическому герою из прошлого. На основании этой гипотезы Циркин Ю.Б предположил, что в Ветхом Завете записана история не только евреев, но и остальных западно-семитских народов. Так, Ю.Б Циркин выдвинул следующую гипотезу – «Сутии/Аморей возводили своё происхождение к Суту/Шету/Сифу через происхождение от Аморрея сына Ханаана сына Хама. Аналогично амореям, финикийцы тоже возводили своё происхождение к Сидону. Удивителен тот факт, что в Санхунйатоне, Филон Библиский возводит происхождение к Хна (сокращение от Ханаан)» [1]. Не менее убедительна гипотеза В.М Мюллера, который еще в XIX веке развивал теорию близкого родства западно-семитских народов и предположил, что «Ханаан у Филона является братом Эйсирия. Если последний – Осирис, то у нас полная аналогия с библейскою генеалогией, в которой Мицраим, родоначальник египтян, является братом Ханаана» [2. С. 207]. Следующим витком концепции родства является гипотеза А.А Немировского, в кото-

рой Ханаан возводится к Каину, что подводит нас к документальной гипотезе составления Ветхого Завета. Если данная концепция верна то, можно предположить, что Сиф и Каин – один и тот же персонаж, история которого была записана в разных книгах, и именно сюжет с Каином был позднее включен в состав Завета. В доказательство данной гипотезы служат сюжеты IV и V главы Бытия, где нам предстают два различных Лемеха, но уже в первой Паралипоменон представлена только ветвь Адам→Сиф→Енос→Каинан→Малелеил→Иаред→Енох→Мафусал→Ламех→Ной. Вероятнее всего, Ламех представлял собой один из «поворотных моментов» в сознании западно-семитских народов, семиты отождествляющие себя с потомками Ламеха сына Каина были земледельцами и позднее стали горожанами, так как его дети олицетворяли: скотоводство, искусство и кузнечное дело – сочетание данных качеств возможно только при оседлом земледелии и/или при полукочевом образе жизни.

Следующий сюжет – откочевка Авраама. Разбор этого сюжета стоит начать издалека. Как же семиты попадают в Месопотамию? Прасемитские племена, из которых позднее выйдут восточные семиты – Аккадцы, приходят на территорию Месопотамии в III т.л, скорее всего, это связано с аридизацией Сирийской пустыни, которая началась в IV т.л, там они ассимилируются с местным шумерским населением, при этом переняв клинопись, они сохраняют свой язык, который к XXIV–XXIII вв до н.э становится лингва-франка в Шумере. И уже в XXIV веке до н.э аккадцы основывают одноименную империю – Аккад. Так, семиты и поселились в Месопотамии. История патриархов и Авраама всегда вызывала раскол среди университетских кругов библеистов Европы. Часть библеистов-историков считают, что это легендарные хроники, которые были включены в Ветхий Завет в царствование Соломана, другие библеисты-теологи считают историю Авраама и патриархов правдоподобной, которая была записана при их жизни или чуть позднее. Предлагаю ознакомиться с тезисами theologов:

- Невозможность передачи богатой подробностями истории на протяжении немалого отрезка времени, который отделяет эпоху Авраама от эпохи Исхода [3. С. 236].

- «История патриархов сама по себе вполне правдоподобна и не обнаруживает следов легендарных дополнений. Патриархи совсем не идеализированы: часто они предстают перед читателем в ситуациях, выставляющих их в довольно неблагоприятном свете» [3. С. 239].

На мой взгляд, данные тезисы неубедительны, так как Ветхий Завет – это не просто религиозно-исторический текст, который следует читать поверхностно, как это и делают данные теологи; в Ветхом Завете нахо-

дится история не только «о событиях в одной семье или в одном маленьком клане», но и история западно-семитских народов в целом, что было доказано выше и в работе Ю.Б. Циркина. В доказательство данной теории предлагаю наконец-то разобрать сюжет с исходом семьи Авраама из Месопотамии.

Итак, за начало исхода из Месопотамии принято считать – «И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там» – Бытие 11:31. Но данный эпизод можно считать более поздней вставкой в Завет во время «Вавилонского пленения» в VI веке до н.э, так как халдеи, племя арамеев, появляются в Шумере только в XI веке и основывают Новоавилонское царство только в конце VII века до н.э. Поэтому, за начало откочевки стоит брать с момента исхода Авраама из Хар(р)ана. Сама откочевка символизирует массовую миграцию семитских народов из Месопотамии, которая происходила в XXI–XVIII веках связана с засухой XXIII–XXII вв. до н.э, которая ослабила Древний Египет и Аккад, и нашествием Гутиев, всё это дестабилизировало ситуацию в Северной Месопотамии и вынудило семитов проживающих на севере Месопотамии перекочевать в Ханаан. С этого момента, Авраам становится Аврамом Евреем, можно предположить, что термин «еврей» является сокращением термина «Эвер-Нари», который символизирует область лежащую на западе от Евфрата, таким образом, термин «Еврей» обозначал всех семитов, которые перешли через Евфрат. По пришествию в Ханаан, Аврам возводит тофет в честь Яхве и приносит в жертву «трехлетнюю телицу, трехлетнюю козу, трехлетнего овна, горлицу и молодого голубя» – данный обряд является не просто обрядом в честь Бога, а подтверждением присутствия у Израильян обряда «молкомор», который был распространен у всех западных семитов проживающих в Ханаане, это же в свою очередь дополняет гипотезу Юлиуса Вильгаузена о том, что Евреям были не чужды обряды Ханаанейян [4].

Таким образом, Ветхий Завет несет в себе историю не только «событиях в одной семье или в одном маленьком клане», но и историю всех западно-семитских народов, что было доказано выше.

Литература

1. Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена. М.: Астрель: АСТ, 2001. 256, [2] с.
2. Müller W.M. Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern [С. 207]. Leipzig, Engelmann 1893.

3. Энрико Гальбати и Алессандро Пьяцца. Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. Христианская Россия, 1992. 304 с.

4. Юлиус Велльгаузен. Введение в историю Израиля / пер. с нем. Н.М. Никольского. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 2-е изд.

И.А. Кокарева

**КОММЕНТАРИИ ПИНХАСА ПОЛОНСКОГО
И ДМИТРИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО К ТЕКСТАМ КНИГИ БЫТИЯ:
ОТНОШЕНИЯ ИСАВА И ИАКОВА
КАК ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент О.В. Хазанов

В статье анализируется отражение проблемы взаимосвязи культур и цивилизаций в современных интерпретациях одного из древних хранилищ коллективной памяти – Библии. Взятые в качестве источников комментарии написаны представителями двух разных традиций – иудейской и христианской. Такой подход позволяет провести сравнительно-исторический анализ и выявить степень влияния национальной и религиозной идентичности на особенности актуализации культурной памяти о ветхозаветных событиях.

Ключевые слова: культурная память, Библия, иудаизм, христианство.

Культурная память о прошлом – важный фактор для формирования и поддержания коллективной идентичности: национальной, социальной, религиозной и какой-либо ещё. В отличие от биологической памяти, она способна существовать более длительный период, охватывающий несколько веков и даже тысячелетий. Теорию культурной памяти развил в своих исследованиях Ян Ассман, взяв за основу идеи Мориса Хальбвакса о существовании общих представлений о прошлом в отдельных коллективах [1. С. 27–29].

Культурная память не может существовать без специального закрепления материальными носителями, которые в свою очередь нуждаются в периодической актуализации, интерпретации. Поместить память в пространство текста или материала недостаточно, также требуется постоянно подчеркивать связь сконструированного прошлого с живым настоящим. Этим занимаются, как правило, писатели, деятели искусств, философы, учителя [2. С. 54–55].

Далее мы рассмотрим, как одно и то же хранилище коллективной памяти интерпретируют два разных в плане групповой идентичности чело-

века. Если быть точнее, речь пойдет о том, как демонстрируется противостояние Исава и Иакова в комментариях иудея Пинхаса Полонского и христианина Дмитрия Щедровицкого к текстам книги Бытия.

Напомним, Иаков (Яков в еврейской традиции) – один из трех главных библейских патриархов, отец основателей 12 израильских колен. Он был рожден вместе со своим братом-близнецом Исавом и находился с ним долгое время в состоянии соперничества [3. С. 32–33].

Как показало наше исследование, идентичность действительно может повлиять на восприятие и осмысление библейского текста.

И Полонский, и Щедровицкий считают, что братья представляют собой не только разные личности, но и народы и даже цивилизации. И если в плане Иакова их мнения сходятся – он олицетворяет собой всех евреев, то с Исавом ситуация иная.

Для иудейского философа Исав (Эсав) – воплощение всей западной цивилизации и всего христианства. Его имя переводится как «завершенный», что указывает, по мнению Полонского, на твердость и завершенность самосознания западных стран, которым евреи неоднократно на протяжении истории доказывали свою самодостаточность и целостность, находясь в изгнании.

Щедровицкий под Исавом понимает именно западное, римское христианство. Эдомитяне, потомки Исава, могли быть, по его мнению, одними из первых жителей Рима, пришедших туда вместе с Ромулом.

Только для одного из комментаторов тексты Библии являются важными не только в религиозном, но еще и в национальном, государственном плане. Мы имеем в виду Пинхаса Полонского, который раскрыл важность братьев друг для друга в том, что, несмотря на соперничество, они не только уникальны сами по себе, но и созависимы.

Монотеистические ценности Иакова легли в основу христианской цивилизации Исава, который в свою очередь помог брату с восстановлением Израиля в XX веке. В изгнании евреи освоили основы мировой политики, за счет чего Израиль смог стать полноправным членом международного сообщества. Полонский подчеркивает тот момент, когда Иаков борется с ангелом и просит благословения. Этот ангел в понимании философа принадлежит Исаву, а благословение, которое выпрашивает праотец – разрешение западной цивилизации на воссоздание Израильского государства [4. С. 516].

Щедровицкий, как интерпретатор носителя именно религиозной культурной памяти, делает то, о чем писал Морис Хальбвакс, рассматривая религиозные коллективы. Особенность памяти последних в том, что они воспроизводят своё прошлое через переработку памяти той группы, из

которой берёт истоки их учение. В случае христианства – это иудаизм, ценности и символы которого христианские богословы, как отмечал Хальбвакс, старались универсализировать, вывести из узконациональной направленности. Что мы и видим у Щедровицкого, для которого Иаков становится уже христианским праотцом, а сюжет, где он в шкуре животного получает благословение отца, выдавая себя за Исава – символизирует не только еврейский народ, который долгое время находился внутри чужих культур, но и прообраз церкви и даже Иисуса Христа [5. С. 151].

И последний аспект, который мы затронем в этой работе, касается того, как на протяжении истории Исав пытался уничтожить Иакова. И в этом случае мы видим проявление разных идентичностей. Иудейская сторона в первую очередь конструирует своим комментарием культурную память о христианской теологии замещения – принижение, гонение иудеев, но не тотальное истребление. Полонский отсылает к тем событиям через фразу Исава, выразившего словесно желание убить брата, но так и не попытавшегося воплотить свою идею [4. С. 440].

Щедровицкий же в этом аспекте обращается к нацизму. По мнению христианского мыслителя, порабощение Исавом Иакова, о котором говорил их отец Исаак на смертном одре, ярко проявилось именно в XX веке. Причем, речь не только о том, что Гитлер (Исав) уничтожал еврейский народ (Иаков). Идеологию фюрера Щедровицкий соотносит с антихристом, который выступает против всей гуманистической цивилизации в целом, а Иаков, свою очередь, снова уподобляется Иисусу [5. С. 157].

Мы рассмотрели два комментария, но уже такая работа показала нам ту разницу, которая ощущается при интерпретации одного и того же хранилища памяти с позиции разных коллективов, что демонстрирует степень, с которой идентичность оказывает влияние на различные сферы общественной жизни. Подходы Полонского и Щедровицкого соотносятся с особенностями тех групп, память которых они прорабатывают. Для одного важно было сделать акцент на значении восстановления Израиля, для другого – на преемственности Нового и Ветхого Завета. Один соотносит свою идентичность со всей христианской цивилизацией в целом, а второй – только с её западной частью.

Литература

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Библия, Синодальный перевод. М.: Российское библейское общество, 2013. 1756 с.
4. Полонский П. Библейская динамика. М.: Столичная пресса, 2016. Т. 1. 720 с.
5. Щедровицкий Д. Введение в Ветхий завет. М.: Теревинф, 1994. Т. 1. 288 с.

А.С. Колотовкина

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВОПРОСОВ ПРАВ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев

В статье исследуется деятельность международных организаций по вопросам урегулирования прав женщин в современном Иране. Приводится краткая историческая справка об Исламской революции в Иране, открывшей новую эпоху в борьбе за гендерное равенство. Также в статье рассматриваются методы работы правительственных и неправительственных организаций (подразделения ООН, Amnesty International, Human Rights Watch), их отношения к проблеме гендерного неравенства и результатов работы.

Ключевые слова: женщины, Иран, международные организации.

Неравенство женщин в государствах Ближнего Востока – давняя и трудно решаемая проблема, в основе которой целый комплекс исторических, политических, культурно-религиозных и социальных факторов.

Ключевым событием в современной истории Ирана можно считать Исламскую революцию 1979 года. В результате революции монархия в Иране была упразднена, шах Мохаммед Реза Пехлеви эмигрировал, а власть перешла к новой администрации во главе с аятоллой Хомейни.

Исламская культурная революция существенно отразилась и на положении женщин. Ношение хиджаба, раздельное обучение, ограничения на ряд профессий для женщин стали обязательными. Был затронут и институт семьи: женщина не могла инициировать развод, а многожёнство и «сигэ» – временные браки – стали допустимыми. Новая власть отменила закон «о защите семьи», который защищал женщину в семье от насилия со стороны мужа [1].

В докладе о глобальном гендерном разрыве Всемирного экономического форума за 2018 год Иран занимает 142 место (из 149) [2]. Иран – достаточно закрытое для внешнего воздействия государство. Это одно из немногих государств, не подписавших конвенцию о ликвидации всех форм дискримина-

ции в отношении женщин [3]. В 2003 году конвенция была ратифицирована парламентом, но иранский Совет стражей конституции наложил вето [4].

В течение последних тридцати лет правительство Ирана редко разрешает въезд членам международных правозащитных организаций, проводящих расследования нарушений прав человека в стране. За это время сотни активистов, адвокатов, правозащитников и журналистов были привлечены к ответственности за расследования и мирные протесты. Граждане Ирана опасаются обсуждать вопросы прав человека по телефону или электронной почте, опасаясь правительственного наблюдения, которое широко распространено в социальных сетях. Правительство часто обвиняет тех, кто его критикует, в том, что они являются агентами иностранных государств и преследуют их в соответствии с законами о национальной безопасности Ирана [5]. Всё это существенно осложняет работу международных организаций.

ООН. Крупнейшей международной организацией, занимающейся вопросами прав женщин, является подразделение ООН – «ООН-женщины». Примечательно, что в Иране это подразделение не действует.

В то же время, другие подразделения ООН оказывают поддержку населению Ирана, фокусируясь на наиболее уязвимых категориях, в том числе, на женщинах.

В результате разрушительного наводнения в апреле этого года в той или иной степени пострадали 10 миллионов человек. 100 000 детей были вынуждены покинуть школу. В настоящее время в Иране действует миссия UNICEF. Для помощи детям было привезено около 300 холодильных камер с вакцинами [6]. Это поможет предотвратить распространение заболеваний.

Фонд народонаселения ООН в Иране проводит программу по всеобщему обеспечению качественными медицинскими услугами с уделением особого внимания репродуктивному здоровью и охране материнства, а также снижению уровня материнской смертности к 2030 году [7]. Фонд народонаселения ООН проводит регулярные встречи с представителями иранских министерств. Помимо вопросов материнства, обсуждаются вопросы борьбы с ВИЧ, СПИД и прочими заболеваниями. В 2017 году Фондом народонаселения были выделены средства на помощь беременным женщинам и матерям, пострадавшим от землетрясения.

Кроме того, Фонд народонаселения взаимодействует с министерством труда. В 2018 году был подписан Меморандум о сотрудничестве [8]. Министерство обязуется оказывать поддержку женщинам, возглавляющим домашние хозяйства. Описаны меры экономической, юридической и психологической помощи.

При поддержке Программы Развития ООН в Иране действуют женские центры. Один из них находится в провинции Голестан [9]. Проект имеет как просветительскую, так и экологическую направленность: здесь женщины учатся лесному делу, сельскому хозяйству, ремёслам и др.

Аналогичные проекты, действующие в других государствах, также затрагивают иранок. В качестве примера можно назвать женский центр SADA в Турции, существующий с 2017 года.[10] Это совместный проект Международной организации труда, ООН-женщин, ЕС и местного правительства. Здесь женщины из самых разных стран (в том числе, беженки), изучают основы компьютерной и финансовой грамотности, иностранные языки, а также могут получить юридическую и психологическую помощь.

Human Rights Watch. Для своего исследования гендерного неравенства в профессиональной сфере в 2017 году Human Rights Watch опросили 44 человека, которые в настоящее время проживают в Иране или недавно покинули страну и хорошо знакомы с иранским рынком труда. Для того, чтобы обезопасить участников опроса, все собеседования проводились с использованием приложений для смартфона, позволяющих шифровать сообщения. Результаты исследования публиковались с псевдонимами, вся личная информация, позволяющая идентифицировать респондента, также была скрыта. В своей работе HRW также использовали правительственную статистику и заявления официальных лиц [11].

#watchforwomen – это правозащитная кампания, проводимая HRW с тем, чтобы женщины могли посещать спортивные мероприятия. В рамках кампании общественные деятели, политики и спортсмены высказывались об абсурдности иранского законодательства.

Amnesty International. Международная Амнистия постоянно говорит о нарушениях прав человека и, в частности, женщин в Исламской республике Иран. Своими отчётами они привлекают внимание общественности к существующим проблемам. В настоящий момент МА проводит кампанию в защиту уже упомянутой Насрин Сотуде. Помимо освещения новостей, организация собирает подписи под петицией, а также организует пикеты в разных странах мира (в том числе, у иранского посольства в Москве) [12].

Выводы:

1. Деятельность международных организаций в Иране крайне разнообразна. Их участники ищут решения для экономических, социальных, политических, правовых, медицинских и прочих проблем.

2. Основная причина гендерного неравенства в Иране – традиционное сознание. Подверженные консервативным установкам, каждый из участников

преобразований (женщина, мужчина, представитель власти) неохотно меняют свои привычки, поэтому любые меры – от образовательных лекций до законодательных инициатив – крайне медленно приносят результаты.

3. С другой стороны, самосознание женщин в Иране возросло с начала века. Девочки и женщины стали охотнее приобретать профессиональные навыки, получать образование и искать собственный источник доходов.

Литература

1. *Majid Mohammadi*. Iranian Women and the Civil Rights Movement in Iran: Feminism Interacted // Journal of International Women's Studies. 2007. № 9.

2. Global Gender Gap Report 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/data-explorer/?doing_wp_cron=1555925987.6537849903106689453125#economy=IRN (дата обращения: 10.04.2019).

3. Committee On The Elimination Of Discrimination Against Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/CEDAWIndex.aspx> (дата обращения: 10.04.2019).

4. Women's Rights Central Battle in Iranian Politics [Электронный ресурс]. URL: <https://womensenews.org/2003/08/womens-rights-central-battle-iranian-politics/> (дата обращения: 10.04.2019).

5. Iran: Flawed Convictions for Journalists Intensified Crackdown on Media Freedom [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrw.org/news/2016/05/03/iran-flawed-convictions-journalists> (дата обращения: 10.04.2019).

6. Nearly 1 million children affected by massive floods in Iran [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org.ir/all-stories/item/5290-19-april-2019-nearly-1-million-children-affected-by-massive-floods-in-iran> (дата обращения: 10.04.2019).

7. UNFPA Representative in Iran meeting H.E. Dr. Hashemi, Minister of Health and Medical Education [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org.ir/all-stories/item/4631-13-mar-2018-dr-leila-joudane-unfpa-representative-in-the-iri-meeting-h-e-dr-hassan-ghazizadeh-hashemi-the-minister-of-health-and-medical-education> (дата обращения: 10.04.2019).

8. New MoU between UNFPA and the Ministry of Cooperatives, Labour and Social Welfare [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org.ir/all-stories/item/4754-3-june-2018-new-cooperation-between-unfpa-and-the-ministry-of-cooperatives-labour-and-social-welfare-of-i-r-iran> (дата обращения: 10.04.2019).

9. Photo Story: UNDP's mission to Deh Chenashk village [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org.ir/all-stories/item/4684-8-may-2018-photo-story-undp-s-mission-to-deh-chenashk-village> (дата обращения: 10.04.2019).

10. Women and girls of SADA Women Centre gather to mark a new beginning with International Women's Day [Электронный ресурс]. URL: <http://arabstates.unwomen.org/en/news/stories/2018/3/news-women-and-girls-of-sada-women-centre-gather-to-mark-international-womens-day> (дата обращения: 10.04.2019).

11. "It's a Men's Club". Discrimination Against Women in Iran's Job Market [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hrw.org/report/2017/05/25/its-mens-club/discrimination-against-women-irans-job-market> (дата обращения: 10.04.2019).

12. Amnesty выиграла суд у префектуры ЦАО Москвы по поводу запрета пикета у посольства Ирана [Электронный ресурс]. URL: <https://amnesty.org.ru/r/2019-04-22-iran-russia/> (дата обращения: 10.04.2019).

А.С. Петракова

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор И.В. Нам

Данная статья посвящена описанию процесса конструирования национальной идентичности евреев через институты образования на территории России. Рассматриваются три этапа развития системы еврейского образования: в Российской Империи, в СССР и в Российской Федерации. На основании анализа источников о еврейских образовательных программах делаются выводы о их содержании и влиянии на конструирование национальной идентичности в истории и на современном этапе.

Ключевые слова: национальное образование, евреи, Россия.

Вопросы воспитания и образования всегда были и остаются важными для общества, так как эти процессы являются инструментами его воспроизводства и социокультурного изменения. Поэтому школа, как социальный институт, является объектом постоянного научного интереса. Однако стоит заметить, что, помимо своих основных функций, она реализует и множество дополнительных.

Для евреев получение образования, в частности религиозного, всегда считалось крайне важным аспектом в жизни человека. Во многом именно образование позволило евреям на протяжении столетий сохранять свои культурные особенности. Роль образования подчеркивается и в священных текстах иудаизма: «И учите им [словам Торы] сыновей своих...» (Дварим, 11:19). Сообразно с этим требованием долгое время образование еврейских детей ограничивалось только религиозными школами (талмуд-тора, хэдер) [1]. В таких учебных заведениях обучали главным образом чтению и трактованию священных текстов. Следствием такого подхода к образованию становилась неграмотность детей и высокая сте-

пень отчужденности еврейского народа от остального населения страны [2. С. III].

Долгое время в еврейской самоидентификации главную роль играла община, на её средства создавались учебные заведения, существовали синагоги и многое другое. Считалось, что Еврей – это тот, кто принадлежит к еврейской общине. В начале XIX в. в Россию приходит движение «Гаскала», выступающее за увеличение доли светских наук в образовании и уменьшение в нём роли общины [3. С. 20–22]. Эти цели вполне совпадали с желанием правительства ассимилировать евреев, поэтому начинают создаваться еврейские школы и училища, в которых сочетается изучение традиционных еврейских предметов, светских наук и русского языка. Зачастую они открывались на базах хедеров и талмуд-тор, но при этом соотношение часов в неделю, рассчитанных на изучение русских и еврейских предметов в разные периоды, могло быть неравным. Так, в Томске в 1905–1906 гг. программа изучения еврейских предметов расширилась с 33 до 63 часов в неделю, при 42 часах, отведенных на русские предметы [4. С. 113]. Несмотря на то, что зачастую правительственные меры в этом направлении имели репрессивный характер, они все же привели к распространению грамотности в еврейской среде, увеличению доли евреев в университетах [5] и, как следствие, повлияли на их социальную активность. Доказательством этому служит активное участие евреев в революционных событиях [6. С. 12–14].

В Советском Союзе национальное еврейское образование претерпело ряд фатальных изменений, многие образовательные учреждения были просто закрыты под предлогом «обрусения местных евреев». Так, например, в 1920-е гг. в Томске были закрыты все еврейские школы, несмотря на уникальный опыт работы в национальном образовании и их вклад в культурно-просветительскую деятельность [7. С. 24]. Также в рамках борьбы с религией, было прекращено обучение Торе и Талмуду, а языком обучения стал идиш, сменивший иврит. Из национального в еврейских школах остался только язык обучения. Однако из-за того, что многим родителям русский язык казался более перспективным, детей старались отдавать в обычные русские школы [8]. В конце 1930 – начале 1940 г. еврейское образование в СССР имело крайне слабую поддержку власти, часто наталкиваясь на противодействие с её стороны. Это, а также падение престижа еврейского образования и полная невозможность продолжать его в высших учебных заведениях, стало причиной прекращения существования системы еврейского образования в СССР [9] и как следствие, разрушения местных еврейских традиций и еврейской самоидентификации.

Современное еврейское национальное образование в России очень неоднородно. Существуют различные государственные и частные школы, молодёжные и подростковые клубы, воскресные школы и летние лагеря [10]. Например, в г. Томске еврейское образование частично можно получить в различных сообществах, образованных при Томской хоральной синагоге. Это отделение молодежного клуба «EUROSTARS» и подросткового клуба «ENERJEW», детский клуб «9 дверей», а также детская библиотека еврейской литературы ««PJ Library». Целью этих образовательных объединений служит формирование «еврейского самосознания», их участники занимаются изучением еврейского языка, культуры и традиций, создают собственные молодёжные проекты, участвуют во всероссийских и международных еврейских мероприятиях [11]. Поскольку культурная среда, в которой воспитываются современные российские евреи, кардинально изменилась по сравнению с той, в которой воспитывались их сверстники в Российской Империи, сейчас эти организации приобретают большее значение не только как институты образования, но и как инструменты конструирования национальной идентичности. В современных еврейских школах в России, помимо изучения обязательных общеобразовательных предметов, большое внимание уделяется ивриту, изучению истории народа и его традиций, в основном религиозных [12]. Родители при выборе школы часто руководствуются соображениями последующей эмиграции, а сами образовательные организации имеют обширные культурные и финансовые связи с Израилем. Многие из этих программ предлагают ребятам ознакомительные и образовательные поездки на «историческую родину» [13].

Таким образом, еврейская идентичность на постсоветском пространстве во многом конструируется по израильскому образцу. Причиной этого стало исчезновение традиционной системы еврейского образования, приведшее к нарушению преемственности поколений евреев России. В связи с этим деятельность в сфере национального образования становится ещё более важной, ведь её задачей становится не только обучение и воссоздание некоторых традиций российского еврейства, но и конструирование новой еврейской идентичности.

Литература

1. Хедер (חדר, буквально «комната»), еврейская религиозная начальная школа. [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/judaism/traditional-education/14491/>, свободный (дата обращения: 8.02.2019).

Талмуд-Тора (תלמוד-טורה, буквально «изучение Торы»), возникшие на исходе средних веков в Европе учебные заведения для мальчиков [Электронный ресурс].

URL: <https://eleven.co.il/judaism/traditional-education/14023/>, свободный (дата обращения: 08.02.2019).

2. Справочная книга по вопросам образования евреев: пособие для учителей и учителей еврейских школ и деятелей по народному образованию / сост. Л.М. Брамсон и др. СПб., 1901. 681 с.

3. Новая еврейская школа 1. СПб.: Институт Еврейского Образования, 1998.

4. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. 500 с.

5. Еврейское образование в Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://litbook.ru/article/8730/>, свободный (дата обращения: 11.02.2019).

6. *Бухтоярова И.М., Савчук А.Д.* Революция 1917 года и еврейский вопрос [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32307119> (дата обращения: 20.02.2019).

7. Евреи в Сибири: сб. стат. Пробл. научно-исслед. лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири / под ред. Э.И. Черняка и Я.М. Кофмана. Томск, 2000. С. 13–20.

8. Новая еврейская школа 11. СПб.: Институт Еврейского Образования, 2001.

9. Остатки еврейской школы в СССР в последние предвоенные годы [Электронный ресурс]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/205/kotlerman.htm>, свободный (дата обращения: 15.03.2019).

10. Централизованная религиозная организация ортодоксального иудаизма «Федерация еврейских общин России» (ФЕОР) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feor.ru/programs/educational/>, свободный (дата обращения: 23.03.2019).

11. Общинные программы «Томская еврейская община» [Электронный ресурс]. URL: <http://jewish.tomsk.ru/programs>, свободный (дата обращения: 10.04.2019).

12. «В центре еврейского мира всегда стоит ребёнок». Что особенного в еврейских школах в Москве [Электронный ресурс]. URL: https://mel.fm/shkoly_mira/6809753-jewish_schools, свободный (дата обращения: 23.03.2019).

13. Детские и молодежные программы в СНГ [Электронный ресурс]. URL: http://www.jewishagency.org/ru/israel-in-your-community/camps_fsu, свободный (дата обращения: 25.03.2019).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

I.P. Blokhina, A.S. Melnichenko

THE SOVIET AND RUSSIAN HISTORIANS ABOUT THE REASONS OF LOSSES OF ARCHIVAL DOCUMENTS IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Scientific advisor – Lecturer K.P. Andreev

This article emphasizes the main reasons for disappear of documents in days of the Great Patriotic War. Special attention is paid to studying of the opinions of the Soviet and Russian historians dealing with this problem. The emphasis made on the fact that in Soviet period the actions of invaders were considered as the main reason for destruction of archives however since the period of the collapse of the USSR scientists began to allocate other reasons, such as wrong policy of local authorities, unreasoned evacuation and bad storage conditions of archives.

Keywords: archives, death of documents, the Great Patriotic War.

Modern historians-archivists agree that the beginning of the War brought not only big human and material losses but also archival. There is no universal point of view now what considerably influenced the death of archives in that time.

Actions of invaders were considered as the main reason for mass loss of documents. This point of view was the leading one at the time of the USSR. The Soviet historian-archivist V.V. Maksakov was one of the supporters of this version. In his research he comes to the conclusion that the German army in occupied territories of the Western European countries and the USSR by all means sought to occupy archives, to take them out to Germany or simply to destroy them. As the result of enemy invasion the funds of the state archives of the Stalingrad, Voronezh, Chernigov regions were almost completely exterminated [1. P. 385-392]. Germans gave big importance to the documents of the Soviet Union, especially to those which had any historical value (cards, the books of Kiev and Volynsk, the set of papers of the Kiev provincial office and other funds). From the Central state archive of the Estonian SSR about 200 thousand units of storage were sent to Germany [1. P. 385-392]. In total about 24 cars, 6 boxes, 47 sheaves, 130 150 units of storage of documentary photographs, 2 723 200 units of storage were taken out from the USSR [2. P. 59]. Certainly, a significant amount of archives was destroyed by fascists but modern historians-archivists also allocate other reasons.

Transfer of archives to the bodies of NKVD was another significant problem, according to T.I. Horkhordina. She says that the NKVD workers sought to subordinate the whole archival system of the country and not to allow developing of archives within the allied and republican Academy of Sciences [3. P. 243-244]. Archives were taken under control of the NKVD authorities: officially archivists carried out the "operational-chekist's" purposes. The staff of archives was forced to detect the data about counterrevolutionary elements and to make special registers with notes and references [4. P. 28-29]. At that time the need in safe keeping of archives was pushed into the background. The first priority was the preservation of the state secrets [5. P. 50]. Under the direction of NKVD the archival system was partially put out of action. Archives were gradually integrated into the command and administrative, departmental control system of society [3. P. 180].

Actions of NKVD were followed by one more important problem. With replacement of the leadership in the GAU the "cleaning" of personnel took place. The result was that non-party employees were ousted. Their places were taken by Party members but most of them didn't have higher education. Archives lost highly qualified specialists who could carry out competent evacuation. As the personnel manager of GAU A.K. Scherbakov officially declared that from 445 chiefs of archival departments only 90 people had higher education [3. P. 250]. Work with archives was not carried out properly. Because of that during the Great War a large number of documents were lost, especially at evacuation.

Because of the transfer of archives to NKVD measures for the preparation of documents in case of emergency situation were not taken. Owing to this fact it is important to underline that during evacuation all actions were carried out in a hurry [6. P. 1]. Because of the large volume of work archivists physically did not manage to prepare all archival funds for transportation. This issue was mentioned also by E.V. Bulyulina. She notes that many chiefs of local offices of NKVD and the heads of NKVD's institutions did not take necessary measures for evacuation and ensuring safety of regional archives [4. P. 30]. Because of the continuous threat of invaders' approach, shortage of transport and workers and slowed-down actions of the authorities and workers documents were not evacuated in full volumes. According to O.N. Kopylova, about 70% of documents were evacuated from the Central state archive however also 7% were not taken out from the front-line part [7. P. 83]. These figures show us that it was succeeded to take out only a small part of archives most of which remained at places.

On November 17, 1941 the decree No. 428 "About creation of special teams on destruction and burning of settlements in the back of fascist troops"

was signed [8]. So together with settlements also archives were destroyed. This decree gave a free hand to security officers. It was easier for them to destroy documents than to evacuate. This situation proceeded in 1941-1942 and was widespread in all European territory of the USSR. In the same time many archives were destroyed as the documents which lost their scientific historical value. So T.I. Horkhordina writes that in April 5, 1942: 8 243 353 units of storage were stored in 70 people's commissariats and central institutions by the beginning of the War, and 4 461 397 units of storage, that is about a half, were selected for destruction [3. P. 269]. Historians are equally of the opinion that because of these processes the main part of documents died.

Even if documents managed to be evacuated, a new problem – the problem of storage of archives – appeared. Buildings where documents were taken were not prepared for their placement. Sometimes documents were not taken to the destination. In August, 1941 instead of evacuation of archives 1500 bags were got away to Ufa and stored in a rural stable in 50 km from the destination. With onset of fall a part of wooden materials covering the stable was sold so the documents were kept in the open air and because of this were not preserved [3. P. 270]. Another problem was large numbers of rodents and documents also were exposed to plunder. In the Krasnoarmeisky district a part of archives was left to the mercy of fate and underwent elimination and plundering though there were no Germans in these areas [4. P. 31]. But bad storage conditions still remain the main reason for mass death of documents.

Thus, it is possible to draw a conclusion that the reasons of losses of documents are complex. Most of scientists assume that mass death of archives happened because of actions of invaders. However, most archives suffered from wrong policy related to archives. Considering the mistakes made during the Great Patriotic War this study gives understanding of the place and value of archive in the state system, its policy, different activities and ability to be prepared for emergency situations, including modern conditions.

References

1. *Maksakov V.V.* History and the organization of archiving in the USSR (1917 - 1945). M.: Science, 1969. 431 p.
2. *Savin A.V.* To store it is impossible to destroy. Formation and organization of the public archival foundation of RSFSR – the USSR (1918-1950s). M.: Grew. state. gumanit. un-t, 2000. 225 p.
3. *Horkhordina T.I.* History and archives. M.: Rossiysk. state. gumanit. un-t, 1994. 360 p.
4. *Bulyulina E.V.* Stalingrad archives of 1941-1945 // Domestic archives. M. 2006. P. 28-32.

5. *Vovkotrub O.V. Fionova L.R.* Archive science: manual. Penza – 2005. Penza State University. 132 p.

6. *Bobrova V.S.* Siberia as the base for evacuation of archival documents in days of the Great Patriotic War (1941-1945) // Bulletin of Tomsk State University. 2008. № 3. Pp. 58–66.

7. *Kopylova O.N.* The central state archives of the USSR in days of the Great Patriotic War. 1941-1945. M. 1991. P. 83.

8. About creation of special teams on destruction and burning of settlements in the back of fascist troops [An electronic resource]: order of November 17, 1941 No. 428.//Vikiteka. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_Ставки_ьВГК_от_17.11.1941_№_428 (date of access: 14.04.2019).

A.V. Dorkina

POST-SOVIET VS. NEW EAST: THE INLAND OTHER FOR THE “WEST”

Scientific advisor – Dr.Sc. (History), Professor I.V. Nam
Advisor – Senior Lecturer E.O. Francuzskaya

“Post-Sovietness” is considered a negative auto-stereotype in Eastern Europe. For this reason, some concepts to express this notion still appear. After the Crimean events in 2014, the term “New East” was coined in the Guardian publication. Treating Eastern Europe and its peoples as “inland others” is an appropriate characteristic, since Europe as a region and a concept is not homogeneous. “Post-Sovietness” remains characteristic of the cultural and political life in the region. On the one hand, this exoticism alludes to the postcolonial discourse and cannot provide the real understanding of this “inland other”. On the other hand, this creative space helps to rethink the unique historical experience through the prism of contemporary art in the context of global economic and political events.

Key words: Eastern Europe, Orientalism, New East, post-Soviet.

Three decades ago Eastern Europe was on everybody’s lips because of communism, revolutions, and workers’ struggle but now Western newspapers write about it only in terms of “eastern danger for a job market” [1]. First of all, the concept of Eastern Europe refers to the colonial period of the 18th century and its Orientalism, when the East and the West separated from each other in the mass consciousness due to the geographical and cultural line of thinking.

Western philosophers usually excluded Eastern Europe from Europe, referring to it as Asia. The category “Orient” was created by the Occident as an opposition of the “East and West” and a contrasting idea, image, and experi-

ence. This concept expressed the Western domination and power over the East [2].

The ambiguous border between Europe and Asia resulted in the concept of Eastern Europe as a paradox of “Europe but not European enough” [3. P. 4]. The Eastern Europeans were considered to be “the inland others” [4] and were a specific intermediary between the Occident and Orient.

The idea of Western Europe was widely used after World War II, during the Cold War, and the Iron Curtain Age to distinguish between states which were under the Soviet rule or influence, where communist parties hoped to take over “totalitarian control”.

The division of Europe led to differences in cultural patterns and behavioral strategies of people who lived in the separate parts. After a series of Velvet Revolutions in the late 1980s and armed conflicts in the 1990s, the Iron Curtain collapsed so that “the West of Europe” collided with “the East” as the Big Change. It was promised after 1989 but did not happen. Eventually, there was no freedom of speech, the promised democracy turned out to be quite dubious, and the freedom looked questionable and controversial. The most astonishing for people was the fact that scarce commodities appeared to be not so qualitative.

The specific behavior stereotype of people from these countries was described by the term “post-Soviet”, which is still associated with negative characteristics. In this regard, in 2014 after the Crimean events, the new cultural and, to some extent, geopolitical term “New East” was used in the Guardian publication [5].

This term appeared as a response to the term “Former West”. It refers to the critical reflection on processes occurring in Western Europe after the Cold War such as the economic crisis, migration problems, and creation of some new hierarchies within the West itself. At the moment the West was blinded by the victory in the Cold War.

The concept of “New East” also works as an exoticization mechanism. It is the way of philosophical nostalgia, the so called “Ostealgia”, and the way of building a new positive image of the cultural features throughout the contemporary art practices in this region. According to the Calvert Journal introduction, this concept is knowledge received through in-depth research and analysis of Eastern Europe, Western Balkans, and Central Asia [6].

The affective sphere nowadays is one of the very few areas left for a new positive identity that is why the New East is a creative space, a place of real cultural transformations and political changes where the intensity of genuine experience is still possible in contrast to boredom of the neoliberal West [7].

The modern exoticization creates imaginary accessibility of “the other” by consuming certain goods, reification of people and places as aesthetic objects, and creating a safe cultural contact with the rough esthetics of the marginal. The

new tribalists' interest in the other remained largely an exotic desire to possess the other, not a genuine wish to learn about this other. Such artificial affective excitement to an alien is predictably short-lived. The "inland other" is not a radical other but a trend, which is understood by the world market and the West.

After the USSR collapse the locals claimed a strong desire to assimilate and to become one with Europe for the first time. Then after being disillusioned, they turned to discursive and representational self-postcolonialization and self-subalternization that, in some cases developed into decolonial sensibility. That is why there are some arguments that "post-communism" should be treated as "post-colonialism" but the experts pose a question: *Who was the colonizer and who was the colonized?* [8] Speaking about the world after 1989, P. Piotrowski wrote about the post-communist state wider than that in the frame of Eastern Europe. It is a modern condition. Today the binary oppositions have been shifted by the world market because diversity can be profitably sold [9] so that this not-yet-availability is also a sort of a brand.

However, the "post-Sovietness" in Eastern Europe is considered to be a negative auto-stereotype but its existence is surprisingly confirmed. The denial of the communist past, the bare pedestals of V. Lenin's monuments, and the restoration of the identity in the framework of the prohibition of communist symbols confirm the symbolic Orientalism. It is defined as the requirement of propaganda and the constant process of searching for the exclusive path. The East therefore is still more beastly than the West and seems to be alluring [10].

Treating Eastern Europe and its peoples as "inland others" is widely discussed. Europe as a region and a concept is not homogeneous. The characteristic of Eastern Europe in terms of "post-Sovietness" is still relevant as it describes the cultural and political life in the region.

On the one hand, the "New East" exoticization alludes to the postcolonial discourse and cannot provide the real understanding of this "inland other". On the other hand, this imaginative space is a vast area for rethinking the genuine historical experience through the prism of contemporary art practices in the context of both global and local economic and political issues.

References

1. Pyzik A. Poor but sexy: Cultural clashes in Europe East and West [Electronic resource] URL: [https://books.google.ru/books?id=JjENAAQBAJ&printsec= frontcov-](https://books.google.ru/books?id=JjENAAQBAJ&printsec=frontcov-frontcov-)

[er&dq=poor+but+sexy&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjnivuu16fiAhUU5aYKHY5hAr0Q6AEIKTAA#v=onepage&q=poor%20but%20sexy&f=false](https://books.google.ru/books?id=JjENAAQBAJ&printsec=frontcov-frontcov-er&dq=poor+but+sexy&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjnivuu16fiAhUU5aYKHY5hAr0Q6AEIKTAA#v=onepage&q=poor%20but%20sexy&f=false) (assess date 18.02.2019)

2. Сауд Э. Ориентализм [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc177079150_441037479?hash=cc50d52bbe97eb7470&dl=80c61606c7ac11094c (дата обращения 18.02.2019)

3. *Wolf L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, California: Stanford University Press, 1994. 436 p. P 3-5

4. *Забел И.* «Мы» и «Другие» // Художественный журнал № 22. 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/43/article/835> (дата обращения 18.02.2019).

5. From Soviet Union to New East: Welcome to Our New Network // The Guardian: June 9, 2014 // [Electronic resource] URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jun/09/post-soviet-states-new-east-network-guardian-welcome> (assess date 18.02.2019).

6. *Weber D.* The Mighty Have Fallen: Toppling Statues in the Name of Decommunisation // the Calvert Journal, 2016. [Electronic resource] URL: <http://calvertjournal.com/features/show/6696/decommunisation-ukraine-lenin-statues-donald-weber-photography> (assess date 18.02.2019).

7. *Сосновская О., Борисенко А.* Бывший Запад и Новый Восток [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1126> (assess date 18.02.2019).

8. *Tolstanova M.* What does it mean to be post-soviet?: Decolonial art from the ruins of the Soviet Empire [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/325818529_What_Does_It_Mean_to_Be_Post-Soviet_Decolonial_Art_from_the_Ruins_of_the_Soviet_Empire (assess date 18.02.2019)

9. *Piotrowski P.* Writing on Art After 1989 // Cambridge: The MIT Press, 2013. [Electronic resource] URL: <https://ru.scribd.com/document/357601131/Piotr-Piotrowski-Writing-on-Art-after-1989> (assess date 18.02.2019).

10. *Nae C.* Retrospective Exhibitions and Identity Politics: The Capitalization of Criticality in Curatorial Accounts of Eastern European Art After 1989 [Electronic resource] URL: https://www.academia.edu/6957616/Retrospective_Exhibitions_and_Identity_Politics_The_Capitalization_of_Criticality_in_Curatorial_Accounts_of_Eastern_European_Art_after_1989 (assess date 18.02.2019).

V.V. Ivanova, E.O. Beloglazova

DOCUMENT MANAGEMENT AS PART OF SOCIAL COMMUNICATION

Scientific advisor – Lecturer K.P. Andreev

In this article the authors introduce a special type of communications - document communications. A document, as a part of social communications, is unduly underrated. At the same time, a document is an integral part of our life. Particular attention is paid to the barriers that impede the process of interaction between the communicator and the recipient. As a result, this article confirms the existence of problems in document communications among students.

Keywords: document management, social communications, students, document communications.

In the modern world, document management is considered by document scientists to be a process accompanying management activities in organizations, while the social and communicative functions of a document are often not paid due attention, despite the fact that document communication is one of the most important verbal communications now. Document management should provide for the creation, processing, storage, and use of documents of the organization throughout their life cycle [1. P. 20]. In this research, we consider the management of documents as a part of the organization of personal informational space.

The communication function of the document is primarily a function of information exchange. Since social communication encompasses not only social space but social time, the document also acts as a dynamic communication object [3. P. 49]. In this case, the purpose of the document exchange is to streamline information links within society and ensure its functioning as a communication system [8. P. 9].

Since the ancient times, people exchanged signs, symbols, and drawings, later with the advent of writing they exchanged other types of documents without thinking about the actions they performed. Today, the document communication channel allows the communicator and the recipient to quickly exchange information without possible distortions. It cannot be denied that great contribution to the formation of the modern society is made by the phenomenon of globalization - the process of merging cultures and ethnic groups and their transformation into a single multicultural unit. In such conditions, an important task for each state is to manage the semantic, linguistic, and cultural environment of the national-state communicative space [6. P. 12]. The document in this case is nothing more than a necessary mechanism for realizing the tasks of preserving cultural identity. Thus, the document is a source of social memory. Social memory is a functional mechanism of social inheritance ensuring historical and cultural continuity. It is an element of the communicative space that binds social experience and transmits it from generation to generation [6. P. 10-11] securing the transfer of traditions and customs.

Over time, the definitions of the term “document” have changed significantly, following the development of ways of documenting information. However, the document was not considered to be a possible communication tool. In his writings A. Sokolov revived the theory of Document Communications [9. P. 75], according to which a “message” becomes a document when it is included in social communication, representing coded information with details that allow it to be identified. This brand-new look at the place of the document in modern communications has changed the hierarchy of concepts accepted by document scientists. Despite its innovation, the theory was unfinished and crit-

icized by many modern scientists. Nevertheless, the theory served as a foundation for further theoretical studies of documents in the field of social communications.

Information social space made a document that looks more and more as coded electronic information the most common form of transferring modern knowledge [4. P. 44]. However, in connection with the rapid transition from a society based on writing to an information society, the problems of adapting the existing communication schemes to rapidly changing technologies remain topical [7. P. 129-130]. For example, the requisites used in written documentation (a seal, a signature, and an emblem) lose their significance in electronic documents, as they require additional confirmation or alternative options. This situation complicates the flow of document communication processes, which creates problems not only for organizations, but also for an individual. The consequence of this is the emergence of communication barriers between the communicator and the recipient.

One of the main problems of modern communication is unavailability of documented information to the masses. A part of modern documentation is inaccessible to the whole society, which hinders both the process of receiving information and its transmission. To date, the amount of free information that could be relevant to the user on the Internet and electronic library systems is declining. In turn, this significantly affects the dissemination of socially useful information. An American lawyer L. Lessing [5. P. 56] in his research cites the term "permissive culture" to refer to the new information and communication reality associated with the legislative system of copyright, which opposes the development of "free culture".

To confirm the existence of the above problems that are associated with document management in modern society, a sociological survey was conducted. The respondents were 46 students of the Faculty of History and Politics. 54% of the respondents do not consider the document to be an important component of social communications, ignoring its inclusion in all modern processes in society. Thus, we can conclude that the current generation is not aware of the interrelation of communication processes and documents. The vast majority of respondents, however, consider the document important for passing information. You can observe the trend of digitizing personal archives (photos, letters, albums, and personal diaries). Students attribute this to the fact that the electronic form guarantees safety of the document for many years. Based on the results of the survey, it can be concluded that students are aware of the importance of the document in modern society, however, they do not consider its communication aspects.

Thus, the document should be considered not only as a mechanism for ensuring management in organizations. Its communication and social function must also be taken into account. The rapid pace of digitalization and globalization creates problems that impede the flow of document communications. Nevertheless, many tools are being developed today that greatly simplify these processes.

References

1. *Bykova T.A.* the Russian and international standards management technology / Document Management/ Paperwork. 2017. № 3. P. 17-21.
2. *Dvoenosova G.A.* Synergetic theory of the document: dis. ... Dr. East. Sciences/ G. A. Dvoenosova. M., 2017. P. 490.
3. *Larkov N.S.* Document Study : tutorial : [for students enrolled in the direction of higher professional education "documentology and archivistics"] / N. S. Larkov. Ed. 3rd, corr. and add. Moscow : Prospect, 2016. - 412 p.: Il.
4. *Loskutnikova V.M.* Document as a form of social communication / V.M. Loskutnikova // Document in a changing world: proceedings of the First all-Russian scientific-practical conference (Tomsk, 27 - 28 November 2003). Tomsk, 2004. P. 41-46. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000185364> (date of application : 15.03.2019).
5. *Lessig L.* Free culture /Per. with English. M.: Pragmatics Of Culture, 2007. P. 272. URL: <http://www.artpragmatica.ru/lessig/lessig.pdf> (date of application: 8.04.2019).
6. *Lukina N.P.* Socio-cultural role of the document in the communicative space of the information society / N. P. Lukin // Document as a socio-cultural phenomenon : proceedings of the IV all-Russian scientific and practical conference with international participation (Tomsk, October 29-30, 2009). Tomsk, 2010. P. 7-15. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000435823> (date of application: 4.03.2019).
7. *Mazur L.N.* Document as an element of the information environment of the society // Herald of the archivist. 2015. № 2. P. 119-137. URL: <http://www.vestarchive.ru/2015-2.html> (date of application: 13.03.2019).
8. *Nazarchuk A.V.* The Theory of communication in modern philosophy / A. V. Nazarchuk. M.: Progress-Tradition, 2009. 318, [1] p. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000378570/000378570.pd> (date of application: 3.03.2009).
9. *Sokolov A.V.* General theory of social communication : Textbook / A.V. Sokolov. SPb.: Mikhailov, 2002. 459, [5] p.: Il.

Научное издание

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ,
ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

**Сборник материалов XV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 29–30 апреля 2019 г.)**

Выпуск 15

Издание подготовлено в авторской редакции

Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 02.07.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Печ. л. 20,5. Усл. печ. л. 19,1.

Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании

Издательского Дома

Томского государственного университета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Тел. 8+(382-2)–52-98-49

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-826-9

9 785946 218269